А. ЗАЙЦОВЪ,
профессоръ, ген. штаба полковникъ.

1918 ГОДЪ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ.

1 9 3 4

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію читателя трудъ профессора полковника А. А. Зайцева является первой попыткой объективнаго историческаго изслѣдованія нашей Гражданской войны. Все, что до сихъ поръ напечатано, представляетъ собою мемуары и записи непосредственныхъ участникомъ этой войны или же „Исторіи“, изданныя большевиками.

Труды первой категоріи очень многочисленны. Въ большей своей части они представляютъ собою цѣннѣйшій историческій матеріалъ. Но, какъ правило, авторы ихъ субъективны въ своихъ оцѣнкахъ, въ особености тѣ, которые играли наиболѣе видныя роли въ ходѣ самихъ событій. Служа основой для объективнаго, то есть для истиннаго, научнаго историческаго изслѣдованія, они сами не могутъ почитаться за таковыя.

Еще большей односторонностью страдаетъ вторая категорія трудовъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ преднамѣреннымъ искаженіемъ событій. Большевицкая власть въ составлении исторіи гражданской войны видитъ одно изъ средствъ для созданія себѣ моральнаго престижа въ глазахъ будущихъ поколѣній Россіи, а также въ глазахъ міpового общественнаго мнѣнія. Преслѣдуя эту цѣль, большевицкіе авторы не останавливаются ни передъ сознательной клеветой на своихъ враговъ и радужной раскраской своихъ красныхъ героевъ. Нужно всегда помнить „соціальное заданіе“, которое большевицкіе деспоты ставятъ своимъ авторамъ, а именно — созданіе легенды, на которой ихъ „комсоставъ“ могъ бы „воспитывать“ защитницу III-го Интернаціонала —Красную Армію.

Изъ только что сказаннаго видно, какое большое значеніе имѣетъ появленіе въ печати перваго дѣйствительно научно-объективнаго военно-историческаго труда, посвященнаго изученію нашей гражданской войны.

Однако трудъ А. А. Зайцова цѣненъ не только тѣмъ, что онъ первый. Онъ цѣненъ и самъ по себѣ. Читатель легко убѣдится въ этомъ, прочтя книгу.

Я же укажу здѣсь на то, что почитаю за главное достоинство книги.

Изъ изслѣдованія А. А Зайцова ярко выступаетъ мысль о тѣсной органической связи нашей гражданской войны съ войной Міровой. Эта неразрывная связь предопредѣлила не только характеръ дѣйствій на территоріи Россіи Державъ Согласія и Центральныхъ Державъ, но и тѣ главныя стратегическія ошибки, которыя сдѣлало наше Главное Командованіе.

Первые продолжали вести войну между собою въ Русскомъ Домѣ, нисколько не считаясь съ интересами самихъ хозяевъ этого Дома. Такое поведеніе союзниковъ Россіи, забывшихъ свой долгъ передъ Россіей, такъ много разъ выручавшей ихъ въ предшествующіе годы войны, находитъ свое объясненіе въ томъ, что сами союзники продолжали вести борьбу не на жизнь, а на смерть... Въ этихъ условіяхъ національный эгоизмъ, свойственный Британской, а особенно — Французской политикѣ, проявился съ особенной силой.

Вмѣстѣ съ этимъ, вожди, выдвинутые на верхи въ начальный періодъ революціи, продолжали жить иллюзіей возможности для Россіи продолжать Міровую войну вопреки воли русскихъ народныхъ массъ. Въ политическомъ отношеніи это привело къ захвату государственной власти большевиками, въ стратегическомъ отношеніи — къ крупнымъ ошибкамъ высшихъ руководителей въ веденіи гражданской войны. Особенно рельефно это выразилось въ томъ, что А. А. Зайцовъ удачно обобщилъ въ словахъ „проблема Царицына".

Будемъ надѣяться, что пріемъ, который сдѣлаетъ этой книгѣ читатель, позволитъ талантливому автору продожать свою работу по изслѣдованію нашей гражданской войны.

Н. Н. Головинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Прошло 13 лѣтъ со времени окончанія нашей гражданской войны. Отсутствіе матеріаловъ, неизбѣжное для эпохи разрухи и разложенія, въ которой она протекала, и недоступность для насъ и тѣхъ, разрозненныхъ и случайныхъ, первоисточниковъ, которые все же частично сохранились въ архивахъ Совѣтской Россіи, конечно, не позволяютъ сейчасъ дать исчерпывающаго исторически-точнаго ея описанія. Но отсутствіе этихъ первоисточниковъ, обязательныхъ для изученія исторіи внѣшнихъ войнъ, не является безусловнымъ препятствіемъ для изученія нашей гражданской войны. Конечно мы не располагаемъ архивами. Но такъ ли много могутъ дать русскіе архивы для изученія нашей гражданской войны? И такъ ли намъ нужно сейчасъ исчерпывающее описаніе всѣхъ ея эпизодовъ и созданіе многотомнаго тяжеловѣснаго историческаго труда, значеніе котораго сможетъ быть оцѣнено лишь безстрастными историками будущаго. Не важнѣе ли подвести итоги ея опыта въ тотъ періодъ, когда этотъ опытъ еще не устарѣлъ и когда изученіе нашей гражданской войны имѣетъ еще практическое значеніе?

Задачей настоящаго труда, поэтому, и является не исчерпывающее описаніе всѣхъ ея перипетій, а лишь стремленіе уловить своеобразіе ея характера и понять природу гражданской войны въ русскихъ условіяхъ въ нашу эпоху. Конечно, опытъ ея условленъ. Она происходила на значительно болѣе пониженномъ этапѣ техники, чѣмъ хотя бы послѣдняя война 1914—1918 г. г. и велась въ обстановкѣ разрушавшейся матеріальной базы страны.

И тѣмъ не менѣе именно самымъ своимъ своеобразіемъ она рѣзко поставила проблему многогранности военнаго искусства и условности и относительности цѣнности боевого опыта войны. Во многіе фетиши міровой войны она внесла свои очень цѣнные коррективы. Правда, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, она внесла еще больше нездороваго въ умы и военныя доктрины ея участниковъ. Разобраться во всемъ этомъ, отмести все урод-

ливое и уловить все цѣнное и является насущной задачей современнаго историка нашей гражданской войны.

Попытки ея изученія, какъ нами, такъ и красными, грѣшатъ преобладаніемъ мемуарной литературы. Отдѣльные труды красныхъ, стремящіеся обнять ее въ цѣломъ, сбиваются на стремленіе все объяснить противопоставленіемъ побѣждающаго пролетаріата „отмирающему капитализму". Конечно подобное толкованіе очень поверхностно, если не наивно. Но въ то же время и типичное для нашей страны стремленіе все объяснить лишь, главнымъ образомъ, подавляющей численностью красныхъ и тѣмъ, что населеніе еще не „переболѣло" большевизмомъ, конечно, тоже не вскрываетъ всѣхъ истинныхъ причинъ нашего пораженія и конечной побѣды красной стороны.

Нашу гражданскую войну нельзя разсматривать какъ нѣкое обособленное столкновеніе двухъ міровоззрѣній, двухъ системъ на территоріи Россіи въ 1918—1920 г. г. Начатая въ разгарѣ Міровой войны и завершившаяся въ періодъ ея ликвидаціи, она тѣсно съ ней переплеталась и связывалась. Многое въ ней становится понятнымъ лишь при разборѣ ея съ точки зрѣнія всего комплекса міровыхъ событій той эпохи.

Колебанія военнаго счастья обѣихъ коалицій въ послѣдній годъ Міровой войны и слѣдствія перенапряженія, вызваннаго войной у всѣхъ ея участниковъ, оказывали рѣшающую роль на ходъ нашей гражданской. Многое и нами и красными во время ея веденія просто недоучитывалось. Тѣмъ болѣе важно сейчасъ въ этомъ разобраться.

Слишкомъ велика была наша ставка для того, чтобы не стремиться найти и понять причины нашего конечнаго пораженія и извлечь изъ этой войны опытъ для будущаго.

Парижъ, 1 декабря 1933 года **А. Зайцовъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Захватъ красными Ставрополя (30 октября). Контръ-маневръ Добровольческой Арміи и захватъ ею Армавира, Невинномысской и Ставрополя (26 октября, 5 и 15 ноября). Подавленіе красными терскаго возстанія. Воронежское направленіе и „Южная Армія". Переизбраніе генерала Краснова Донскимъ Атаманомъ (26 сентября). Иногородніе.

Потеря бѣлыми Самары (7-го октября) и отходъ съ линіи Волги. Подавленіе красными Ижевскаго возстанія (7-го ноября) и наступленіе бѣлыхъ на Пермь. Переѣздъ Директоріи въ Омскъ (9-го октября) и упраздненіе Сибирскаго правительства (5-го ноября). Прибытіе въ Омскъ союзныхъ представителей (октябрь—ноябрь).

Временное правительство Сѣверной области. Командующій союзнымъ дессантомъ ген. Айронсайдъ. Вооруженныя силы союзниковъ и русскія. Оцѣнка возможностей сѣвернаго фронта.

Общая оцѣнка обстановки на фронтахъ нашей гражданской войны ко времени окончанія Міровой войны 11-го ноября 1918 года.

КАРТЫ ВЪ ОТДѢЛЬНОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ГЛАВА .

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАШЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918—1920 Г. Г.

Противорѣчія между центромъ Россіи и ея окраинама. Рабочіе и революціонная демократія. Казачество. Крестьянство. Экономическая разруха, параличъ военной промышленности и разруха транспорта, рѣзко понизившіе по сравненію съ Міровой войной, общій техническій уровень, на которомъ велась наша гражданская война. Своеобразіе нашей гражданской войны. Удѣльный вѣсъ Россіи въ Міровой войнѣ къ началу гражданской. Неотдѣлимость нашей гражданской войны отъ Міровой и вліяніе на нее послѣдней. Сложность и необходимость поэтому изученія нашей гражданской войны, исходя изъ общей обстановки, въ которой она протекала. Дѣленіе ея на основные періоды.

Война, въ которой обѣ стороны поставили на карту самый вопросъ своего физическаго существованія, послѣ трехълѣтней, исключительной по ожесточенности, борбы, закончилась побѣдой красныхъ. Бѣлые были послѣдовательно разбиты на всѣхъ фронтахъ. Но не вездѣ побѣдили и красные. Финляндія, Эстонія, Латвія и Польша отстояли свою независимость, родившуюся на развалинахъ русскаго фронта Міровой войны. Отстояла, захваченную въ разгаръ русской революціи, Бессарабію и Румынія. Единые красные имѣли далеко не единыхъ политическихъ противниковъ.

Русская революція разрушила не только социальные устои, на которыхъ держалось Государство Россійское, но и тѣ скрѣпы между окраинама и централнымъ ядромъ, которые лежали въ основѣ устройства Россійской Имперіи. Первое явленіе рѣзче бросалось въ глаза участникамъ гражданской войны. Выходъ Россіи изъ Міровой войны, диктатура пролетаріата, грабежъ „награбленнаго“, сметавшая весь, вѣками установившійся соціальный распорядокъ, волна возставшихъ низовъ и исторически окутанный мистическимъ ореоломъ „черный передѣлъ“ земли крестьянствомъ, слишкомъ били по во-

ображенію и слишкомъ задѣвали участниковъ гражданской войны. Второе явленіе — распадъ Имперіи, изъ за центробѣжныхъ устремленій окраинъ, переставшихъ ощущать притяженіе, разрушеннаго большевизмомъ центра, вначалѣ осознавалось гораздо слабѣе и его смыслъ и значеніе обѣими сторонами сначала явно неодоцѣнивались. Красными — самоопредѣленіе народовъ мыслилось все же въ рамкахъ нарождавшейся, по ихъ представленіямъ той эпохи, міровой революціи. Бѣлые были склонны пренебрежительно называть его „самостійничествомъ" и стремились къ возрожденію Россійскаго Государства въ предѣлахъ и формахъ до-октябрьскаго переворота. Широкая автономія Польши и Финляндіи били по существу максимумомъ допускавшихся ими уступокъ центробѣжнымъ устремленіямъ. Окраины стремились закрѣпить независимость или обособленость своего существованія. Цѣли эти были прямо противоположны и лишь борьба съ общимъ для обоихъ противобольшевицкихъ теченій (и бѣлаго, и окраинныхъ) врагомъ — большевиками, временно сглаживала это коренное противорѣчіе въ цѣляхъ борьбы.

Между тѣмъ центробѣжныя стремленія окраинъ были объяснимы.

Финляндія, коренныя польскія земли западнѣе Нѣмана и Буга, вся правобережная (то есть расположенная на западномъ берегу Днѣпра) Украйна (кромѣ города Кіева), Бессарабія и Закавказье были вовлечены въ составъ Россійской Имперіи лишь примѣрно за сто лѣтъ до начала нашей гражданской войны. Полное замиреніе Кавказа относится лишь ко второй половинѣ XIX вѣка и только прибалтійскія провинціи (Ингерманландія, Эстонія и Латвія) вошли въ составъ Имперіи за два столѣтія до начала гражданской войны.

Параличъ центра въ 1917 году сразу нарушилъ то тяготѣніе, которое уравновѣшивало центробѣжныя стремленія окраинъ.

Уже февральская революція, свергнувшая, создавшую изъ Московской Руси Россійскую Имперію, династію, нанесла непоправимый ударъ престижу и собирательной способности центра. Историческая роль нашей династіи въ цементированіи разноплеменнаго государства Россійскаго и въ связи центра съ окраинама, безусловно была недооцѣнена русской контръреволюціей. Авторитету и престижу центральной власти паденіемъ династіи былъ нанесенъ жестокій ударъ. Замѣна понятія Государства Россійскаго, исторически вылившагося въ Россійскую Имперію, идеей Національной Россіи въ корнѣ нарушала тѣ взаимоотношенія между центромъ и окраинами, на которыхъ держалось зданіе Имперіи. Удѣльный вѣсъ центра упалъ, а удѣльный вѣсъ окраинъ повысился. Печальный опытъ, растратившаго за восемь мѣсяцевъ своего существованія въ 1917 году престижъ центра, Временнаго Правительства ставилъ подъ большой вопросъ собирательную способность, замѣнившей идею общероссійской династіи, идеи Національной Россіи. Вопросъ былъ, пожалуй, не столько въ томъ, насколько идея монархіи была возможна и умѣстна въ эпоху нашей гражданской войны, сколько въ томъ, что паденіе династіи, въ корнѣ мѣняло іерархію отношеній центра къ окраинамъ. Взамѣнъ исторически сложившихся взаимоотношеній, основанныхъ на подчиненности интересовъ окраинъ интересамъ объединявшаго и представлявшаго обще-имперскую идею центра, рождалась идея договорныхъ отношеній между ними. Идея Національной Россіи въ разноплеменной имперіи, наслѣдуя традиціи Россійской Монархіи, не обладала ни ея авторитетомъ, ни ея возможностями. Окраины поняли это сразу и въ этомъ основная причина того разнобоя въ станѣ противниковъ красныхъ, который такъ типиченъ для эпохи нашей гражданской войны. Навыки и пріемы Императорской Россіи были не по плечу ея наслѣдникамъ. Паденіе династіи рождало новую эру не подчиненныхъ, а договорныхъ отношеній между представителями обще-россійскаго центра и центробѣжными силами россійскихъ окраинъ.

Принявшее участіе въ нашей гражданской войнѣ *населеніе* октябрьскимъ переворотомъ было раздѣлено на два стана. Съ одной стороны — правящіе и имущіе классы и офицерство, за счетъ униженія и разоренія которыхъ другая часть населенія получила столь желанные для нихъ миръ и землю. Именно миръ, какой угодно цѣной, хотя-бы, по образному выраженію самихъ же большевиковъ, даже „похабный" и черный передѣлъ земли крестьянствомъ, а не классовая война или „перманентная революція" Троцкаго, были лозунгами, нашедшими откликъ въ широкихъ слояхъ населенія Россіи, поддержавшихъ большевиковъ.

Но кромѣ этихъ двухъ основныхъ группировокъ выдѣлились еще два слоя — „наслѣдниковъ революціи", выигравшихъ отъ нея и заитересованныхъ въ ея углубленіи и продолженіи. Рабочему классу октябрьская революція дала, власть и его партія — коммунистическая — стала единой правящей партіей въ странѣ. Съ другой стороны февральская революція ввела въ правяшій слой полуобразованные классы, не имѣвшіе доступа къ верхамъ соціальной (кстати, очень демократической, ибо образованіе давало возможность занятія самыхъ высшихъ постовъ въ Имперіи независимо отъ происхожденія) іерархіи Россійской Имперіи. Получивъ отъ революціи доступъ къ верхамъ власти, они цѣпко за нее держались. „Полуинтеллигенты" или такъ называемая „революціонная демократія" въ 1917 году заставили признать ихъ „годность" править Россіей. Изгнанная изъ центра большевицкимъ переворотомъ, замѣнившимъ ее пролетаріатомъ, она осѣла на, неосвоенныхъ еще большевиками къ началу граж-

данской войны, окраинахъ и крѣпко держались за вырванныя ею еще въ началѣ революціи, до большевизма, привиллегіи.

Наряду съ этими основными группировками, среднее положеніе между окраинами и населеніемъ центра страны занимало казачество. Историческія условія создали изъ этихъ военныхъ поселеній на окраинахъ, постепенно отдалявшихся отъ центра Имперіи, совершенно самобытныя, жившія въ значительной мѣрѣ обособленной жизнью отъ остальной страны, казачьи территоріи. Экономическія привиллегіи, сопровождавшіяся, правда, несравнимо болѣе тяжелыми, по сравненію съ остальнымъ населеніемъ страны, условіями несенія воинской повинности и особый корпоративный казачій духъ и укладъ жизни, неизбѣжно должны были привести казачество къ столкновенію съ нивеллирующими стремленіями большевиковъ. Весь вопросъ былъ лишь въ томъ, что казачество вначалѣ вѣрило въ возможность обособленнаго существованія наряду съ большевиками и считало, что нейтралитетомъ въ борьбѣ оно сможетъ сохранить свои вольности. Также какъ и у окраинъ, связь казачества съ общероссійскимъ центромъ была сильно подорвана паденіемъ династіи и, несмотря на общность происхожденія и религіи, казачество послѣ русской революціи, чтобы тамъ не говорилось, по существу дѣла, не стремясь къ отдѣленію отъ Россіи, все же чрезвычайно ревниво относилось къ своей обособленности и съ обще-россійской властью стремилось войти не въ подчиненныя, а въ равноправныя, основанныя лишь на договорахъ, отношенія.

Громадная цѣнность казачества для вооруженной борьбы съ большевизмомъ заключалась въ томъ, что казачьи земли являлись исходными территоріями для оформленія вооруженной борьбы и давали готовые кадры жившихъ на этихъ территоріяхъ бойцовъ. И, дѣйствительно, вся исторія нашей гражданской войны указываетъ на ту громадную роль, которую сыграло въ ней наше казачество, быстро послѣ первыхъ колебаній, понявшее, что безъ вооруженной борьбы ему своихъ вольностей и своей самобытности отъ большевиковъ не отстоять.

Однако безъ вовлеченія въ борьбу широкихъ крестьянскихъ массъ (составлявшихъ около $^4/_5$ населенія Россіи) овладѣть всѣмъ массивомъ Россійской территоріи не могли ни пострадавшіе отъ революціи, ни наслѣдники октябрьскаго переворота. И имущіе классы и офицерство и казачество, въ противоестественномъ по существу дѣла союзѣ съ „революціонной демократіей", родившемся на почвѣ лишь отрицательнаго отношенія и тѣхъ и другихъ къ большевизму, съ одной стороны, и рабочій классъ съ коммунистами — съ другой, были слишкомъ малочисленны сами по себѣ для возможности прочнаго освоенія собственными силами Россійской территоріи. И бѣлые, и красные одинаково нуждались въ вовлеченіи въ вооруженную борьбу основного слоя населенія Россіи — крестьянства.

Вопросъ привлеченія на свою сторону крестьянства былъ центральнымъ вопросомъ предстоявшей вооруженной борьбы. Крестьянство, добившись мира, приступило къ черному „передѣлу" земли. Къ вооруженной борьбѣ оно не стремилось и по существу его отношеніе къ ней было нейтральнымъ, но всѣ его симпатіи, къ началу гражданской войны, были цѣликомъ на сторонѣ большевиковъ, позволившихъ ему бросить фронтъ и привлекавшихъ его миражемъ захвата и дѣлежа земли. Оголеніе русскаго фронта однако еще не означало конца міровой войны, а „черный передѣлъ" готовилъ крестьянству большіе сюрпризы въ видѣ „продразверстки" 1918 года.

Но крестьянство въ началѣ гражданской войны твердо вѣрило и въ прочность мира и въ осуществленіе своей завѣтной мечты — захвата земли. Воевать оно поэтому совершенно не собиралось и въ началѣ нашей гражданской войны будущее поведеніе этой стомилліонной инертной массы въ процессѣ вооруженной борьбы оставалось загадкой. Ясно было лишь то, что изъ этой борьбы можетъ выйти побѣдителемъ только тотъ, кто привлечетъ его на свою сторону

Міровая война и революція 1917 года подорвали экономическую базу страны. Оккупація нѣмцами 18 губерній (14 цѣликомъ и 4-хъ частично) и особенно разруха 1917 года рѣзко понизили производительныя силы страны. По сравненію съ 1914 годомъ, къ началу гражданской войны сборъ хлѣбовъ упалъ на 12%, а валовая продукція промышленности на 23%. Итакъ, уже революція 1917 года свела на нѣтъ достиженія русской промышленности, широко развернувшейся подъ вліяніемъ требованій міровой войны.

Въ дальнѣйшемъ, въ ходѣ гражданской войны, сниженіе экономической базы пошло уже прямо катастрофическимъ темпомъ. Къ ея концу сборъ хлѣбовъ составлялъ лишь 62%, а валовая продукція промышленности упала до 11% до-военной. Нижеприводимая таблица (№ 1, на стр. 12) даетъ это сниженіе по годамъ для главныхъ отраслей тяжелой промышленности.

Изъ этой таблицы видно, что первый годъ революціи (1917) далъ сниженіе производства тяжелой промышленности, то есть основной базы современной военной промышленности, въ среднемъ на 10—30% по сравненію съ послѣднимъ дореволюціоннымъ годомъ. Въ дальнѣйшемъ, первый годъ гражданской войны далъ сниженіе уже на 60—80% въ среднемъ, а второй годъ гражданской войны въ среднемъ еще на 50% по сравненію съ предшествующимъ ему годомъ. Въ конечномъ итогѣ, къ концу гражданской войны добыча угля составляла лишь 23%, нефти — 38%, чугуна — 2,6%, а стали — 3,7% довоеннаго уровня.

ТАБЛИЦА № 1.

СНИЖЕНІЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БАЗЫ РОССІИ ЗА ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

	1916 годъ	1917 г.		1918 г.	
	Добыча въ тыс. тоннъ	Добыча въ тыс. тоннъ	Сниженіе въ % по сравненію съ 1916 г.	Добыча въ тыс. тоннъ	Сниженіе въ % по сравненію съ 1917 г.
Уголь	33.000	30.000	— 9%	12.000	—59%
Нефть	10.000	8.600	—13%	3.800	—55%
Чугунъ	3.860	3.200	—17%	500	—84%
Сталь	4.300	3.100	—28%	400	—86%
Сѣрная кислота	101	81	—20%	20	—75%
Азотная кислота	4,2	2,95	—30%	0,35	—88%

	1916 годъ	1919 г.		1920 г.	
	Добыча въ тыс. тоннъ	Добыча въ тыс. тоннъ	Сниженіе въ % по сравненію съ 1918 г.	Добыча въ тыс. тоннъ	Сниженіе въ % по сравненію съ 1919 г.
Уголь	33 000	8.500	—30%	7.600	— 8%
Нефть	10.000	4.500	—15%	3.800	—13%
Чугунъ	3.860	100	—77%	100	0
Сталь	4 300	200	—50%	160	—20%
Сѣрная кислота	101	23	—17%	15	—36%
Азотная кислота	4,2	0,5	—57%	0,38	—30%

Въ томъ же положеніи была и легкая промышленность. Производство сахару упало до 6,7%, а хлопчатобумажной промышленности до 5,1% довоеннаго уровня.

То же состояніе разрухи сказывалось и на желѣзнодорожномъ транспортѣ. Нижеприводимая таблица (№ 2) даетъ основныя цифры состоянія транспорта во время гражданской войны по сравненію съ довоеннымъ уровнемъ.

ТАБЛИЦА № 2.

РАЗРУХА ТРАНСПОРТА ЗА ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ *)

	1914 год.	1916 год.	1917 год.
Среднее наличіе паровозовъ въ сутки	20.000	19.900	20.700
Изъ нихъ % „больныхъ", т. е. неисправныхъ паровозовъ	15%	16,9%	23,2%
Всего вагоновъ	450.000	507.000	500.000
Изъ нихъ % „больныхъ" т. е. неисправныхъ вагоновъ	4,9%	4,4%	7,4%
Число „здоровыхъ", т. е. исправныхъ вагоновъ на 1 „здоровый", т. е. исправный паровозъ	25	30	30

	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Среднее наличіе паровозовъ въ сутки	11.500	9.100	13.100
Изъ нихъ % „больныхъ", т. е. неисправныхъ паровозовъ	37,5%	51.4%	57,7%
Всего вагоновъ	302.800	250.000	310 000
Изъ нихъ % „больныхъ", т. е. неисправныхъ вагоновъ	11,3%	18.4%	22,3%
Число „здоровыхъ", т. е. исправныхъ вагоновъ на 1 „здоровый", т. е. исправный паровозъ	38	45	43

Изъ этой таблицы видно, что разрушеніе транспорта шло сразу по двумъ направленіямъ — уменьшалось наличіе парка подвижного состава и повышался процентъ неисправныхъ паровозовъ и вагоновъ. Въ результатѣ число здоровыхъ, то есть исправныхъ, паровозовъ по сравненію съ послѣднимъ дореволюціоннымъ годомъ уменьшилось почти в т р о е, а исправныхъ вагоновъ в д в о е. Наконецъ послѣдняя строчка таблицы указываетъ на общую мощь желѣзнодорожнаго парка. На 1 исправный паровозъ въ 1916 году приходилось въ полтора раза меньше вагоновъ, чѣмъ къ концу гражданской войны (30 вмѣсто 43).

*) „Гражданская война 1918—1921 г.г.", Москва, 1928 годъ, томъ II. Статья Барскаго, Никулина и Зеленцова, Таблица 2 (стр. 331).

Разрушеніе желѣзнодорожной сѣти за время войны измѣряется слѣдующими цифрами:

ТАБЛИЦА № 3.

РАЗРУШЕНІЯ НА ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЙ СѢТИ РОССІИ ЗА ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (всего разрушено).*)

Мостовъ	3.597
Желѣзнодорожнаго полотна	1.700 клм.
Стрѣлочныхъ переводовъ	2.900
Гидравлическихъ насосовъ	264
Водоемныхъ и водоподъемныхъ зданій	466
Телеграфныхъ проводовъ	86.500 клм.
Телеграфныхъ аппаратовъ	4.300
Телефонныхъ аппаратовъ	10.800

Къ тому же, къ концу гражданской войны выслужили всѣ сроки около $^2/_3$ общаго количества шпалъ и требовали срочной замѣны пришедшіе въ полную негодность 2900 клм. рельсъ, между тѣмъ какъ наличіе имѣвшихся въ распоряженіи рессурсовъ не превышало 10% потребности (не болѣе 290 километровъ рельсъ).

При подобной разрухѣ промышленности и транспорта естественно не могла работать и военно-техническая база. Дѣйствительно, хотя вся военная промышленность и была сосредоточена въ центральной части Россіи (Петербургъ, Подмосковный раіонъ и лишь отчасти Поволжье), въ теченіи почти всей гражданской войны остававшейся во власти большевиковъ, паденіе ея производительности было не менѣе катастрофичнымъ. Нижеприводимая таблица (№ 4) даетъ это въ цифрахъ.

То есть иначе говоря, весь подъемъ русской военной промышленности за время міровой войны за первый же годъ революціи былъ сведенъ почти на нѣтъ. Декабрь 1917 года даетъ, по сравненію съ январемъ того же года, почти тройное сниженіе производства винтовокъ, пулеметовъ и ружейно-пулеметныхъ патроновъ и въ 11 разъ по производству

*) „Гражданская война 1918—1921 г." Изданіе Военнаго Вѣстника, Москва. 1928 г. Томъ II. Статья Барскаго, Никулина и Зеленцова: „Роль желѣзныхъ дорогъ въ гражданской войнѣ 1918—1921 г.г." стр. 339.

ТАБЛИЦА № 4

СРАВНЕНІЕ РАБОТЫ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО ГЛАВНЫМЪ ПРЕДМЕТАМЪ СНАБЖЕНІЯ ЗА ВРЕМЯ МІРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЪ *):

	Всего изготовлено за мѣсяцъ			
	1914 г. средняя мѣсячная до начала войны	Январь 1915 года	Январь 1916 года	Январь 1917 года
Винтовокъ	5 000	34.700	88.400	128.800
Пулеметовъ	76	216	506	1.200
Ружейныхъ и пулемет. патроновъ	46 милліон.	19,8 милліон.	114,6 милл.	143,3 милл.
76 мм. (3") легкихъ пушекъ	—	35	328	567

	Всего изготовлено за мѣсяцъ				
	Декабрь 1917 г.	Февраль 1918 г.	Январь 1919 г.	Средняя мѣсячная за 1919г.	Средняя мѣсячная за 1929 г.
Винтовокъ	44.600	15.600	39.000	39.000	25.000
Пулеметовъ	440	200	480	504	313
Ружейныхъ и пулем. патрон.	49,7 милл.	11,6 милл.	19,7 милл.	29,7 милл.	27,5 милл.
76 мм. (3") легкихъ пушекъ	49	—	—	305	—

*) Данныя этой таблицы сведены изъ таблицъ, приведенныхъ въ статьѣ А. Волпе „Военная промышленность въ гражданской войнѣ", помѣщенныхъ на стр. 372, 375 и 390 II тома „Гражданской войны 1918—1921 г. г.". Москва 1928 годъ.

основного образца артиллерійскихъ орудій — 76 мм. (3") легкихъ пушекъ. Послѣдствіемъ октябрьскаго переворота было сниженіе уже, за два первыхъ мѣсяца 1918 года, производства русской военной промышленности еще втрое по винтовкамъ, вдвое по пулеметамъ и въ $4^1/_2$ раза по ружейно-пулеметнымъ патронамъ. Всѣ попытки красныхъ ее поднять за годы гражданской войны смогли ее вернуть лишь къ уровню середины 1915 года, то есть эпохи лишь начала развертыванія нашей военной промышленности во время міровой войны.

Еще хуже обстояло дѣло у бѣлыхъ, совершенно лишенныхъ на занимавшихся ими территоріяхъ заводовъ военной промышленности.

Ясно, что въ условіяхъ подобной разрухи наша гражданская война протекала совершенно на иномъ этапѣ развитія техники, чѣмъ непосредственно ей предшествовавшая и еще длившаяся въ ея началѣ міровая война. Иной техническій этапъ относитъ ее скорѣе къ эпохѣ второй половины XIX-го вѣка, чѣмъ къ первой четверти XX-го. И это не могло не сказаться на пріемахъ ея веденія и на возможностяхъ, которыми располагали для рѣшенія своихъ задачъ обѣ боровшіяся стороны. Наша гражданская война на десятилѣтія отставала отъ техники своей эпохи и велась въ условіяхъ такой экономической разрухи и такой технической немощи, которая несмотря на всю нашу отсталость, такъ дорого намъ стоившую въ 1914—1917 г.г., все же была невозможна въ дореволюціонной Россіи. Примитивность техническихъ средствъ, которыми располагали обѣ стороны, наложила рѣзкій отпечатокъ на характеръ ея веденія, вызвавъ къ жизни, казалось бы давно уже отжившія свой вѣкъ и примитивныя формы. Необъятныя же пространства Россіи еще болѣе разрѣжали и тѣ скудныя техническія средства, которыми располагали боровшіяся стороны. Вѣдь, если русскій фронтъ міровой войны (1500 километровъ) вдвое примѣрно превосходилъ французскій, то фронты нашей гражданской войны достигали временами впятеро большаго протяженія, доходя до 8.000 километровъ...

Скудность техническихъ средствъ и россійскіе просторы, на которыхъ разыгралась война, привели къ той ничтожной насыщенности и плотности ея фронтовъ, которыя возродили давно всѣми забытый размахъ операцій и тѣ тактическіе пріемы, которые артиллеріей, авіаціей и танками давно уже были сданы въ архивъ.

Несмотря на весь ея внѣшній примитивизмъ, наша гражданская война тѣмъ не менѣе представляетъ большой и чисто военный интересъ, подчеркивая разнообразіе формъ военнаго искусства и пріоткрывая завѣсу надъ многимъ изъ того, что было отъ насъ скрыто позиціоннымъ характеромъ міровой войны.

Наша гражданская война перелилась непосредственно изъ внѣшней и притомъ коалиціонной войны, потребовавшей отъ Россіи наибольшаго напряженія за всю ея исторію со временъ Наполеона. Она отъ нея неотдѣлима. Ни наши противники, ни наши союзники не могли не считаться съ наличіемъ Россіи, особенно въ первый ея годъ, когда судьбы міра еще рѣшались вооруженной борьбой на поляхъ Франціи и Греціи (Салоники). Неотдѣлима она отъ нея и потому, что 39 мѣсяцевъ вооруженной борьбы Россіи съ коалиціей центральныхъ державъ, выработали извѣстную военную доктрину, создали извѣстныя представленія о характерѣ современной вооруженной борьбы и, главное, пріучили къ извѣстнымъ масштабамъ, созданнымъ внѣшней войной. Все это было цѣликомъ перенесено въ совершенно иныя условія нашей гражданской войны и лишь ея непосредственный опытъ заставилъ многое перемѣнить и многое совершенно отбросить. Но пока гражданская война, въ самомъ процессѣ борьбы, выработала новые пріемы и формы, вліяніе опыта и представленій міровой войны оказывало самое существенное вліяніе на ея веденіе.

Октябрьскій переворотъ практически означалъ окончаніе трехъ-лѣтней вооруженной борьбы съ коалиціей центральныхъ державъ на русскихъ фронтахъ. Но отъ этого міровая война лишь вступала въ новую фазу. Октябрьскій переворотъ только еще больше перемѣщалъ ея центръ тяжести на французскій фронтъ.

Удѣльный вѣсъ Россіи въ міровой войнѣ вѣрнѣе всего опредѣляется не столько ея вліяніемъ въ средѣ коалиціи, сильно подрывавшимся нашей технической отсталостью и финансовой зависимостью, сколько тѣмъ количествомъ силъ нашихъ противниковъ, которыя мы оттягивали на себя во время войны.

Къ началу революціи, то есть къ 15-му марту 1917 года, распредѣленіе силъ центральныхъ державъ по главнымъ фронтамъ было таково *):

Французскій — 142 дивизіи **),

Русскій ***) — 120 дивизій ****).

Какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но русская революція и, почти мгновенно послѣ нея, начавшееся разложеніе нашего фронта вызвали новое его усиленіе германскими дивизіями. Отчасти это дѣлалось за счетъ новыхъ

*) Данныя о количествѣ дивизій на разныхъ фронтахъ во время войны заимствованы изъ, основаннаго на оффиціальныхъ матеріалахъ Германскаго Государственнаго Архива въ Потсдамѣ, труда Гере (Ludwig Gehre. Die Kräfteverteilung während des Weltkrieges. Berlin. Mittler u. Sohn. 1928).

**) Всѣ германскія.

***) Вездѣ число дивизій относится только къ западному фронту, Кавказскій и Персидскій не учтены въ числѣ дивизій.

****) 76 германскихъ, 40 австрійскихъ и 4 турецкихъ и болгарскихъ.

формированій, а отчасти за счетъ перебросокъ съ французскаго фронта. Всего за время съ 15-го марта по 1-е сентября 1917 года нѣмцами было сформировано 14 новыхъ дивизій и въ тоже время число дивизій на нашемъ фронтѣ увеличилось также на 14 дивизій, то есть все усиленіе германскихъ армій за первую половину 1917 года цѣликомъ было ими использовано для усиленія русскаго фронта. При этомъ число германскихъ дивизій на нашемъ фронтѣ къ 1 сентября 1917 года — 90 являлось максимальнымъ за все время войны.....

Поэтому къ 1-му сентября 1917 года соотношеніе силъ нашихъ противниковъ на главныхъ фронтахъ войны было слѣдующимъ:

Французскій фронтъ — 142 дивизіи,

Русскій фронтъ — 134 дивизіи.

14-го сентября былъ арестованъ Керенскимъ Верховный Главнокомандующій генералъ Корниловъ и только *съ этого времени наши противники стали оголять русскій фронтъ.* Всего за осень 1917 года до октябрьскаго переворота нѣмцами было переброшено съ русскаго фронта во Францію 7 дивизій и ко времени захвата власти большевиками (7-го ноября 1917 года) соотношеніе силъ на фронтахъ было таково:

Французскій фронтъ — 151 дивизія,

Русскій фронтъ — 127 дивизій*).

То есть къ октябрьскому перевороту, несмотря на полное разложеніе нашей арміи за восемь мѣсяцевъ правленія Россіей Временнаго Правительства, все же число дивизій нашихъ противниковъ на русскомъ фронтѣ увеличилось, по сравненію съ послѣдними дореволюціонными мѣсяцами 1917 г., на 7 единицъ.

Иначе говоря, *къ началу нашей гражданской войны по своему удѣльному вѣсу русскій фронтъ лишь на 1/6 уступалъ главному фронту міровой войны.* Ясно, что то или иное теченіе событій въ Россіи не могло не задѣвать самымъ чувствительнымъ образомъ и нашихъ союзниковъ, и нашихъ противниковъ. Поэтому, какъ только послѣ октябрьскаго переворота германскія дивизіи русскаго фронта потекли сплошной волной на французскій фронтъ, наши союзники не могли не стремиться какъ то этотъ потокъ задержать. Въ этомъ конечно и лежитъ основная и, пожалуй единственная, причина ихъ интервенціи въ 1918 году......

11-го ноября 1918 года міровая война кончилась побѣдой союзниковъ. Значеніе Россіи и для нашихъ бывшихъ враговъ и для нашихъ друзей сразу упало почти до нуля. Попытки вооруженной борьбы съ коммунизмомъ, какъ съ міровымъ зломъ довольно скоро были замѣнены не хитрой идеей „санитарнаго кордона“ изъ лимитрофовъ и контролемъ

*) Изъ нихъ 83 германскихъ.

надъ областями Россіи, которыя союзники не хотѣли отдавать во власть большевиковъ (Грузія, Азербайджанъ, Дальній Востокъ). Въ смыслѣ же поддержки вооруженной борьбы бѣлыхъ съ красными все ограничилось посылкой избытковъ запасовъ вооруженія и снаряженія, оставшихся отъ міровой войны. Тѣмъ не менѣе союзная интервенція и въ 1919 году оказывала рѣшающее вліяніе на ходъ нашей гражданской войны. Борьба съ коммунизмомъ, часто въ ту эпоху трактовавшимся въ Европѣ, какъ послѣвоенная болѣзнь побѣжденныхъ, въ связи съ вспышкою большевизма въ центральной Европѣ въ 1919 году, какъ то въ представленіи побѣдителей еще сливалась съ эпохой вооруженной борьбы въ міровую войну.

Созданная союзниками въ противовѣсъ Германіи Польша опредѣленно намѣчалась ими въ качествѣ орудія борьбы съ большевизмомъ и ея выступленіе весною 1920 года не можетъ не разсматриваться какъ продолженіе интервенціи союзниковъ. Вѣдь не случайно же, конечно, совпаденіе даты признанія Франціей генерала Врангеля (10-го августа 1920 года) и начала сраженія красныхъ и поляковъ подъ стѣнами Варшавы (12 августа 1920 года).

Побѣда поляковъ во второй половинѣ сентября 1920 года, съ точки зрѣнія союзниковъ, устранила непосредственную угрозу коммунизма Европѣ и заключенное большевиками съ поляками 12 октября 1920 года въ Ригѣ перемиріе и можно считать концомъ интервенціи и заключительнымъ актомъ вліянія на нашу гражданскую войну войны міровой. Эвакуація Крыма (14—16 ноября 1920 года) черезъ мѣсяцъ послѣ Рижскаго перемирія по существу дѣла является концомъ и нашей гражданской войны. Попытки закрѣпиться въ Приморьѣ въ 1921—22 г.г. носили слишкомъ мѣстный и провинціальный характеръ для того, чтобы ихъ можно было включать въ ходъ нашей вооруженной борьбы съ красными, носившей совершенно иной размахъ и ставившей себѣ совершенно иныя и другого масштаба цѣли.

Въ общероссійскомъ масштабѣ эвакуація Крыма несомнѣнно была эпилогомъ нашей вооруженной борьбы съ коммунизмомъ.

Прямое или косвенное вліяніе міровой войны красною нитью проходитъ черезъ всю нашу гражданскую войну и только учитывая ея вліяніе можно ее ввести въ правильную историческую перспективу. Вмѣшательство въ нее и нашихъ противниковъ, и нашихъ союзниковъ имѣло мѣсто тогда, когда это диктовалось интересами міровой войны и ея ликвидаціи. Внѣ этого, интервенція, съ ихъ точки зрѣнія, не оправдывала неизбѣжно связанныхъ съ нею жертвъ. Неизбѣжность борьбы капиталистическаго міра съ коммунизмомъ, ясно сознаваемая этимъ послѣднимъ, вѣдь и до сихъ поръ

не осознана Европой и Америкой. Только становясь на эту точку зрѣнія можно безпристрастно судить ихъ поступки. Романтика въ политикѣ, въ XX столѣтіи, несомнѣнно является анахронизмомъ и строить на ней расчеты не приходилось и не приходится.

Именно, исходя изъ этой неотдѣлимости нашей гражданской войны отъ войны міровой и изложеніе событій нашей вооруженной борьбы съ красными приходится вести не по отдѣльнымъ ея фронтамъ и, не отдѣляя боровшихся въ ней съ красными бѣлыхъ отъ окраинныхъ государствъ, а въ общемъ масштабѣ борьбы, въ которой порой самымъ причудливымъ образомъ переплетались дѣйствія и отдѣльныхъ фронтовъ и лимитрофныхъ государствъ и нашихъ союзниковъ и нашихъ противниковъ по міровой войнѣ. Лишь не теряя изъ виду общей картины борьбы можно вѣрно оцѣнить и усилія и степень вліянія каждаго изъ фронтовъ и при этомъ неизбѣжно приходится пересмотрѣть нѣкоторыя изъ установокъ, получившихъ общее признаніе именно въ силу искусственнаго ихъ выдѣленія изъ общихъ рамокъ борьбы въ цѣломъ.

Тактическія формы борьбы представляютъ гораздо меньшій интересъ, чѣмъ оперативныя, въ силу громаднаго сниженія общаго техническаго уровня, на которомъ происходила наша гражданская война. Однако разнообразіе условій борьбы на отдѣльныхъ фронтахъ даетъ все же довольно много поучительнаго и въ этомъ отношеніи. Поэтому и опытъ отдѣльныхъ тактическихъ эпизодовъ и характеръ вооруженныхъ столкновеній въ разные періоды и на разныхъ фронтахъ нашей гражданской войны, конечно требуетъ изученія. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы эти тактическія формы и характеристики борьбы на отдѣльныхъ фронтахъ не заслоняли общей оперативной и стратегической картины всей войны въ цѣломъ. Иначе опытъ борьбы на отдѣльныхъ фронтахъ неизбѣжно ведетъ къ опаснымъ обобщеніямъ и искажаетъ многогранный характеръ нашей гражданской войны, создавая искусственную схему несуществующихъ въ дѣйствительности какихъ то особыхъ пріемовъ веденія гражданской войны въ отличіе отъ пріемовъ веденія военныхъ дѣйствій вообще. Искусственное созданіе особой теоріи гражданской войны, въ противовѣсъ общей теоріи военнаго искусства, при внимательномъ изученіи нашей гражданской войны не выдерживаетъ критики. Теорія военнаго искусства одинакова для всякой войны. Весь вопросъ лишь въ ея примѣненіи и въ учетѣ общихъ условій вооруженной борьбы. А эти условія различны для каждой войны. Поэтому и гражданскія войны разныхъ эпохъ такъ же отличаются другъ отъ друга какъ и войны внѣшнія на разныхъ этапахъ исторіи.

Опытъ нашей гражданской войны конечно представляетъ несомнѣнную и большую цѣнность для русскихъ условій нашей эпохи, но отъ этого до созданія, на основаніи ея опыта, общей теоріи всякой гражданской войны конечно очень далеко и подобныя попытки заранѣе обречены на неуспѣхъ.

Общая политическая и стратегическая обстановка, въ которой началась, развивалась и закончилась наша гражданская война совпадаетъ съ эпохой конца міровой войны и періода ея ликвидаціи. Поэтому въ настоящихъ очеркахъ и принято дѣленіе ея на періоды, исходя изъ общей обстановки, въ которой она протекала.

По существу дѣла поэтому наша гражданская война естественно дѣлится на три основныхъ періода. Первый — эпоха міровой войны, то есть отъ октябрьскаго переворота (7 ноября 1917 года) до ея окончанія (11-го ноября 1918 года*). Второй — отъ перемирія на французскомъ фронтѣ до окончанія борьбы съ большевиками въ общероссійскомъ масштабѣ, то есть до Новороссійской эвакуаціи вооруженныхъ силъ юга Россіи, гибели адмирала Колчака, расформированія Сѣверо-западной арміи ген. Юденича и эвакуаціи Архангельска и Мурманска. Въ общемъ, концомъ этого періода можно считать мартъ 1920 года. Третій періодъ характеризуется борьбой съ большевиками Польши и Крымской арміи ген. Врангеля (апрѣль—ноябрь 1920 года).

Въ частности, *первый періодъ* можно подраздѣлить на слѣдующіе этапы:

1. Борьба до австро-германской оккупаціи и ухода Добровольческой арміи въ 1-й походъ, обнимающая сопротивленіе Дона, Кубани и Украины, захватъ Румыніей Бессарабіи, зарожденіе Добровольческой и Кубанской арміи на Дону и въ Екатеринодарѣ до конца сопротивленія Дона и Кубани. Началомъ его приходится считать октябрьскій переворотъ (7-го ноября 1917 года), а концомъ — вторую половину февраля 1918 года.

2. Австро-германская оккупація Прибалтики, западной Бѣлоруссіи, Украины, Крыма и Финляндіи и 1-й Кубанскій походъ Добровольческой Арміи, то есть эпоха съ конца февраля по начало мая 1918 года.

3. Оформленіе русской контръ-революціи, выразившееся въ созданіи противобольшевицкихъ фронтовъ на сѣверѣ (Архангельскъ-Мурманскъ), по Волгѣ, возстаніяхъ Дона и Терека, іюльскихъ возстаніяхъ правыхъ и лѣвыхъ эсеровъ въ Подмосковномъ раіонѣ и завоеваніи Добровольческой Арміей Кубани, то есть лѣто 1918 года (отъ начала мая до 1-го сентября).

*) Въ виду различія стилей на разныхъ фронтахъ борьбы и повсемѣстнаго сейчасъ перехода на новый стиль, всѣ даты приведены по новому стилю.

И, наконецъ,

4. Осень 1918 года или періодъ стабилизаціи создавшихся лѣтомъ антисовѣтскихъ фронтовъ, сопровождавшійся частичными успѣхами Добровольческой Арміи въ восточной Кубани и частичными неудачами Приволжскаго фронта и закрѣпленіемъ позицій Дона и сѣверной арміи на Бѣломорскомъ побережьѣ (1 сентября—11 ноября 1918 года).

Второй періодъ можно подраздѣлить на слѣдующіе этапы:

1. Непосредственныя слѣдствія окончанія міровой войны — паденіе и ослабленіе группировокъ, опиравшихся на оккупаціонныя арміи центральныхъ державъ, созданіе новыхъ государствъ на западной границѣ и военная интервенція союзниковъ на югѣ Россіи и въ Закавказьѣ. Одновременно съ этимъ отходъ восточныхъ армій къ предгорьямъ Урала, выдвиженіе идеи обще-имперской диктатуры адмирала Колчака и освобожденіе Добровольческой Арміей всего Сѣвернаго Кавказа (11-го ноября 1918 года—конецъ февраля 1919 года).

2. Переходный періодъ — приспособленія къ новой обстановкѣ, вызванной окончаніемъ міровой войны. Переносъ центра тяжести борьбы на югѣ съ Кавказа на Донъ, вооруженная интервенція и эвакуація союзниками юга Россіи, созданіе западнаго противосовѣтскаго фронта и наступленіе армій адмирала Колчака отъ Урала до Волги. (Мартъ—апрѣль 1919 года).

3. Періодъ оформленія контръ-революціи въ обще-имперскомъ масштабѣ и ликвидаціи міровой войны — признаніе бѣлыми фронтами правителемъ Россіи адмирала Колчака, выдвиженіе Добровольческой арміи на Украйну и нижнюю Волгу, наступленіе западнаго польско-латвійско-эстонскаго фронта, созданіе Сѣверо-Западной арміи генерала Юденича и отходъ армій восточнаго фронта отъ Волги за Уралъ. Оформленіе конца міровой войны подписаніемъ Версальскаго договора (май—августъ 1919 года).

4. Общее наступленіе бѣлыхъ фронтовъ — Добровольческой Арміи на Москву (захватъ Орла), Сѣверо-западной арміи на Петербургъ (захватъ Пулкова) и армій восточнаго фронта изъ Сибири къ Уралу. Эвакуація союзниками Бѣломорскаго побережья и война бѣлыхъ съ украинцами (сентябрь — первая половина октября 1919 года).

5. Ликвидація бѣлыхъ фронтовъ — Отходъ Добровольческой Арміи отъ Орла на Ростовъ (и крестьянскія возстанія на Украйнѣ), восточныхъ армій въ Сибирь и расформированіе арміи генерала Юденича (вторая половина октября—декабрь 1919 года).

6. Агонія бѣлыхъ фронтовъ — разстрѣлъ адмирала Колчака, ликвидація сѣвернаго фронта, Новороссійская эвакуація (январь—мартъ 1920 года).

Третій періодъ можно подраздѣлить на:

1. Польское наступленіе на Украйнѣ и оформленіе крымской арміи генерала Врангеля (апрѣль—май 1920 года).

2. Походъ большевиковъ на Варшаву и выходъ арміи ген. Врангеля на нижній Днѣпръ, къ границамъ Дона и на Кубань (іюнь—августъ 1920 года).

3. Польско-совѣтское перемиріе и ликвидація крымскаго фронта (сентябрь—ноябрь 1920 года).

ГЛАВА II.

СОПРОТИВЛЕНІЕ ОКРАИНЪ ОКТЯБРЬСКОМУ ПЕРЕВОРОТУ И ЗАРОЖДЕНІЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

Перемиріе съ австро-германцами въ Брестѣ 15-го декабря 1917 года. Украина. Донъ. Ген. Алексѣевъ на Дону. Прибытіе на Донъ Быховскихъ узниковъ. Зарожденіе Добровольческой Арміи. „Паритетное" Донское Правительство. Кубань, Терекъ, Закавказье, Уралъ. Начало мирныхъ переговоровъ въ Брестѣ 22 декабря 1917 года. Наступленіе совѣтскихъ армій и вооруженная борьба на Дону и Украйнѣ. Сепаратный миръ центральныхъ державъ съ Украйной и вступленіе большевиковъ въ Кіевъ 9 февраля 1918 года. Перерывъ мирныхъ переговоровъ въ Брестѣ и отъѣздъ Троцкаго. Разрывъ большевиковъ съ Румыніей, перемиріе съ ней и ультиматумъ большевиковъ Румыніи 16 февраля 1918 года. Разгромъ польскаго корпуса. Совѣтская власть въ Финляндіи. Самоубійство ген. Каледина 11 февраля 1918 года. Уходъ Добровольческой Арміи въ задонскія степи 20/21 февраля 1918 года. Захватъ большевиками Новочеркасска 25 февраля 1918 года. Роль донского казачества въ началѣ гражданской войны.

(см. чертежъ № 1 и 1-а).

7-го ноября 1917 года большевики, почти безъ сопротивленія, захватили власть въ Петроградѣ. Попытка наступленія войскъ ген. Краснова (будущаго Донского Атамана) отъ Гатчины на Петербургъ окончилась 14-го ноября неудачей и его арестомъ. Недѣлю спустя, къ 15-му ноября, большевикамъ удалось сломить сопротивленіе войскъ (главнымъ образомъ, юнкеровъ), поддерживавшихъ Временное Правительство, и въ Москвѣ.

Первой заботой новой власти, вмѣстѣ съ декретомъ объ отмѣнѣ собственности и дѣлежѣ частновладѣльческой земли*), было стремленіе закончить войну. На слѣдующій же день по захватѣ власти, въ Петроградѣ появился декретъ „о мирѣ". Временно и. д. Верховнаго Главнокомандующаго (послѣ бѣгства Керенскаго) ген. Духонину 20-го ноября большевиками былъ отданъ приказъ начать переговоры съ австро-германцами. Отказъ Духонина вызвалъ его смѣщеніе и назначеніе 22-го ноября на его мѣсто большевика Крыленки.

26-го ноября, смѣнившій на посту Верховнаго Главнокомандующаго присяжнаго повѣреннаго Керенскаго, прапорщикъ Крыленко обратился по радіо съ предложеніемъ перемирія.

Получивъ его, ген Людендорфъ запросилъ по телефону фактическаго главнокомандующаго на русскомъ фронтѣ — начальника штаба принца Леопольда Баварскаго генерала Гофмана: „Можно ли разговаривать съ этими людьми?" На что Гофманъ отвѣтилъ: „Да, можно. Вашему Превосходительству нужны войска и это первый ихъ эшелонъ".*)

2-го декабря совѣтская делегація, возглавленная Іоффе, Каменевымъ и Сокольниковымъ (бывшій совѣтскій полпредъ въ Лондонѣ) при секретарѣ (нынѣшнемъ замѣстителѣ народнаго комиссара по иностраннымъ дѣламъ) Караханѣ и рядѣ военныхъ экспертовъ, перешла черезъ линію германскихъ окоповъ у Двинска и направилась въ штабъ германскаго восточнаго фронта въ Брестъ-Литовскъ. Руководство переговорами было возложено на ген. Гофмана. Любопытно, что въ этотъ начальный періодъ переговоровъ большевики, прекращая войну на русскомъ фронтѣ, въ тоже время еще настаивали на обязательствѣ нѣмцевъ не перебрасывать во время переговоровъ *новыхъ* силъ на французскій фронтъ, на что ген. Гофманъ охотно согласился, такъ какъ общая переброска была уже начата до начала переговоровъ и онъ могъ обѣщать имъ не перебрасывать „новыхъ" дивизій во время перемирія.**) Послѣ довольно длительныхъ переговоровъ,

*) Основныя положенія декрета о землѣ (8 ноября 1917) гласили:

„Право частной собственности на землю отмѣняется навсегда; земля не можетъ быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема въ аренду, либо въ залогъ, ни какимъ либо другимъ способомъ отчуждаема. Вся земля, государственная, удѣльная, кабинетская, монастырская, церковная, посессіонная, маіоратная, частновладѣльческая, общественная и крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояніе и переходить въ пользованіе всѣхъ трудящихся на ней.

„За пострадавшими отъ имущественнаго переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ существованія (ст. 1).

„Право пользованія землею получаютъ всѣ граждане (безъ различія пола) Россійскаго Государства, желающіе обрабатывать ее своимъ трудомъ, при помощи своей семьи или въ товариществѣ, и только до той поры, пока они въ силахъ ее обрабатывать. Наемный трудъ не допускается. (ст. 6).

„Землепользованіе должно быть уравнительнымъ, то есть земля распредѣляется между трудящимися, смотря по мѣстнымъ условіямъ, по трудовой или потребительной нормѣ. Формы пользованія землей должны быть совершенно свободны — надѣльная, хуторская, общественная, артельная, какъ рѣшено будетъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ и поселкахъ (ст. 7.)".

*) Воспоминанія ген. Гофмана: General Max Hoffmann, „Der Krieg der verzäumten Gelegenheiten". 1924. Verlag für Kulturpolitik. München. Стр. 189.

**) Hoffmann, op. cit. стр. 192.

Іоффе уѣхалъ въ Петроградъ за полномочіями и, по его возвращеніи, 15-го декабря было подписано перемиріе на срокъ съ 17-го декабря по 14-ое января (1918 года) съ автоматическимъ его возобновленіемъ въ случаѣ непредупрежденія объ его окончаніи одной изъ сторонъ за недѣлю до истеченія срока.

Каково было впечатлѣніе нѣмцевъ отъ этой делегаціи можно судить изъ воспоминаній того же ген. Гофмана:

„Такъ какъ делегація обѣдала вмѣстѣ съ нами въ офицерскомъ собраніи, намъ удалось ближе познакомиться съ отдѣльными ея членами. Естественно, что при размѣщеніи за столомъ обладавшіе правомъ рѣшающаго голоса члены делегаціи (то есть Іоффе, Каменевъ, Сокольниковъ, Караханъ, нѣкая Бызенко, крестьянинъ, солдатъ и рабочій, были посажены выше, чѣмъ военные эксперты — адмиралы и офицеры. Я никогда не забуду перваго обѣда съ совѣтской делегаціей. Я сидѣлъ между Іоффе и Сокольниковымъ. Противъ меня сидѣлъ рабочій, котораго явно смущали многочисленные предметы столоваго прибора. Онъ пытался пользоваться ими всѣми, но только вилку онъ примѣнялъ исключительно для чистки зубовъ. Наискось, рядомъ съ принцемъ Гогенлоэ, сидѣла г-жа Бызенко, а съ другой его стороны крестьянинъ. Этотъ послѣдній былъ типичнымъ русскимъ мужикомъ съ длинными сѣдыми лохмами и, напоминавшей дремучій лѣсъ, огромной бородой. Подававшій къ столу вѣстовой не смогъ удержаться отъ улыбки, когда на его вопросъ предпочитаетъ ли онъ красное или бѣлое вино, крестьянинъ освѣдомился —которое изъ нихъ крѣпче, такъ какъ на болѣе крѣпкомъ онъ и рѣшилъ остановить свой выборъ.“ *)

По заключеніи перемирія, кстати офиціально непризнаннаго на Юго-Западномъ, Румынскомъ и Кавказскомъ фронтахъ, на 22 декабря было намѣчено начало мирныхъ переговоровъ въ Брестѣ.

Однако ни Украина, ни казачьи области, ни Закавказье не признавали власти большевиковъ. Довольно медленно распространялась она и въ Сибири и то лишь вдоль желѣзнодорожной магистрали. По существу дѣла, прочно въ Сибири Совѣтская власть утвердилась лишь четыре мѣсяца спустя послѣ октябрьскаго переворота когда 26-го февраля 1918 года на II съѣздѣ совѣтовъ былъ избранъ Сибирскій Совѣтъ народныхъ Комиссаровъ и Сибирскій центральный исполнительный комитетъ.

Родная Россіи по крови и вѣрѣ Малороссія или Украйна — съ колыбелью Русскаго Государства — Кіевомъ, историческими судьбами была въ теченіи столѣтій оторвана отъ Московской Руси. Лѣвобережная Украйна съ Кіевомъ, то

*) Hoffmann, op. cit., стр. 193.

есть области по восточному берегу Днѣпра возсоединились съ Россіей лишь въ серединѣ XVII вѣка (по Переяславскому договору 1654 года), но правобережная Украйна, т. е. Кіевщина, кромѣ самаго Кіева, Волынь и Подолія, равно какъ и побережье Чернаго моря („Новороссія“) влились въ составъ Россійской Имперіи лишь въ самомъ концѣ XVIII вѣка при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Революція 1917 года сразу пробудила центробѣжныя стремленія, главнымъ образомъ среди украинской интеллигенціи и полуинтеллигенціи.

Еще при Временномъ Правительствѣ, въ апрѣлѣ 1917 года, на Украинскомъ національномъ конгрессѣ была выдвинута идея національно- культурной автономіи,*) а 23-го іюня 1-мъ Универсаломъ были Украинской Центральной Радой провозглашена эта автономія и создано украинское правительство въ видѣ „генеральнаго секретаріата“ въ составѣ главнымъ образомъ украинскихъ соціалъ-демократовъ (Винниченки, Ефремова, Петлюры и др.). Провозглашая автономію Украйны, она однако опредѣленно не стремилась рвать съ Россіей.**) 16-го іюля 2-мъ Универсаломъ и одновременной деклараціей общероссійскаго Временнаго Правительства взаимоотношенія съ Украйной были урегулированы на основаніи нѣкотораго компромисса, причемъ за Временнымъ Правительствомъ было признано право утвержденія „генеральнаго секретаріата“. Впрочемъ это послѣднее право по анализу проф. барона Нольде было лишь внѣшней фикціей („rudum jus“).***)

Ни объемъ правъ, ни компетенція генеральнаго секретаріата этимъ компромиссомъ даже приблизительно установлены не были. Весьма существеннымъ пробѣломъ въ договорѣ Рады съ Временнымъ Правительствомъ было и полное отсутствіе указаній на территоріальныя границы Украины.

Октябрьскій переворотъ Украйной признанъ не былъ и 3-мъ Универсаломъ Центральной Рады (20 ноября 1917 года) была провозглашена Украинская Народная Республика.

3-ій Универсалъ, провозглашая Украину народной республикой, все же, не порывалъ единства съ Россіей, сохра-

*) Резолюція конгресса гласила: „согласно историческимъ традиціямъ и нынѣшнимъ реальнымъ потребностямъ украинскаго народа, съѣздъ признаетъ, что только національно-территоріальная автономія Украины въ состояніи обезпечить потребности нашего и всѣхъ остальныхъ народовъ, проживающихъ на Украинской землѣ“. Павло Хрістюк, „Украінська Революція“, Заміткі и Матеріалы, томъ I, стр. 39.

**) Подлинный текстъ I Универсала гласилъ: „Хай буде Украіна вільною. Не одділяючись від усіэі Росіі, не разріваючи съ державой Російскоі, хай народ украинській на своеі землі маэ право сам порядкувати своим життям“. П. Хрістюкъ, „Украинська Революція“, томъ I, стр. 72.

***) Статья его — Договоръ съ Радой“ — въ газетѣ „Рѣчь“ отъ 20 іюля 1917 г., цитированная у П. Хрістюка „Украинська Революція“, томъ I, стр. 98.

няя съ ней *федеративную* связь. Провозглашеніе республики объяснялось лишь отсутствіемъ центральной Россійской власти и первой задачей ставилась помощь всей Россіи для созданія общероссійской федераціи.*)

Границы территоріи Украины и 3-мъ Универсаломъ опредѣлялись крайне неопредѣленно. Въ частности было оговорено, что Крымъ не входитъ въ составъ Украины. Также рѣшеніе вопроса о тѣхъ уѣздахъ Холмской, Воронежской и Курской губерній, гдѣ большинство населенія составляли украинцы, также предоставлялось будущему.

Наконецъ, 3-й Универсалъ очень радикально рѣшалъ земельный вопросъ, уничтоживъ право собственности на землю всего „нетрудового элемента".

Собственной вооруженной силой новая республика, конечно, не располагала, такъ какъ всѣ попытки формированія украинскихъ частей сводились лишь къ созданію вооруженныхъ ватагъ, боевая цѣнность которыхъ была близка къ нулю. Зато на территоріи Украины стояли войска наиболѣе многочисленнаго и наилучше оборудованнаго изъ за наступленія 1917 года нашего юго-западнаго и отчасти румынскаго фронтовъ. Поэтому уже въ декабрѣ представитель союзниковъ, французскій генералъ Табуи, призналъ Украинскую республику!

„Вчера", писалъ генералъ Табуи 18-го декабря 1917 года Украинскому Генеральному секретаріату, „я получилъ приказаніе предложить Вамъ возможно скорѣе уточнить для передачи во Французское посольство программу дѣйствій, которую могло бы проводить въ жизнь Украинское правительство въ цѣлях финансовой и технической ея поддержки Франціей".**)

Съ 19-го декабря Табуи считалъ, что „Франція вступила въ оффиціальныя сношенія съ Украиной",***) а съ 3-го января 1918 г. ген. Табуи былъ назначенъ Комиссаромъ Правительства Французской Республики при правительствѣ Украинской республики.****)

Призналъ Украину и англійскій представитель г-нъ Пиктонъ Бэджи (Picton Bagee).

---

*) Подлинный текстъ 3-го Универсала гласилъ: „Центральнаго Правительства нема и по державе ширится безвласте, безлад и руїна. Видниві (отнынѣ) Україна стае Украінськой Народної Республікої. Не виділяк чись від Російської Республіки и зберегаючі єдність її (единство съ ней), ми твердо станемо на нашеій землі, щоб силами нашими помогти всеїї Росії, щобъ уся Російська Республика, стала федерацією рівних, вільних народів"... (В. Винніченко „Відродження нації. Історія Украінськоі Революции" Ч. II, 1920. Київ — Відень, стр. 75).

**) Подлинный французскій текстъ письма приведенъ у Винніченки (Винніченко, Відродження Нації. ч. II, стр. 232—233)

***) Тамъ же, 239.

****) Тамъ же, 235.

Несомнѣнно, что выступленіе ген, Табуи находилось въ связи съ заелюченной въ Парижѣ 23 декабря 1917 года англо-французской конвенціей, легшей въ основу разграниченія сферъ вліянія въ Россіи. Конвенція была подписана съ французской стороны Клемансо, Пишономъ и Фошемъ, а съ англійской — лордомъ Мильнеромъ и лордомъ Робертомъ Сесилемъ. Конвенція предусматривала *) дѣйствія французовъ „къ сѣверу отъ Чернаго моря противъ австро-германцевъ и враждебныхъ союзникамъ русскихъ (т. е. большевиковъ)". 3-й пунктъ конвенціи ограничивалъ этотъ раіонъ Бессарабіей, Украиной и Крымомъ. Англичанамъ поручались дѣйствія противъ турокъ, „къ востоку отъ Чернаго моря — на казачьихъ территоріяхъ, Кавказѣ, Арменіи, Грузіи и въ Курдистанѣ".

Генералъ Табуи, поэтому, стремился поддержать попытки проведенія украинизаціи Юго-Западнаго и русскихъ войскъ румынскаго фронта, полагая, что хотя бы этимъ путемъ удастся возстановить хоть обломки русскаго фронта. Эта точка зрѣнія союзниковъ, при всей ея наивности, если учесть фронтовыя „настроенія" нашей солдатской массы осенью 1917 года, становится все же понятной, если вспомнить, что потокъ германскихъ дивизій съ русскаго фронта во Францію съ октябрьскаго переворота до 1-го мая 1918 года, когда эта переброска была закончена, равнялся 47 дивизіямъ, не считая тѣхъ 7-ми, которыя были уже переброшены за сентябрь и октябрь 1917 года. Усиленіе германскаго фронта во Франціи на 54 дивизіи, то есть больше чѣмъ на 1/3 (всего къ сентябрю 1917 года у нѣмцевъ на французскомъ фронтѣ было 142 дивизіи), конечно представлялось союзникамъ катастрофой и ради прекращенія этого потока они были готовы, да и должны были, хвататься хотя бы, какъ утопающій, за соломинку.

Не меньшій интересъ своими естественными богатствами (особенно хлѣбомъ, скотомъ и конскимъ составомъ) и возможностями ея противопоставленія несговорчивымъ большевикамъ, наивно стремившимися связать миръ съ міровой революціей, Украина вызывала и у нашихъ противниковъ. Помощь союзниковъ, связь съ которыми была возможна лишь черезъ Мурманскъ, Архангельскъ или Владивостокъ, послѣ октябрьскаго переворота становилась для Украины совершенно иллюзорной. Признаніе Украины союзниками не могло ей дать ни войскъ, ни даже матеріальной поддержки. Съ другой стороны, тутъ же рядомъ стояли, въ зенитѣ своего могущества, австро-германцы, склонные, по многимъ причинамъ, изъ которыхъ далеко не послѣдней была идея расчлененія и ослабленія Россіи, помочь осуществить Украинѣ свою независимость. У другихъ воротъ, съ сѣвера, уже стучались больше-

---

*) Содержаніе этой конвенціи приводится Черчилемъ (W. S. Churchill: „The World Crisis. The Afterwath", 1929. London, стр. 16.).

вики. Нужно было выбирать и Украинское правительство сдѣлало свой выборъ. Оно выбрало нѣмцевъ.

Изъ не признавшихъ октябрьскаго переворота казачьихъ областей на первомъ мѣстѣ по своему удѣльному вѣсу стоялъ Донъ. Для правильнаго пониманія роли Дона въ началѣ гражданской войны нельзя не остановиться хотя бы вкратцѣ на его исторіи.

Зародившееся на низовьяхъ Дона, въ серединѣ XVI вѣка, войско Донское въ началѣ своей исторіи было, въ сущности говоря, совершенно независимымъ государственнымъ образованіемъ, связь котораго съ Москвой выражалась главнымъ образомъ въ пополненіи его состава бѣжавшими изъ Москвы на Донъ людьми.

Въ XVI вѣкѣ, пишетъ извѣстный историкъ проф. Платоновъ*), „казаки выходили на „Поле" (то есть на территорію южнѣе Калужскихъ, Тульскихъ и Рязанскихъ „мѣстъ") изъ Московскаго Государства и Литовско-Польскихъ украинъ. Въ различныхъ мѣстахъ „Поля" появились казачьи городки и одинъ изъ нихъ — Раздоры на Дону (у сліянія Дона съ Донцомъ) становится какъ бы центромъ для бродяшихъ по Полю казачьихъ „станицъ", то есть организованныхъ казачьихъ отрядовъ. Во главѣ станицъ стоятъ „атаманы", они собираютъ вокругъ себя сотни и даже тысячи казаковъ и съ ними проникаютъ съ Дона на Волгу, на Каспій и Яикъ (р. Уралъ). Они ведутъ постоянную борьбу съ татарами, грабятъ всѣхъ кого застанутъ на полевыхъ дорогахъ между Москвою, Днѣпромъ и Черноморьемъ, но они же охотно нанимаются и на государеву службу, составляя особые отряды въ московскихъ войскахъ и поступая на службу къ частнымъ лицамъ. Не вошедшее въ черту государства „Поле" стало, однако, русскимъ и гостепріимно принимало въ свои лѣса и на берега своихъ „польскихъ" рѣкъ бѣглецовъ изъ государственнаго центра". Постепенно Московское государство стало осваивать „Поле", постройкой городовъ, занимаемыхъ гарнизонами, обращая его какъ бы въ пограничный военный округъ. Но казачьи станицы по низовьямъ Дона и во вторую половину XVI вѣка продолжали оставаться внѣ всякаго вліянія Московской власти. Принявъ самое дѣятельное участіе въ Великой Смутѣ начала XVII вѣка, донское казачество несомнѣнно сыграло рѣшающую роль въ возведеніи на престолъ перваго изъ Романовыхъ Царя Михаила Федоровича. Проф. Платоновъ опредѣленно отмѣчаетъ: *) »Въ русской письменности сохранился нѣкоторый намекъ на то, что соборъ (1613 года) не самъ пришелъ къ мысли объ избраніи Михаила, а былъ къ ней приведенъ посторонними давленіями, вмѣшательствомъ со стороны. Есть разсказъ, напримѣръ, о

*) С. Ф. Платоновъ, „Смутное Время", Прага, 1924 годъ, стр. 52 и 53.

*) Тамъ же, стр. 225.

томъ, что права Михаила на тронъ объяснилъ собору, пришедшій на его засѣданіе какой то „Славнаго Дону атаманъ",...... есть и другой разсказъ, что къ Троицкому монаху Аврааму Палицыну на монастырское подворье въ Москвѣ приходили вмѣстѣ съ дворянами и казаки съ просьбой доложить собору ихъ мысль объ избраніи Михаила. Эти не вполнѣ опредѣленныя сообщенія содержатъ въ себѣ намеки, достаточно деликатные на казачье вліяніе въ Москвѣ, на то, что первая мысль о Михаилѣ принадлежала именно казакамъ. Не намекъ, а прямыя утверждія и притомъ неделикатныя, о томъ же самомъ исходили отъ поляковъ. Въ оффиціальныхъ объясненіяхъ польскихъ дипломатовъ съ московскими въ первое время по выборѣ Михаила, москвичамъ приходилось выслушивать „непригожія рѣчи". Левъ Сапѣга грубо высказалъ Филарету (отцу царя Михаила Федоровича) при московскомъ послѣ, что „посадили сына его на московское государство одни казаки донцы"«.

Несомнѣнно, что внѣшняя роль донского казачества при избраніи Царемъ Михаила Федоровича не вполнѣ точно отражала внутренній смыслъ событій,*) но также несомнѣнно, что донское казачество этимъ актомъ впервые поднялось со ступени бродившихъ по „Полю" станицъ на ступень составной части государства Россійскаго.

Послѣ избранія царемъ Михаила Федоровича казаки основались на Дону въ видѣ своеобразнаго сообщества съ выборной властью („старшиной") во главѣ. Правда, что на Донъ продолжали течь бѣглецы и собою „полнили рѣку", но съ воцареніемъ Романовыхъ Донъ уже пересталъ быть независимой вольницей и становится въ нѣкоторыя вассальныя отношенія къ Москвѣ.

Вся исторія Дона въ XVII и XVIII столѣтіяхъ представляетъ собою борьбу старой идеи „безпардонной" казачьей вольницы съ новымъ положеніемъ войска Донского, какъ составной части государства Россійскаго. Подавленіе Москвою бунта донского казака Степана Разина въ 1671 году приводитъ къ потерѣ Дономъ права политическаго убѣжища (бѣглыхъ изъ Московскаго государства) и вассальныя отношенія Дона къ Москвѣ, замѣняются лишь автономіей Дона. Присяга 1671 года Войскового Круга вводила Донъ и юридически въ составъ Государства Россійскаго. Въ 1705 году Донъ теряетъ и право убѣжища для бѣглыхъ рабовъ, военнослу-

*) Конечно эта точка зрѣнія иностранцевъ (такъ же смотрѣли и шведы) не вполнѣ вѣрно отражаетъ самое существо вопроса и С. Ф. Платоновъ дальше (стр. 296) говоритъ, „учитывая это впечатлѣніе иностранцевъ, историкъ не долженъ забывать, что роль казачества въ царскомъ избраніи не была скрыта и отъ московскихъ людей, но представлялась имъ иначе чѣмъ иностранцамъ. Царское избраніе, замирившее смуту и успокоившее страну, казалось земскимъ людямъ особымъ благодѣяніемъ Господнимъ и приписывать казакамъ избраніе того, кого „самъ Богъ объявилъ" было въ ихъ глазахъ неприличной безсмыслицей".

жащихъ и т. п. Второй бунтъ, донского атамана Кондратія Булавина (1708 годъ), подавленный Петромъ Великимъ, быстро приводитъ къ потерѣ Дономъ и этой государственной автономіи и замѣнѣ ея лишь автономіей областной. Выборный атаманъ замѣняется атаманомъ наказнымъ (1723 годъ), то есть назначаемымъ центральной властью, а Донъ становится съ 1721 года лишь „Донской провинціей", подвѣдомственной военной Коллегіи. Третій бунтъ донского же казака Емельяна Пугачева (1773—1775 г.г.) лишаетъ Донъ и этой областной автономіи и на Дону вводится „Войсковое гражданское правительство", а въ 1791 году на Дону проводится и закрѣпощеніе крестьянъ. Въ 1848 году войсковымъ атаманомъ назначается впервые даже не донецъ (ген. Хомутовъ) и эта традиція поддерживается до самой революціи 1917 года.

Однако исторически создавшійся своеобразный укладъ особой казачьей жизни съ земельными привиллегіями для казаковъ и особыми, несравненно болѣе тяжелыми по сравненію съ остальнымъ населеніемъ Имперіи, условіями воинской повинности, остаются въ силѣ. Наряду съ казачьимъ населеніемъ, доходившемъ къ началу нашей гражданской войны до двухъ, примѣрно, милліоновъ донскихъ казаковъ, въ предѣлахъ Области Войска Донского проживало однако еще свыше двухъ милліоновъ не-казаковъ, такъ называемыхъ „иногороднихъ". Въ подавляющемъ большинствѣ, это было пришлое въ концѣ XVIII и особенно въ теченіи XIX вѣка изъ центральныхъ областей Россіи малороссійское крестьянство и отчасти осѣвшее, главнымъ образомъ на югѣ области, пришлое же городское и рабочее населеніе. Въ 1915 году иногородніе составляли болѣе половины всего населенія области (56%). Стремленія иногороднихъ, жаждавшихъ приступить къ дѣлежу и частновладѣльческихъ, и казачьихъ земель, совершенно точно отражали общія стремленія всего русскаго крестьянства въ эту эпоху. Ихъ чаянія и надежды были чаяніями всего русскаго крестьянства въ концѣ 1917 года и и большевицкій лозунгъ „чернаго передѣла" дѣлалъ иногороднее населеніе естественнымъ союзникомъ большевиковъ тѣмъ болѣе, что словечко с.-р. Чернова о томъ, что „казакамъ придется потѣсниться на ихъ земляхъ" облекало эти чаянія въ совершенно реальную для нихъ форму.

Особенно сильнымъ было преобладаніе иногородняго населенія въ юго-западной части Области, главнымъ образомъ въ присоединенныхъ на Дону лишь въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія городахъ Ростовѣ съ Нахичеванью и Таганрогѣ и входившемъ въ составъ Таганрогскаго округа Донецкомъ каменноугольномъ раіонѣ.

Революція 1917 года сразу пробудила стремленіе къ возстановленію самостоятельности Дона.

Уже въ апрѣлѣ 1917 года въ донской столицѣ, — Но-

вочеркасскѣ, собрался первый Донской казачій съѣздъ, который единогласно призналъ необходимымъ „возстановить сѣдую старину — Войсковой Кругъ и Выборнаго Войскового Атамана" *). Въ первой половинѣ іюня собрался Войсковой Кругъ и уже 1-го іюля 1917 года избранный Войсковымъ Атаманомъ, донской казакъ — генералъ отъ кавалеріи Алексѣй Максимовичъ Калединъ **) во главѣ нѣсколькихъ сотъ членовъ Войскового Круга, осѣненный старинными бунчуками, послѣ двухсотлѣтняго перерыва, шествовалъ, имѣя въ рукахъ древній атаманскій перначъ, въ Войсковой Соборъ въ Новочеркасскѣ. Въ связи съ выступленіемъ Верховнаго Главнокомандующаго ген. Корнилова въ сентябрѣ 1917 года, Временное Правительство объявило Донского Атамана его соучастникомъ и „измѣнникомъ родинѣ", отдало его подъ судъ и прислало приказъ генералу Каледину явиться въ Могилевъ для дачи показаній Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи.

Генералъ Калединъ гласно передъ всей Россіей заявилъ, что хотя онъ никакого участія въ выступленіи генерала Корнилова не принималъ и о немъ не зналъ, но если бы зналъ, то поддержалъ бы Корнилова всемѣрно и готовъ нести полную отвѣтственность, какъ идейный его соучастникъ.

Войсковой Кругъ, однако, сталъ на сторону своего выборнаго атамана и, заявивъ,что „съ Дона выдачи нѣтъ", самъ „судилъ" Каледина и, возстановивъ его въ правахъ, „приказалъ ему вновь вступить въ исполненіе атаманскихъ обязанностей".

Когда Временное Правительство было свергнуто большевиками („октябрьскій переворотъ"), ген. Калединъ занялъ совершенно опредѣленную позицію непризнанія и борьбы съ захватчиками власти. Атаманъ и Донское Правительство (чисто

*) Донская Лѣтопись, № 1. Вѣна. 1923 г. Изданіе Донской Исторической Комиссіи. Статья Н. Мельникова: „А. М. Калединъ", стр. 16.

**) А. М. Каледину было въ это время 55 лѣтъ. По окончаніи Михайловскаго Артиллерійскаго Училища онъ былъ произведенъ въ офицеры въ Конно-артиллерійскую батарею Забайкальскаго казачьяго войска. Прослушавъ курсъ Академіи Генеральнаго Штаба, онъ въ теченіи шести лѣтъ прослужилъ на должностяхъ генеральнаго штаба въ Варшавскомъ военномъ округѣ, и, хотя онъ отбывалъ строевой цензъ (командованіе эскадрономъ и дивизіономъ въ полкахъ регулярной кавалеріи), но затѣмъ въ теченіи пяти лѣтъ занималъ должность старшаго адъютанта войскового штаба Войска Донского въ теченіи трехъ лѣтъ начальника Новочеркасскаго казачьяго юнкерскаго училища и четырехъ лѣтъ помощника начальника войскового штаба Войска Донского, проведя такимъ образомъ въ родномъ ему войскѣ большую часть своей службы.

Передъ войной ген. Калединъ былъ только что произведенъ въ генералъ-лейтенанты и выступилъ на войну начальникомъ 12-й кавалерійской дивизіи. Раненіе, два георгіевскихъ креста, командованіе XII корпусомъ и 8-й арміей во время Луцкаго прорыва, выдвинули его въ первые ряды наиболѣе выдающихся нашихъ военноначальниковъ послѣдней войны и лишь русская революція и расхожденіе съ всегда несправедливымъ къ нему и, во время революціи, признавшимъ его „несоотвѣтствующимъ духу времени", Брусиловымъ заставили его уйти весною 1918 года на покой — въ Военный Совѣтъ.

казачье) 21-го ноября 1917 года приняли на себя всю полноту государственной власти въ предѣлахъ Донской области. Войско Донское, „пока не образуется въ Россіи всенародная признанная законная общероссійская власть“ *), становится независимымъ государственнымъ образованіемъ.

Этимъ начинается новая эпоха въ жизни Донского Войска.

Симпатіи численно преобладавшаго иногородняго населенія большевикамъ и измѣнившееся положеніе Дона, ставшаго самостоятельнымъ государственнымъ новообразованіемъ, выдвигаютъ идею такъ называемаго „паритета“, то есть привлеченія къ правленію землей Войска Донского и иногороднихъ, на равныхъ началахъ съ казачьимъ населеніемъ. Созванный 15-го декабря 1917 года Большой Войсковой Кругъ (такъ называемый третьяго созыва) принялъ идею паритета и, переизбравъ ген. Каледина войсковымъ Атаманомъ, постановилъ:

„1. Принять Войсковому Правительству всю полноту власти до созданія законной всероссійской Власти.

„2. Предоставить половину мѣстъ въ Правительствѣ (8 мѣстъ) представителямъ отъ неказачьей части населенія.

„3. Назначить на 11 января 1918 года новый съѣздъ Войскового Круга и Съѣздъ не-казачьяго населенія, какъ съѣздъ Краевого Учредительнаго Собранія“ **).

Такимъ образомъ, идея казачьяго противосовѣтскаго фронта, чѣмъ по существу дѣла было Донское Правительство до принятія „паритета“, была замѣнена идеей независимаго демократическаго государства, половина населенія котораго, получившая теперь равное участіе во власти, была настроена по отношенію къ большевизму далеко не непримиримо. Ища союзниковъ въ борьбѣ съ большевизмомъ, донское казачество, въ измѣнившейся политической обстановкѣ, рѣшило опереться какъ разъ на тѣ слои, которые именно этой поддержки ему дать не могли. Оригинально, что октябрьскій переворотъ, выдвинувъ идею независимости Дона, какъ то затемнилъ въ представленіи его правителей истинные интересы казачества. Самъ Калединъ высказался на Войсковомъ Кругѣ: „Управлять Областью, опираясь только на одну часть населенія, невозможно. Къ мѣстнымъ дѣламъ необходимо привлечь все населеніе области“ ***). Войсковой же Кругъ пошелъ еще дальше, полагая, ****) „что на Дону власть конструировалась по принципу, провозглашенному большевиками

*) Донская Лѣтопись № 2 (Вѣна, 1923 годъ). Статья К. Каклюгина, „Войсковой Атаманъ А. М. Калединъ и его время“, стр. 148.

**) Донская Лѣтопись № 2· Статья К. Каклюгина: „Войсковой Атаманъ А. М. Калединъ и его время“, стр. 152.

***) Тамъ же, стр. 151.

****) Тамъ же, стр. 152.

— самоопредѣленія народностей, что Войсковой Кругъ — демократическое учрежденіе, что не-казачье населеніе привлекается къ власти совмѣстно съ казаками на равныхъ началахъ“ и, рѣшилъ послать делегацію для переговоровъ въ 17-й стрѣлковый полкъ (карательный отрядъ большевиковъ на пограничной станціи Чертково) и даже „къ Ленину въ Петроградъ вмѣстѣ съ представителями карательнаго отряда для выясненія дѣла и для возвращенія на мѣсто (?) 17-го стрѣлковаго полка“. И это въ то время, когда большевики уже разгромили (29-го ноября) и арестовали засѣдавшій въ Петроградѣ Совѣтъ Союза Казачьихъ войскъ за его протестъ противъ посылки на Донъ карательнаго отряда, а ни одно казачье Войско не признало совѣтовъ. Всего этого Кругъ не зналъ...

То же стремленіе отмежеваться отъ большевиковъ, которое введеніемъ „паритета“ ослабляло способность сопротивленія Дона совѣтской власти, привело и къ другому совершенно нежизненному объединенію по чисто территоріальному признаку земель Юго-востока Россіи. Еще до октябрьскаго переворота — 2-го ноября былъ подписанъ договоръ объ образованіи Юго-восточнаго Союза представителями войскъ Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго и горцами Кавказа, а 27-го ноября новое, совершенно фиктивное, объединенное правительство этого Союза „открыло свои дѣйствія“ на Кубани въ Екатеринодарѣ.

Между тѣмъ реальная обстановка на Дону опредѣленно первой задачей выдвигала не строительство Донского государства, а вооруженную борьбу съ большевизмомъ. Возвращавшіеся на Донъ казачьи полки, въ значительной степени распропагандированные на фронтѣ, однако воевать не хотѣли.

15-го ноября, день спустя послѣ утвержденія совѣтской власти въ Москвѣ, на Донъ прибылъ ген. Алексѣевъ *). Онъ сразу же приступилъ къ организаціи общероссійской вооруженной силы, сперва называвшейся „Алексѣевской организаціей“, а впослѣдствіи ставшей Добровольческой Арміей.

29-го ноября въ Макѣевкѣ (въ Таганрогскомъ округѣ, центрѣ угольной промышленности) была провозглашена Донская соціалистическая республика, а 3-го декабря 272 пѣх. запасный полкъ, вынесшій резолюцію о непризнаніи власти

*) Ген. М. В. Алексѣевъ, командовавшій передъ войною XIII корпусомъ выступилъ на войну начальникомъ штаба Юго-Западнаго фронта. Въ 1915 году онъ становится главнокомандующимъ Сѣверо-Западнаго фронта, а съ принятіемъ на себя въ концѣ сентября 1915 года Государемъ Императоромъ Верховнаго Главнокомандованія, сталъ Его начальникомъ штаба. Верховный Главнокомандующій при Временномъ Правительствѣ весной 1917 года, генералъ Алексѣевъ былъ общепризнаннымъ крупнѣйшимъ военнымъ авторитетомъ русской арміи. Ко времени его прибытія на Донъ ему было 60 лѣтъ.

Донского правительства, былъ ген. Калединымъ разоруженъ при содѣйствіи офицеровъ „Алексѣевской организаціи". Однако въ ночь на 9-го декабря въ Ростовѣ была провозглашена совѣтская власть при помощи прибывшихъ въ Ростовъ матросовъ Черноморскаго флота.

Ген. Калединъ вначалѣ на предположеніе ген. Алексѣева *) „воспользоваться Юго-востокомъ Россіи и въ частности Дономъ, какъ богатой и обезпеченной собственными вооруженными силами базой для того, чтобы собрать тамъ оставшіеся стойкими элементы — офицеровъ, юнкеровъ, ударниковъ, быть можетъ старыхъ солдатъ и организовать изъ нихъ армію, необходимую для водворенія порядка въ Россіи", хотя и согласился дать пріютъ русскому офицерству, но просилъ „не задерживаться въ Новочеркасскѣ болѣе недѣли и перенести свою дѣятельность за предѣлы области — въ Ставрополь или Камышинъ". Обстановка, сложившаяся въ ночь на 9-ое декабря въ связи съ возстаніемъ въ Ростовѣ, однако, измѣнила его первоначальную точку зрѣнія и придя къ ген. Алексѣеву, онъ сказалъ: **)

„Михаилъ Васильевичъ. Я пришелъ къ Вамъ за помощью. Будемъ какъ братья помогать другъ другу. Всякія недоразумѣнія между нами кончены. Будемъ спасать, что еще возможно спасти".

Алексѣевъ просіялъ и, сердечно обнявъ Каледина, отвѣтилъ ему:

„Дорогой Алексѣй Максимовичъ. Все, что у меня есть радъ отдать для общаго дѣла".

При содѣйствіи офицеровъ и юнкеровъ „Алексѣевской организаціи", ген. Калединъ къ 17-му декабря, то есть ко времени созыва 3-го Круга, подавилъ возстаніе ростовскихъ большевиковъ.

Одновременно съ этимъ ген. Калединъ, послѣ долгихъ колебаній, изъ-за нежеланія рисковать жизнями молодежи, уступилъ настоятельнымъ просьбамъ и разрѣшилъ для обороны Дона формированіе партизанскихъ отрядовъ. Это разрѣшеніе подняло настроеніе въ Новочеркасскѣ. Иниціаторомъ и главнымъ вдохновителемъ партизанской борьбы былъ есаулъ В. М. Чернецовъ. Послѣ него разрѣшеніе формировать партизанскіе отряды получили есаулъ Семилѣтовъ, прапорщикъ Назаровъ и сотникъ Поповъ. Практически, партизанскіе отряды представляли, изъ за „нейтралитета" возвращавшихся съ фронта донскихъ полковъ, единственную реальную донскую силу въ рукахъ атамана.

Въ эти же дни (то есть въ серединѣ декабря) стала прибывать на Донъ и группа Быховскихъ узниковъ. Арестованные въ связи съ сентябрьскимъ выступленіемъ ген. Корнилова,

*) Ген. А. И. Деникинъ, „Очерки Русской Смуты", Парижъ, 1922 годъ. Томъ II, стр. 156.

**) Тамъ же стр. 173.

самъ ген. Корниловъ, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго ген. Лукомскій, главнокомандующій Юго-западнымъ фронтомъ ген. Деникинъ, 1-й генералъ-квартирмейстеръ Ставки ген. Романовскій и начальникъ штаба Юго-западнаго фронта ген. Марковъ были Керенскимъ заключены въ Быховскую тюрьму. Октябрьскій переворотъ поставилъ на очередь вопросъ ликвидаціи Ставки и Быхова. 1-го декабря временно исполнявшій должность Верховнаго Главнокомандующаго ген. Духонинъ прислалъ ген. Корнилову телеграмму съ сообщеніемъ о приближеніи большевиковъ къ Могилеву и о томъ, что къ 6 часамъ вечера въ Быховъ будетъ поданъ поѣздъ, на которомъ рекомендовалъ, взявъ съ собою текинцевъ, отправиться на Донъ. Поѣздъ, однако, поданъ не былъ и генералъ Корниловъ, вызвавъ коменданта тюрьмы, сказалъ, что 2-го декабря онъ, вмѣстѣ съ заключенными съ нимъ генералами, покидаетъ Быховъ. При этомъ ген. Корниловъ рѣшилъ итти съ охранявшимъ Быховъ Текинскимъ полкомъ, а остальнымъ четыремъ генераламъ онъ предложилъ отправиться въ путь самостоятельно *).

Въ этотъ же день совѣтская делегація у Двинска перешла черезъ линію фронта, направляясь для заключенія перемирія въ Брестъ, а на слѣдующій день бандой большевиковъ въ Ставкѣ былъ звѣрски убитъ временно исполнявшій должность Верховнаго Главнокомандующаго ген. Духонинъ.

Послѣ ряда перипетій, ген. Корниловъ 19-го декабря, то есть сейчасъ же послѣ подавленія Ростовскаго возстанія, прибылъ на Донъ. Слѣдовавшіе одиночнымъ порядкомъ ген. Лукомскій, Деникинъ, Романовскій и Марковъ прибыли въ первыхъ числахъ декабря, но по совѣту ген. Каледина первоначально, кромѣ ген. Романовскаго, оставшегося въ Новочеркасскѣ при ген. Алексѣевѣ, уѣхали на Кавказъ и вернулись на Донъ лишь съ прибытіемъ ген. Корнилова **).

Къ началу міровой войны лишь ген. Лукомскій занималъ крупный постъ въ центральномъ управленіи Военнаго

*) Ген. Лукомскій, „Воспоминанія" (Берлинъ, 1922 годъ). Томъ I. стр. 266—268.

**) Ген. Калединъ, какъ пишетъ ген. Лукомскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ" (т. I, стр. 275—276), этимъ совершенно не имѣлъ въ виду нежелательности пребыванія спасшихся изъ Быхова генераловъ на Дону. Наоборотъ, онъ былъ „очень радъ пріѣзду на Донъ цѣлой группы генераловъ, которые помогутъ наладить организаціонную работу но, прибавилъ Калединъ, имена ген. Корнилова, Деникина, Лукомскаго и Маркова настолько для массы связаны со страхомъ контръ-революціи, что я рекомендовалъ бы Вамъ обоимъ (то есть ген. Лукомскому и Деникину) и пріѣхавшему ген. Маркову, пока активно не выступать, было бы даже лучше, если бы Вы временно уѣхали изъ предѣловъ Дона. Послѣ этого генералъ Калединъ добавилъ, я отнюдь не настаиваю, чтобы Вы уѣзжали съ Дона. Если Васъ это не устраиваетъ, то Вы оставайтесь и Вы будете гостями донского казачества, но я, зная обстановку, счелъ своимъ долгомъ высказать, что Вамъ лучше временно уѣхать. Я убѣжденъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ ваше присутствіе здѣсь будетъ совершенно необходимо, тогда вы вернетесь и мы вмѣстѣ будемъ работать".

вѣдомства, ген. же Корниловъ и Деникинъ были только что произведенными въ этотъ чинъ генералъ-маіорами и первый командовалъ передъ войной бригадой, а второй произведенъ въ генералы въ 1914 году лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до войны и получилъ назначеніе генерала для порученій при командующемъ войсками Кіевскаго Военнаго Округа. И по возрасту (ген. Лукомскому было 49, Корнилову 47, Деникину 45 лѣтъ) и по выпускамъ изъ Академіи Генеральнаго Штаба (выпуски 1897—99 гг.), они принадлежали къ другому поколѣнію, чѣмъ ген. Алексѣевъ и Калединъ (60 и 55 лѣтъ, выпусковъ изъ Академіи 1890 и 1889 гг., причемъ генералъ Калединъ былъ старше генерала Алексѣева по Академіи на годъ). Генералы Романовскій и Марковъ были еще моложе, начавъ войну полковниками, не командовавшими еще полками. Имъ, ко времени прибытія на Донъ, было соотвѣтственно 40 и 39 лѣтъ. Всѣ прибывшіе изъ Быхова генералы, правда, во время войны достигли высшихъ постовъ въ арміи, но все таки въ глазахъ ген. Алексѣева и Каледина они конечно принадлежали все же къ другому, младшему поколѣнію.

Въ своихъ воспоминаніяхъ и ген. Лукомскій, и ген. Деникинъ не скрываютъ того конфликта, который возникъ на почвѣ возглавленія добровольческой организаціи ген. Алексѣева. Ген. Лукомскій пишетъ *) о своемъ впечатлѣніи по прибытіи въ Новочеркасскъ (29-го декабря): „Я засталъ ген. Корнилова въ большомъ колебаніи. Формированіе Добровольческой Арміи было уже начато ген. Алексѣевымъ. По характеру ген. Алексѣевъ и Корниловъ мало подходили другъ къ другу. Корниловъ считалъ, что дѣло можетъ пойти успѣшно лишь при условіи, если во главѣ будетъ стоять одинъ человѣкъ. Алексѣевъ говорилъ, что роли можно распредѣлить; онъ указывалъ, что въ его рукахъ останутся финансовые вопросы и политика, а Корниловъ всецѣло займется формированіемъ арміи и ея управленіемъ. Корниловъ доказывалъ, что ихъ параллельная дѣятельность будетъ вызывать постоянныя тренія и прежде всего въ финансовыхъ вопросахъ... Затѣмъ Корниловъ указывалъ, что съ развитіемъ дѣла ему, какъ командующему арміей, придется вплотную подойти къ внутренней политикѣ, которая будетъ находиться въ вѣдѣніи Алексѣева... Въ сущности говоря это сознавалъ и ген. Алексѣевъ, предложившій ген. Корнилову такое рѣшеніе: „Вы, Лавръ Георгіевичъ, поѣзжайте въ Екатеринодаръ и тамъ, совершенно самостоятельно, приступайте къ формированію частей Добровольческой Арміи, а я буду производить формированія на Дону“. Ген. Корниловъ категорически отъ этого отказался, сказавъ, что это не выходъ изъ создавшагося положенія и что это будетъ еще хуже. „Если бы я

*) Ген. Лукомскій, Воспоминанія, томъ I, стр. 279—280.

на это согласился, то находясь на такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, мы, Михаилъ Васильевичъ, уподобились бы съ Вами двумъ содержателямъ балагановъ, зазывающихъ къ себѣ публику на одной и той же ярмаркѣ“. Ген. Корниловъ хотѣлъ ѣхать на Волгу, а оттуда въ Сибирь. Онъ считалъ болѣе правильнымъ, чтобы ген. Алексѣевъ оставался на югѣ Россіи, а ему была дана возможность вести работу въ Сибири. Онъ доказывалъ, что для дѣла это будетъ лучше“.

Ген. Деникинъ пишетъ *): „19-го декабря пріѣхалъ Корниловъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемый всѣми. Послѣ перваго его свиданія съ Алексѣевымъ стало ясно, что совмѣстная работа ихъ, вслѣдствіи взаимнаго предубѣжденія другъ противъ друга, будетъ очень нелегка. О чемъ они говорили я не знаю, но приближенные вынесли впечатлѣніе, что разстались они темнѣе тучи... Предстояло рѣшить основной вопросъ существованія, управленія и единства „Алексѣевской организаціи“. По существу весь вопросъ сводился къ опредѣленію роли и взаимоотношеній двухъ генераловъ — Алексѣева и Корнилова... Между тѣмъ обоимъ въ узкихъ рамкахъ только что начинавшагося дѣла было, очевидно, слишкомъ тѣсно“.

Въ концѣ декабря въ Новочеркасскъ прибыли представители, образовавшагося осенью 1917 года въ Москвѣ изъ представителей буржуазно-либеральныхъ круговъ такъ называемаго Московскаго Центра. 31-го декабря состоялось первое большое совѣщаніе генераловъ и московскихъ делегатовъ. Эти послѣдніе настаивали на томъ, чтобы ген. Корниловъ оставался на югѣ Россіи и работалъ совмѣстно съ ген. Алексѣевымъ и Калединымъ. Такъ какъ ген. Корниловъ не соглашался, то было заявлено, что „Московскія Общественныя организаціи совершенно опредѣленно поручили объявить, что руководители антибольшевицкаго движенія могутъ расчитывать на моральную помощь лишь при условіи, что всѣ они (Алексѣевъ, Корниловъ и Калединъ) будутъ работать на Югѣ Россіи совмѣстно... Ген. Корниловъ принужденъ былъ согласиться“ **).

Ген. Деникинъ, описывая это совѣщаніе, говоритъ: ***) „Произошла тяжелая сцена, Корниловъ требовалъ полноты власти надъ арміей, не считая возможнымъ иначе управлять ею и заявилъ, что въ противномъ случаѣ онъ оставитъ Донъ и перейдетъ въ Сибирь...“

Наконецъ, 6-го января 1918 года, былъ объявленъ приказъ о вступленіи ген. Корнилова въ командованіи Арміей, которая съ этого дня оффиціально стала именоваться *Добровольческой Арміей*, а ген. Лукомскій былъ назначенъ ея начальникомъ штаба.

*) Ген. Деникинъ, Воспоминанія, томъ II, стр. 187 и 188.
**) Ген. Лукомскій, томъ I, стр. 280.
***) Ген. Деникинъ, томъ II, стр. 188.

Ген. Корниловъ былъ вынесенъ судьбою на гребень контръ-роволюціонной волны. Все его прошлое, красочность и оригинальность его фигуры, какъ то невольно выдвигали его на роль всероссійскаго диктатора. Несомнѣнно, что ген. Корниловъ это сознавалъ и его тянуло на широкій общероссійскій просторъ. На Дону ему было тѣсно. Его манила Сибирь. Ореолъ его имени былъ несомнѣнно крупнѣйшей цѣнностью вь эти смутные дни.*)

Окончательно, взаимоотношенія между Донскимъ Атаманомъ, ген. Алексѣевымъ и командующимъ Добровольческой Арміей ген. Корниловымъ были послѣ этого оформлены на основаніи (предложеннаго ген. Деникинымъ) „тріумвирата", въ которомъ роли были распредѣлены такъ:

ген. Алексѣевъ — внѣшнія сношенія, финансовое и гражданское управленіе,
ген. Корниловъ — власть военная,
ген. Калединъ — управленіе Донской Областью.

Верховной властью являлся весь Тріумвиратъ.

Одновременно съ этимъ, однако, организація власти сильно осложнялась созданіемъ при ген. Алексѣевѣ особаго „Совѣта" изъ представителей „русской общественности". По опредѣленію главнаго инціатора этого учрежденія — М. М. Федорова, задача Совѣта заключалась въ „организаціи хозяйственной части арміи, сношеній съ иностранцами и возникшими на казачьихъ земляхъ мѣстными правительствами и съ русской общественностю".*)

*) Лавръ Георгіевичъ Корниловъ родился въ Сибири въ гор. Усть-Каменогорскѣ въ семьѣ выслужившагося до чина хорунжаго простого казака Сибирскаго казачьяго войска. Окончивъ приходскую школу, онъ былъ принятъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ, который онъ окончилъ первымъ. По окончаніи Артиллерійскаго училища, онъ былъ произведенъ въ офицеры въ Туркестанскую артиллерійскую бригаду. Окончивъ первымъ, съ серебряной медалью, Академію генеральнаго штаба, онъ пять лѣтъ провелъ въ томъ же Туркестанѣ на должностяхъ генеральнаго штаба. Въ это время ген Корниловъ, часто рискуя жизнью, совершилъ рядъ рекогносцировокъ въ Афганистанѣ, Китайскомъ Туркестанѣ, Персіи и Индіи. На Японской войнѣ онъ былъ начальникомъ штаба 1-ой стрѣлковой бригады и былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ и оружіемъ. Послѣ войны онъ былъ четыре года военнымъ агентомъ въ Китаѣ. Откомандовавъ полкомъ, онъ вышелъ на войну командиромъ пѣхотной бригады; съ 25 августа 1914 года принялъ въ командованіе 48 пѣх. дивизію. При отходѣ изъ Карпатъ, 29-го апрѣля 1915 года, прикрывая съ горстью храбрецовъ отходъ своей дивизіи, онъ былъ тяжело раненъ и взятъ австрійцами въ плѣнъ. Оправившись отъ раненія, ген. Корниловъ бѣжалъ изъ австрійскаго плѣна, былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 3-й степени и получилъ XXV корпусъ. Назначенный съ начала революціи главнокомандующимъ Петроградскаго военнаго округа, онъ въ апрѣлѣ снова вернулся на фронтъ и вступилъ въ командованіе 8-й арміей. Вступивъ въ моментъ наибольшаго его развала въ главнокомандованіе Юго-Западнымъ фронтомъ (іюль 1917 года), ген. Корниловъ добился отъ Временнаго Правительства возстановденія на фронтѣ смертной казни. Вскорѣ (6-го августа 1917 года) онъ смѣнилъ Брусилова на посту Верховнаго Главнокомандующаго. Арестованный за свое выступленіе въ сентябрѣ Керенскимъ 14 сентября, онъ былъ заключенъ въ Быховъ, откуда во главѣ Текинскаго полка 2-го декабря 1917 года ушелъ на Донъ.

Не обладая ни территоріей, ни матеріальными средствами, ни достаточнымъ авторитетомъ, „Совѣтъ", къ тому же еще пополненный соціалистами во главѣ съ Савинковымъ, конечно, только тормозилъ дѣло Добровольческой Арміи. Безславно просуществовавъ нѣсколько дней, Совѣтъ также безславно закончилъ свое существованіе. Ген. Корниловъ наконецъ предъявилъ ему ультиматумъ, потребовавъ отъ московскихъ делегатовъ: „письменнаго извѣщенія, что Совѣтъ признаетъ себя органомъ только совѣщательнымъ при командованіи изъ трехъ генераловъ и ни одинъ вопросъ, внесенный на разсмотрѣніе Совѣта, не получаетъ окончательнаго разрѣшенія безъ утвержденія означенныхъ трехъ лицъ и т. д.".

25-го января Совѣтъ принялъ ультиматумъ Корнилова, а черезъ нѣсколько дней онъ и фактически пересталъ существовать. Ген. Деникинъ, оцѣнивая значеніе Совѣта, пишетъ: „Чтобы понять обращеніе Корнилова именно къ московской делегаціи, нужно имѣть въ виду, что въ глазахъ тріумвирата она пользовалась извѣстнымъ значеніемъ, такъ какъ съ ней связывалось представленіе о широкомъ фронтѣ русской общественности. Это было добросовѣстное заблужденіе членовъ делегаціи, вводившихъ также добросовѣстно въ заблужденіе и всѣхъ насъ. Сами они стремились принести пользу нашей арміи, но за ними не было никого".**)

Главнаго въ чемъ нуждалась Добровольческая Армія — матеріальныхъ средствъ, русская общественность, всѣхъ оттѣнковъ, дать ей не смогла. Политическій же общероссійскій органъ на Донской территоріи былъ, конечно, въ эту эпоху, лишь политическимъ недоразумѣніемъ.

9-го января 1918 года штабъ Добровольческой Арміи обнародовалъ воззваніе, въ которомъ разъяснялись цѣли, преслѣдуемыя арміей. Основною цѣлью ставилось созданіе организованной военной силы, которая могла быть противопоставлена надвигающейся анархіи и „нѣмецко-большевистскому" нашествію. Первой цѣлью воззваніе ставило — противостоять вооруженному нападенію на Югъ и Юго-востокъ Россіи „рука объ руку съ доблестнымъ казачествомъ по первому призыву его Круга, его Правительства и Войскового Атамана въ союзѣ съ областями и народами Россіи, возставшими противъ нѣмецко-большевицкаго ига". На ряду съ ней, однако, Добровольческой Арміи ставилась задача быть „той дѣйственной силой, которая дастъ возможность русскимъ гражданамъ осуществить дѣло государственнаго строительства Свободной Россіи. Новая армія должна стоять на стражѣ гражданской свободы, въ условіяхъ которой хозяинъ земли

*) Ген. Деникинъ, томъ II, стр. 190.
**) Тамъ же, томъ II, стр. 194.

русской — ея народъ — выявитъ черезъ посредство избраннаго Учредительнаго Собранія державную волю свою".*)

Воззваніе это, такимъ образомъ, становилось на точку зрѣнія непредрѣшенія ни будущей формы правленія, ни земельнаго вопроса. „Миръ и земля", провозглашенные большевиками, не нашли въ этомъ воззваніи противоядія. Взамѣнъ конкретной „цѣли", по существу дѣла, воззваніе ограничивалось лишь указаніемъ „средства" — созданія организованной вооруженной силы. Сама цѣль оставалась туманной, будучи предоставлена выявленію „державной воли" народа...

Ген. Лукомскій въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ, что при обсужденіи воззванія возникъ вопросъ — о какомъ учредительномъ Собраніи идетъ рѣчь: о новомъ или объ Учредительномъ Собраніи 1917 года. „Всѣ", пишетъ ген. Лукомскій, „высказались единодушно, что объ Учредительномъ Собраніи 1917 года не можетъ быть и рѣчи".**)

Однако редакція воззванія не вполнѣ точно отражаетъ эти настроенія. Вѣдь Учредительное Собраніе 1917 года въ день обнародованія воззванія (9 января) еще не было собрано и поэтому легко можно было понять, что вопреки пожеланіямъ его авторовъ, воззваніе говорило именно о немъ.

Взаимоотношенія съ пріютившимъ, защищавшую его Добровольческую Армію, Дономъ были въ этотъ періодъ нормальными. Переименованное послѣ принятія принципа „паритета" изъ Войскового въ Донское, Правительство, еще не пополненное до ихъ съѣзда иногородними, сейчасъ же, 2-го января 1918 года, оффиціально привѣтствовало Добровольческую Армію и Войсковой Есаулъ Г. П. Яновъ былъ уполномоченъ передать ея вождямъ, что „Правительство Дона всемѣрно пойдетъ навстрѣчу арміи и ея пожеланіямъ, такъ какъ идея спасенія Родины одинаково близка какъ Донскому Правительству, такъ и Вождямъ Добровольческой Арміи".***)

11-го января 1917 г. въ Новочеркасскѣ съѣхались на съѣздъ представители „иногородняго" населенія области Войска Донского (изъ 150 членовъ съѣзда было, между прочимъ, 40 большевиковъ). Послѣ довольно значительныхъ треній, *сглаженныхъ лишь передачей донскимъ крестьянамъ трехъ милліоновъ десятинъ частновладѣльческой земли*, съѣздъ все же вынесъ резолюцію о борьбѣ съ большевиками до побѣднаго конца и о поддержкѣ Атамана. Однако, наряду съ этими пожеланіямм, съѣздъ вынесъ и резолюцію „о разоруженіи и роспускѣ Добровольческой Арміи, борющейся противъ наступающихъ войскъ революціонной демократіи". Коалиціонное („паритетное") Донское Правительство впослѣдствіи правда пересмотрѣло этотъ вопросъ. Ген. Калединъ убѣдилъ ген. Алексѣева личнымъ собесѣдованіемъ съ представителями „демократіи" разъяснить всѣ сомнѣнія въ контръ-революціонности арміи. 31-го января состоялось засѣданіе *неказачьей* части правительства съ участіемъ представителей отъ демократическаго объединенія г. Ростова, на которое былъ приглашенъ ген. Алексѣевъ, сдѣлавшій докладъ объ исторіи возникновенія Добровольческой Арміи, ея задачахъ и конструкціи, и отвѣчавшій на вопросы представителей революціонной демократіи. Докладъ ген. Алексѣева произвелъ на нихъ чрезвычайное впечатлѣніе и, благодаря выступленію ген. Алексѣева, *казачьей* части Правительства удалось провести „компромиссное" рѣшеніе. „Существующая въ цѣляхъ защиты Донской области отъ большевиковъ, объявившихъ войну Дону и *въ цѣляхъ борьбы за Учредительное Собраніе*, Армія должна находиться подъ контролемъ Объединеннаго Правительства и въ случаѣ установленія наличности въ этой арміи элементовъ контръ-революціи, таковые элементы должны быть удалены немедленно за предѣлы области"*).

По избраніи представителей съѣзда въ „паритетное правительство", это послѣднее, подъ названіемъ „Донского", вступило въ управленіе областью. Эта роковая уступка донского казачества, однако, не дала ему никакихъ реальныхъ выгодъ, не увеличивъ ни числа защитниковъ Дона, не внеся успокоенія ни среди „фронтовиковъ" (то есть вернувшихся съ фронта казаковъ), ни въ среду иногородней массы...... Неустойчивое равновѣсіе новой донской власти не сулило ей ничего добраго въ ближайшемъ же будущемъ.

Сосѣднее съ Дономъ, второе по численности, Кубанское казачье войско переживало ту же борьбу съ иногородними съ осложненіемъ этой борьбы еще и неоднородностью своего состава. Кубанское казачество создалось изъ сліянія переселенныхъ на сѣверный берегъ р. Кубани Императрицей Екатериной II остатковъ Запорожскаго войска, которая его называла „совсѣмъ особливымъ политическимъ сонмищемъ, замыслившемъ составить изъ себя посреди отечества область совершенно независимую подъ собственнымъ своимъ неистовымъ управленіемъ", получившихъ названіе Черноморскаго войска, съ частью казаковъ-линейцевъ, несшихъ съ конца XVII вѣка пограничную службу на сѣверномъ Кавказѣ. Въ 1802 году въ него влились еще и остатки Екатеринославскаго казачьяго войска. Главная масса войска — черноморцы, по языку и происхожденію было малороссами или украинцами. Линейцы главнымъ образомъ состояли изъ великороссовъ (донцовъ). Лишь въ 1860 году изъ этихъ разнородныхъ по происхожденію частей было образовано Кубанское казачье войско.

---

*) Цитировано по Деникину, томъ II, стр. 198—199.

**) Лукомскій, томъ I, стр. 286.

***) Донская Лѣтопись, № 2, статья Г. П. Янова „Паритетъ", стр. 179.

*) Донская Лѣтопись, № 2, статья К. Каклюгина. „Войсковой Атаманъ А. М. Калединъ и его время", стр. 169—170.

Въ составъ населенія Кубанской области кромѣ того входило сто съ лишнимъ тысячъ горцевъ (главнымъ образомъ адыгейцевъ, черкесовъ и карачаевцевъ). Иногородніе, къ началу гражданской войны, въ Кубанской области составляли 52% населенія. Въ то же время на ихъ долю приходилось лишь 37% общаго количества земли, тогда какъ въ рукахъ казачьяго меньшинства сосредотачивалось до 60 ея %. Острота взаимоотношеній между казачьимъ и иногороднимъ населеніемъ въ 1917 году на Кубани превосходила то, что имѣло мѣсто на Дону. Настроенія же казаковъ-фронтовиковъ были точно такія же, какъ и на Дону — воевать они ни съ кѣмъ не хотѣли.

Украинофильскія тенденціи и самостійническія теченія — наслѣдство „неистовыхъ" запорожцевъ въ то же время были очень сильны на Кубани. Еще до октябрьскаго переворота — 18-го октября Краевая Казачья Рада приняла постановленіе о выдѣленіи Кубани въ кубанскую республику, на правахъ самоуправляющагося члена Россійской федераціи. 24-го октября Кубань избрала своего перваго выборнаго атамана — полк. Филимонова. При этомъ новая Кубанская республика становилась чисто казачьей, такъ какъ почти половина всего населенія области (иногородніе, кромѣ староселовъ) была лишена избирательныхъ правъ. Рознь и вражда между казаками и иногородними, объединившимися съ казаками-фронтовиками приняли очень рѣзкія формы. Поэтому для самозащиты, Кубанскому правительству къ концу 1917 года пришлось прибѣгнуть къ формированію добровольческихъ (преимущественно изъ офицеровъ и юнкеровъ) отрядовъ, во главѣ которыхъ сталъ военный летчикъ — капитанъ Покровскій.

На Терекѣ, выборный атаманъ Карауловъ былъ убитъ большевиками 26-го декабря на ст. Прохладной. Образованное имъ противосовѣтское Терско-Дагестанское правительство вскорѣ стало лишь пустой фикціей, и Терекъ неизбѣжно долженъ былъ вскорѣ стать легкой добычей большевиковъ.

Въ Закавказьѣ, „Закавказскій комиссаріатъ" также не призналъ октябрьскаго переворота и, отмежевываясь отъ большевиковъ, стремился создать лишь мѣстную власть, только временно, до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Положеніе Закавказья, однако, чрезвычайно осложнялось разваломъ Кавказскаго фронта, демобилизующіеся полки котораго неизбѣжно должны были затопить край при своемъ уходѣ „по домамъ".

Уральское и Оренбургское казачьи войска также не признали октябрьскаго переворота и войсковому атаману Оренбургскаго войска, — Дутову удалось, поднявъ южные отдѣлы войска, съ 8-го декабря по 31-е января, успѣшно отстаивать столицу войска Оренбургъ отъ большевиковъ. 31-го января атаманъ Дутовъ, вынужденный оставить Оренбургъ, отошелъ въ сѣверные отдѣлы Оренбургскаго войска, къ Верхнеуральску.

Сопротивленіе Уральскаго войска въ этотъ періодъ носило менѣе организованный характеръ, но казачество опредѣленно было настроено противъ совѣтской власти и ея не признавала.

Такимъ образомъ, къ серединѣ января 1918 года, отъ Украины черезъ Донъ и Кавказъ до Оренбурга, окраины не признавали власти совѣтскаго центра и болѣе или менѣе успѣшно стремились организовать вооруженное сопротивленіе. Однако реальной боевой силой въ эту эпоху на всей этой территоріи были лишь Добровольческая Армія и партизаны на Дону, добровольческіе отряды Покровскаго на Кубани и казачье ополченіе Дутова въ Оренбургѣ. Центромъ контръ-революціи несомнѣнно, въ эти дни, былъ Новочеркасскъ.

22-го декабря, то есть черезъ три дня по прибытіи ген. Корнилова на Донъ, въ Брестѣ начались мирные переговоры большевиковъ съ представителями Центральныхъ Державъ. Совѣтской делегаціи, въ отвѣтъ на ея предложеніе о „мирѣ безъ аннексій и контрибуцій", представители Центральныхъ Державъ отвѣтили согласіемъ при условіи, что и „всѣ Державы Согласія изъявятъ готовность приступить къ переговорамъ на тѣхъ же условіяхъ". Глава совѣтской делегаціи — Іоффе торжествовалъ и было рѣшено лишь выждать въ теченіи 10 дней присоединенія всѣхъ Державъ Согласія къ этимъ условіямъ. Однако ген. Гофманъ совершенно откровенно признается, что понятіе „безъ аннексій" не могло относиться къ захваченнымъ австро-германцами во время войны областямъ западной Россіи. Поэтому, за завтракомъ, онъ совершенно опредѣленно разъяснилъ Іоффе свою точку зрѣнія на отдѣленіе этихъ областей отъ Россіи и на ихъ право самоопредѣлиться или присоединиться къ Германіи или любому другому государству, то есть другими словами, на оставленіе центральными державами всѣхъ своихъ пріобрѣтеній за счетъ Россіи во время войны. Іоффе былъ этимъ совершенно ошеломленъ и, грозя срывомъ переговоровъ, уѣхалъ за инструкціями въ Петроградъ.

Какъ и нужно было ожидать, державы Согласія на категорическую телеграмму большевиковъ не отвѣтили.

9-го января, совѣтская делегація, возглавленная на этотъ разъ, вмѣсто Іоффе, самимъ уже народнымъ комиссаромъ по иностраннымъ дѣламъ — Троцкимъ, однако снова вернулась въ Брестъ. Гофманъ былъ правъ, когда, успокаивая австрійцевъ, говорилъ, что „русскія массы стремятся къ миру, армія разложилась и состоитъ лишь изъ недисциплинированныхъ вооруженныхъ ордъ и, что единственнымъ шансомъ большевиковъ удержаться у власти является заключеніе мира.

Они все равно должны", добавлялъ онъ, „принять всѣ условія центральныхъ державъ, какъ бы тяжелы онѣ не были" *).

Стремясь къ миру какой угодно цѣной, большевики, однако, наивно считали возможнымъ использовать переговоры въ цѣляхъ міровой революціи и Троцкій началъ свою революціонную болтовню.

Между тѣмъ нѣмцы допустили въ Брестъ делегацію Украинской центральной Рады, съ которой, съ 12-го января, начали, параллельно съ совѣтской делегаціей, переговоры. Двое, по свидѣтельству Гофмана, юношей (Любинскій и Севрюкъ), стоявшихъ во главѣ этой делегаціи, были, конечно, безъ труда обойдены Гофманомъ, который ихъ требованія о присоединеніи къ Украйнѣ населенныхъ „украинцами" восточной Галиціи и Буковины назвалъ „наглостью", но охотно пообѣщалъ имъ, за счетъ Польши, Холмщину. Троцкій сразу почуялъ неладное въ сепаратныхъ переговорахъ съ украинцами и заявилъ, что онъ не признаетъ ихъ полномочій, такъ какъ границы территоріи Украины до сихъ поръ еще не опредѣлены (2-й и 3-й Универсалы, см. выше) и предложилъ прервать переговоры на нѣсколько дней. 18-го января совѣтская делегація, во главѣ съ Троцкимъ вторично покинула Брестъ.

Въ тотъ же день большевики, или, точнѣе, караулъ во главѣ съ матросомъ Желѣзнякомъ, безъ малѣйшаго сопротивленія, разогналъ въ Петроградѣ то Учредительное Собраніе, мечты о которомъ служили главнымъ предметомъ болтовни всей русской революціонной демократіи въ теченіи всего 1917 года.

Сопротивленіе окраинъ октябрьскому перевороту встревожило большевиковъ и въ концѣ декабря (20-го и 21-го) создается Всероссійская Коллегія по организаціи Рабоче-Крестьянской Красной Арміи (Подвойскій, Мѣхонощинъ, Крыленко и др.), а Антоновъ-Овсѣенко назначается народнымъ комиссаромъ по борьбѣ съ контръ-революціей.

Изъ окраинъ наибольшее значеніе въ это время имѣли, конечно, Донъ и Украина. Поэтому и планъ Антонова заключался въ слѣдующемъ:

„1. Опираясь на революціонныхъ черноморскихъ матросовъ провести организацію Красной Гвардіи въ Донецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ.

„2. Съ сѣвера и отъ Ставки (Могилева) двинуть сборные отряды, предварительно сосредоточивъ ихъ въ исходныхъ пунктахъ: Гомелѣ, Брянскѣ, Харьковѣ и Воронежѣ.

„3. 2 Гвардейскій корпусъ, особенно активно-революціонно настроенный, двинуть изъ раіона Жмеринки, гдѣ онъ былъ расположенъ, на востокъ для сосредоточенія въ Донецкомъ бассейнѣ" **).

*) Hoffmann, стр. 202.

**) „Гражданская война 1918—1921 г.г.", томъ III, стр. 44.

По существу дѣла, конечно, говорить о какомъ либо планѣ не приходится. На лицо было скорѣе чисто стихійное стремленіе, образовавъ заслонъ въ сторону менѣе активной Украйны, всѣми наличными силами обрушиться на болѣе активный Донъ. Однако, для выполненія этихъ задачъ совѣтская власть, въ эту эпоху, не обладала ни военнымъ аппаратомъ управленія, ни войсками. Первыя совѣтскія формированія въ декабрѣ 1917 года носили поэтому чрезвычайно сумбурный характеръ. Это были „отдѣльные отряды", „колонны", „летучіе отряды" и т. д., возглавленные случайными начальниками. Каждое такое соединеніе состоявшее изъ добровольцевъ, преимущественно матросовъ, рабочихъ и остатковъ разныхъ частей старой арміи, обычно не превышало по своей численности 1000—2000 бойцовъ при нѣсколькихъ десяткахъ пулеметовъ и нѣсколькихъ орудіяхъ. Отряды эти были малобоеспособны, недисциплинированы, быстро подвергались разложенію и бунтовали. Главной надеждой совѣтской власти была въ этотъ періодъ возможность ихъ пополненія при движеніи на югъ рабочими Донецкаго раіона и Черноморскими матросами. Общей для всѣхъ этихъ отрядовъ была, получившая впослѣдствіи наименованіе „эшелонной", тактика, то есть движеніе этихъ отрядовъ въ желѣзно-дорожныхъ составахъ лишь вдоль главныхъ магистралей желѣзныхъ дорогъ.

Къ началу января 1918 года эти отдѣльныя группы болѣе или менѣе оформились въ слѣдующія объединенія:

Штабъ фронта по борьбѣ съ контръ-революціей (командующій — народный комиссаръ Антоновъ - Овсѣенко, начальникъ штаба — бывшій полковникъ Муравьевъ) — съ 6-го января въ Харьковѣ.

Донская группа: Отряды а) Сиверса (главнымъ образомъ изъ остатковъ частей старой арміи, общая численность до 10 тысячъ), продвигаясь отъ Харькова, занялъ южную часть Донецкаго бассейна съ центромъ въ Никитовкѣ;

б) Саблина (основное ядро изъ запасныхъ полковъ Московскаго военнаго округа, общая численность до 6-ти тысячъ), продвигаясь отъ Харькова по Сѣверо-Донецкой желѣзной дорогѣ (то есть вдоль рѣки Донца) и отъ Купянска на Луганскъ, занялъ сѣверную часть Донецкаго бассейна съ центромъ въ Дебальцево;

в) Петрова (ядро изъ Воронежскихъ отрядовъ, численность не свыше 3-хъ тысячъ), продвигаясь отъ Воронежа по Ростовской желѣзнодорожной магистрали, подошелъ къ пограничной съ Дономъ желѣзно-дорожной станціи Чертково.

Украинская группа: отряды а) Берзина — на Гомель—Бахмачскомъ направленіи (до 2-хъ тысячъ);

б) Егорова (1—2 тысячи), двигаясь по желѣзной дорогѣ Харьковъ—Лозовая на югъ, дошелъ до станціи Синельниково;

в) полуразложившіяся части 2 гвардейскаго корпуса въ раіонѣ Жмеринка—Баръ.

Кавказская группа: изъ возвращавшихся съ Кавказскаго фронта частей; въ раіонѣ ст. Тихорѣцкая сосредотачивалась болѣе или менѣе сохранившая свою организацію 39 пѣхотная дивизія.

8-го января Антоновъ-Овсѣенко рѣшилъ ликвидировать Донъ ударомъ колоннъ Саблина отъ Луганска на Лихую, Сиверса — на Звѣрево, имѣя въ виду въ дальнѣйшемъ операцію на Миллерово, и Петрова съ сѣвера на Миллерово. „При развитіи наступленія, колонна Сиверса увлеклась движеніемъ на югъ у ст. Иловайской, гдѣ два полка отказались повиноваться и были разоружены, отрядъ Саблина оказался слабымъ для наступленія, колонна Петрова завязала переговоры съ казаками у Черткова". Такъ говоритъ оффиціальная совѣтская версія *). Однако гораздо болѣе правдоподобна версія, приводимая Троцкимъ **), по которой Сиверсу было дано направленіе изъ Донецкаго бассейна на Таганрогъ, Саблину — изъ Донецкаго бассейна на Звѣрево и Новочеркасскъ, Петрову — съ сѣвера на Лихую и затѣмъ, вмѣстѣ съ Саблинымъ, на Новочеркасскъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и развивалось впослѣдствіи ихъ наступленіе. Планъ же Антонова, повидимому, существовалъ лишь на бумагѣ, да и то по обстановкѣ того времени врядъ ли и вообще онъ былъ написанъ. Вѣдь планъ Антонова, по существу, преслѣдовалъ концентрическое движеніе трехъ колоннъ на Миллерово, тогда какъ ясно, что центромъ дѣйствій противъ Дона было вовсе не Миллерово, а Таганрогъ—Ростовъ—Новочеркасскъ. Несомнѣнно, что Сиверса должно было тянуть въ южную часть Донецкаго бассейна (Макѣевка) — главный источникъ его пополненій и далѣе на Таганрогъ, а вовсе не на Миллерово.

27-го декабря въ Харьковѣ была провозглашена совѣтская власть и образовано Совѣтское Украинское Правительство, въ противовѣсъ не признавшему октябрьскаго переворота Кіевскому украинскому правительству Центральной Рады. Вліяніе Совѣтскаго Харькова стало распространяться по лѣвобережной Украинѣ.

8-го января, при поддержкѣ Егорова, совѣтская власть была провозглашена въ Екатеринославѣ, а 12-го — въ Маріуполѣ.

Появленіе 12-го января въ Брестѣ делегатовъ Украинской Центральной Рады, заставило большевиковъ, кромѣ Дона, обратить самое серьезное вниманіе и на Украину. Совѣтизація Украины сразу ставила бы подъ вопросъ полно-

*) „Гражданская война 1918—21 гг." т. III, стр. 46.

**) Л. Троцкій. „Какъ вооружалась Революція", Изданіе Высшаго Военнаго Редакціоннаго Совѣта, Москва, 1923 годъ. Томъ I, примѣчаніе 7-ое на стр. 402.

мочія украинскихъ делегатовъ въ Брестѣ. Поэтому съ 13-го января Антоновъ ставитъ своего начальника штаба — Муравьева, уже зарекомендовавшаго себя своей жестокостью и рѣшимостью, во главѣ Украинской группы съ задачей 18-го января начать наступленіе для овладѣнія столицей Украины — Кіевомъ.

Наступленіе Антонова на Донъ вызвало необходимость выдвиженія на фронтъ Добровольческой Арміи и донскихъ партизановъ.

Партизаны Чернецова уже 7-го января совершили налетъ на ст. Дебальцево въ Донецкомъ бассейнѣ, чѣмъ внесли большую тревогу въ среду, дѣйствовавшихъ въ этомъ раіонѣ, отрядовъ Саблина. Части Добровольческой Арміи, пополненныя, прибывшимъ въ первой половинѣ января изъ Кіева, Корниловскимъ ударнымъ полкомъ, были выдвинуты на Таганрогское направленіе противъ частей Сиверса, гдѣ полковникъ А. П. Кутеповъ успѣшно сдерживалъ натискъ большевиковъ у Матвѣева Кургана (въ 40 клм. къ сѣверу отъ Таганрога).

Въ концѣ января, штабъ Добровольческой Арміи перешелъ въ Ростовъ и вся борьба съ арміей Сиверса цѣликомъ легла не нее. По численности, Добровольческая Армія врядъ ли превышала въ это время 1,5—2 тысячи человѣкъ (и притомъ почти исключительно пѣхоты).

На Воронежскомъ направленіи натискъ большевиковъ сдерживалъ Чернецовъ, а непосредственно Новочеркасскъ прикрывалъ баталіонъ Добровольческой Арміи.

Положеніе на Дону вскорѣ еще болѣе осложнилось тѣмъ, что 24-го января въ ст. Каменской (въ 100 клм. къ сѣверу отъ Новочеркасска) сформировался казачій Военно-Революціонный Комитетъ (во главѣ съ казакомъ — подхорунжимъ Подтелковымъ), который одновременно вступилъ въ переговоры съ Донскимъ Правительствомъ и съ Антоновымъ-Овсѣенко, а „сѣверный казачій отрядъ" войскового старшины Голубова прямо перешелъ на сторону красныхъ.

Степень сопротивленія Дона красные расцѣнивали невысоко. Перехваченная донцами телеграмма Антонова-Овсѣенко въ Смольный (резиденція совѣтской власти въ Петроградѣ въ то время) гласила: „Въ Каменской образовался казачій военно-революціонный комитетъ. Сейчасъ (повидимому 26 или 27 января) обращается съ дѣловыми вопросами къ намъ, какъ высшей здѣшней власти. Скоро уничтожимъ Раду и Каледина" *). Какого рода были „дѣловые" вопросы Подтелкова можно судить по слѣдующей, также перехваченной донцами, телеграммѣ этого послѣдняго Антонову: „Харьковъ. Наркому Антонову. Дѣла подвигаются впередъ, назрѣваетъ столкновеніе съ калединцами. Фронтовыя и строевыя части присоединяются къ намъ. Но денегъ нѣтъ, содержать нечѣмъ

*) Донская Лѣтопись, № 2, документъ № 4, стр. 314.

полки. Если имѣете возможность отпустить хотя бы два—три милліона, то торопитесь, ибо отъ этого исключительно зависитъ успѣхъ. Скоро будетъ окончательно открыты границы. Калединовъ (sic) хочетъ взять насъ изморомъ. Изъ-за недостатка денегъ мы можемъ проиграть все. Нѣтъ также бумаги для печати и чувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ. Предсѣдатель Каменскаго военно-революціоннаго комитета Подтелковъ, хорунжій Маркинъ" *).

Новочеркасскъ и Ростовъ медленно, но вѣрно стягивались совѣтскимъ кольцомъ. Возстаніе рабочихъ Балтійскаго завода въ Таганрогѣ (27-го января) начинало угрожать Добровольческому отряду у Матвѣева Кургана. Новый налетъ Чернецова, правда, отбросилъ отряды Саблина, овладѣвшаго было желѣзно-дорожными станціями Лихой и Звѣрево (между ст. Каменской и Новочеркасскомъ) и даже донскимъ партизанамъ удалось было, 31 января, овладѣть желѣзно-дорожной станціей Глубокой (въ 20 клм. сѣв. Каменской), но они были окружены отрядомъ Подтелкова и 4-го февраля полк. Чернецовъ былъ послѣднимъ убитъ.

Усиленные группой Кудинскаго (Конотопскія формированія) и отрядомъ Черноморскихъ моряковъ, Саблинъ съ сѣвера, а Сиверсъ съ запада, въ первыхъ числахъ февраля повели вновь рѣшительное наступленіе. Въ результатѣ, 8-го февраля Саблинъ овладѣлъ желѣзно-дорожными станціями Лихой и Звѣрево, а Сиверсъ — Таганрогомъ, что вынудило части Добровольческой Арміи отойти къ Синявкѣ (на полпути между Ростовомъ и Таганрогомъ). Положеніе Дона и Добровольческой Арміи становилось критическимъ.

Центръ тяжести событій однако въ это время перенесся въ Брестъ и на Украину.

Покинувъ 18-го января Брестъ, глава совѣтской делегаціи Троцкій привезъ въ Смольный условія мира. Эти условія въ общемъ оставляли за нѣмцами острова Моонзунда, Ригу, Курляндію, Литву съ Вильной и Польшу съ границей по р. Бугу. То есть изъ всей захваченной австро-германцами за время войны территоріи — Россіи возвращалась лишь западная часть Волынской, восточная часть Гродненской губерніи и Пинскій уѣздъ Минской губерніи.

Турція получала, завоеванные нами въ 1878 году на Кавказѣ, Карсъ и Ардаганъ. Конечно, условія были тяжкія и не даромъ Ленинъ на засѣданіи центральнаго комитета коммунистической партіи 22-го января говорилъ **): „Несомнѣнно миръ, который мы вынуждены заключить сейчасъ — миръ похабный, но, если начнется война, то наше правительство

*) Донская Лѣтопись № 2, стр. 317—318. (Документъ № 4).

**) „Ленинъ и Брестскій миръ", Гос. издательство, Москва, 1923 годъ стр. 16.

будетъ сметено и миръ будетъ заключенъ съ другимъ правительствомъ"... Поэтому онъ все же цинично настаивалъ на необходимости принятія этихъ условій. Поддержки въ центральномъ комитетѣ партіи онъ, однако, не нашелъ и одержала верхъ формула Троцкаго: „ни миръ, ни война". Большевики, по признанію самого же Троцкаго (еще до его высылки изъ СССР), въ то время еще наивно вѣрили въ возможность затягиваніемъ переговоровъ вызвать міровую революцію.

„Какіе же мотивы заставили нашу делегацію затягивать, а затѣмъ и не подписывать мира до начала нѣмецкаго наступленія", пишетъ Троцкій. „Въ январѣ въ Германіи начиналась общая стачка. Агитаціонное значеніе переговоровъ, расчитанныхъ на быструю революцію въ Германіи, давало надежду на выходъ изъ войны" *).

30-го января Троцкій съ совѣтской делегаціей вернулся въ Брестъ, прихвативъ съ собою двухъ делегатовъ совѣтской („Харьковской") Украины.

Украинская Рада тѣмъ временемъ, несомнѣнно имѣя въ виду переговоры въ Брестѣ, 25-го января 4-мъ Универсаломъ провозгласила независимость и самостоятельность Украинской Народной Республики, то есть полное ея *отдѣленіе* отъ Россіи.

Кіевская и Харьковская украинскія делегаціи горячо другъ на друга нападали, оспаривая свои полномочія, но конечно не въ полномочіяхъ было дѣло. Кіевскихъ украинцевъ поддерживали нѣмцы, какъ средство заставить большевиковъ подписать миръ или, по крайней мѣрѣ, развязать себѣ руки для эксплоатаціи Украины. Харьковскихъ украинцевъ поддерживала совѣтская армія Муравьева.

Части 2 гвардейскаго корпуса, наступавшія на Кіевъ съ запада, со стороны Жмеринки, успѣшно сдерживались войсками Рады. Конечно, по существу дѣла, война была лишь обозначенной, такъ какъ оба противника были въ состояніи полнѣйшаго разложенія.

Главный ударъ Радѣ готовился съ другой стороны. Обстановка, сложившаяся въ Брестѣ, заставила Антонова торопиться съ ликвидаціей Рады. Армія Муравьева двигалась въ эшелонахъ отъ Харькова прямо на Кіевъ. 17-го января она заняла Полтаву. Съ фланговъ, также въ эшелонахъ, ей содѣйствовалъ отрядъ особаго назначенія Знаменскаго (справа), высланный изъ Москвы на Ворожбу, и колонна Егорова (слѣва) отъ Лозовой на Полтаву. Наконецъ, съ сѣвера отъ Гомеля на Бахмачъ наступали колонны Берзина и Вацетиса (отряды, сформированные большевицкой Могилевской Ставкой).

*) Троцкій, „Какъ вооружалась революція" томъ I, стр. 401, примѣчаніе 20-е.

Не встрѣчая на своемъ пути никого, кромѣ совершенно разложившихся украинскихъ „гайдамаковъ“, армія Муравьева стремительно наступала на Кіевъ. 24-го января Муравьевъ занялъ Ромоданъ и Кременчугъ, затѣмъ Лубны и Гребенку, въ то время какъ Гомельскій отрядъ выдвинулся къ Крутамъ.

Приближеніе Муравьева къ Кіеву вызвало, 28-го января, возстаніе рабочихъ Кіевскаго арсенала, подавленное однако войсками Рады еще до подхода Муравьева. Нѣкоторое сопротивленіе Муравьевъ встрѣтилъ лишь въ 40 клм. восточнѣе Кіева на р. Трубежѣ. Здѣсь онъ, между прочимъ, вошелъ въ соприкосновеніе съ частями расположившагося здѣсь чехословацкаго корпуса, который впрочемъ немедленно заявилъ о своемъ нейтралитетѣ.

Такимъ образомъ ко дню возвращенія Троцкаго въ Брестъ (30-го января) совѣтскія войска стояли уже подъ стѣнами Кіева. Для обороны своей столицы Украинская Рада располагала лишь, примѣрно, тысячью надежныхъ бойцовъ. Всѣ остальныя украинскія части заняли либо нейтральную, либо даже враждебную Радѣ позицію.

Подойдя къ Кіеву, Муравьевъ приступилъ къ ожесточенной (конечно въ масштабахъ той эпохи, когда орудія придавались „арміямъ“ не сотнями, а десятками или даже единицами) его бомбардировкѣ.

Положеніе Троцкаго въ Брестѣ усиливалось и на рѣчь украинскаго делегата Любинскаго, горячо возстававшаго противъ большевицкихъ пріемовъ, Троцкій возразилъ, что власть Центральной Рады кончена и что единственной территоріей, которой располагаютъ ея представители, является ихъ комната въ германской Ставкѣ въ Брестъ-Литовскѣ. Троцкій былъ въ общемъ недалекъ отъ истины, такъ какъ 9-го февраля Муравьевъ взялъ Кіевъ, а украинское правительство наканунѣ бѣжало въ Житоміръ. Однако нѣмцы рѣшили поддержать украинцевъ кіевскихъ. Гофманъ былъ отлично освѣдомленъ объ истинномъ положеніи дѣлъ на Украинѣ, но тѣмъ не менѣе дипломаты центральныхъ Державъ рѣшили поддерживать Раду и отказались признать, вывезенныхъ Троцкимъ изъ Харькова, украинскихъ делегатовъ подъ предлогомъ, что самъ же Троцкій въ началѣ января признавалъ Кіевскихъ делегатовъ украинскими представителями.

9-го февраля, въ день вступленія въ Кіевъ красной арміи Муравьева, въ Брестѣ представителями Центральныхъ Державъ былъ заключенъ миръ съ Украиной.

Это было тяжелымъ ударомъ для большевиковъ, такъ какъ этимъ миромъ нѣмцы получали все то, къ чему они стремились, и большевики неизбѣжно должны были послѣ этого пойти на уступки.

Въ тотъ же день Императоръ Вильгельмъ II прислалъ германскому делегату — статсъ-секретарю по иностраннымъ

дѣламъ ф. Кюльману, телеграмму съ требованіемъ предъявить Троцкому ультиматумъ о подписаніи мира въ теченіи 24 часовъ. Ультиматумъ, по настоянію Кюльмана, предъявленъ не былъ, такъ какъ онъ до послѣдней минуты надѣялся склонить Троцкаго къ миру уступкой совѣтамъ Риги и Моонзундскихъ острововъ. Троцкій, однако, отъ мира продолжалъ уклоняться и 10-го февраля неожиданно заявилъ, что совѣтская Россія кончаетъ войну и приступаетъ къ демобилизаціи, но не заключаетъ мира. Формула „ни миръ, ни война“ совершенно сбила съ толку Брестскихъ дипломатовъ, особенно австрійскихъ, но Германская Ставка на эту удочку не поддалась и истолковала заявленіе Троцкаго, какъ отказъ отъ продленія перемирія со всѣми вытекающими изъ этого для большевиковъ послѣдствіями.

Наряду съ основными событіями этой эпохи въ Брестѣ, на Дону и Украинѣ, отдѣльные очаги борьбы создались еще на Румынскомъ фронтѣ, въ польскомъ корпусѣ, расположенномъ въ раіонѣ Могилева и въ Финляндіи.

Еще 19-го декабря въ Одессѣ организовался объединенный комитетъ изъ представителей Румынскаго фронта, Черноморскаго флота и города Одессы (РУМ-ЧЕР-ОД или сокращенно Румчеродъ). Наличіе румынскихъ войскъ сильно задерживало распространеніе большевизма въ Бессарабіи и Одесскомъ раіонѣ.

Послѣ неудачной попытки фронтового отдѣла Румчерода захватить власть въ свои руки, въ г. Яссахъ, былъ разстрѣлянъ видный большевикъ Рошаль.

Въ январѣ 1918 года румынскія войска оккупировали Бессарабію до линіи р. Днѣстра. Большевики, въ лицѣ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ въ Петроградѣ, реагировали на это деклараціей Румыніи отъ 26-го января *):

„1. Всѣ дипломатическія сношенія прерываются. Румынскій посланникъ и всѣ вообще агенты Румынской власти высылаются заграницу.

„2. Хранящійся въ Москвѣ золотой фондъ Румыніи объявляется неприкосновеннымъ для румынской олигархіи. Совѣтская власть беретъ на себя отвѣтственность за сохраненіе этого фонда и передаетъ его въ руки румынскаго народа.

„3. Возставшій противъ революціи бывшій главнокомандующій румынскаго фронта генералъ Щербачевъ объявляется врагомъ народа и ставится внѣ закона“.

*) Цитировано по статьѣ Л. Дехтярева въ „Гражданской Войнѣ“, изданіе Комиссіи по изслѣдованію и использованію опыта міровой и гражданской войнъ. Москва, 1923 годъ, томъ 2-й, стр. 9. Этотъ источникъ не нужно смѣшивать съ трехтомной „Гражданской Войной 1918—1921 гг.“. Изданіе 1928—1930 гг. Поэтому вездѣ при послѣдующихъ ссылкахъ первый источникъ обозначенъ „Гражданская Война“, а второй, „Гражданская Война 1918—1921 гг.“.

Лишь во второй половинѣ января, то есть спустя свыше двухъ мѣсяцевъ послѣ октябрьскаго переворота, при содѣйствіи главнымъ образомъ стараго броненосца „Синопъ", въ Одессѣ была провозглашена совѣтская власть. Румынія къ этому дню уже заняла Кишиневъ и Бендеры въ Бессарабіи и продвигалась къ Аккерману, то есть къ ближайшему отъ Одессы (40 клм.) пункту Бессарабіи. Румчерод, опасаясь наступленія румынъ на Одессу (тѣмъ болѣе, что 4-го февраля румыны переправились черезъ р. Днѣстръ у Бендеръ, хотя и были выбиты на слѣдующій день большевиками, даже захватившими на три дня и сами Бендеры), при посредствѣ остававшихся въ Одессѣ иностранныхъ консуловъ, вступилъ въ переговоры съ Румыніей, стремясь задержать наступленіе румынской арміи, и 8-го февраля имъ было заключено съ румынами перемиріе.

Оккупировавъ Бессарабію, румыны врядъ ли стремились итти дальше, рискуя завязнуть въ русскомъ большевизмѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ военное положеніе съ развaломъ русскаго фронта, становилось критическимъ. Но перепуганный Румчерод видѣлъ въ попавшихъ въ отчаянное положеніе, изъ-за Бреста, румынахъ, опаснаго врага.

Не такъ, однако, смотрѣлъ, окрыленный легкимъ успѣхомъ надъ украинской Радой, Муравьевъ. 14-го февраля по прямому проводу изъ Кіева онъ хвастливо телеграфировалъ въ Одессу образовавшейся тамъ „Верховной Комиссіи по борьбѣ съ румынской и бессарабской контръ-революціей" (въ которой главную роль игралъ Раковскій, впослѣдствіи совѣтскій полпредъ въ Парижѣ):

„Дорогіе товарищи, я съ революціонными арміями послѣ трехъ-недѣльнаго похода по Украинѣ и безконечнаго множества боевъ, особенно подъ Кіевомъ, гдѣ шелъ ожесточенный бой пять сутокъ, занялъ городъ окончательно... Всѣ иностранные агенты были у меня съ завѣреніями лояльности и порицанія старой Рады, 4-го Универсала, которой они не признавали. Румынскій представитель и генералъ Коанда тоже самое сказалъ. Послѣдній выразилъ полную лояльность и обѣщалъ мнѣ вывести войска обратно изъ Бессарабіи. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то я организую карательную экспедицію на Румынію и безпощадно расправлюсь съ румынскими помѣщиками и офицерами, виновными въ убійствѣ нашихъ революціонеровъ"...*).

Несмотря на хвастливый тонъ и чудовищное преувеличеніе сопротивленія, встрѣченнаго его арміей на Украинѣ, Муравьевъ гораздо трезвѣе оцѣнивалъ общую обстановку на румынскомъ фронтѣ, чѣмъ, напуганная румынской оккупацией Бессарабіи, совѣтская власть въ Одессѣ. Положеніе румынъ, отрѣзанныхъ отъ союзниковъ, выданныхъ Брестскими переговорами головой центральнымъ державамъ, было очень незавидно.

*) Статья Дегтярева въ „Гражданской войнѣ", томъ 2-й, стр. 53.

Подбодренные Муравьевымъ, одесскіе большевики рѣшили прервать заключенное 8-го февраля перемиріе съ Румыніей и 16-го „Верховная Комиссія", то есть Раковскій, отправила румынамъ слѣдующій ультиматумъ: „Немедленная эвакуація Бессарабіи отъ румынъ и національныхъ контръ-революціонныхъ войскъ Щербачева. Немедленный возвратъ всего захваченнаго румынскими войсками имущества на территоріи Бессарабіи и Румыніи. Выдача Щербачева и виновниковъ убійства Рошаля и т. д.".

Успѣхъ большевиковъ на Украинѣ отражался на тонѣ ихъ переговоровъ съ попавшей между двухъ огней Румыніей.

Большевики этимъ, въ сущности, объявляли войну Румыніи, но судьбы румынскаго фронта рѣшались въ это время не въ Яссахъ и не въ Одессѣ, а въ Брестѣ...

Въ сторонѣ отъ главныхъ очаговъ контръ-революціи, въ раіонѣ Ставки (Смоленскъ—Могилевъ—Гомель) были расположены части 1 польскаго корпуса ген. Довборъ-Мусницкаго. Части эти не признавали совѣтскихъ декретовъ демократизаціи арміи и сохранили извѣстную боеспособность. Затяжка переговоровъ въ Брестѣ и развалъ фронта заставилъ большевиковъ пододвинуть польскія части къ фронту для замѣны ими разложившихся частей фронта. Съ этой цѣлью въ концѣ января была начата переброска частей I польскаго корпуса въ раіонъ желѣзно-дорожнаго узла Жлобинъ (на Днѣпрѣ).

Польскій корпусъ, отмежевавшійся отъ большевиковъ, велъ переговоры съ Добровольческой Арміей. Переписка эта попала въ руки большевиковъ и послѣдніе потребовали разоруженія корпуса. Командиръ корпуса—ген. Довборъ-Мусницкій, отказался это выполнить, за что былъ объявленъ внѣ закона. Къ этому времени, то есть къ началу февраля, большая часть корпуса (до двухъ дивизій изъ трехъ), но безъ артиллеріи, слѣдовавшей въ хвостовыхъ эшелонахъ, пыталась овладѣть желѣзно-дорожной станціей Жлобинъ и отъ Рогачева повела наступленіе на Ставку въ Могилевѣ.

Попытка ликвидировать поляковъ мѣсными силами окончилась неудачно и тогда съ фронта были спѣшно переброшены болѣе крѣпкія части (главнымъ образомъ латыши и матросы) и, подъ командой Вацетиса, они, 13-го февраля, разбивъ I польскій корпусъ, заняли Рогачевъ. За недѣлю до этого отъ Жлобина была отброшена и 2-я польская дивизія.

Своему успѣху красные были обязаны главнымъ образомъ наличію у нихъ и отсутствію ея у поляковъ — артиллеріи.

3-я дивизія польскаго корпуса у Смоленска, черезъ Рославль, все-таки проскочила на присоединеніе къ разбитымъ большевиками 1-й и 2-й дивизіямъ и весь корпусъ отошелъ

къ Бобруйску. Но и тутъ, какъ и на румынскомъ фронтѣ, однако, окончательное рѣшеніе судьбы поляковъ принадлежало не имъ и не большевикамъ, а нѣмцамъ.

Наконецъ, въ ночь съ 27-го на 28-ое января въ независимой Финляндіи было свергнуто правительство Свинхувуда и властью овладѣли финскіе большевики.

Сепаратный миръ съ Украиной, захватъ большевиками Кіева и провозглашеніе Троцкимъ лозунга „ни война, ни миръ" (9-го февраля 1918 г.), совпали съ грозными событіями на Дону.

Отходъ Добровольческой Арміи на подступы къ Ростову (Синявка), смерть Чернецова и захватъ красными ст. Лихой и Звѣрево уже ясно обозначали надвигавшуюся на Донъ катастрофу.

Кромѣ Добровольческой Арміи и горсти донскихъ партизанъ защищать Донъ было некому. Двухмилліонное Донское казачество воевать не хотѣло. Возвращавшіеся съ фронта полки безъ сопротивленія сдавали оружіе совѣтскимъ отрядамъ въ Донецкомъ бассейнѣ и расходились по станицамъ.

Поэтому ген. Корниловъ, прійдя въ началѣ февраля къ убѣжденію о безцѣльности дальнѣйшаго пребыванія Добровольческой Арміи на Дону, рѣшилъ уйти на Сѣверный Кавказъ.

8-го февраля ген. Калединъ созвалъ совѣщаніе, на которомъ присутствовалъ начальникъ штаба Добровольческой Арміи ген. Лукомскій. „Доклады, сдѣланные на засѣданіи предсѣдателемъ Донского правительства и членами Круга обрисовали очень тяжелую картину", пишетъ ген. Лукомскій*). „Донъ окончательно разваливался и спасти положеніе было трудно. Послѣ моего заявленія о невозможности что-либо дать изъ состава Добровольческой Арміи для непосредственной обороны Новочеркасска, а что наоборотъ ген. Корниловъ проситъ возможно скорѣе вернуть ему офицерскій батальонъ (2-й), большинство присутствующихъ на засѣданіи высказалось въ томъ смыслѣ, что удержать Новочеркасскъ будетъ невозможно и, что Атаману съ правительствомъ и Войсковымъ Кругомъ надо переѣхать немедленно въ раіонъ еще крѣпкихъ и стойкихъ станицъ, расположенныхъ по р. Дону и тамъ постараться заставить казачество откликнуться на призывъ Атамана.... Генералъ Калединъ выслушалъ всѣхъ говорившихъ, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что оставить Новочеркасскъ онъ не можетъ, что онъ считаетъ недопустимымъ Атаману бѣжать изъ столицы Донского Края и скитаться по станицамъ, если ничего не выйдетъ, то онъ погибнетъ здѣсь въ Новочеркасскѣ".

Ген. Деникинъ пишетъ,**) что въ „штабѣ былъ разработанъ планъ для захвата ст. Тихорѣцкой (на Кубани), подготовлены поѣзда и 10-го февраля послана объ этомъ рѣшеніи телеграмма генералу Каледину".

*) Ген. Лукомскій, томъ I, стр. 294.
**) Ген. Деникинъ, томъ II, стр. 220.

Предстоявшій уходъ Добровольческой Арміи, отводъ единственной боеспособной части (батальона Добровольческой Арміи), прикрывавшей Новочеркасскъ съ сѣвера и тревожные слухи о движеніи красной конницы съ сѣверо-запада, заставили ген. Каледина 11-го февраля созвать въ 9 часовъ утра въ атаманскомъ дворцѣ Донское Правительство на срочное совѣщаніе. А. М. Калединъ доложилъ всю обстановку и соотношеніе силъ на фронтѣ. „Въ моемъ распоряженіи", докладывалъ Атаманъ, „находится 100—150 штыковъ, которые и сдерживаютъ большевиковъ на Персіяновскомъ (сѣверномъ) направленіи. Передъ Вашимъ приходомъ я получилъ свѣдѣнія отъ пріѣхавшаго помѣщика, что сильная колонна красной кавалеріи, повидимому обойдя Добровольческую Армію, движется по направленію къ ст. Грушевской (съ сѣверо-запада)*). Отъ ген. Корнилова мною получена телеграмма, извѣщающая о его намѣреніи покинуть Ростовъ и въ виду этого его настоятельная просьба срочно отправить офицерскій батальонъ съ Персіяновскаго фронта въ его распоряженіе (А. М. взволнованно прочелъ телеграмму). Дальше, какъ видите, борьба невозможна. Только лишнія жертвы и напрасно пролитая кровь. Приходъ большевиковъ въ Новочеркасскъ можно ожидать съ часу на часъ. Мое имя, какъ говорятъ, „одіозно"... Я рѣшилъ сложить свои полномочія, что предлагаю сдѣлать и Правительству. Предлагаю высказаться, но прошу, какъ можно короче. Разговоровъ было и такъ достаточно. Проговорили Россію..."**) Послѣ краткаго обмѣна мнѣній, сперва было рѣшено передать власть городской думѣ и демократическимъ организаціямъ, но затѣмъ возникли колебанія. Все же было условлено встрѣтиться въ 4 часа въ городской управѣ и подписать актъ передачи. Ген. Калединъ ушелъ съ засѣданія и черезъ полчаса, у себя на квартирѣ, застрѣлился!

Городское управленіе, принявъ власть, растерялось и на собраніи Новочеркасской станицы и бывшихъ въ Новочеркасскѣ казаковъ другихъ станицъ, власть въ области была вручена *единолично* походному Атаману ген. А. М. Назарову, а походнымъ атаманомъ сталъ ген. П. Х. Поповъ.

17-го февраля въ Новочеркасскѣ собрался четвертый по счету Войсковой кругъ (безъ иногороднихъ), утвердившій избраніе ген. Назарова войсковымъ атаманомъ.

Избравшіе ген. Назарова атаманомъ казаки облекли его неограниченными полномочіями и увѣрили его при избраніи, что они приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы поставить подъ ружье всѣхъ способныхъ носить оружіе казаковъ ближай-

*) Принятая за кавалерію колонна, по свидѣтельству Янова въ „Донской Лѣтописи" (№ 2, стр. 198), оказалась гуртомъ скота и бѣженцами изъ Ростова.
**) „Донская Лѣтопись", № 2, статья Г. П. Янова; „Паритетъ" стр. 196.

шихъ станицъ. Выстрѣлъ Каледина какъ будто разбудилъ казачество, устыдилъ его и заставилъ одуматься. Избравши ген. Назарова атаманомъ, казаки какъ будто прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы сдержать данное ему обѣщаніе поставить подъ ружье всѣхъ способныхъ носить оружіе. Въ Ростовъ, въ штабъ Добровольческой Арміи, была послана делегація съ просьбой продолжать оборону Дона и съ обѣщаніемъ помощи.

И дѣйствительно въ первые дни въ Новочеркасскъ потекли со всѣхъ ближайшихъ станицъ старые казаки. Подъемъ, несомнѣнно, былъ, но вернувшихся съ фронта казаковъ фронтовиковъ онъ, увы, не коснулся.

Добровольческая Армія подъ вліяніемъ этого подъема казачества, осталась на Дону.

Однако, скоро выяснились результаты мобилизаціи и 20-го февраля ген. Назаровъ былъ вынужденъ сообщить штабу Добровольческой Арміи, что казаки никакой помощи оказать не могутъ, и что онъ больше не смѣетъ задерживать на Дону Добровольческую Армію, а Войсковой Кругъ послалъ къ командующему, наступавшей съ сѣвера на Новочеркасскъ, совѣтской арміи Саблину, делегацію для переговоровъ. Делегація выѣхала къ Саблину, гдѣ 25-го февраля и вступила съ нимъ въ переговоры.

Части Сиверса, усиленныя вновь прибывшими изъ центра отрядами и мощнымъ бронепоѣздомъ съ морскими орудіями, все больше и больше тѣснили части Добровольческой Арміи на подступахъ къ Ростову.

Одновременно съ этимъ части 39-й пѣх. дивизіи и сѣверо-кавказская группа большевиковъ, 14-го февраля, наступая на Ростовъ съ Юго-Востока, захватила, защищавшійся горстью добровольцевъ. Батайскъ (городокъ на южномъ берегу Дона, противъ Ростова).

Телеграмма атамана Назарова отъ 20-го февраля ясно обрисовывала всю безнадежность поддержки со стороны донского казачества и въ ночь съ 20-го на 21-ое февраля ген. Корниловъ ушелъ съ Добровольческой Арміей изъ Ростова и, переправившись, изъ-за занятія большевиками Батайска, черезъ Донъ по льду у Аксая, сосредоточилъ 23-го февраля армію въ станицѣ Ольгинской.

Совѣтская армія Саблина, которому Антоновъ подчинилъ въ серединѣ февраля и отрядъ Петрова, между тѣмъ продвигалась на Новочеркасскъ съ сѣвера вдоль желѣзнодорожной магистрали Воронежъ—Ростовъ и къ 17-му февраля овладѣла Александровъ-Грушевской. Къ западу отъ ж. д. шелъ отрядъ Саблина, къ востоку — Петрова. Перешедшій на сторону красныхъ, донской отрядъ Голубова наступалъ вмѣстѣ съ частями Саблина. Однако красные не довѣряли казакамъ, даже и революціоннымъ. Поэтому помощника Саблина—Пугачевскаго, Антоновъ назначилъ быть совѣтскимъ представителемъ въ штабѣ войскового старшины Голубова (ядро отряда 10 и 27 донскіе казачьи полки).

„Главной моей задачей“, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Пугачевскій*), „было слѣдить за поведеніемъ и настроеніемъ казаковъ и предотвратить возможную измѣну и выступленіе противъ насъ“.

Для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что собою представляли наступавшіе на Новочеркасскъ съ сѣвера отряды, интересно привести хирактеристику, даваемую Пугачевскимъ Петрову.

„Петровъ“, пишетъ Пугачевскій**), „что-то въ родѣ эсъ-эра, говорятъ будто бы подполковникъ, страшно любитъ рисоваться, онъ контуженъ или раненъ, а посему его постоянно водятъ подъ руки два черкеса въ черныхъ черкескахъ, онъ же самъ одѣтъ въ бѣлую, золотомъ шитую. Отряда у него оказалось: два трехъ-дюймовыхъ орудія, два Гочкиса, оркестръ, штабъ и до 800 человѣкъ, распущенныхъ до невозможности . . . . Въ вагонѣ масса бабъ. Кто онѣ такія—разобрать весьма трудно, часть изъ нихъ въ мужскомъ обмундированіи“. Послѣ взятія Новочеркасска, возвращаясь въ Рязань, Петровъ „далъ телеграмму, чтобы его вездѣ(по пути) встрѣчали съ хлѣбомъ-солью и оркестромъ“ ***).

Оркестры, черкески, „бабы, въ которыхъ трудно разобраться кто онѣ такія“, столь типичные для нашей гражданской войны, были не чужды и „возставшему пролетаріату“.

Всѣ эти разношерстныя банды ватагой спускались вдоль желѣзной дороги къ Новочеркасску. Однако захватили городъ не онѣ, а казаки Голубова.

Бросивъ своего попечителя — Пугачевскаго (насилу его нагнавшаго), Голубовъ, перерѣзавъ путь колонны Петрова у Александровскъ-Грушевска, кружнымъ путемъ черезъ ст. Раздорскую, ворвался въ Новочеркасскъ въ тотъ самый день 25-го февраля, когда делегація войскового круга заканчивала свои переговоры съ Саблинымъ.

Пугачевскій такъ описываетъ захватъ Новочеркасска****): „Оставивъ у входа (въ зданіе судебныхъ установленій, гдѣ засѣдалъ Войсковой Кругъ) 15 конныхъ, мы, съ остальными, вошли въ зданіе. Поднялись во второй этажъ, у двери зала засѣданія швейцаръ загородилъ путь; короткимъ ударомъ отбрасывается отъ дверей. Открываемъ двери. Въ залѣ идетъ засѣданіе Войскового Круга. За столомъ Президіумъ — все войсковое правительство съ войсковымъ атаманомъ Назаровымъ. Назаровъ поднимается и спрашиваетъ: „что за шумъ?

---

*) „Гражданская война“, томъ I, статья „Воспоминанія Пугачевскаго“, стр. 401.

**) Тамъ же, стр. 389.

***) Тамъ же, стр. 413.

****) Тамъ же, стр. 407—408.

что Вамъ надо? кто вы такіе? какъ смѣете входить? Здѣсь засѣданіе Войскового круга".

„— Встать, мерзавцы. Совѣтскій атаманъ Голубовъ пришелъ къ Вамъ принять власть, — отвѣтилъ я.

„Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, встали *); въ президіумѣ за столомъ смятеніе, я подскочилъ тутъ и направилъ браунингъ въ Назарова; въ этотъ мигъ два казака конвоя Голубова схватили меня и отвели руку (!). — „Позоръ Вамъ, казаки, помѣшавшіе мнѣ застрѣлить палача". Я, однако, черезъ столъ протянулъ руку и сорвалъ генеральскій погонъ съ Назарова. Голубовъ, подойдя сзади, сорвалъ ему второй погонъ и, схвативъ его за руку, бросился къ станичникамъ съ возгласомъ: „Станичники, нечего церемониться, берите живѣе всю эту сволочь", и тогда только казаки принялись за остальныхъ членовъ президіума, начали рвать съ нихъ погоны и обыскивать...... Поздно ночью прибылъ Саблинъ и сообщилъ, что тов. Антоновъ прибываетъ въ Новочеркасскъ. Наши же походныя колонны пришли — Медвѣдевская (наступавшая западнѣе желѣзной дороги) около 12 часовъ слѣдующаго дня, а Петровъ — около пяти часовъ".

„Какимъ образомъ", удивляется Пугачевскій, „намъ удалось взять Новочеркасскъ, трудно сказать, *больше половины казаковъ настроены къ намъ враждебно*".

Въ тотъ же день походный атаманъ ген. П. Х. Поповъ съ отрядомъ численностью около двухъ тысячъ при двухъ конныхъ батареяхъ **), началъ отходъ черезъ станицу Старочеркасскую за Донъ, въ Сальскія Степи, а шесть дней спустя (3-го марта) войсковой атаманъ ген. Назаровъ былъ разстрѣлянъ большевиками.

Донское казачество, не признавъ октябрьскаго переворота, однако на вооруженную борьбу съ большевиками не пошло. И не пошли не только „фронтовики", не пошли и „старые", но еще способные носить оружіе, станичники. Если настроеніе возвращавшихся съ фронта казачьихъ полковъ отчасти можно объяснить заразой революціонной пропаганды на фронтѣ, усталостью отъ войны и боязнью казаковъ, неоднократно призывавшихся въ теченіи 1917 года для усмиренія на фронтѣ бунтовавшихъ армейскихъ частей, прослыть „нагаечниками", то вѣдь старое то казачество ни этой заразой, ни усталостью не страдало. Между тѣмъ на призывы своихъ выборныхъ атамановъ стать на защиту Дона ни тѣ, ни другіе не откликнулись. Правда, что въ то же время и активные сторонники большевиковъ среди донского казачества насчитывались единицами. Голубовъ, Смирновъ и Подтелковъ никакъ не могли считаться выразителями казачьей воли. И активные борцы съ большевизмомъ — главнымъ

*) Это невѣрно — ген. Назаровъ не всталъ.

**) Донская Лѣтопись, № 1, статья В. Добрынина, „Вооруженная борьба Дона съ большевиками", стр. 97.

образомъ партизаны, и революціонные большевицкіе казачьи отряды были исключеніями. Вѣдь даже ворвавшіеся на засѣданіе Круга голубовскіе казаки отвели браунингъ, направленный большевикомъ Пугачевскимъ въ атамана Назарова. Подавляющая масса донского казачества въ первые мѣсяцы послѣ октябрьскаго переворота была нейтральна, и причины этого нейтралитета лежали не столько въ нежеланіи воевать, сколько въ наивномъ, типичномъ для этой эпохи жизни донского казачества, убѣжденіи, что если „не дразнить" большевиковъ, то и большевики не тронутъ Дона и оставятъ ихъ жить своимъ казачьимъ укладомъ.

Эта наивная мысль постепенно, подсознательно, завоевывала умы казаковъ. Идея паритета, то есть предоставленіе всей полноты правъ и частновладѣльческихъ земель подавляющей массѣ иногороднихъ, еще больше эту идею углубляла. Разъ казачество устанавливало у себя на Дону „демократическій" порядокъ и полюбовно размежевывалось съ недовольнымъ слоемъ иногороднихъ, большевикамъ незачѣмъ трогать казачество и оно можетъ спокойно существовать наряду съ совѣтской властью въ остальной Россіи. Совершенно несомнѣнно, что ложная, для этой эпохи борьбы съ большевизмомъ, идея „паритета" сыграла роковую роль въ представленіи донского казачества о возможныхъ его взаимоотношеніяхъ съ только что захватившими власть большевиками.

Уже въ концѣ декабря 1917 года Войсковой Кругъ посылалъ делегацію въ карательный отрядъ 17-го стрѣлковаго полка (на ст. Чертково) и, вызвавъ представителей этого отряда на засѣданіе, Кругъ пытался ихъ убѣдить, что казаки *): „не буржуи, а настоящіе хлѣборобы, такіе же трудовые люди, какъ и они, депутаты 17-го стрѣлковаго полка, что имъ съ казаками не изъ за чего драться, нечего дѣлить, что казаки сами устроятъ свою жизнь и никакъ не притѣсняютъ, наоборотъ, зовутъ къ власти и крестьянъ, и рабочихъ, и горожанъ" и „постановляетъ послать въ Петроградъ къ Ленину (!) делегацію съ представителями карательнаго отряда для выясненія дѣла".

Возстаніе въ Каменской въ концѣ января 1918 года вызываетъ опять таки обмѣнъ делегаціями съ явно перешедшимъ на сторону большевиковъ казакомъ Подтелковымъ, вручившими „революціонному комитету" разъясненія Донского Правительства, 4-й пунктъ которыхъ опредѣленно гласилъ **), что „Донское Правительство не отказывается во имя прекращенія братоубійственной войны вступить въ переговоры съ полномочнымъ представителемъ командованія красной арміи, для каковой цѣли готово послать отъ себя особую делегацію" и посылаетъ къ командующему совѣтской

*) Донская Лѣтопись № 2, статья К. Каклюгина, „Войсковой атаманъ А. М. Калединъ и его время", стр. 153.

**) Тамъ же, статья Г. П. Янова, „Паритетъ", стр. 191.

арміей на Таганрогскомъ направленіи Сиверсу — делегацію изъ трехъ человѣкъ.

Лишь возстаніе мѣстныхъ большевиковъ въ Таганрогѣ помѣшало ей выполнить возложенную на нее Донскимъ Правительствомъ „миссію"......

Даже послѣ врученія единоличной власти атаману Назарову и фактической отмѣны „паритета", въ концѣ февраля четвертый войсковой, чисто казачій, Кругъ опять таки посылаетъ делегацію къ командующему сѣверной совѣтской арміей Саблину съ наказомъ, въ которомъ снова слышатся тѣ же старыя, наивныя нотки*): „по имѣющимся у Круга точнымъ (?) свѣдѣніямъ, причинами посылки на Донъ карательной экспедиціи Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ послужили слѣдующія политическія обстоятельства:

„1. Недемократичный составъ Войскового Круга, по мнѣнію Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

„2. Неучастіе не-казачьяго населенія въ управленіи Областью.

„3. Возглавленіе Войскового Правительства ген. Калединымъ и обвиненіе его въ контръ - революціонности......

„Въ настоящее время обще-политическія условія въ государствѣ вообще и на Дону въ частности кореннымъ образомъ измѣнились:......

„2. ......Волею предыдущаго круга постановлено привлечь все неказачье населеніе къ законодательству и управленію на равныхъ съ казаками условіяхъ......

„3. Ген. Каледина нѣтъ, а Войсковое Правительство, выбранное Кругомъ 1-го созыва сложило съ себя полномочія......

„Принявъ во вниманіе все изложенное, Войсковой Кругъ желаетъ знать точно и правдиво:

„1. Какія же причины въ настоящее время заставляютъ войска Народныхъ Комиссаровъ быть на положеніи войны съ Дономъ?"......

Наивность этого наказа прямо непонятна, если не учесть той мистической увѣренности донского казачества въ началѣ 1918 года въ томъ, что главной причиной агрессивныхъ дѣйствій большевиковъ по отношенію къ казакамъ и основаніемъ гражданской войны, являются лишь тѣ или иныя лица въ составѣ Войскового Правительства и то или иное отношеніе казаковъ къ своимъ иногороднимъ. Равноправіе неказачьей части населенія и уходъ Добровольческой Арміи представлялись донцамъ тѣми условіями, которыя не могутъ не примирить большевиковъ съ существованіемъ самостоятельнаго „демократическаго" Дона.

*) Донская Лѣтопись № 2, статья К. Каклюгина, „Войсковой Атаманъ А. М. Назаровъ и его время", стр. 207—208.

Нуженъ былъ суровый урокъ большевика Саблина для того, чтобы развѣять эти иллюзіи.

Безграмотно составленный, но очень ярко отражающій эти настроенія казачества, протоколъ делегаціи Круга, бывшей у командующаго авангардами совѣтскихъ войскъ Юрія Саблина, гласитъ*):

„Протоколъ 1918 года 25-го февраля 12 час. 20 мин. дня. Мы нижеподписавшіеся (слѣдуютъ подписи) обсуждали вопросы, заданные мнѣ (то есть Саблину) вышесказанными делегатами, а именно:

„1. Почему воюете вы съ нами теперь, тогда какъ Каледина нѣтъ — онъ умеръ (застрѣлился).

„2. Войсковой Кругъ стараго созыва распущенъ во главѣ съ правительствомъ и на 17-ое февраля назначенъ новый, который 19—20 февраля с. г. и собрался, на новыхъ началахъ...... и

„4. На какихъ условіяхъ бы вы прекратили войну съ нами?

„На первый вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ: *потому что вы не признаете совѣтскую власть*, то есть народныхъ комиссаровъ въ лицѣ Ленина, Троцкаго и другихъ. Съ признаніемъ Вами сказанной власти военныя дѣйствія сейчасъ же будутъ прекращены......

„На второй вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ: первый Кругъ мы бы и не приняли и не разговаривали съ нимъ...... Затѣмъ имѣйте еще въ виду обязательное условіе: *казачество, какъ таковое, должно быть уничтожено съ его сословностью и привиллегіей*, это обязательно"......

На четвертый вопросъ — о прекращеніи войны Саблинъ отвѣтилъ: „при разоруженіи добровольческаго и партизанскаго войска, таковые должны быть немедленно удалены за предѣлы Области Войска Донского и, самое главное, *чтобы намъ, когда будемъ входить въ Новочеркасскъ, не имѣть препятствій*... — *словомъ, чтобы не раздражать нашихъ войскъ*".

Отвѣтъ былъ ясенъ. Существованіе казачества не входило въ планы совѣтскаго правительства. Увы, урокъ этотъ запоздалъ. Въ день подписанія этого протокола совѣтскія войска уже вступили въ Новочеркасскъ... Иллюзіямъ больше не было мѣста, и донское казачество, если оно не желало собственной смерти и уничтоженія, должно было начать вооруженную борьбу съ большевиками. Такъ оно и поступило, потерявъ, однако, лучшіе мѣсяцы полной дезорганизованности только что еще утвердившейся совѣтской власти.

*) Донская Лѣтопись № 2. Документъ № 5. „Протоколъ отъ 25-го февраля 1918 года переговоровъ делегатовъ Круга съ Главнокомандующимъ Революціонными Войсками Сѣвернаго Фронта Ю. В. Саблинымъ", стр. 321.

Иллюзіи мирнаго сожительства съ совѣтской властью дорого обошлись Донскому казачеству.

Сформированные наспѣхъ, случайнаго состава, совѣтскіе отряды въ эшелонахъ, расходясь вѣеромъ по главнымъ желѣзно-дорожнымъ магистралямъ отъ центра къ перефеціи, ко второй половинѣ февраля 1918 года сломили сопротивленіе двухъ главныхъ противниковъ совѣтской власти — Дона и Украины. На востокѣ Оренбургскіе и Уральскіе казаки принуждены были уйти въ степи. На сѣверномъ Кавказѣ вездѣ, кромѣ столицы Кубани, фактически установилась совѣтская власть. Независимая Финляндія стала совѣтской. Держалось еще только Закавказьѣ, но и оно постепенно захлестывалось волною стихійно демобилизующагося Кавказскаго фронта.

Совѣтскія арміи грозили Румыніи, оккупировавшей Бессарабію.

За три съ половиной мѣсяца своего существованія совѣтская власть освоила почти всю территорію бывшей Россійской Имперіи. Находившіяся на территоріи Россіи иностранныя формированія или объявили нейтралитетъ (чехословацкій корпусъ) или были разоружены (польскій корпусъ).

Оставалась непримиримой въ своемъ желаніи вооруженной борьбы лишь горсть бойцовъ Добровольческой Арміи, ушедшая въ задонскія степи.

Казалось, что октябрьскій переворотъ утвердилъ большевизмъ на всей территоріи Россіи. Миръ и „черный передѣлъ" земли какъ будто удовлетворили массу русскаго крестьянства и если не сдѣлали изъ него сторонника, то во всякомъ случаѣ обезпечивали совѣтской власти съ его стороны благожелательный нейтралитетъ.

Такова была внѣшняя картина обстановки, сложившейся въ Россіи къ концу февраля 1918 года.

Однако, на ряду съ этими внѣшними успѣхами большевиковъ, на западной границѣ Россіи нависалъ грозный призракъ австро-германскаго нашествія. „Ни миръ, ни война", изобрѣтенные Троцкимъ, не рѣшали судьбы переговоровъ въ Брестѣ. И самое существованіе совѣтской власти, не говоря уже объ судьбахъ Украины, Финляндіи и Прибалтики, въ конечномъ счетѣ зависѣли лишь отъ усмотрѣнія германской Ставки.

Покоренное совѣтской властью казачество не переставало оставаться той потенціальной силой, съ которой большевики не могли не столкнуться при первыхъ же попыткахъ его окончательнаго порабощенія.

Наконецъ, ушедшая въ задонскія степи, горсть добровольцевъ становилась символомъ начала борьбы съ большевиками и въ общероссійскомъ масштабѣ.

ГЛАВА III.

АВСТРО-ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦІЯ и I-й КУБАНСКІЙ ПОХОДЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

(См. чертежи №№ 1-а, 2 и 3).

Прекращеніе Брестскаго перемирія и переходъ въ наступленіе австро-гер-
манцевъ. Переговоры большевиковъ съ Румыніей. Рѣшеніе, принятое вож-
дями Добровольческой Арміи въ ст. Ольгинской (25—26 февраля 1918 года).
Брестскій миръ 3-го марта 1918 года. Миръ Центральныхъ Державъ съ
Румыніей и ликвидація румыно-совѣтскаго конфликта. Движеніе Доброволь-
ческой Арміи къ Екатеринодару. Уходъ Кубанской Арміи и правительства
изъ Екатеринодара. Поворотъ Добровольческой арміи за р. Кубань. Соеди-
неніе Добровольческой Арміи и добровольцевъ Покровскаго и протоколъ
30-го марта 1918 года. Штурмъ Екатеринодара и смерть ген. Корнилова
(13-го апрѣля 1918 года). Подходъ германцевъ къ границамъ Дона и воз-
станіе на Дону (апрѣль 1918 года). Оккупація германцами Финляндіи и
Крыма. (апрѣль 1918 года). Отводъ Добровольческой Арміи ген. Денни-
кинымъ изъ-подъ Екатеринодара. Атака бронепоѣзда ген. Марковымъ подъ
Медвѣдовской. Поворотъ Добровольческой Арміи на Донъ (29-го апрѣля).
Вступленіе нѣмцевъ на территорію Дона. Захватъ Новочеркасска донскими
повстанцами (6-го мая) и Ростова отрядомъ полк. Дроздовскаго (5-го мая).
Вступленіе въ Ростовъ нѣмцевъ и донцовъ (7-го мая). Защита Новочеркас-
ска донцами и дроздовцами (8-го мая). Возвращеніе Добровольческой Арміи
въ задонскія станицы (4-го мая).

Перерывъ мирныхъ переговоровъ въ Брестѣ 10-го февраля, вызванный заявленіемъ Троцкаго: „ни миръ, ни война", однако не повліялъ на рѣшенія германской Ставки. Несмотря на противодѣйствіе дипломатіи, ген. Людендорфъ провелъ на коронномъ совѣтѣ 13-го февраля въ Гомбургѣ прекращеніе перемирія съ 17-го февраля (то есть по истеченіи недѣльнаго срока со дня заявленія Троцкаго, признаннаго предлогомъ для автоматическаго прекращенія перемирія).

Людендорфъ, главнымъ образомъ, опасался возстановленія въ Россіи союзнаго фронта и въ то же время Германія и, особенно, Австро-Венгрія остро нуждались въ русскомъ сырьѣ. „Для предотвращенія возможности созданія новаго

восточнаго фронта большевиками", пишетъ ген. Людендорфъ *), „нужно было нанести короткій, но сильный ударъ, который, къ тому же, долженъ былъ намъ дать богатѣйшую военную дорычу. Операціи широкаго размаха для этого не требовалось. На Украинѣ нужно было подавить большевизмъ и создать тамъ такія условія, которыя бы позволили намъ использовать ее и съ военной точки зрѣнія и для полученія оттуда зерна и сырья. Для этого нужно было продвинуться далеко вглубь страны. Наконецъ, для того, чтобы воспрепятствовать поддержкѣ Россіи ея союзниками, нужно было задержать ихъ войска и военные запасы на Мурманскомъ побережьи. Если бы это не удалось, нужно было считаться съ возможностью появленія англичанъ въ Петербургѣ и ихъ дѣйствій оттуда противъ насъ. Для этого намъ нужно было не допустить ихъ закрѣпленія на Финскомъ заливѣ и, занявъ Лифляндію и Эстляндію, продвинуться до Нарвы, для того, чтобы отсюда всегда можно было своевременно на нихъ воздѣйствовать... При томъ же фронтъ отъ Двинска до Рижскаго залива требовалъ немногимъ менѣе войскъ, чѣмъ фронтъ отъ Двинска черезъ Чудское озеро на Финскій заливъ".

18-го февраля германскіе войска перешли поэтому въ наступленіе на всемъ русскомъ фронтѣ. Австрійцы, однако, въ послѣднюю минуту уклонились отъ наступленія подъ предлогомъ желанія избѣжать разочарованія въ странѣ изъ-за срыва мирныхъ переговоровъ.

Не встрѣчая на своемъ пути сопротивленія, германскія войска, въ эшелонахъ, достигли къ 21-му февраля, то есть ко дню оставленія Ростова Добровольческой Арміей, Минска и Рѣжицы. Захватъ Двинска въ первый же день германскаго наступленія, вызвалъ большую тревогу въ Смольномъ **). На собраніи ЦК коммунистической партіи 18-го февраля большевиками, правда лишь однимъ голосомъ, было принято предложеніе Ленина „немедленно обратиться къ германскому правительству съ предложеніемъ немедленнаго заключенія мира". Отвѣтъ на совѣтское предложеніе послѣдовалъ однако лишь черезъ трое сутокъ. Новыя условія были хуже прежнихъ. Къ требованіямъ полнаго невмѣшательства въ судьбы Польши, Литвы, Курляндіи и признанія независимости Финляндіи и Украины, присоединилось требованіе и оккупаціи Эстляндіи и Лифляндіи „до тѣхъ поръ, пока тамъ не будетъ установленъ государственный порядокъ" ***) и, передачи Турціи сверхъ Карса и Ардагана и Батума. Ультиматумъ ставилъ 48 часовой срокъ для его принятія, трехъ-дневный

*) Ludendorff, „Meine Kriegserinnerungen"—Berlin, 1920, стр. 447—448.

**) Смольный Институтъ — резиденція Совѣта Народныхъ Комиссаровъ въ началѣ революціи въ Петербургѣ.

***) „Мирный договоръ между Россіей съ одной стороны и Германіей, Австро-Венгріей, Болгаріей и Турціей съ другой". Оффиціальное совѣтское изданіе, Москва, 1918 годъ, стр. 4.

срокъ для его подписанія въ Брестѣ и обязательство ратифицировать его въ теченіи двухъ недѣль.

Переполохъ среди большевиковъ заставилъ ихъ броситься въ другую сторону. На засѣданіи Ц. К. коммунистической партіи 22-го февраля, Троцкій „доложилъ ноту французской военной миссіи съ предложеніемъ Франціи и Англіи оказать намъ поддержку въ войнѣ съ Германіей и высказался за принятіе ихъ предложенія, при условіи полной независимости нашей внѣшней политики и заявилъ о томъ, что онъ слагаетъ съ себя обязанности народнаго комиссара иностранныхъ дѣлъ. Бухаринъ настаивалъ на отказѣ отъ предложенія „союзныхъ имперіалистовъ". ЦК. принялъ предложеніе Троцкаго шестью голосами противъ пяти. Отсутствовавшій Ленинъ прислалъ въ ЦК слѣдующую записку на клочкѣ бумаги чернилами, но сильно неразборчивымъ почеркомъ: „Прошу присоединить мой голосъ з а (курсивъ Ленина) взятіе поддержки и оружія у разбойниковъ англо-французскаго имперіализма" *).

Какова была растерянность нашихъ союзниковъ, вызванная Брестомъ, указываетъ въ связи съ этимъ предложеніемъ помощи Троцкому въ февралѣ, предложеніе ими такой же помощи въ декабрѣ — Украинскому правительству, а въ серединѣ января — Добровольческой Арміи **).

Срокъ германскаго ультиматума, однако, сильно нервировалъ большевиковъ и, подъ угрозой своей отставки Ленинъ все таки на засѣданіи ЦК коммунистической партіи, 23-го февраля, провелъ 7-ью голосами противъ 8 (четыре изъ коихъ, въ томъ числѣ Троцкій и Дзержинскій, воздержались) безусловное подчиненіе германскому ультиматуму. Съ Ленинымъ голосовалъ и Сталинъ.....

Положеніе на русскомъ фронтѣ, наконецъ, начинало развязывать нѣмцамъ руки для рѣшительнаго наступленія во Франціи.

Оставалось лишь покончить съ Румыніей, съ которой, одновременно съ этимъ, центральными державами были начаты также мирные переговоры. Безвыходное положеніе

*) „Ленинъ и Брестскій миръ", стр. 18.

**) Ген. Лукомскій въ своихъ воспоминаніяхъ (т. I, стр. 289) отмѣчаетъ, что „въ первой половинѣ января 1918 года въ Новочеркасскъ пріѣхали изъ Москвы два представителя великобританской и французской военной миссіи. Эти представители интересовались тѣмъ, что сдѣлано и что предполагалось дѣлать и заявили, что пока союзники могутъ помочь намъ только деньгами. Они сказали, что есть полная надежда получить 100 милліоновъ рублей, которые будутъ передаваться въ распоряженіе ген. Алексѣева по 10 милліоновъ въ мѣсяцъ. Первая получка ожидалась въ январѣ 1918 года, но запоздала и отъ союзниковъ, въ этотъ періодъ, мы ничего не получили".

Между прочимъ англо-французская конвенція, подписанная въ Парижѣ 23 декабря 1917 г. определенно предусматривала „содѣйствіе ген. Алексѣеву, бывшему тогда въ Новочеркасскѣ" (Churchill „The Wored Crisis. The Aftermath", стр. 766).

Румыніи, однако, усугублялось одновременнымъ наступленіемъ на нее и арміи Муравьева, 18-го февраля пріѣхавшаго въ Одессу.

Муравьевъ рѣшилъ нанести ударъ Румыніи по направленіямъ трехъ желѣзно-дорожныхъ магистралей, связывающихъ Бессарабію съ Россіей: отъ Могилева Подольскаго, Рыбницы и Тирасполя. У Рыбницы при этомъ большевиками былъ даже одержанъ нѣкоторый успѣхъ съ захватомъ румынскихъ орудій. Все это заставило румынъ вступить въ переговоры съ большевиками. Однако германское наступленіе больно ударило и по большевикамъ и, 24-го февраля, совѣтская власть въ Одессѣ послала румынамъ вмѣсто ультиматума (какъ это было 16-го февраля, то есть до начала наступленія нѣмцевъ) гораздо болѣе умѣренную ноту. Сущность ея заключалась въ требованіи лишь: эвакуаціи Бессарабіи и, въ первую очередь угрожавшихъ Одессѣ Бендеръ, путемъ сокращенія оккупаціонной арміи, въ двухъ-мѣсячный срокъ, до 10 тысячъ и возложенія на этотъ отрядъ лишь охраны складовъ и постепенной замѣны румынскихъ войскъ русскими. Кромѣ того нота предусматривала и нѣкоторое какъ бы соглашеніе съ румынами на случай возможнаго ихъ отступленія на русскую территорію (въ этомъ случаѣ имъ предоставлялось убѣжище и продовольствіе) и даже „въ случаѣ военныхъ дѣйствій противъ центральныхъ державъ и ихъ союзниковъ, устанавливался непосредственный контактъ между высшими войсковыми командованіями русской совѣтской и румынской арміи“ *).

Брестъ и германское наступленіе приводили Румынію и большевиковъ (несомнѣнно подъ давленіемъ союзниковъ) почти что къ военному союзу...... Однако это прекрасно учли и центральныя державы и, обѣщавъ Румыніи Бессарабію, разрѣшили ей ея оккупацію. Ген. Людендорфъ это опредѣленно пишетъ: „Верховное Командованіе ничего не имѣло противъ *присоединенія* Бессарабіи къ Румыніи“ **) и Румыніи была разрѣшена ея оккупація.

28-го февраля, т. е. лишь черезъ десять дней наконецъ, къ нѣмцамъ присоединились и австрійцы. Одновременно съ продвиженіемъ въ Прибалтійскія провинціи и Бѣлоруссію, нѣмцы перешли въ наступленіе и противъ Украины, и черезъ 10 дней уже вступили въ ея столицу — Кіевъ, приведя съ собою и, изгнанное изъ Кіева Муравьевымъ, Украинское Правительство Центральной Рады.

Въ эти смутные дни Добровольческая Армія, покинувъ вечеромъ 21-го февраля Ростовъ, расположилась въ Задоньѣ въ ст. Ольгинской. Здѣсь возникъ вопросъ о дальнѣйшей цѣли дѣйствій Добровольческой Арміи и сразу обрисовалось два

*) „Гражданская война“, томъ 2, стр. 66.

**) Ludendorff, стр. 455.

противоположныхъ теченія: одно возглавлялось ген. Корниловымъ и Лукомскимъ, а другое — ген. Алексѣевымъ и Деникинымъ.

Ген. Корниловъ былъ склоненъ двигаться въ Сальскія степи, въ раіонъ зимовниковъ, а ген. Алексѣевъ настаивалъ на движеніи на Кубань. Ген. Деникинъ *) приводитъ текстъ письма ген. Алексѣева ген. Корнилову отъ 25-го февраля, излагающаго его точку зрѣнія:

„......Я понялъ“, пишетъ ген. Алексѣевъ, „что принятъ планъ ухода отряда въ зимовники къ сѣверо-западу отъ ст. Великокняжеской. Считаю, что при такомъ рѣшеніи невозможно не только продолженіе нашей работы, но даже при надобности и относительно безболѣзненная ликвидація нашего дѣла и спасеніе довѣрившихъ намъ свою судьбу людей. Въ зимовникахъ отрядъ будетъ очень скоро сжатъ съ одной стороны распустившейся рѣкой Дономъ, съ другой желѣзной дорогой Царицынъ—Торговая—Тихорѣцкая—Батайскъ, при чемъ всѣ желѣзно-дорожные узлы и выходы грунтовыхъ дорогъ будутъ заняты большевиками, что лишитъ насъ совершенно возможности получать пополненіе людьми и предметами снабженія, не говоря уже о томъ, что пребываніе въ степяхъ поставитъ насъ въ сторону отъ общаго хода событій въ Россіи“.

На военномъ совѣтѣ, собравшемся въ тотъ же день по настоянію ген. Алексѣева, было, поэтому, рѣшено идти на Кубань.

Однако на слѣдующій день, 26-го февраля, въ Ольгинскую прибылъ со своимъ отрядомъ Донской походный Атаманъ ген. П. Х. Поповъ, который доложилъ**), „что онъ съ небольшимъ отрядомъ въ общемъ около двухъ тысячъ коней при двухъ конныхъ батареяхъ, оставилъ Новочеркасскъ около часу дня 25-го февраля, что большевики при выходѣ его изъ города, уже въ него входили...... Затѣмъ на предложеніе ген. Корнилова присоединиться съ отрядомъ къ Добровольческой Арміи, ген. Поповъ просилъ первоначально выяснить дальнѣйшія намѣренія ген. Корнилова и направленіе движенія Добровольческой Арміи, на что онъ, со своей стороны долженъ опредѣленно заявить, что донской отрядъ не можетъ покинуть территорію Дона, и что онъ считаетъ, что отряду лучше всего, прикрываясь съ сѣвера р. Дономъ, который скоро станетъ трудно проходимымъ, переждать событія въ раіонѣ зимовниковъ (поселки и хутора, къ которымъ на зиму сгоняли табуны лошадей и скота), гдѣ *много хлѣба, фуража, лошадей, скота и повозокъ для обоза****)*. Изъ этого раіона онъ могъ бы развивать дѣйствія въ лю-

*) Деникинъ, II, 230.

**) Ген. Лукомскій, II, 9.

***) Курсивъ нашъ.

бомъ направленіи. Ген. Корниловъ сказалъ, что онъ, по соглашенію съ ген. Алексѣевымъ предполагалъ двинуться по направленію къ Екатеринодару, гдѣ имѣются добровольческія формированія и движеніемъ на Екатеринодаръ есть надежда заставить Кубанское казачье войско подняться противъ большевиковъ, но, что вслѣдствіи заявленія ген. Попова, онъ предлагаетъ еще разъ обсудить этотъ вопросъ“.

Ген. Алексѣевъ вновь высказался за Екатеринодаръ, причемъ онъ свое мнѣніе заключилъ словами: „Въ случаѣ если сейчасъ полнаго успѣха мы не добьемся, то Добровольческая Армія во всякомъ случаѣ будетъ въ силахъ дойти до Кавказскихъ горъ и тамъ, если обстановка потребуетъ, можно будетъ ее распустить“ *).

Ген. Лукомскій попросилъ слова и сказалъ **), что онъ долженъ „обратить вниманіе только на то, что уже теперь при нашей арміи или, правильнѣе сказать, при нашемъ небольшомъ отрядѣ, болѣе двухсотъ раненныхъ и чрезмѣрно большой обозъ съ боевыми припасами и ружьями, которыхъ бросить нельзя...... Что при наступленіи на Екатеринодаръ намъ нужно будетъ два раза переходить черезъ желѣзную дорогу; въ первый разъ въ раіонѣ ст. Кагальницкой, второй разъ гдѣ нибудь около ст. Сосыка. Что большевики, будучи отлично освѣдомлены о нашемъ движеніи, и тутъ и тамъ преградятъ намъ путь и подведутъ къ мѣсту боя бронепоѣзда...... Наконецъ, что мы совершенно не освѣдомлены о томъ, что происходитъ на Кубани, возможно, что нашъ расчетъ на возстаніе кубанскихъ казаковъ ошибоченъ и насъ тамъ встрѣтятъ, какъ враговъ. Я высказалъ сомнѣніе, вслѣдствіи причинъ мною изложенныхъ, въ правильности рѣшенія идти теперь прямо на Екатеринодаръ. Я высказалъ, что лучше всего поступить такъ, какъ предлагаетъ походный Атаманъ войска Донского, то есть пока перейти въ раіонъ зимовниковъ и въ этомъ раіонѣ, прикрываясь съ сѣвера р. Дономъ и, находясь въ удаленіи отъ желѣзныхъ дорогъ, переформировать нашу армію, исправить и пополнить обозъ, перемѣнить конскій составъ и нѣсколько отдохнуть. Я сказалъ, что большевики мѣсяца два намъ не будутъ страшны: они не посмѣютъ оторваться отъ желѣзной дороги. Если же рискнутъ на какую нибудь противъ насъ операцію, то будутъ разбиты. Мѣсяца же черезъ два, съ новыми силами мы, въ зависимости отъ обстановки, которая къ тому времени выяснится, примемъ то или иное рѣшеніе“.

Съ ген. Лукомскимъ отчасти согласился и, замѣнившій его съ 15-го февраля на посту начальника штаба Добровольческой Арміи, ген. И. П. Романовскій, который высказался за то, чтобы по пути въ Екатеринодаръ постараться про-

*) Лукомскій, II, 10.
**) Тамъ же, стр. 10—11.

дѣлать въ какомъ либо раіонѣ все то, на что указалъ ген. Лукомскій.

Наконецъ и ген. Корниловъ сталъ на точку зрѣнія ген. Лукомскаго съ той лишь разницей, что вмѣсто раіона Сальскихъ зимовниковъ, онъ выбиралъ раіонъ къ западу отъ ст. Великокняжеской (Манычскій раіонъ), который также богатъ лошадьми, скотомъ и хлѣбомъ, какъ и раіонъ сѣверныхъ (Сальскихъ) зимовниковъ.

Вечеромъ 26-го февраля, однако, вопросъ о направленіи движенія Добровольческой Арміи вновь подвергся обсужденію. Ген. Корниловъ въ заключеніе заявилъ *), что рѣшенія принятаго днемъ (движеніе въ раіонъ западнѣе ст. Великокняжеской) онъ не мѣняетъ. Но что ко времени подхода арміи къ станицѣ Егорлыцкой (рѣшено было первоначально идти туда, такъ какъ были свѣдѣнія, что тамъ въ складахъ имѣются артиллерійскіе припасы) выяснится, идти ли къ ст. Великокняжеской или повернуть на Екатеринодаръ“.

Конный авангардъ Добровольческой Арміи (у Кагальницкой) получилъ распоряженіе свернуть на востокъ (то есть на Великокняжеское направленіе).

Ген. Деникинъ, оцѣнивая обѣ точки зрѣнія — движеніе на Кубань или выжиданіе въ зимовникахъ, опредѣленно склонялся къ первой: „Помимо условій стратегическихъ и политическихъ“, пишетъ онъ **), „это второе рѣшеніе казалось весьма рискованнымъ и по другимъ основаніямъ. Степной раіонъ пригодный для мелкихъ партизанскихъ отрядовъ, представляетъ большія затрудненія для жизни Добровольческой Арміи съ ея пятью тысячами ртовъ ***). Зимовники, значительно удаленные другъ отъ друга, не обладаютъ ни достаточнымъ числомъ жилыхъ помѣщеній, ни топливомъ. Располагаться въ нихъ можно было лишь мелкими частями, разбросанно, что при отсутствіи техническихъ средствъ связи до крайности затруднило бы управленіе. Степной раіонъ, кромѣ зерна (немолотаго), сѣна и скота не давалъ ничего для удовлетворенія потребностей арміи. Наконецъ трудно было расчитывать, чтобы большевики насъ оставили въ покоѣ и не постарались уничтожить по частямъ распыленные отряды. На Кубани, наоборотъ, мы ожидали встрѣтить не только богато обезпеченный край, но въ противоположность Дону, сочувственное настроеніе, борющуюся власть и добровольческія силы, которыя значительно преувеличивались молвой. Наконецъ, уцѣлѣвшій отъ захвата большевиками центръ власти — Екатеринодаръ, давалъ, казалось, возможность начать новую большую организаціонную работу“.

*) Лукомскій, II, 13.
**) Деникинъ, II, 230—231.
***) Ген. Лукомскій (II, 7) считаетъ, что общая численность добровольческой арміи въ этотъ періодъ не превышала $3\frac{1}{2}$ тысячъ человѣкъ.

Простоявъ въ ст. Ольгинской четверо сутокъ, Добровольческая Армія 28-го февраля медленно двинулась, черезъ Кагальницкую, на ст. Мечетинскую. 2-го марта, въ Мечетинской, „дополнительныя свѣдѣнія о раіонѣ зимовниковъ оказались вполнѣ отрицательными и поэтому принято рѣшеніе двигаться на Кубань...... Послано было предложеніе походному Атаману Попову присоединиться къ Добровольческой Арміи. Онъ отвѣчалъ отказомъ, объясняя, что считаясь съ настроеніемъ своихъ войскъ и начальниковъ, онъ не могъ покинуть родного Дона и рѣшилъ въ его степяхъ выждать пробужденія казачества“ *).

Итакъ, Ольгинскій споръ былъ рѣшенъ въ согласіи съ точкой зрѣнія ген. Алексѣева. Несмотря на совершенно опредѣленное нежеланіе командующаго арміей ген. Корнилова идти прямо на Кубань, одержало верхъ противоположное мнѣніе (оперативно-безотвѣтственнаго по неписанной конституціи Добровольческой Арміи Верховнаго Руководителя ген. Алексѣева), съ которымъ ген. Корниловъ, несмотря на горячую поддержку его точки зрѣнія и донскимъ походнымъ Атаманомъ и его бывшимъ начальникомъ штаба ген. Лукомскимъ, вынужденъ былъ согласиться. Этотъ конфликтъ, конечно, далеко выходилъ за предѣлы чисто оперативнаго спора. Въ концѣ концовъ, высказывавшіяся въ Ольгинской соображенія, и въ пользу Екатеринодара, и въ защиту донскихъ зимовниковъ, были основаны не на конкретныхъ преимуществахъ того или другого направленія. Подлинной обстановки ни на Кубани, ни въ задонскихъ степяхъ, въ то время участники военнаго совѣта не знали. Оперативные расчеты приходилось строить не на реальныхъ данныхъ, а на данныхъ гадательныхъ, лишь учитывая вѣроятныя послѣдствія выбора того или иного рѣшенія. И въ этомъ спорѣ опредѣленно выяснилось двѣ совершенно разныхъ оцѣнки обстановки, въ широкомъ масштабѣ.

Ген. Корниловъ еще на Дону, подъ вліяніемъ разочарованія въ боеспособности донского казачества въ тотъ періодъ, все время стремился уйти на общероссійскіе фронты (Волга и Сибирь). Онъ не видѣлъ смысла связывать носительницу общероссійской идеи — Добровольческую Армію съ чисто мѣстной борьбой на Дону. Уводя добровольцевъ изъ Ростова, онъ уводилъ Добровольческую Армію съ обреченнаго Дона и сохранялъ ядро будущей русской арміи для будущаго. Развязывая себѣ руки для дальнѣйшей борьбы, ген. Корниловъ, естественно, стремился сберечь это ядро, выводя его на время изъ развалившагося Дона. Уходъ въ задонскія степи, подальше отъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ въ это время лишь и дѣйствовали красные, сберегалъ армію для будущаго, выводя ее изъ сферы мѣстной, проигранной въ

*) Деникинъ, II, 233.

эти дни, вооруженной борьбы на Дону. Сохраняя за собою свободу дѣйствій, Добровольческая Армія могла выжидать разъясненія, слишкомъ еще неясной, общей обстановки. И созданіе фронта на Волгѣ или въ Сибири, куда инстинктивно тянуло Корнилова, и возрожденіе Дона — все это лежало въ сферѣ возможностей. Будущее показало, что все это осуществилось. Брестъ такъ или иначе не могъ не отразиться на будущемъ ходѣ событій въ Россіи. Все это подсказывало необходимость сохраненія прообраза русской арміи въ лицѣ добровольцевъ. Ввязываться въ борьбу за Кубань, послѣ зимняго опыта Дона, не могло не казаться рискованнѣйшей игрой. Помимо малого вѣроятія, на основаніи примѣра донцовъ, поголовнаго возстанія кубанцевъ, уходъ на Кубань снова вовлекалъ общерусскую армію въ сферу мѣстныхъ узко-кубанскихъ интересовъ. Свобода дѣйствій, выигранная уходомъ съ Дона, сейчасъ же проигрывалась движеніемъ на Кубань. Реальный приростъ силъ присоединеніемъ кубанскихъ добровольцевъ, при движеніи на Екатеринодаръ, уравновѣшивался усиленіемъ Добровольческой Арміи донцами походнаго Атамана Попова при движеніи на зимовники. „Значительно преувеличивавшимся молвою“ добровольческимъ силамъ на Кубани, въ Задоньѣ отвѣчала реально осязаемая сила донского отряда. Оставаясь въ донскихъ зимовникахъ, Добровольческая Армія оставалась въ рукахъ своего командующаго, орудіемъ для рѣшенія общерусскихъ задачъ. Идя на Кубань, она связывалась рѣшеніемъ задачъ въ кубанскомъ масштабѣ. Надежды на возстаніе Кубани были, въ то время, не болѣе реальны, чѣмъ надежды ген. Попова на „пробужденіе донского казачества“. Будущее показало, что надежды походнаго Атамана донцовъ оказались много реальнѣе... Наконецъ, и „необитаемость“ зимовниковъ не помѣшала, однако, донскому отряду пробыть въ степяхъ около двухъ мѣсяцевъ.

Возглавляемая ген. Алексѣевымъ идея движенія на Кубань, основывалась не столько на расчетѣ будущихъ возможностей, сколько на чисто импульсивномъ стремленіи вырваться изъ большевицкаго кольца.

Въ предложеніяхъ ген. Алексѣева вездѣ, наряду съ этимъ стремленіемъ прорвать большевицкое окруженіе и надеждой найти поддержку на Кубани, звучатъ, однако, и другіе мотивы. И въ письмѣ къ ген. Корнилову (25-го февраля), и въ разговорѣ съ ген. Лукомскимъ въ Ольгинской *), и

*) „Наша задача“, сказалъ ген. Лукомскому ген. Алексѣевъ 25 февраля въ Ольгинской, „должна заключаться въ томъ, чтобы выбраться изъ кольца, которое образуютъ большевики. А тамъ дальше будетъ видно: или будемъ продолжать борьбу или распустимъ добровольцевъ, давъ имъ денегъ и предложивъ самостоятельно черезъ Кавказскія горы пробираться кто куда пожелаетъ или будетъ въ состояніи“ (Лукомскій, II, 8).

на засѣданіи Военнаго Совѣта 26-го февраля, ген. Алексѣевъ думалъ и о возможной „ликвидаціи" Добровольческой Арміи. Съ этой точки зрѣнія Кубань сливалась съ „Кавказскими горами", конечно болѣе подходящими „для распыленія", чѣмъ расположенные на перепутьѣ между Дономъ и Кубанью зимовники въ Задоньѣ. Въ предложеніяхъ ген. Алексѣва вездѣ слышатся опасенія быть зажатымъ въ большевицкое кольцо и сремленіе, вырвавшись изъ него, либо найти возрожденную Кубань, либо покончить вооруженную борьбу. Какъ это ни странно звучитъ въ устахъ мудраго и многоопытнаго ген. Алексѣева, но несомнѣнно, что его „Екатеринодаръ" представляется намъ сейчасъ опредѣленно азартной игрой. Либо „поднять кубанское войско" *), либо роспускъ Добровольческой Арміи въ Кавказскихъ горахъ...

Повидимому мнѣніе ген. Алексѣева вѣрно отражало настроеніе нѣкоторыхъ верховъ Добровольческой Арміи. Выжидательная позиція ген. Корнилова, Лукомскаго и походнаго Атамана Донцовъ, казалась имъ слишкомъ блѣдной по сравненію съ стратегіей „ва-банкъ", какъ это ни удивительно, олицетворявшейся Алексѣевымъ. Не было ли въ этомъ парадоксѣ отраженія измѣненія масштабовъ, въ которыхъ приходилось дѣйствовать бывшему Верховному Главнокомандующему Русской Арміи? Оперируя, съ начала міровой войны, лишь группами армій и всѣми вооруженными силами Россіи, ген. Алексѣевъ въ Ольгинской оперировалъ съ отрядомъ, едва превышавшимъ по численности пѣхотный полкъ состава военнаго времени. Не было ли въ этомъ измѣненіи масштабовъ и искаженія оперативной перспективы? Перейдя сразу съ командованія полуторастами дивизіями на командованіе полкомъ, не слишкомъ ли склоненъ былъ ген. Алексѣевъ прислушиваться къ мнѣніямъ тѣхъ круговъ Добровольческой Арміи, кругозоръ которыхъ и въ теченіи большей части міровой войны ограничивался полкомъ или, въ крайнемъ случаѣ, дивизіей? Спустившись сразу съ верхняго этажа оперативной работы на нижнія ступени оперативной лѣстницы, не слишкомъ ли ген. Алексѣевъ вѣрилъ въ то, что ихъ психологія всегда вѣрно отражаетъ возможности и правильно ставитъ цѣли въ этомъ незнакомомъ ему, по его предыдущей работѣ, масштабѣ?

Перейдя 4-го марта въ ст. Егорлыкскую, Добровольческая Армія двинулась въ свой первый Кубанскій походъ.

Въ этотъ же день въ Брестѣ совѣтская делегація, въ составѣ Сокольникова, Карахана и Чичерина, не возражая ни по одному пункту, цѣликомъ подписалась подъ продиктованными центральными державами условіями Брестскаго мира. Несмотря однако на рѣшеніе ЦК коммунистической

*) Приводимыя ген. Лукомскимъ (II, 10) слова ген. Алексѣева на засѣданіи въ Ольгинской съ походнымъ атаманомъ Поповымъ.

партіи, отношеніе коммунистовъ къ Брестскому миру было далеко не единодушнымъ.

Обращеніе къ нѣмцамъ, принятое большинствомъ одного голоса, принятіе германскихъ условій даже меньшинствомъ голосовъ (лишь благодаря „воздержавшимся") и, въ то же время, согласіе на помощь союзниковъ опять таки большинствомъ лишь одного голоса, опредѣленно указывали на расколъ въ средѣ коммунистовъ, созданный отношеніемъ къ Бресту.

Наскоро созванные, для обязательной въ двухъ-недѣльный срокъ, ратификаціи Брестскаго мира, съѣздъ коммунистической партіи и 4-й съѣздъ Совѣтовъ (6 и 15 марта 1918 года) одобрили политику ЦК лишь 28 голосами противъ 12 (съѣздъ партіи) и 784 противъ 261 при 115 воздержавшихся (съѣздъ совѣтовъ) *). Добрая треть голосовъ на обоихъ съѣздахъ протестовала противъ Бреста. Особенно горячо возставали союзники большевиковъ по октябрьскому перевороту — лѣвые с.-р. Особенно рьяно протестовалъ на съѣздѣ представитель лѣвыхъ с.-ровъ Камковъ (настоящая фамилія — Кацъ), и результатъ голосованія привелъ къ выходу лѣвыхъ с.-ровъ изъ состава совѣтскаго правительства.

Проведенная Ленинымъ (при безотказномъ содѣйствіи Сталина), подъ угрозой отставки, линія поведенія, далеко не отражала настроенія всѣхъ партійныхъ верховъ правящихъ партій. Дальнѣйшія событія 1918 года показали, что этотъ протестъ противъ Бреста оказался далеко не платоническимъ.

Подписаніе Брестскаго мира въ указанный нѣмцами срокъ пріостановило продвиженіе германскихъ эшелоновъ на линіи Нарва—Псковъ—Полоцкъ—Могилевъ—Гомель. Однако впечатлѣніе, созданное стремительнымъ продвиженіемъ германцевъ, поддерживало то состояніе паники, въ которомъ большевики пребывали съ начала ихъ наступленія. Съ потушенными огнями, съ товарныхъ путей Николаевскаго вокзала, Ленинъ съ ближайшимъ окруженіемъ покинулъ Петроградъ и столица Россійской Федераціи (какъ тогда оффиціально называлась Совѣтская Россія) была, подъ шумокъ, перенесена въ Москву. 4-й съѣздъ Совѣтовъ 15-го марта послушно санкціонировалъ это „временное" перенесеніе столицы изъ Петрограда въ Москву.

Почти одновременно съ Брестомъ, былъ подписанъ и предварительный миръ съ Румыніей въ Буфтя (5-го марта 1918 года). Въ Молдавіи была сохранена видимость сюзеренитета, Валахія же осталась оккупированной 6-ю австро-германскими дивизіями. Румынія теряла Добруджу и ея граница съ Венгріей значительно „исправлялась" въ интересахъ по-

*) Л. Троцкій. „Какъ вооружалась революція", томъ I, стр. 415, примѣчаніе 21-ое.

слѣдней. Аннексія Бессарабіи впрочемъ съ лихвой окупала эти уступки.

Въ эти же дни Румынія согласилась и на совѣтскія условія. Протоколъ 5 (9) марта, подписанный съ румынской стороны предсѣдателемъ совѣта министровъ генераломъ Авереску, а съ совѣтской — Раковскимъ, гласилъ *):

„Высшая Автономная Коллегія, Румчерод, совѣтъ народныхъ комиссаровъ Одесской области и исполнительный комитетъ Совѣтовъ, объявляютъ, что считаютъ военный конфликтъ между Россіей и Румыніей улаженнымъ, базируясь на основѣ условій, предложенныхъ нами въ нашемъ отвѣтѣ 24-го февраля 1918 года и на основѣ измѣненій, внесенныхъ Румынскимъ правительствомъ, согласно декларацiи, подписанной Авереску — предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Румынскаго Королевства. Мы, въ то же самое время, принимаемъ къ свѣдѣнію декларацію г-на полковника Бойля **), что обмѣнъ русскихъ плѣнныхъ на румынскихъ распространяется на всѣхъ плѣнныхъ безъ исключенія".

Этотъ документъ, устанавливая прекращеніе военныхъ дѣйствій, теоретически возвращалъ Россіи Бессарабію (такъ какъ „измѣненія, внесенныя Румынскимъ правительствомъ", о которыхъ упоминаетъ протоколъ, касались лишь отказа румынъ немедленно эвакуировать пограничный въ Бессарабіи городъ Бендеры), былъ крупнымъ дипломатическимъ успѣхомъ совѣтской Одессы***). Однако протоколъ этотъ, подписанный румынами подъ давленіемъ общей обстановки, созданной Брестомъ, терялъ всякій реальный смыслъ съ того дня, когда германская Ставка согласилась на присоединеніе Бессарабіи къ Румыніи. Наступленіе австро-германцевъ ставило подъ вопросъ не только судьбы этого протокола, но и само существованіе совѣтской Одессы и совѣтскаго „главковерха" Муравьева. Въ дни подписанія этого протокола (6 и 7 марта) у Слободки и Бирзулы, на желѣзно-дорожной магистрали Жмеринка—Одесса, въ 200 лишь километрахъ отъ послѣдней, Муравьеву приходилось уже не „воевать съ Румыніей", а лишь отбиваться, отступая передъ австрійцами, наступавшими на Одессу...

За четыре мѣсяца, истекшіе со дня октябрьскаго переворота по день заключенія мира въ Брестѣ (и Буфтѣ), нѣмцы перебросили съ русскаго фронта во Францію еще 30 пѣх. и 3 кавал. дивизій. Взамѣнъ 83 пѣх. и 8 кавал. дивизій 7-го ноября 1917 года, 3-го марта 1918 года на русско-румынскомъ

*) „Гражданская Война" т. II, статья Л. Дегтярева, стр. 67.

**) Англійскій военный представитель въ Румыніи.

***) Теоретически, этотъ документъ никогда не былъ опровергнутъ и на немъ и основываются невозобновленіе СССР дипломатическихъ сношеній съ Румыніей и притязанія СССР на Бессарабію.

фронтѣ оставалось лишь 53 пѣх. и 5 кавалерійскихъ германскихъ дивизіи.

Для оккупаціи нѣмцы направили 22 пѣх. и 3 кавалерійскихъ дивизіи въ Балтійскія провинціи и Бѣлоруссію, и 21 пѣх. и 2 кав. дивизіи на Украину. 9 пѣх. и 1 кавал. дивизія временно оставались на румынскомъ фронтѣ (и одна на Балканахъ).

Для оккупаціи Украины къ нѣмцамъ присоединились еще 8 пѣх. и 2 кавал. дивизіи австрійцевъ. Такимъ образомъ для оккупаціи Украины всего было двинуто 29 пѣх. и 3 кав. дивизіи австро-германцевъ.

Несмотря на 53 пѣх. и 5 кав. дивизій, оставленныхъ на русско-румынскомъ фронтѣ, германскія силы, благодаря Бресту, на главномъ театрѣ войны возрасли съ 151 до 181 пѣхотныхъ дивизій. Освобожденіе, послѣ мира въ Буфтѣ, и германскихъ дивизій румынскаго фронта, позволило, одновременно съ оккупаціей, продолжать и переброску дивизій на французскій фронтъ. Намѣчавшееся на конецъ марта „рѣшающее" наступленіе германцевъ во Франціи, получало, наконецъ, тѣ силы, которыми нѣмцы не располагали на французскомъ фронтѣ еще ни разу съ начала войны.

Развалъ нашего фронта въ періодъ съ осенняго выступленія ген. Корнилова до прихода къ власти большевиковъ, позволилъ нѣмцамъ усилить французскій фронтъ лишь на семь дивизій. Четыре мѣсяца совѣтской власти дали нѣмцамъ уже 30 дивизій и позволили продолжать это усиленіе и дальше...

Выступивъ 5-го марта изъ ст. Егорлыцкой, Добровольческая Армія, продолжая движеніе по Ставропольскому тракту, двинулась на селеніе Лежанку (Средне-Егорлыкское), гдѣ, сбивъ большевиковъ 6-го марта, круто свернула на Кубань.

Добровольческая Армія той эпохи представляла собою типичный, если можно такъ выразиться, примѣняя Петровское выраженіе, „корволантъ". Не превышая по численности 4 тысячъ бойцовъ при 8 орудіяхъ (почти безъ запасовъ снарядовъ — не болѣе 75 на орудіе), она была раздѣлена на три пѣхотныхъ полка (по численности равнявшихся нормальному батальону), одинъ отдѣльный батальонъ и три кавалерійскихъ дивизіона (каждый по численности не превышавшій эскадрона), инженерный батальонъ и четыре двухъ-орудійныхъ батареи. При ней же шелъ и ея обозъ, составлявшій не менѣе $^1/_4$ численности всего отряда. На этотъ обозъ ложилось и артиллерійское и интендантское снабженіе и санитарная эвакуація отряда. Пополненіе продовольствія и фуража ложилось на мѣстныя средства. Огнеприпасы могли быть получены только отъ большевиковъ. Эвакуація раненыхъ не выходила за предѣлы обоза. Чисто пѣхотная по составу, чрезвычайно слабо снабженная техникой, обремене-

ная чрезмѣрнымъ обозомъ, организаціонно, Добровольческая Армія менѣе всего подходила къ выполненію тѣхъ задачъ, которыя предстояли этому „корволанту".

На одну треть армія состояла изъ донцовъ на двѣ трети—изъ офицеровъ, юнкеровъ и добровольцевъ. Во главѣ арміи стояло два бывшихъ Главнокомандующихъ Русской Арміи, помощникомъ командующаго арміей былъ бывшій Главнокомандующій Юго-Западнаго фронта — ген. Деникинъ. Полками командовали генералы, батальонами и часто ротами — полковники.

Внутренно, по силѣ своего духа, по вѣрѣ въ своего вождя, по рѣшимости итти на неизвѣстное, бросая базу, съ туманной надеждой впереди лишь на соединеніе съ какими-то кубанскими добровольцами, ни численность, ни положеніе которыхъ никому собственно не были извѣстны, Добровольческая Армія эпохи I-го похода является прямо военно-исторической загадкой. Любовь къ Родинѣ и вѣра въ Вождя двигали эту горсть, едва вооруженныхъ, людей на безпримѣрный въ военной исторіи походъ. Безъ надежды на помощь, безъ тыла, безъ снарядовъ, Добровольческая Армія, высоко поднявъ знамя Единой Великой Россіи, пошла, противъ заливавшей Россію красной волны, навстрѣчу неизвѣстному будущему. Врядъ ли за всю свою военную исторію Россія когда нибудь дала равную, по героизму добровольцамъ Корнилова, армію. Великія потрясенія великой страны родили великую по духу горсть героевъ.

Сѣверный Кавказъ весною 1918 года былъ заполненъ стихійно демобилизующимися частями развалившагося Кавказскаго фронта. Вливаясь двумя волнами — по Владикавказской желѣзной дорогѣ и моремъ — изъ Трапезунда черезъ Новороссійскъ, онѣ частью шли потоками черезъ Тихорѣцкую на Царицынъ, частью же осѣдали вдоль желѣзнодорожной магистрали, образуя сгустки на желѣзнодорожныхъ узлахъ. Ростовская и Екатеринодарская пробки не давали свободнаго выхода этимъ потокамъ съ ихъ стихійнымъ стремленіемъ, бросивъ фронтъ, разъѣхаться по домамъ и, вслѣдствіи этого, они, разливаясь по степямъ Сѣвернаго Кавказа, создавали готовые кадры для совѣтскихъ формированій.

Наиболѣе сильной была, сохранившая свою организацію, 39-я пѣх. дивизія, осѣвшая въ раіонѣ узловыхъ станцій Тихорѣцкой и Кавказской.

Наряду съ этими остатками войскъ Кавказскаго фронта, иногороднее населеніе Кубани повсемѣстно сводило свои старые счеты съ казачествомъ, разоружало казаковъ, насаждало совѣтскую власть и постепенно, особенно при поддержкѣ моряковъ Черноморскаго флота, формируясь въ революціонные отряды, мало по малу начинавшіе принимать обликъ войсковыхъ частей.

Ни численность, ни составъ, ни организація этихъ красныхъ частей не поддаются никакому учету. Отсутствіе связи ихъ съ центромъ и стихійный характеръ ихъ зарожденія и развитія, навсегда скрываютъ отъ насъ ихъ исторію.

Вступивъ 8-го марта въ предѣлы Кубани (ст. Плосская или иначе Новокорсунская), Добровольческая Армія, благополучно перейдя 11-го черезъ Владикавказскую желѣзную дорогу у ст. Новолеушковской, двинулась прямо на Екатеринодаръ. Пройдя за недѣлю 150 клм., 15-го марта ген. Корниловъ подошелъ къ раіону ст. Выселки (въ четырехъ переходахъ отъ Екатеринодара). Казалось, еще одно усиліе — и Добровольческая Армія, наконецъ, соединится съ кубанскими добровольцами.

Однако, уже въ Выселки дошли слухи объ уходѣ кубанскихъ добровольцевъ изъ Екатеринодара въ горы. Идея похода — ударить въ тылъ атакующимъ Екатеринодаръ краснымъ и захватить снаряды въ Екатеринодарскихъ складахъ — отпадала. Тѣмъ не менѣе, до провѣрки этихъ слуховъ все же было рѣшено продолжать движеніе къ столицѣ Кубани.

Послѣ довольно горячаго боя, большевики были выбиты изъ ст. Журавской и станціи Выселки, и армія, 17 марта, подошла къ ст. Кореновской.

Переживая аналогичную съ Дономъ борьбу со своими иногородними, кубанское казачество продѣлало и ту же эволюцію, но лишь съ нѣкоторымъ запозданіемъ. Съ 24-го октября во главѣ Кубани стоялъ выборный атаманъ полк. А. П. Филимоновъ (военный юристъ по образованію). 7-го февраля было проведено „паритетное правительство" (изъ казаковъ, иногороднихъ и горцевъ въ пропорціи 5 : 5 : 1). Однако, точно также, какъ и на Дону, несмотря даже на гораздо болѣе агрессивныя дѣйствія иногороднихъ, кубанское казачество не поднималось. Когда же Новороссійскій ревкомъ въ ультимативной формѣ потребовалъ 30-го января пропуска совѣтскихъ эшелоновъ съ оружіемъ, установленія въ Екатеринодарѣ совѣтской власти и разоруженія войскъ кубанскаго правительства, атаманъ Филимоновъ вынужденъ былъ вручить судьбы Кубани въ руки вождя кубанскихъ добровольцевъ военнаго летчика капитана Покровскаго.

Вечеромъ 31-го января Филимоновъ, призвавъ къ себѣ Покровскаго, сказалъ: „Дѣлайте все, что возможно, требуйте отъ меня, что въ силахъ и власти моей, но спасите положеніе. Вся надежда только на Васъ".*)

Покровскій, съ отрядомъ въ двѣ пѣшихъ сотни при пулеметной командѣ и двухъ орудіяхъ, послѣдовательно разгромилъ Новороссійскихъ большевиковъ подъ Энемомъ и

*) В. Леонтовичъ (бывшій въ это время начальникомъ штаба Покровскаго) — „Первые бои на Кубани". Мюнхенъ, 1923 годъ, стр. 32.

ст. Георгіе-Афипской (4—8 февраля) и отогналъ ихъ къ ст. Тоннельной, то есть болѣе чѣмъ на 100 клм. отъ Екатеринодара. Произведенный атаманомъ въ полковники, Покровскій перебросилъ свои отряды къ сѣверу отъ Екатеринодара на Тихорѣцкую и Кавказскую желѣзныя дороги. Отбивая большевиковъ у ст. Выселки и Усть-Лабинской, Покровскій со своими добровольцами продержался тамъ до начала марта. Неудача у Выселокъ и общій упадокъ духа въ Екатеринодарѣ привели, однако, кубанскаго атамана къ рѣшенію, 13-го марта, оставить столицу Кубани и уйти за Кубань въ черкесскіе аулы, а оттуда двигать вдоль Кавказскаго хребта черезъ Майкопъ въ Баталпашинскъ. Вмѣстѣ съ отрядомъ ушелъ изъ Екатеринодара и командированный туда еще изъ Ростова Добровольческой Арміей ея представитель ген. Эрдели.

Отрядъ Покровскаго, усилившійся юнкерами, черкесами и отдѣльными казаками, достигъ къ этому времени численности до трехъ тысячъ бойцовъ съ артиллеріей, и былъ переформированъ въ пѣхотный и черкесскій конный полки и нѣсколько отдѣльныхъ конныхъ сотенъ*).

19-го марта, когда до Добровольческой Арміи уже дошли слухи объ оставленіи кубанцами Екатеринодара, кубанскіе добровольцы во главѣ съ назначеннымъ командующимъ войсками Кубанской области полк. Покровскимъ, повернули на сѣверъ на соединеніе съ Доброволъческой Арміей, узнавъ отъ черкесовъ о взятіи добровольцами ст. Выселки. Пробиться на сѣверъ кубанцы, однако не смогли и 22-го ушли опять на востокъ, въ черкесскіе аулы для продолженія движенія на Баталпашинскъ.

Ген. Корниловъ, послѣ тяжелаго фронтальнаго боя съ красными, благодаря уходу кубанцевъ изъ Екатеринодара получившихъ свободу дѣйствій противъ добровольцевъ, у ст. Кореновской 17-го марта, рѣшилъ бросить Екатеринодаръ и уйти въ черкесскіе аулы за Лабу и Кубань. Чрезвычайно характерно, что это рѣшеніе ген. Корнилова, принятое имъ вопреки своему окруженію, отражаетъ тѣ же идеи, которые руководили имъ въ его рѣшеніи еще въ Ольгинской. Въ отвѣтъ на настоянія своего помощника ген. Деникина и начальника штаба ген. Романовскаго о продолженіи движенія на Екатеринодаръ, ген. Корниловъ имъ отвѣтилъ**): „Если бы Екатеринодаръ держался, тогда не было бы двухъ рѣшеній. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдемъ за Кубань и тамъ въ спокойной обстановкѣ, въ горныхъ станицахъ и черкесскихъ аулахъ отдохнемъ, устроимся и выждемъ болѣе благо-

*) Точно: 2500 пѣхоты, 800 конницы, 12 орудій, 24 пулемета („Бѣлое Дѣло" II, Берлинъ, 1927· Статья А. П. Филимонова (кубанскій атаманъ) „Кубанцы", стр.91.

**) Ген. Деникинъ, томъ II, стр. 247.

пріятныхъ обстоятельствъ". Идея ген. Корнилова о „выводѣ арміи" оставалась у него непоколебленной. Увы, черкесскіе аулы были много хуже донскихъ зимовниковъ. Разоренные до тла и на половину вырѣзанные большевиками черкесы (собственно адыгейцы, населяющіе южный берегъ Кубани до Лабы и западный берегъ этой рѣки), разбѣжались изъ своихъ ауловъ и дать пристанища Добровольческой Арміи не могли.*)

Въ день поворота Добровольческой Арміи отъ ст. Кореновской (17-го марта) въ черкесскіе аулы, началъ свое движеніе изъ Румыніи на Донъ, сформированный главнымъ образомъ изъ офицеровъ-добровольцевъ частей Румынскаго фронта, отрядъ полк. Дроздовскаго. Несмотря на противодѣйствіе румынъ и отрицательное отношеніе командованія, полк. Дроздовскій не разоружилъ свой отрядъ и, заставивъ румынъ подать эшелоны, 17-го марта сосредоточилъ свой отрядъ на лѣвомъ (неоккупированномъ румынами) берегу Днѣстра у м. Дубоссаръ**). Но отъ Дубоссаръ до Дона было еще 800 клм. по территоріи, по которой наступали австро-германцы и по которой уходили отъ нихъ большевики. И тѣ, и другіе, казалось, могли стать на пути движенія отряда.

За три дня до сосредоточенія отряда полк. Дроздовскаго въ Дубоссарахъ, австрійцы вступили въ Одессу 14-го марта, перерѣзавъ дальнѣйшій путь движенія отряда на Донъ, куда его рѣшилъ вести полк. Дроздовскій.

Продвиженіе австро-германцевъ на Украинѣ не встрѣчало мало-мальски серьезнаго сопротивленія красныхъ. Совѣтская армія Муравьева въ Одесскомъ раіонѣ обходилась наступавшими на Екатеринославъ австрійцами и на Полтаву германцами. Перебрасываемыя Антоновымъ-Овсѣенко съ Дона арміи Саблина и Сиверса запаздывали. Наиболѣе серьезное сопротивленіе, что подтверждаютъ и Людендорфъ и Гофманъ, оказали подъ Бахмачемъ (7—10 марта) лишь чехо-словаки, отходившіе передъ нѣмцами на Курскъ вмѣстѣ съ совѣтскими отрядами Шарова и Примакова.

*) Ген. Лукомскій въ своихъ Воспоминаніяхъ (I, 291—292) упоминаетъ о пріѣздѣ въ Ростовъ еще 2-го февраля изъ Екатеринодара представителя Добровольческой Арміи на Кубани ген. Эрдели съ черкесскимъ князем̃ъ Девлетъ Гиреемъ, обѣщавшимъ въ теченіи двухъ недѣль выставить 2000, а черезъ $1^{1}/_{2}$—2 мѣсяца до 10.000 черкесовъ при условіи выдать ему на нихъ вооруженіе и содержаніе 1 милліонъ рублей. Ген. Корниловъ хотѣлъ рискнуть, но ген. Алексѣевъ наложилъ свое вето, предложивъ лишь 200.000 рублей. Обиженный Девлетъ Гирей не согласился и вернулся въ Екатеринодаръ. Ген Лукомскій считаетъ, что этотъ проектъ былъ неосуществимъ, но все же признаетъ, что „въ лучшемъ случаѣ онъ привелъ бы къ тому, что вооруженные черкесы, оставаясь въ раіонѣ своихъ ауловъ, оказали бы на мѣстахъ у себя болѣе упорное сопротивленіе большевикамъ".

**) Ген. Деникинъ (II, 330) приводитъ составъ отряда полк. Дроздовскаго: 667 офицеровъ и 370 солдатъ, сведенныхъ въ стрѣлковый полкъ, конный дивизіонъ и $2^{1}/_{2}$ батареи (легкая, конно-горная и гаубичный взводъ).

Одинъ совѣтскій источникъ*), ссылаясь на статью начальника штаба XII австрійскаго корпуса полк. Драгони**), утверждаетъ, что „уже 6 марта у Слободки XII корпусъ встрѣчаетъ первое серьезное сопротивленія красныхъ войскъ. Передовой эшелонъ корпуса, довольно безпечно двигавшійся по желѣзной дорогѣ, подвергается внезапному огневому нападенію красныхъ, въ результатѣ чего подъ Слободкой развертывается довольно серьезный бой. Потери нѣмцевъ и австрійцевъ въ этомъ бою—7 офицеровъ и 430 солдатъ убитыми. Бои 7-го марта, развернувшіеся въ раіонѣ ст. Бирзула, снова потребовали отъ оккупантовъ серьезныхъ жертвъ — 90 убитыхъ и 600 раненыхъ".

Но подобное свидѣтельство является единичнымъ и не подтверждается ни Людендорфомъ, ни Гофманомъ.

Въ общемъ австро-германцы почти безостановочно продвигались на востокъ, гоня передъ собою остатки дѣйствовавшихъ на Украинѣ такъ называемыхъ „украинскихъ совѣтскихъ армій".

Связанные условіями Брестскаго мира, большевики предоставили остававшіеся на Украинѣ остатки совѣтскихъ армій собственной участи. Одинъ совѣтскій авторъ***) (кстати бывшій полковникъ генеральнаго штаба) подтверждаетъ это, указывая, что въ апрѣлѣ 1918 года „сѣверо-кавказская армія Сорокина была переброшена на ст. Тихорѣцкую съ назначеніемъ *разоружать* (курсивъ нашъ) бѣгущіе отъ нѣмцевъ изъ-подъ Ростова эшелоны украинскихъ совѣтскихъ войскъ". Но еще болѣе оригинально то, что редактировавшее эту книгу Управленіе по изслѣдованію и использованію опыта войны Штаба РККА, снабдило эту фразу автора такимъ примѣчаніемъ****): „Такое „разоруженіе" происходило и на другихъ участкахъ границы съ Украиной. Дѣло въ томъ, что по договору съ германскимъ правительствомъ (!) нѣмецкіе войска *могли переходить демаркаціонную линію* съ Украиной *лишь въ томъ случаѣ, если это вызывалось преслѣдованіемъ съ ихъ стороны нашихъ войскъ*, при чемъ если мы отступившія части „расформировывали" — преслѣдованіе, а слѣдовательно, и вторженіе на нашу территорію нѣмецкихъ войскъ пріостанавливалось".

Всѣ эти совѣтскія арміи безудержно катились на востокъ въ направленіи на Донецкій бассейнъ и Ростовъ.

Австро-германская оккупаціонная волна, сметая на своемъ пути большевиковъ, разливалась по Украинѣ. Москва лишь пугливо выжидала ея остановки.

*) „Гражданская война 1918—1921 г.г.", III, стр. 61.

**) „Австрійскій Военный Журналъ", Вѣна 1928 г. Май—Іюнь, статья полк. Драгони: „Австро-Венгерскія операціи пооккупаціи Украины въ 1918 г."

***) М. Свечниковъ, „Борьба Красной Арміи на Сѣверномъ Кавказѣ (сентябрь 1918 — апрѣль 1919 года)". Гос. Воен. Изд. Москва, 1926 годъ, стр. 20.

****) Тамъ же, редакціонное примѣчаніе на стр. 20-й.

Одновременно съ австро-германцами, въ концѣ февраля, въ Малой Азіи начали наступленіе, оттѣсняя изъ предѣловъ Турціи остатки кавказскаго фронта, и турки.

Ген. Корниловъ, повернувъ армію на югъ и пройдя за сутки 50 клм., 19-го марта съ боемъ переправился черезъ р. Кубань у ст. Усть-Лабинской. Скоро, однако, выяснилось, что въ черкесскихъ аулахъ на отдыхъ армія расчитывать не можетъ. Кромѣ того, стала опредѣленно намѣчаться группировка совѣтскихъ войскъ у Майкопа. „Рѣшено было", пишетъ ген. Деникинъ*), „поддержать большевиковъ въ этомъ убѣжденіи (т. е. движеніи на Майкопъ) двигаясь на югъ, затѣмъ перейдя р. Бѣлую круто повернуть на западъ. Это движеніе ... давало возможность соединенія съ Кубанскимъ добровольческимъ отрядомъ".

Пробиваясь съ боемъ по Закубанью, Добровольческая Армія шла навстрѣчу Покровскому. Однако ни Покровскій, ни Добровольческая Армія не знали ничего опредѣленнаго другъ о другѣ. Кубанскіе добровольцы метались въ большевицкомъ кольцѣ и 24-го марта, послѣ неудачной попытки пробиться на востокъ, опять повернули на юго-западъ и вели бой съ Новороссійскими большевиками фронтомъ на Юго-Западъ у ст. Калужской-Пензенской. Добровольческая Армія въ этотъ день, двигаясь прямо на западъ дошла до аула Понежукай. Совершенно неожиданно, въ самый разгаръ тяжелаго боя добровольцевъ Покровскаго, съ тыла показался разъѣздъ. „Вотъ отъ разъѣзда отдѣлился головной всадникъ", пишетъ одинъ изъ кубанскихъ добровольцевъ**), „и наметомъ сталъ приближаться къ хвосту обозовъ. „Мы — донцы, — связь отъ ген. Корнилова", крикнулъ онъ на скаку. Подъѣхавъ, онъ назвалъ себя. Это былъ ген. штаба полк. Барцевичъ. Вкратцѣ онъ объяснилъ, что Донская Армія находится въ Шенджійскомъ аулѣ и, что идя на выстрѣлы, онъ нашелъ насъ" ***). Наконецъ то Добровольческая Армія нашла добровольцевъ Покровскаго. За три недѣли похода, расчищая себѣ дорогу въ раіонѣ полномъ совѣтскихъ войскъ, Добровольческая Армія, пересѣкши четыре желѣзныхъ дороги и, переправившись черезъ Кубань, наконецъ, добилась одной изъ поставленныхъ себѣ цѣлей — соединенія съ Кубанскими добровольцами. Связывавшіе ее по рукамъ и ногамъ обозъ и особенно раненые, заставляли ее вести бои почти всегда въ условіяхъ тактическаго окруженія. Эксплоатація успѣха изъ-за обоза была невозможна. Разлившееся по Кубани совѣтское море не позволяло ей остановиться на отдыхъ. Она шла „про-

*) Деникинъ, II, 255.

**) В. Леонтовичъ, стр. 82—83.

***) Конечно, „донцы" и Донская армія" были связаны съ приходомъ Добровольческой Арміи съ Дона. Самъ полк. Барцевичъ тоже не былъ донцомъ.

кладывая себѣ путь вооруженной рукой и отбиваясь отъ насѣдавшихъ на нее съ тыла большевиковъ. Особенно тяжело было положеніе раненыхъ. „Ихъ приходилось возить съ собою по ужаснымъ дорогамъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, почти безъ организованной помощи. Оставлять раненыхъ нельзя было, это значило обрекать ихъ на мучительную гибель... Какъ страдали наши раненые и больные, какія мученія имъ приходилось переносить въ этихъ тряскихъ повозкахъ, безъ ухода, безъ хорошихъ перевязокъ, безъ серьезной медицинской помощи..." *)

Своеобразная обстановка, въ которой протекали дѣйствія Добровольческой Арміи въ Первомъ Кубанскомъ походѣ, рождали и новую тактику. Слабо организованный противникъ, необходимость быстраго достиженія успѣха, чтобы открыть себѣ дорогу, возвращали Добровольческую Армію къ эпохѣ ударной тактики. Наступленіе въ лобъ густыми цѣпями, почти безъ артиллерійской поддержки, становилось правиломъ. Противникъ не выдерживалъ фронтальнаго удара добровольцевъ. Открытые фланги и тылъ возрождали самый широкій маневръ, изъ-за слабости огня, и на самомъ полѣ сраженія. Командующій арміей съ коннымъ конвоемъ появлялся въ цѣпяхъ. Техническая связь, авіація, химія, сложные боевые порядки пѣхоты — были неизвѣстны добровольцамъ Корнилова. И въ условіяхъ движенія Добровольческой Арміи къ Екатеринодару въ мартѣ 1918 года это отвѣчало сложившейся на Кубани обстановкѣ.

27-го марта въ аулѣ Шенджій состоялось свиданіе ген. Корнилова съ, произведеннымъ наканунѣ Кубанской Радой въ генералы, Покровскимъ. Послѣ нѣкоторыхъ треній изъ-за желанія кубанцевъ сохранить автономію своей арміи, 30-го марта былъ подписанъ протоколъ соединенія. Въ окончательной редакціи протоколъ, подписанный представителями Добровольческой Арміи и Кубанцевъ, гласилъ:

„1. Въ виду прибытія Добровольческой Арміи въ Кубанскую Область и осуществленія ею тѣхъ же задачъ, которыя поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединенія всѣхъ силъ и средствъ признается необходимымъ переходъ Кубанскаго правительственнаго отряда въ полное подчиненіе ген. Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отрядъ, какъ это будетъ признано необходимымъ."

„2. Законодательная Рада, войсковое правительство и войсковой Атаманъ продолжаютъ свою дѣятельность, всемѣрно содѣйствуя военнымъ мѣропріятіямъ командующаго арміей".

„3. Командующій войсками Кубанскаго края (Покровскіи) съ его начальникомъ штаба отзываются въ составъ

*) Б. Суворинъ, „За Родиной". Парижъ, 1922 годъ. стр. 51.

правительства для дальнѣйшаго формированія Кубанской арміи".*)

Черезъ нѣсколько дней, по овладѣніи добровольцами ген. Маркова въ особо тяжелыхъ условіяхъ (проливной дождь со снѣгомъ, такъ называемый „ледяной походъ") ст. Новодмитріевской (30 марта), состоялось и фактическое соединеніе въ этой станицѣ Добровольческой Арміи и Кубанцевъ.

Используя постановленія протокола, ген. Корниловъ провелъ „амальгаму", то есть перемѣшалъ добровольческія части съ кубанцами. Переформированная армія, возросшая по численности примѣрно вдвое (до 6 тысячъ), была сведена въ двѣ пѣхотныхъ и одну конную бригады. Въ составъ каждой бригады, во главѣ которыхъ были поставлены только добровольческіе генералы (Марковъ, Богаевскій и Эрдели), вошли и добровольцы, и кубанцы. Нижеприводимая таблица № 5 показываетъ составъ Добровольческой Арміи до и послѣ присоединенія къ ней кубанцевъ.

ТАБЛИЦА № 5.

СОСТАВЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ ДО И ПОСЛѢ СЛІЯНІЯ СЪ КУБАНСКИМИ ДОБРОВОЛЬЦАМИ.

	пѣх. полк.	отд. пѣх. б—новъ	кавал. полковъ
Добровольческая Армія при выступленіи въ походъ	3	1	—
Добровольческая Армія съ I/IV 1918 года . . .	4	1	3

	кавалер. дивизіон.	батарей	инженер. ротъ
Добровольческая Армія при выступленіи въ походъ	3	4	1 б—нъ
Добровольческая Армія съ I/IV 1918 года . . .	—	6	2

Соединеніе съ кубанцами и „амальгама" дали, наконецъ, Добровольческой Арміи, такъ не хватавшую ей конницу.

*) Деникинъ, II, 279.

Однако, условія и амальгамы и, особенно, протокола не могли не оказать самаго существеннаго вліянія на дальнѣйшія судьбы Добровольческой Арміи. Цѣною потери автономіи своей арміи, Кубань протоколомъ 30-го марта 1918 года, связывала судьбы Добровольческой Арміи съ судьбами Кубани. Смыслъ амальгамы, которой такъ добивалось командованіе Добровольческой Аміи, въ протоколѣ пояснялся вѣдь „фактомъ прибытія Добровольческой Арміи на Кубань и *осуществленія ею тѣхъ же задачъ, которыя поставлены Кубанскому правительственному отряду*". Подчиненіе кубанцевъ Добровольческому командованію вытекало изъ „объединенія всѣхъ силъ и средствъ" для рѣшенія той же задачи, „которая поставлена Кубанскому правительственному отряду".

Получая согласіе кубанцевъ на поглощеніе отряда Покровскаго Добровольческой Арміей, ея командованіе протоколомъ признавало и общность задачъ Кубани и добровольцевъ. Не слишкомъ ли дорогой цѣной было куплено право амальгамы? Не была ли амальгама той чечевичной похлебкой, за которую Добровольческая армія промѣняла право своего общероссійскаго первородства на первенствующую роль на Кубани? Принимая въ свой составъ Кубанскаго Атамана съ радой и кубанскими добровольцами и дѣлая кубанскія задачи своими, не спускалась ли Добровольческая Армія отъ общероссійскихъ интересовъ къ интересамъ провинціальнымъ, кубанскимъ? Переплетая свое будущее съ интересами Кубанскаго края, Добровольческая Армія теряла ту свободу дѣйствій, которую она пріобрѣла уходомъ съ Дона.

Стоя въ Новодмитріевской, въ переходѣ отъ кубанской столицы, интересы Добровольческой Арміи могли совпадать съ интересами кубанцевъ. Но вѣдь обстановка могла измѣниться и Кубанскій придатокъ (и не столько конечно войска, сколько кубанское правительство) могъ оказаться очень тяжелой гирей на ногахъ Добровольческой Арміи. Автономія кубанской арміи (при условіи, конечно, ея подчиненія ген. Корнилову, на что сразу же соглашался и Покровскій) поэтому была пожалуй выгоднѣе Добровольческой арміи, чѣмъ амальгама. При этомъ условіи протоколъ не связывалъ бы Добровольческую Армію съ Кубанью такъ, какъ онъ ее связалъ послѣ принятія кубанцами требованія сліянія съ Добровольческой Арміей. Подчиненіе командованію Добровольческой Арміи было одно, а сліяніе кубанскихъ войскъ съ Добровольческой Арміей — совершенно другое. И очень большой вопросъ, что было выгоднѣе Добровольческой Арміи не съ точки зрѣнія интересовъ минуты, а съ точки зрѣнія ея будущаго.

Протоколъ навязывалъ Добровольческой Арміи многоголовое кубанское правительство и невольно подчеркивалъ единственно возможное въ этихъ условіяхъ операціонное направленіе—Екатеринодаръ. Было ли это направленіе, однако, наиболѣе отвѣчавшимъ истиннымъ интересамъ Добровольческой Арміи, остается и до сихъ поръ подъ очень большимъ вопросомъ.

Послѣ протокола, столица Кубани становилась ближайшей единственной цѣлью Добровольческой Арміи. Была ли, однако, Добровольческая армія, по своимъ средствамъ и силамъ, способной къ штурму большого города, въ который естественно по тремъ подводившимъ къ нему съ сѣвера желѣзнымъ дорогамъ, стекались со всѣхъ сторонъ красные? Обстоятельства показали, что несмотря нс весь ея героизмъ, эта задача была ей не по силамъ.

Планъ штурма Екатеринодара, принятый ген. Корниловымъ, заключался въ внезапномъ нападеніи на городъ съ запада, путемъ неожиданной переправы черезъ Кубань на паромахъ у ст. Елисаветинской, минуя постоянныя мостовыя переправы южнѣе самаго города и непосредственно къ востоку отъ него у ст. Пашковской.

Расчистивъ южный берегъ Кубани, въ первыхъ числахъ апрѣля, Добровольческая Армія, съ 8 по 10 апрѣля, переправилась на Елисаветинскомъ паромѣ черезъ Кубань и 9-го повела наступленіе вдоль по сѣверному берегу р. Кубани на Екатеринодаръ.

10-го апрѣля начался штурмъ Екатеринодара. Ничтожное количество артиллеріи у Добровольческой Арміи, каменныя постройки города и сосредоточенныя большевиками превосходныя силы *), конечно, чрезвычайно затрудняли штурмъ Екатеринодара. За первый день штурма удалось овладѣть лишь предмѣстьями города. 11 апрѣля былъ захваченъ черноморскій вокзалъ и артиллерійскія казармы, а ген. Казановичъ съ партизанскимъ полкомъ даже ворвался вечеромъ въ Екатеринодаръ и дошелъ до Сѣнной Площади (въ центрѣ города), но не поддержанный сосѣдями, былъ вынужденъ 12-го утромъ пробиться изъ города назадъ.

11-го апрѣля, при атакѣ корниловцевъ, былъ убитъ ихъ первый командиръ полк. Нѣжинцевъ. Въ командованіе Корниловскимъ полкомъ вступилъ полк. Кутеповъ **).

---

*) Каковы были эти силы установить вѣроятно никогда не удастся. Совѣтскій источникъ („Гражданская война 1918—1921", III, 69) опредѣляетъ ихъ въ 18.000 бойцовъ при 2—3 бронемашинахъ и 10—14 орудіяхъ. Впрочемъ эти цыфры онъ поясняетъ такъ: „Такое количество ихъ приводитъ ген. Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ Русской Смуты». Провѣрить эти данныя по другимъ источникамъ пока не удалось". Ген. Деникинъ, дѣйствительно, приводитъ эти цифры (II, 293), однако оговаривается: „Какова ихъ дѣйствительная численность не знали ни мы, ни вѣроятно большевистское командованіе". Несомнѣнно установленнымъ можно считать лишь усиленіе къ началу операціи гарнизона Екатеринодара частями 39-й пѣхотной дивизіи (Кавказской Арміи) со ст. Тихорѣцкой.

**) Александръ Павловичъ Кутеповъ родился въ 1882 году, по окончаніи Владимірскаго военнаго училища вышелъ въ офицеры въ 1904 году въ 85 пѣх. Выборгскій полкъ, бывшій въ то время на русско-японской войнѣ. По возвращеніи съ войны онъ переводится лейбъ-гвардіи въ Преображенскій

12-го апрѣля ген. Корниловъ собралъ военный совѣтъ. Добровольческая Армія при штурмахъ 10-го и 11-го понесла тяжелыя потери. Число раненыхъ въ лазаретахъ превышало $1^{1}/_{2}$ тысячи (то есть $^{1}/_{4}$ состава всей арміи). Ощущался острый недостатокъ снарядовъ и патроновъ. Ген. Корниловъ, однако, рѣшаетъ *): „Положеніе дѣйствительно тяжелое и я не вижу другого выхода, какъ взять Екатеринодаръ. Поэтому я рѣшилъ завтра на разсвѣтѣ атаковать на всемъ фронтѣ. Какъ Ваше мнѣніе, господа? — Всѣ генералы, кромѣ Алексѣева, отвѣтили отрицательно". Послѣ выступленія ген. Алексѣева было рѣшено отложить штурмъ на одинъ день и произвести его 14-го.

Утромъ 13-го ген. Корниловъ былъ убитъ разорвавшейся въ его штабѣ, на „фермѣ", гранатой.

Случайная совѣтская граната лишила русскую контръ-революцію ея общепризнаннаго вождя. 13-го апрѣля слѣпой случай поставилъ подъ вопросъ дальнѣйшія судьбы начатой Корниловымъ вооруженной борьбы. Теряя Корнилова, русская контръ-революція теряла будущаго россійскаго диктатора. Съ арены борьбы 13-го апрѣля сошла самая крупная и яркая фигура, не признавшей большевиковъ, Россіи.

Смерть ген. Корнилова рѣшила участь штурма. Впечатлѣніе, произведенное ею на армію, было такъ велико, что продолженіе штурма становилось безсмысленнымъ. Ген. Деникинъ такъ описываетъ настроеніе арміи **): „Впечатлѣніе потрясающее. Люди плакали навзрыдъ, говорили между собою шопотомъ, какъ будто между ними незримо присутствовалъ властитель ихъ думъ. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилось вѣдь все: идея борьбы, вѣра въ побѣду, надежда на спасеніе. И когда его не стало, въ сердце храбрыхъ начали закрадываться страхъ и мучительное сомнѣніе. Ползли слухи, одинъ другого тревожнѣе, о новыхъ большевистскихъ

полкъ, въ которомъ принимаетъ участіе въ міровой войнѣ. Трижды раненый, награжденный Георгіевскимъ крестомъ и оружіемъ, А. П. Кутеповъ заканчиваетъ войну командующимъ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ. Въ Добровольческой Арміи съ первыхъ дней ея существованія онъ ведетъ бои на Таганрогскомъ направленіи въ январѣ 1918 года По окончаніи перваго похода, онъ получилъ бригаду и временно командовалъ 1 пѣхотной дивизіей. Послѣ второго кубанскаго похода онъ становится Новороссійскимъ губернаторомъ. Произведенный въ генералъ-маіоры, онъ въ началѣ 1919 года становится во главѣ 1-го армейскаго корпуса, съ которымъ беретъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ. Произведенный въ генералъ-лейтенанты, въ Крыму ген. Кутеповъ командуетъ 1-й арміей. Произведенный въ генералъ-отъ-инфантеріи, онъ эвакуируется въ Галлиполи, а оттуда въ Болгарію. Призванный Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ состоять въ его непосредственномъ распоряженіи въ 1924 году, онъ по смерти ген. Врангеля въ 1928 году становится во главѣ Русскаго Обще-Воинскаго союза заграницей, а съ кончиной Великаго Князя въ 1929 году — единственнымъ возглавителемъ русской зарубежной арміи. 26-го января 1930 года похищенъ большевиками въ Парижѣ.

*) Ген. Деникинъ, томъ II, стр. 294—296.

**) Ген. Деникинъ, II, 299.

силахъ, окружающихъ армію со всѣхъ сторонъ, о неизбѣжности плѣна и гибели. — Конецъ всему".

Дни штурма Добровольческой Арміей Екатеринодара совпали съ зенитомъ германскихъ успѣховъ во Франціи. 21-го марта нѣмцы прорвали англійскій фронтъ въ Пикардіи и едва не разъединили арміи англичанъ и французовъ. 9-го апрѣля они нанесли второй ударъ, на самомъ опасномъ для англичанъ направленіи, — во Фландріи. Англо-французскій фронтъ заколебался подъ ударами германскихъ прорывовъ. Несмотря на непрекращавшуюся переброску германскихъ дивизій изъ Россіи во Францію, нѣмцы продолжая свое наступленіе въ Украинѣ, 10-го апрѣля заняли Харьковъ. Австрійцы вышли на нижній Днѣпръ. Отрядъ полк. Дроздовскаго, опережая и по временамъ сталкиваясь съ австро-германцами, переправился совмѣстно съ ними черезъ Днѣпръ у Каховки (10-го апрѣля) *). Сопротивленіе „украинскихъ" совѣтскихъ армій и переброшенной съ Дона арміи Сиверса не останавливало стремительнаго продвиженія австро-германцевъ. Первоначально нѣмцы не собирались продвигаться дальше Харькова, но зависимость желѣзныхъ дорогъ Украины отъ донецкаго угля заставила ихъ оккупировать и этотъ послѣдній.

Къ 20-му апрѣля „украинскія" совѣтскія арміи были отброшены къ Донецкому бассейну и здѣсь, главнымъ образомъ, изъ шахтеровъ, Ворошиловъ сталъ формировать „Донецкую" армію. Эта послѣдняя пыталась было выдвинуться къ Харькову, но была разбита нѣмцами подъ Зміевымъ и Изюмомъ и 24-го апрѣля нѣмцы заняли центръ Донецкаго бассейна — городъ Бахмутъ (въ двухъ переходахъ отъ западной границы земли Войска Донского).

Утвержденіе совѣтской власти на Дону въ послѣднихъ числахъ февраля, было непрочнымъ. Тяжесть совѣтской оккупаціи и слухи о движеніи австро-германцевъ къ границамъ Дона, заставили зашевелиться донское казачество.

Разстрѣлы офицеровъ, аресты, обыски и совѣтскіе декреты, требовавшіе отъ казаковъ коренного измѣненія всего уклада казачьей жизни и реорганизаціи въ станицахъ и хуторахъ казачьей власти, служили лучшей противобольшевицкой пропагандой на Дону. Иногородніе надѣлялись не только равными правами въ станичномъ самоуправленіи, но и дѣлались равноправными хозяевами всего станичнаго достоянія, не исключая и казачьихъ земель. Станичные и хуторскіе атаманы съ ихъ привиллегіями замѣнялись совѣтами, а окружные атаманы — окружными совѣтами. Донское войско было переименовано въ „Донскую совѣтскую республику" во главѣ съ Областнымъ Военно-Революціоннымъ Комитетомъ. Въ первой половинѣ марта совѣтскимъ декретомъ было предпи-

*) „Дневникъ ген. Дроздовскаго" Берлинъ 1923, стр 81—82.

сано станицамъ выдать скрывавшихся въ станицахъ офицеровъ и сдать остававшееся у казаковъ оружіе.

Станицы, однако, ни своихъ офицеровъ, ни оружія не выдали. Это было первое предостереженіе совѣтской власти.

Со второй половины марта одновременно въ разныхъ раіонахъ на Дону уже происходятъ вспышки отдѣльныхъ станицъ противъ совѣтскаго гнета *).

Рѣшающимъ для перелома настроенія казачьихъ массъ было, однако, постановленіе Областного Съѣзда Совѣтовъ въ Ростовѣ (28-го марта) о „національизаціи" казачьихъ земель.

Національизація земли и приближеніе нѣмцевъ и послужили поводами для возстанія Дона.

Началомъ возстанія принято считать выступленіе ст. Суворовской 31-го марта 1918 года, но въ общемъ возстаніе почти одновременно вспыхнуло въ двухъ очагахъ. Первымъ былъ 2-й Донской округъ — придонскія станицы отъ Нижне-Чирской (окружная станица) внизъ по Дону до р. Цымлы. Вторымъ — Черкасскій округъ, какъ въ задонскихъ станицахъ (2—5 апрѣля въ Егорлыцкой и Кагальницкой), такъ и въ ближайшей къ Новочеркасску — ст. Кривянской. Возстаніе 2-го Донского округа было поддержано, призваннымъ имъ изъ Сальскихъ степей походнымъ атаманомъ ген. П. Х. Поповымъ**). Наконецъ къ возставшимъ присоединились и придонскія станицы, расположеннаго между 2-мъ Донскимъ и Черкасскимъ округомъ, 1-го Донского округа (центръ — станица Константиновская).

Наиболѣе активнымъ оказалось движеніе черкасскихъ станицъ. 10-го апрѣля ближайшая къ Новочеркассу, Кривянская станица разоружила и избила карательный отрядъ матросовъ, а 11-го апрѣля съ нарочными разослала въ сосѣднія станицы эстафету: „9-го апрѣля вечеромъ красная гвардія вошла въ гор. Новочеркасскъ. Рѣжетъ и убиваетъ мирныхъ жителей. Станица Кривянская возстала. Начальникомъ отряда избранъ Фетисовъ, помощникомъ Говоровъ. Мобилизуются двадцать годовъ". 11-го въ ст. Богаевской (въ 20 клм. юго-

*) 21-го марта въ Луганской, 22-го — въ Хомутовской, 24-го — въ Грушевской, 25-го — въ Кривянской.

**) „Возставшіе послали гонца къ Походному Атаману ген. Попову съ просьбой прибыть со своимъ отрядомъ на помощь казакамъ. Велико же было разочарованіе казаковъ, когда они узнали, что ген. Поповъ, прибывъ въ ст. Нижне-Курмоярскую (одна изъ станицъ 2-го Донского округа), подъ впечатлѣніемъ потери вѣры въ возможность казачьяго выздоровленія и возстанія, 14-го апрѣля, отдалъ приказъ о распыленіи своего отряда, вслѣдствіи чего часть партизанъ съ оружіемъ разъѣхалась. По настоянію делегаціи отъ возставшихъ станицъ, генералъ Поповъ отмѣнилъ отданное распоряженіе и поколебленное настроеніе возставшихъ снова окрѣпло".

Донская Лѣтопись № 3. Статья Г. П. Янова: „Донъ подъ большевиками весною 1918 года и возстаніе станицъ", стр. 22.

восточнѣе Новочеркасска) состоялось собраніе ближайшихъ станицъ, на которомъ былъ избранъ „Штабъ Обороны", и 13-го апрѣля ближайшія къ Новочеркасску станицы, подъ командой войскового старшины Фетисова, повели наступленіе на Новочеркасскъ.

Итакъ, въ день смерти ген. Корнилова при штурмѣ кубанской столицы, донцы штурмовали свою. 14-го апрѣля Новочеркасскъ былъ занятъ Фетисовымъ, но черезъ четыре дня возставшіе донцы были изъ него выбиты и отошли къ станицѣ Заплавской (въ 10 клм. восточнѣе Новочеркасска). Съ 21-го апрѣля возставшими избрано Временное Донское Правительство; а во главѣ вооруженныхъ силъ стали командующій арміей ген. К. С. Поляковъ и начальникъ штаба (съ 25-го — командующій арміей) ген. штаба полк. Денисовъ. Всего въ Заплавской и окружающихъ ее станицахъ собралось до $6^1/_2$ тысячъ казаковъ (около 5 тысячъ пѣшихъ и одна тысяча конныхъ при 6 орудіяхъ и 30 пулеметахъ). Ядромъ служилъ Новочеркасскій пѣх. полкъ, 7 Донской (конный) и 6 Донской пластунскій батальонъ*).

Съ 22-го апрѣля заплавскіе повстанцы вступили въ связь съ походнымъ атаманомъ ген. Поповымъ и 24-го апрѣля Донскимъ Правительствомъ ему была передана вся полнота военной власти**). Ген. Поповъ организовалъ возстаніе, раздѣливъ повстанцевъ на три группы:

Южную (Заплавскую) — полк. Денисова;

Сѣверную (изъ бывшихъ „степняковъ", ушедшихъ съ походнымъ атаманомъ), въ Раздорской, то есть въ 1-мъ Донскомъ округѣ — войскового старшины Семилѣтова;

Задонскую (Задонскія станицы) — генералъ-маіора Семенова (П. Т.).

Такимъ образомъ, къ 25-му апрѣля всѣ придонскія станицы отъ желѣзной дороги Царицынъ—Лихая до Новочеркасска и задонскія станицы Черкасскаго округа образовали единый противосовѣтскій организованный фронтъ съ главнымъ центромъ сопротивленія въ непосредственной близости отъ Новочеркасска — въ ст. Заплавской.

Надежды ген. Попова на выздоровленіе Дона, высказанныя имъ на совѣщаніи въ Ольгинской, начинали сбываться. Донъ возсталъ.

Наряду съ оккупаціей Украины и Донецкаго бассейна, нѣмцы, рѣшили расширить ее и на своихъ крайнихъ флангахъ. Это послѣднее расширеніе оккупаціи диктовалось уже

*) Донская Лѣтопись № 3. Статья Г. П. Янова: „Освобожденіе Новочеркасска и Кругъ Спасенія Дона" стр. 35.

**) Характерный фактъ, указывающій на перерожденіе психологіи казачества за весну 1918 года, приводитъ Г. Яновъ (Донская Лѣтопись № 3, стр. 40). При объѣздѣ 26-го апрѣля походнымъ атаманомъ ген. Поповымъ

соображеніями чисто военными и выразилось въ направленіи германскихъ войскъ въ красную Финляндію и въ Крымъ.

Вопросъ объ оккупаціи Финляндіи занималъ германскую ставку съ самыхъ первыхъ дней послѣ заключенія Брестскаго мира. Дѣйствительно, наличіе въ Финляндіи съ января совѣтской финской власти вызывало со стороны бѣлой Финляндіи мольбы о помощи. Въ рядахъ германской арміи еще съ 1915 года былъ егерскій батальонъ, укомплектованный финнами. Финляндія была важна нѣмцамъ какъ исходная позиція для угрозы Петрограду и Мурманской желѣзной дорогѣ, такъ какъ оккупація Финляндіи позволила бы нѣмцамъ и оказывать давленіе на большевиковъ, и парировать вліяніе нашихъ союзниковъ, главная база которыхъ была въ Мурманскѣ. И, какъ только въ Финляндіи поднялось возстаніе противъ красныхъ, нѣмцы „въ цѣляхъ воспрепятствованія созданія новаго восточнаго фронта", по просьбѣ возставшихъ, рѣшили послать войска въ Финляндію. Очень интересно отмѣтить, что вождь возставшихъ бѣло-финновъ ген. Маннергеймъ, высказываясь за посылку германскихъ войскъ, не хотѣлъ, чтобы они прибыли сразу и чтобы ихъ прибыло слишкомъ много, дабы „и его финны участвовали бы въ дѣйствительной борьбѣ и этимъ пріобрѣли бы увѣренность въ собственныхъ силахъ*).

Расчетъ ген. Маннергейма блестяще оправдался и созданный имъ впослѣдствіи „шюцкоръ" въ теченіи всей нашей гражданской войны держалъ „подъ шахомъ" большевиковъ, ни разу не рискнувшихъ посягнуть на Финляндію.

Нѣмцы выслали въ Финляндію сводную дивизію ген. графа фонъ деръ Гольца (3 спѣшенныхъ кавалерійскихъ полка, 3 егерскихъ батальона и нѣсколько батарей), которая высадившись въ Ганге (3-го апрѣля), совмѣстно съ другимъ германскимъ отрядомъ (полк. фонъ Бранденштейна), высадившимся въ Ловизѣ и Коткѣ, повела наступленіе съ юга на сѣверъ, въ то время какъ ген. Маннергеймъ съ бѣлой гвардіей (частично также вооруженной нѣмцами) и, присланнымъ ему германскимъ финскимъ егерскимъ батальономъ, атаковалъ красныхъ съ сѣвера на югъ. Овладѣвъ 13-го апрѣля столицей Финляндіи — Гельсингфорсомъ, что заставило совѣтскій Балтійскій флотъ спѣшно уйти въ Кронштадтъ, генералъ Маннергеймъ и нѣмцы разгромили красныя финскія войска подъ Тавастгусомъ, а отрядъ Бранденштейна отрѣзалъ путь отступленія бѣжавшимъ на востокъ у Лахты. 29-го апрѣля

возставшихъ казаковъ въ Заплавской станицѣ, казаки стоявшихъ въ резервѣ полковъ, передъ пріѣздомъ походнаго атамана, просили разрѣшенія отвѣтить ему на его привѣтствіе: „Здравія желаемъ Ваше Превосходительство", а не „господинъ генералъ", какъ это было установлено въ эпоху Временнаго Правительства въ 1917 году.

*) Ludendorff, стр. 504.

бѣлой гвардіей былъ занатъ Выборгъ, и Финляндія была очищена отъ большевиковъ.

Оккупація Крыма была рѣшена нѣмцами для обезпеченія свободы навигаціи по Черному морю. Дѣйствительно, Черноморскій флотъ представлялъ собою въ это время никому не подчинявшуюся и не признававшую Бреста, хотя и ярко совѣтски настроенную организацію. Пребываніе его въ Севастополѣ могло грозить нѣмцамъ сюрпризами. Это и привело къ оккупаціи Крыма нѣмцами, законченной къ концу апрѣля. Часть флота ушла въ Новороссійскъ и, чтобы не достаться нѣмцамъ, потребовавшимъ возвращенія эскадры въ Севастополь, были затоплены 1 дреднаутъ и 10 новыхъ истребителей.

Смерть ген. Корнилова подорвала вѣру въ возможность захвата Екатеринодара. Замѣстителемъ ген. Корнилова ген. Алексѣевъ назначилъ ген. Деникина*). Вступивъ въ командованіе, ген. Деникинъ принялъ рѣшеніе вывести Добровольческую Армію изъ подъ Екатеринодара. Первой задачей новаго командующаго Добровольческой Арміей было вывести армію изъ подъ ударовъ большевиковъ. Поэтому, избирая лишь направленіе наименьшаго сопротивленія, ген. Деникинъ первоначально двинулся въ сѣверо-западномъ направленіи на ст. Старовеличковскую. Однако занятіе большевиками этой станицы заставило Добровольческую Армію остановиться 15-го апрѣля въ колоніи Гначбау. Большевики, однако, насѣдали и задерживаться въ Гначбау было невозможно.

Поэтому въ колоніи Гначбау ген. Деникинъ рѣшилъ прежде всего вывести армію изъ раіона, сходящихся къ Екатеринодару вѣеромъ, желѣзныхъ дорогъ. „Планъ предстояща-

---

*) Ген.-лейтенантъ А. И. Деникинъ по окончаніи Кіевскаго военнаго училища, былъ произведенъ въ 1892 году въ офицеры во 2 артиллерійскую бригаду. По окончаніи Академіи ген. штаба онъ, прослуживъ 8 лѣтъ на должностяхъ ген. штаба въ войсковыхъ штабахъ (корпуса и дивизіи), принялъ въ командованіе 17 пѣх. Архангелогородскій полкъ. Прокомандовавъ три года полкомъ онъ былъ произведенъ передъ самой войной въ ген.-маіоры.

Начавъ войну генералъ-квартирмейстеромъ штаба 8-й арміи, онъ черезъ мѣсяцъ получилъ 4 стр. бригаду, прокомандовавъ которой свыше двухъ лѣтъ, онъ въ 1916 г., награжденный орденами Св. Георгія 4 и 3 степеней, получилъ въ командованіе VIII армейскій корпусъ. Послѣ революціи онъ, въ апрѣлѣ 1917 года, становится начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ іюнѣ — главнокомандующимъ Западнымъ, а въ августѣ Юго-Западнымъ фронтами. Арестованный по приказу Керенскаго въ связи съ выступленіемъ ген. Корнилова, онъ вмѣстѣ съ послѣднимъ до октябрьскаго переворота былъ заключенъ въ Быховѣ. Прибывъ на Донъ въ началѣ декабря 1917 года, онъ сперва командуетъ дивизіей Добровольческой Арміи, а съ выступленіемъ въ 1-й Кубанскій походъ становится помощникомъ командующаго арміей.

Въ день принятія имъ командованія Добровольческой Арміей ген. Деникину было всего 45 лѣтъ. По окончаніи войны ген. Деникинымъ написанъ капитальный пяти-томный трудъ, посвященный нашей гражданской войнѣ— „Очерки русской Смуты".

го похода", пишетъ ген. Деникинъ *), „заключался въ томъ, чтобы, двигаясь на востокъ, вырваться изъ густой сѣти желѣзныхъ дорогъ и болѣе организованнаго раіона борьбы Кубанско-Черноморской совѣтской республики, сосредоточиться на перепутьи трехъ „республикъ" и трехъ военныхъ командованій — Дона, Кубани и Ставрополя и оттуда, въ зависимости отъ обстановки, начать новую операцію".

Куда же направлялась Добровольческая Армія?

Перепутье трехъ „республикъ" лежало у с. Лежанки, гдѣ сходились границы Дона, Кубани и Ставропольской губерніи, въ четырехъ переходахъ юго-западнѣе ст. Великокняжеской. То есть черезъ семь недѣль похода, Добровольческая Армія возвращалась къ первоначальному рѣшенію ген. Корнилова, принятаго имъ на совѣщаніи въ Ольгинской!

Въ Гначбау былъ сокращенъ до минимума обозъ и оставлено только четыре орудія. Настроеніе арміи послѣ смерти Корнилова и отхода отъ Екатеринодара, въ связи съ окруженіемъ ея большевиками, преграждавшими арміи дорогу и насѣдавшими на нее съ тыла, сильно упало. Въ Гначбау Добровольческая Армія, подъ вліяніемъ Екатеринодара, переживала тяжелый моральный кризисъ. Одинъ изъ рядовыхъ участниковъ очень вѣрно изображаетъ это настроеніе**): „Утро 15-го апрѣля было нерадостное. Слухи о томъ, что армія перестанетъ существовать все усиливались. Говорили объ уходѣ въ горы нашихъ черкесовъ, къ счастью не оправдавшемся, о необходимости распыленія. Единственный якорь спасенія, армія, казалось, уже не могъ быть вѣрной надеждой. Всѣ ея жертвы были излишни. Въ лучшемъ случаѣ намъ предстояло бѣгство и бездомное скитаніе въ большевицкомъ морѣ"...

Впервые за все время похода, при отходѣ отъ Екатеринодара было оставлено 65 раненыхъ.

Въ ночь на 16-ое апрѣля Добровольческая Армія двинулась на переѣздъ желѣзной дороги у ст. Медвѣдовской.

Бой у ст. Медвѣдовской является одной изъ самыхъ яркихъ страницъ исторіи I-го похода Добровольческой Арміи. Потерявшая вождя, упавшая духомъ, бросившая половину своей артиллеріи, окруженная подавляющими силами большевиковъ, армія, казалось, была на краю гибели. И въ эту минуту ей приходилось форсировать съ боемъ желѣзную дорогу, по которой ходили красные бронепоѣзда.

При подходѣ ночью къ полотну желѣзной дороги, ген. Марковъ съ конными развѣдчиками выѣхалъ впередъ и изъ желѣзно-дорожной будки, отъ лица арестованнаго сторожа, по телефону успокоилъ встревоженныхъ шумомъ приближенія колонны большевиковъ на сосѣдней станціи (Медвѣдовской, въ одномъ километрѣ отъ будки). Батальонъ, направленный для захвата станціи, однако, спугнулъ большевиковъ и со станціи двинулся къ переѣзду красный бронепоѣздъ.

*) Ген. Деникинъ, II, 305—306.

**) Б. Суворинъ, „За Родиной", стр. 123.

„Медленно съ закрытыми огнями", описываетъ этотъ бой ген. Деникинъ *), „бронепоѣздъ надвигается на насъ... Поѣздъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ переѣзда. У будки всѣ: ген. Алексѣевъ, командующій арміей со штабомъ и ген. Марковъ... Марковъ съ нагайкой въ рукѣ бросился къ паровозу".

„— Поѣздъ, стой. Раздавишь, с..... с.... Развѣ не видишь, что свои?"...

„Поѣздъ остановился".

„И пока ошалѣвшій машинистъ пришелъ въ себя, Марковъ выхватилъ у кого то изъ стрѣлковъ ручную гранату и бросилъ ее въ машину. Мгновенно изъ всѣхъ вагоновъ открыли по насъ сильнѣйшій огонь изъ ружей и пулеметовъ. Только съ открытыхъ орудійныхъ площадокъ не успѣли дать ни одного выстрѣла".

„Между тѣмъ Міончинскій (комадиръ батареи) придвинулъ къ углу будки орудіе и подъ градомъ пуль почти въ упоръ навелъ его по поѣзду".

„Отходи въ сторону отъ поѣзда, ложись! — раздался громкій голосъ Маркова".

„Грянулъ выстрѣлъ, граната ударила въ паровозъ и онъ съ трескомъ повалился переднею частью на полотно. Другая, третья по блиндированнымъ вагонамъ... И тогда со всѣхъ сторонъ бросились къ поѣзду «марковцы». Съ ними и ихъ генералъ. Стрѣляли въ стѣны вагоновъ, взбирались на крышу, рубили топорами отверстія и сквозь нихъ бросали бомбы... Скоро все кончилось. Слышался еще только трескъ горящихъ патроновъ... Взято было 400 артиллерійскихъ и около 10 тысячъ ружейныхъ патроновъ. По добровольческимъ масштабамъ на нѣсколько боевъ мы обезпечены".

Армія, перейдя черезъ желѣзную дорогу, перешла въ ст. Дядьковскую.

Духъ Добровольческой Арміи не сломила ни смерть вождя, ни неудача подъ Екатеринодаромъ.

Въ ст. Дядьковской утромъ 17-го апрѣля былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ, по словамъ кубанскаго атамана Филимонова, обсуждался вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи движенія Добровольческой Арміи. „Выяснились", пишетъ Филимоновъ **), „два теченія: одно за движеніе въ Донскія степи, а другое въ горы въ Баталпашинскій отдѣлъ Кубанской области и далѣе въ Терскую область".

*) Деникинъ, II, 308—309.

**) „Бѣлое дѣло", томъ II, статья А. П. Филимонова. „Кубанцы", стр. 105.

Мнѣніе полк. Филимонова о движеніи на ст. Прочноокопскую, расположенную по очень высокому берегу Кубани, командующимъ Армавиромъ — центральнымъ мѣстомъ интендатскихъ и артиллерійскихъ складовъ большевиковъ, было принято всѣмъ совѣтомъ. Дальнѣйшій ходъ событій рисовался Кубанскому атаману такъ: „Засѣвъ въ этомъ неприступномъ гнѣздѣ, мы могли угрожать всей большевицкой коммуникаціи, а въ случаѣ удачи, могли очистить отъ большевиковъ и весь раіонъ Лабинскаго отдѣла, создавъ изъ него опорную базу для дальнѣйшихъ операцій".

Это, конечно, лишній разъ лишь подтверждаетъ, что присутствіе при Добровольческой Арміи Кубанскаго Правительства все время тянуло ее въ сторону отъ главнаго театра на Дону и Волгѣ для рѣшенія чисто мѣстныхъ, кубанскихъ задачъ.

Отъ Дядьковской ген. Деникинъ, посадивъ армію на подводы, форсированными переходами, двинулся прямо на востокъ и 21-го апрѣля привелъ ее въ ст. Ильинскую *). Отдохнувъ въ этой станицѣ три дня, Добровольческая Армія, 25-го апрѣля, перешла въ ст. Успенскую.

Еще въ Ильинской до Добровольческой Арміи дошли вѣсти о событіяхъ на Дону и о взятіи Новочеркасска (захватъ его Фетисовымъ съ 14-го по 18-ое апрѣля). Поэтому въ Задонье, на ст. Егорлыкскую, былъ высланъ конный разъѣздъ ген. штаба полк. Барцевича. Вернувшись въ Успенскую, Барцевичъ привезъ извѣстіе о возстаніи Дона. Конечно, свѣдѣнія эти были нѣсколько преувеличены, такъ какъ оформленіе возстанія въ сущности состоялось лишь въ день прибытія Добровольческой Арміи въ Успенскую (25-го апрѣля). Слухи, однако, вѣрно отражали донскія настроенія и улавливали общій подъемъ Дона.

Ген. Деникинъ поэтому принялъ рѣшеніе вести Добровольческую Армію на Донъ, и 29-го апрѣля Добровольческая Армія выступила изъ Успенской на сѣверъ—въ Задонье.

Въ ст. Плоской, 30-го апрѣля, прибывшій въ нее донской разъѣздъ сообщилъ, что на возставшія Задонскія станицы наступаютъ большевики и ген. Деникинъ выслалъ конницу на ст. Егорлыцкую, а бригаду ген. Богаевскаго на Гуляй-Борисовку въ направленіи наступавшихъ на Задонскія станицы большевиковъ.

4-го мая, въ Пасхальную ночь, Добровольческая Армія вернулась въ донскія станицы Егорлыцкую и Мечетинскую.

Къ началу мая нѣмцы, продолжая свое наступленіе, уже подошли къ границамъ Дона. Подъ давленіемъ нѣмцевъ „украинскіе" совѣтскіе отряды стремились выбраться на

*) Въ частности, отъ Дядьковской до Ильинской армія шла непрерывно 70 часовъ („Походъ Корнилова", изд. типо-литографіи А. И. Теръ-Абраміанъ. Ростовъ на Дону. Годъ не помѣченъ, изданіе несомнѣнно 1918 г.).

желѣзно-дорожную магистраль Воронежъ—Ростовъ съ цѣлью пробиться на сѣверъ или на югъ. На пути они, однако, встрѣтили возставшихъ казаковъ. Почти одновременно возстаніе вспыхнуло и въ Верхне-Донскомъ и Донецкомъ округахъ.

Въ первомъ изъ нихъ, Мигулинская станица, узнавъ о движеніи спасавшагося отъ нѣмцевъ совѣтскаго отряда отъ ст. Шептуховка (на желѣзной дорогѣ Воронежъ—Ростовъ) съ цѣлью пробиться на сѣверъ въ Воронежскую губернію, мобилизовала всѣхъ казаковъ отъ 20 до 50 лѣтъ и на голову разбила этотъ отрядъ *) 1-го мая. Въ Донецкомъ округѣ первой возстала ст. Гундоровская. Мобилизовавъ всѣхъ казаковъ до 70-лѣтняго возраста включительно, гундоровцы 28-го и 29-го апрѣля разбили сформировавшійся въ ст. Каменской отрядъ Щаденко. Но на Каменскую въ это время отступала изъ Донецкаго бассейна армія Ворошилова. Учитывая всю тяжесть борьбы и неравенство силъ, гундоровцы отправили въ сосѣдній городъ Луганскъ просить помощи у украинцевъ, по слухамъ занявшимъ городъ, но натолкнулись на нѣмцевъ и обратились къ нимъ за помощью. 2-го мая подошелъ нѣмецкій отрядъ, и, совмѣстно съ нѣмцами, гундоровцы отразили нападеніе большевиковъ. Армія Ворошилова, преслѣдуемая нѣмцами, стремилась пробиться черезъ Лихую на Царицынъ, но въ раіонѣ ст. Лихой онъ попалъ въ раіонъ „сплошь охваченный казачьимъ возстаніемъ" **). Возставшимъ донцамъ придонскихъ станицъ при этомъ удалось взорвать на пути отступленія Ворошилова мостъ черезъ р. Донецъ (у Бѣлой Калитвы). Черезъ двое сутокъ красные его однако возстановили и ихъ эшелоны двинулись на Чирскую (переправа черезъ Донъ), у Царицына.

4-го мая послѣдніе совѣтскіе отряды были изгнаны нѣмцами съ территоріи Украины и волна германской оккупаціи пріостановилась на линіи: Новозыбковъ—Новгородъ Сѣверскій — хуторъ Михайловскій — Бѣлгородъ — Валуйки—Миллерово. Украинское Правительство Центральной Рады, призвавшее нѣмцевъ, однако, 29-го апрѣля, было замѣнено нѣмецкимъ главнымъ командованіемъ въ Кіевѣ — правительствомъ гетмана Скоропадскаго. Истинную причину этой замѣны нѣмцы не скрываютъ. Ген. Людендорфъ совершенно опредѣленно пишетъ ***): „Какъ и слѣдовало ожидать молодое украинское правительство оказалось неспособнымъ дать успокоеніе странѣ и *поставить намъ хлѣбъ*. И это правительство исчезло съ поверхности. Власть принялъ гетманъ

*) Это былъ „Тираспольскій отрядъ 2-й соціалистической арміи" (Донская Лѣтопись № 3, стр. 28), принадлежавшій къ составу Муравьевской Одесской арміи.

**) „Гражданская Война 1918—1921 гг." III, 64.

***) Ludendorff, 502.

Скоропадскій... Съ гетманомъ Скоропадскимъ власть въ Кіевѣ перешла къ правительству, съ которымъ можно было работать. Онъ стремился обезпечить порядокъ въ странѣ и широко идти намъ навстрѣчу".

Новая власть на Украинѣ, конечно, болѣе отвѣчала создавшемуся тамъ режиму военной оккупаціи, чѣмъ не изжившее еще революціонной демагогіи соціалистическое правительство Центральной Рады. Правительство ген. Скоропадскаго на Украинѣ было гораздо рѣзче выраженной контръ-революціонной властью, чѣмъ Центральная Рада, и это не могло не отразиться на общемъ ходѣ борьбы съ большевизмомъ.

Почти одновременно съ окончаніемъ оккупаціи Украины, былъ заключенъ и Бухарестскій миръ съ Румыніей (7-го мая), обезпечившій Румыніи до окончанія войны суверенитетъ надъ Молдавіей и оккупацію ея войсками Бессарабіи.

Захватъ нѣмцами Воронежъ — Ростовской желѣзнодорожной магистрали (у ст. Миллерово и Чертково) сгонялъ къ югу, не успѣвшіе пробиться на сѣверъ, бѣжавшіе изъ Украины остатки совѣтскихъ отрядовъ. Одновременно съ этимъ къ Ростову подходилъ и отрядъ полк. Дроздовскаго.

Возстаніе придонскихъ станицъ, въ такой обстановкѣ, конечно, сильно тревожило задерживавшихся еще въ Ростовскомъ узлѣ большевиковъ. 1-го мая значительныя силы красныхъ изъ Новочеркасска повели наступленіе на Заплавскую группу возставшихъ донцовъ, руководимыхъ ген. штаба полковникомъ Денисовымъ. Донцы на голову разбили большевиковъ, захвативъ 8 запряженныхъ орудій, 5 тысячъ снарядовъ и 200 тысячъ патроновъ. Подъ вліяніемъ этой удачи, походный атаманъ ген. Поповъ рѣшилъ перейти въ рѣшительное наступленіе, нанося главный ударъ на Александровъ-Грушевскъ (каменно-угольныя шахты, являвшійся центромъ мѣстныхъ совѣтскихъ формированій), лишь прикрываясь со стороны Новочеркасска. Однако по своему удѣльному вѣсу южная (Заплавская) группа Денисова, естественно нацѣленная на Новочеркасскъ, значительно превосходила сѣверную группу Семилѣтова, дѣйствовавшую отъ ст. Раздорской, на Александро-Грушевскомъ направленіи. И ей и былъ нанесенъ главный ударъ.

На второй день Пасхи, совпавшій съ днемъ празднованія Св. Георгія Побѣдоносца (6 мая — 23 апрѣля по ст. стилю), Заплавская группа атаковала Новочеркасскъ и овладѣла Донской столицей.

7-го мая, высланный ею изъ Новочеркасска, конный отрядъ войск. ст. Туровѣрова вступилъ въ Ростовъ. Одновременно съ нимъ съ запада вступили въ Ростовъ и нѣмцы, выставившіе въ сторону Новочеркасска сторожевое охраненіе. Германская же кавалерія къ вечеру 8-го мая выдвинулась до

той переправы черезъ Донъ, по которой въ февралѣ уходила изъ Ростова Добровольческая Армія (Аксай) и заняла, памятную по февральскому совѣщанію, ст. Ольгинскую.

Однако уже черезъ день съ сѣвера на Новочеркасскъ хлынули остатки совѣтскихъ армій, которыхъ гнали передъ собою нѣмцы отъ ст. Миллерово. Положеніе на сѣверной окраинѣ Новочеркасска 8-го мая стало угрожающимъ. Импровизированное повстанческое донское ополченіе заколебалось и, подъ давленіемъ зажатыхъ между нѣмцами и казаками стремившихся какою угодно цѣною пробиться на югъ, напиравшихъ большевиковъ, стало сдавать. Положеніе создалось критическое, тѣмъ болѣе, что изъ-за несогласованности дѣйствій, сѣверная группа Семилѣтова въ этотъ день бездѣйствовала *) и, лишь послѣ настойчивыхъ просьбъ южной группы, выступила изъ ст. Раздорской. Подъ натискомъ большевиковъ, казаки стали отходить къ сѣверному предмѣстью Новочеркасска — Хутунку.

Въ эту критическую минуту, однако, совершенно неожиданно въ Новочеркасскѣ къ штабу Денисова полнымъ ходомъ подъѣхалъ мотоциклистъ. Это былъ офицеръ отряда полк. Дроздовскаго съ донесеніемъ къ старшему донскому начальнику **):

„Я съ отрядомъ подхожу къ Каменному Броду ***). Отдаю себя и мой отрядъ въ Ваше распоряженіе и, если обстановка требуетъ, могу выслать немедленно двѣ горныя батареи съ коннымъ прикрытіемъ. Задачу для артиллеріи и проводника высылайте. Полковникъ Дроздовскій".

Отрядъ полк. Дроздовскаго, двигаясь среди австро-германскихъ отрядовъ, обойдя съ сѣвера Таганрогъ, который былъ уже занятъ нѣмцами, въ канунъ Пасхи (4-го мая) атаковалъ Ростовъ, желая предупредить занятіе его нѣмцами. Захвативъ съ налета вокзалъ, полк. Дроздовскій вскорѣ овладѣлъ и Ростовымъ. Однако 5-го мая на Ростовъ хлынули спасавшіеся отъ нѣмцевъ съ сѣвера совѣтскіе эшелоны (лежавшій на ихъ пути Новочеркасскъ вѣдь былъ занятъ донцами лишь на слѣдующій день — 6-го) и вынудили отрядъ полк. Дроздовскаго очистить Ростовъ и отойти въ селеніе Крымъ (въ 15 клм. сѣверо-западнѣе Ростова). 7-го или 8-го мая полк. Дроздовскій узналъ отъ донскихъ разъѣздовъ ****) о

*) Донская Лѣтопись, № 3, статья Г. Янова „Освобожденіе Новочеркасска", стр. 49 и 50.

**) Тамъ же, стр. 48.

***) Хуторъ въ 16 клм. къ западу отъ Новочеркасска.

****) „7-го мая вечеромъ штабъ полк. Денисова имѣлъ уже свѣдѣнія, что у сел. Б. Салы (въ 25 клм. къ западу отъ Новочеркасска) появился" какой то антибольшевицкій отрядъ. Штабъ немедленно принялъ мѣры дабы связаться съ „неизвѣстными друзьями". Былъ посланъ разъѣздъ, коему было

захватѣ казаками Новочеркасска и двинулся въ этомъ направленіи. Главной заслугой Дроздовскаго, конечно, явилось то, что онъ угадалъ, что его помощь будетъ еще нужна въ Новочеркасскѣ въ ту минуту, когда казалось, что положеніе донцовъ тамъ уже совершенно упрочилось (нажимъ красныхъ обозначился лишь 8-го, а оріентировка, которую онъ могъ получить, относилась къ 7-му, то есть дню сравнительно полнаго благополучія въ раіонѣ Новочеркасска и одновременнаго занятія Ростова и донцами и нѣмцами).

Высланная Дроздовскимъ конно-горная батарея, хотя и сдержала натискъ красныхъ, но окончательно ихъ отбить не смогла. Кризисъ боя еще не былъ изжитъ, но въ эту минуту полк. Дроздовскій выслалъ донцамъ свой удивительный броневикъ „Вѣрный", который, открывъ пулеметный огонь, врѣзался въ цѣпи красногвардейцевъ. Казаки оправились и перешли въ наступленіе. Красные бѣжали, преслѣдуемые казаками полк. Денисова и подоспѣвшей со стороны ст. Заплавской конной частью сѣвернаго отряда Семилѣтова.

Донская столица была снова прочно въ рукахъ донцовъ.

Отрядъ полк. Дроздовскаго вступилъ въ Новочеркасскъ.

Бѣжавшіе передъ нѣмцами и донцами совѣтскіе отряды изъ Ростова, хлынули по Владикавказской желѣзной дорогѣ на Тихорѣцкую и Царицынъ. Ген. Деникинъ рѣшилъ использовать это замѣшательство красныхъ и, выступивъ 8-го мая (то есть въ день окончательной ликвидаціи красныхъ въ Ростовскомъ узлѣ) тремя колоннами изъ Егорлыкской и Мечетинской, 10-го мая атаковалъ ст. Сосыку, Крыловскую и Новолеушковскую по Владикавказской желѣзной дорогѣ. Захвативъ значительное количество огнестрѣльныхъ припасовъ, Добровольческая Армія, къ 13-му мая, однако отошла въ исходное положеніе.

По первому взгляду, казалось бы, что нажимъ нѣмцевъ (и донцовъ), вызвавшій стихійное бѣгство, пробивавшихся къ Царицыну большевиковъ, отдавалъ ихъ въ руки Добровольческой Арміи. Однако, захвативъ нужные ей огнеприпасы, Добровольческая Армія пропустила большевиковъ. Спасло ихъ различіе „оріентацій". Въ слѣдующей главѣ этотъ вопросъ будетъ разбираться подробно. Сейчасъ же достаточно указать на мотивы, руководившіе ген. Деникинымъ при этой операціи: „Долженъ сказать откровенно", пишетъ ген. Деникинъ*) по поводу этой операціи, „что нанесеніе болѣе серьезнаго удара въ тылъ тѣмъ большевистскимъ войскамъ, которые

приказано войти въ связь съ отрядомъ и доложить всю обстановку, сложившуюся въ Новочеркасскѣ". — Донская Лѣтопись № 3, статья Г. Янова „Освобожденіе Новочеркасска", стр. 48, примѣчаніе 2-ое.

*) Деникинъ, II, 345.

преграждали путь нашествія нѣмцевъ на Кавказъ, не входило тогда въ мои намѣренія: извращенная до нельзя русская дѣйствительность рядила иной разъ разбойниковъ и предателей въ покровы русской національной идеи"... И большевики, оріентація которыхъ была болѣе упрощенной, такъ какъ и въ нѣмцахъ и въ донцахъ и въ Добровольческой Арміи они видѣли только врага, проскочили на Тихорѣцкую".

Выйдя въ походъ въ составѣ четырехъ тысячъ, Добровольческая Армія вернулась въ Задонье въ составѣ пяти. Потери Добровольческой Арміи за Первый походъ составляли около 400 убитыхъ и она вывезла до полутора тысячъ раненыхъ. Значитъ Кубань дала Добровольческой Арміи около трехъ тысячъ бойцовъ. Но кромѣ трехъ тысячъ бойцовъ она дала ей и Кубанское Правительство и Кубанскую Раду. Этотъ привѣсокъ, въ отношеніи дальнѣйшей свободы дѣйствій Добровольческой Арміи, былъ однако чреватъ послѣдствіями. Три тысячи кубанцевъ, конечно, почти удвоили первоначальную численность арміи, но зато наличіе кубанскихъ властей, безъ территоріи, не могло не связывать командованіе Добровольческой Арміей. Уже въ Успенской въ послѣднихъ числахъ апрѣля, принимая рѣшеніе итти на Донъ, ген. Деникинъ долженъ былъ успокаивать кубанскихъ правителей, обѣщая имъ не бросать Кубани и при первой возможности оказать вооруженную помощь для ея освобожденія*).

Вернувшись въ Задонье Добровольческая Армія, наконецъ, обрѣтала столь нужный ей тылъ. Раненые были отправлены въ Новочеркасскъ. Добровольческая Армія изъ „корволанта" превращалась въ вооруженную силу, съ обезпеченнымъ тыломъ...

Двухъ съ половиной мѣсячный походъ по кубанскимъ степямъ не далъ Добровольческой Арміи ни территоріи, ни „организаціоннаго центра" въ видѣ Екатеринодара, ни поднялъ поголовнаго возстанія Кубанскаго казачества. Ольгинскія мечты не сбылись. Походъ стоилъ Россіи Корнилова и взбудоражилъ и способствовалъ организаціи, изъ за страха за свое существованіе, большевистскаго муравейника на сѣверномъ Кавказѣ. Безпристрастный итогъ актива и пассива Перваго похода не склоняется въ пользу актива.

Но всѣ эти подсчеты, вѣрные математически, непримѣнимы въ военномъ искусствѣ. Весь пассивъ Перваго похода меркнетъ передъ тѣми нематеріальными цѣнностями, которыя Добровольческая Армія пронесла и вынесла изъ своего Кубанскаго похода. Она первая, безъ надежды на помощь, открыто пошла на вооруженную борьбу съ большевизмомъ до конца. Окунувшись въ совѣтское море, она его бороздила въ теченіи 80 дней, расчищая себѣ путь среди красныхъ

*) Ген. Деникинъ, II, стр. 320—321.

бандъ. Ничтожная по численности, она сбивала на своемъ пути все преграждавшее ей дорогу, не считаясь съ числомъ. Вернувшись на Донъ, она принесла съ собою вѣру въ возможность успѣшной борьбы и эту вѣру вливала и въ сердца всѣхъ тѣхъ, кто ее потерялъ. Горсть добровольцевъ, вернувшихся съ Кубани, завоевала себѣ право стать выразительницей чаяній не хотѣвшей сдаваться большевикамъ России. Кубанскій походъ Алексѣевскихъ добровольцевъ зимы 1917 года превратилъ ихъ въ кадръ будущей Русской Арміи. Духовная сила, которую принесла съ собою Добровольческая Армія изъ кубанскихъ степей, создала ей ореолъ надежды Россіи...

Австро-германская оккупація Финляндіи, Бѣлоруссіи, Украины и Крыма, возстаніе Дона и овѣянная славой своего похода Добровольческая Армія, создавали совершенно новую обстановку на противобольшевицкомъ фронтѣ. Положеніе большевиковъ, по сравненію съ началомъ 1918 года, рѣзко ухудшилось. Удержаніе такъ легко давшейся имъ въ ноябрѣ 1917 года власти, теперь становилось подъ вопросъ. Русская контръ-революція начинала требовать отъ большевиковъ отчета.

ГЛАВА IV.

ОФОРМЛЕНІЕ РУССКОЙ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІИ

(ІЮНЬ 1918 ГОДА).

(Иностранныя вліянія и наши возможности).

(См. чертежи № 4, 5 и 6).

Германскія переброски съ Русскаго на Французскій фронтъ. Распредѣленіе австро-германскихъ оккупаціонныхъ армій въ Россіи. Политика Центральныхъ Державъ въ Россіи въ 1918 году.
Политика державъ Согласія въ Россіи въ 1918 г. Военноплѣнные центральныхъ державъ въ Россіи. Склады снабженія союзниковъ въ приморскихъ портахъ Россіи. Выступленіе чеховъ (26—29 мая 1918 г.). Союзные дессанты въ Мурманскѣ и на Бѣломъ морѣ. Интервенція союзниковъ.
Финляндія. Украина. Закавказье. Сибирь. Казачество. Нѣмцы Поволжья. Внутреннія контръ-революціонныя организаціи въ Совѣтской Россіи. Екатеринбургъ. Скрещеніе интересовъ обѣихъ коалицій міровой войны и ихъ отраженіе на территоріи Россіи. „Оріентаціи". Контръ-революціонная база и ея взаимоотношенія съ движущими силами контръ-революціи.

Въ первой половинѣ мая 1918 года продвиженіе австро-германцевъ вглубь Россіи, наконецъ, пріостановилось. Всего, для оккупаціи Финляндіи, Прибалтійскихъ провинцій, Бѣлоруссіи, Украины, Крыма и Румыніи австро-германцами было оставлено на русско-румынскомъ фронтѣ 45 пѣхотныхъ и 5 кавалерійскихъ дивизій. Изъ этого числа $^{3}/_{4}$ — 35 пѣхотныхъ и 3 кавалерійскихъ дивизіи — были германскія.

Всего, такимъ образомъ, со времени начала германской переброски изъ Россіи во Францію, совпавшаго съ концомъ выступленія ген. Корнилова въ сентябрѣ 1917 года, французскій фронтъ за счетъ русско-румынскаго, въ теченіи восьми мѣсяцевъ, усилился на слѣдующее число дивизій.

(см. Табл. № 6.)

Иначе говоря, окончательный развалъ нашего фронта, вызванный арестомъ Керенскимъ Верховнаго Главнокомандующаго ген. Корнилова, далъ на французскій фронтъ семь пѣ-

хотныхъ дивизій, а приходъ къ власти большевиковъ — усиленіе нѣмцевъ во Франціи на 47 пѣхотныхъ дивизій).*

ТАБЛИЦА № 6**).

ПЕРЕБРОСКА ГЕРМАНСКИХЪ ДИВИЗІЙ СЪ РУССКО-РУМЫНСКАГО НА ФРАНЦУЗСКІЙ ФРОНТЪ ЗА ВРЕМЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

	Переброшено дивизій	
	пѣхотн.	кавалер.
1. За время отъ выступленія ген. Корнилова до октябрьскаго переворота (съ 1-го сентября по 7 ноября 1917 .	7	—
2. Отъ октябрьскаго переворота до заключенія Брестскаго мира (съ 7 ноября 1917 г. по 3 марта 1918) . .	30	2
3. Отъ Брестскаго мира до конца австро-германской оккупаціи (съ 3 марта 1918 г. по 1-ое мая 1918) . .	17	3
ВСЕГО съ начала переброски (1 сентября 1917 г.) до окончанія оккупаціи (1 мая 1918) .	54	5

Эти 47 дивизій и дали лишь конечно нѣмцамъ возможность нанесенія нашимъ союзникамъ ряда сокрушительныхъ ударовъ весною 1918 года, доведя къ 1 мая 1918 года, число германскихъ пѣхотныхъ дивизій на французскомъ фронтѣ до 199***), взамѣнъ 142, бывшихъ на немъ къ началу выступленія ген. Корнилова (1-го сентября 1917 года).

*) Изъ этой послѣдней цифры собственно на русскій фронтъ падаетъ 41 пѣх. дивизія, 6 — же было переброшено за счетъ ослабленія румынскаго фронта, вызваннаго заключеніемъ мира съ Румыніей (въ Буфтѣ 5-го марта 1918 г.).

**) Таблицы № 6 и слѣдующая (№ 7) основаны на данныхъ труда Гере, составленнаго по оффиціальнымъ матеріаламъ германскаго государственнаго архива (Gehre.—Die deutsche Kräftverteilung während des Krieges. Berlin, 1928).

***) Общее усиленіе французскаго фронта за этотъ періодъ на 57 пѣхотныхъ дивизій слагалось изъ переброшенныхъ 54 дивизій съ русско-румынскаго фронта и 3 вновь сформированныхъ за это время дивизій.

Оставивъ, слѣдовательно, къ 1-му мая 1918 года, на русскомъ фронтѣ лишь около $^1/_6$ общаго числа своихъ силъ, германцы совершенно прекратили (до осени) дальнѣйшую переброску тѣмъ болѣе, что и эта $^1/_6$ часть ихъ силъ состояла изъ худшихъ (по большей части ландверныхъ, то есть третьеочередныхъ) дивизій, къ тому же совершенно обезкровленныхъ изъятіемъ изъ нихъ наиболѣе боеспособнаго элемента. Ген. Гофманъ*) указываетъ, что изъ дивизій русскаго фронта въ 1918 году Германская Ставка извлекла не только всѣ младшіе возрастные сроки, но и, практически, *всѣхъ* обученныхъ артиллеристовъ. Германскія дивизіи восточнаго фронта послѣ этого конечно сохранили лишь весьма условную боеспособность, а германскія дивизіи французскаго фронта получили развращенное условіями русскаго фронта пополненіе, считавшее, что его снимаютъ со спокойнаго фронта для посылки на убой во Францію.

Нельзя конечно отрицать того, что только переброска дивизій съ русскаго фронта дала возможность нѣмцамъ провести свои наступленія въ Пикардіи (мартъ), во Фландріи (апрѣль) и на р. Энъ (конецъ мая). Большимъ вопросомъ, однако, является правильность абсолютнаго обезкровленія восточнаго фронта за счетъ западнаго. Не было ли при этомъ нарушено равновѣсіе значенія фронтовъ, заставившее нѣмцевъ на свой восточный фронтъ смотрѣть только черезъ очки обстановки во Франціи?

Общее число оккупаціонныхъ австро-германскихъ дивизій въ Россіи къ 1-му мая 1918 года, достигая 45 пѣхотныхъ и 5 кавалерійскихъ, распредѣлялось такъ:

ТАБЛИЦА № 7.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ АВСТРО-ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦІОННОЙ АРМІИ ВЪ РОССІИ И РУМЫНІИ ПО РАІОНАМЪ на 1-е мая 1918 г.

РАІОНЫ	ДИВИЗІЙ				ВСЕГО дивизій	
	германскихъ		австрійскихъ			
	пѣхотн.	кавал.	пѣхотн.	кавал.	пѣхотн.	кавал.
Финляндія, Прибалтійскія провинціи и Бѣлоруссія . .	16	1	—	—	16	1
Украина и Крымъ .	16	2	8	2	24	4
Румынія . . .	3	—	2	—	5	—
ВСЕГО. . .	35	3	10	2	45	5

*) Hoffmann, 226—227.

Изъ этой таблицы видно, что сѣверный раіонъ оккупаціи (сѣвернѣе р. Припяти), глубина продвиженія въ которомъ (Псковъ и Могилевъ) не превышала въ среднемъ 200 клм., поглощалъ около 40% силъ. Въ то же время оккупація Украины, въ которой максимумъ продвиженія австро-германцевъ достигалъ почти 900 клм. (Каменецъ-Подольскъ—ст. Миллерово на желѣзной дорогѣ Воронежъ—Ростовъ) отвлекала лишь 60% общаго числа австро-германскихъ дивизій. Протяженіе фронтовъ обоихъ раіоновъ было одинаковымъ— около 800 клм. если не считать Финляндіи, гдѣ единственная германская дивизія постепенно смѣнялась организуемымъ Маннергеймомъ „шюцкоромъ". Къ тому же сѣверный раіонъ былъ оккупированъ только германскими дивизіями, въ то время какъ Украина была на $^1/_3$ оккупирована значительно менѣе боеспособными австрійцами. Въ среднемъ *плотность оккупаціи* (то есть число дивизій на единицу площади) *въ сѣверномъ раіонѣ*, по площади втрое, примѣрно, меньшемъ Украины, поэтому *превышала вдвое* таковую же *плотность оккупаціи Украины и Крыма*. Оба раіона при этомъ были германской ставкой раздѣлены и на двѣ разныхъ сферы вліянія. Сѣверный раіонъ остался въ подчиненіи „Ober-Ost", то есть престарѣлаго фельдмаршала принца Леопольда Баварскаго и его начальника штаба ген. Гофмана, а Украина была передана въ вѣдѣніе фельдмаршала фонъ Эйхгорна и ген. Гренера (германскаго военнаго министра послѣ Зекса). Штабъ перваго перешелъ въ Ковну, а второго — въ Кіевъ. Наконецъ штабъ австрійскихъ, оккупировавшихъ южную Украину, войскъ обосновался въ Одессѣ *).

Линія поведенія центральныхъ державъ въ оккупированныхъ областяхъ Россіи, не была послѣдовательной и единой.

Экономически, на первомъ мѣстѣ стояла, конечно, оккупація Украины, но связанныя съ ея эксплоатаціей надежды оказались, на практикѣ, въ значительной мѣрѣ преувеличенными. Организація аппарата, предназначеннаго для выколачиванія изъ Украины сырья, оказалась весьма несовершенной. Въ этомъ отношеніи совершенно сходятся, сильно въ это время расходившіеся по многимъ другимъ вопросамъ и Людендорфъ и Гофманъ. Вотъ ихъ свидѣтельства:

*Людендорфъ***).

„Сборъ сырья былъ сосредоточенъ въ рукахъ министерства народнаго хозяйства. Болѣе запутанной и многоголовой организаціи придумать было нельзя... Министерство народнаго хозяйства преслѣдовало на Украинѣ далеко забѣгающую впередъ событій этой эпохи политику будущихъ мирныхъ взаимоотношеній"...

*Гофманъ****)

„Въ Кіевѣ былъ посаженъ ген. Гренеръ съ цѣлью созданія германо-украинской торговой организаціи. На бумагѣ она была блестящей, но результаты были относительно скромные. Преувеличила ли въ свое время украинская делегація (въ Брестѣ) наличіе запасовъ хлѣба или крестьяне его скрывали, вѣроятно никогда не станетъ извѣстно. Я думаю, что причина была именно въ послѣднемъ. Во всякомъ случаѣ нашей организаціи не удалось получить серьезныхъ („nennenswerte") запасовъ зерна. Я склоненъ думать, что если бы вмѣсто мощной центральной организаціи, мы попросту бы завербовали болѣе значительное количество евреевъ-посредниковъ съ задачей просто продать намъ зерно, мы бы достигли большаго".

*) Австрійская оккупація, въ общемъ, распространялась на Подольскую, Херсонскую и Екатеринославскую губерніи.

**) Ludendorff, 501—502 и 503.

***) Hoffmann, 221.

Все же, конечно, несмотря на сложившуюся обстановку на Украинѣ и, несомнѣнно вѣрно подмѣченное Гофманомъ пассивное въ началѣ сопротивленіе украинскаго селянства, все таки изъ Украины австро-германцамъ удалось получить хотя бы то, безъ чего они вѣроятно не смогли бы продержаться въ 1918 году. Людендорфъ въ этомъ совершенно откровенно признается *):

„Сильно нуждавшаяся Австро-Венгрія горячо принялась за дѣло и хотя она далеко и не получила того, что графъ Чернинъ **) считалъ безусловно необходимымъ для нея, еще въ февралѣ, все же полученное изъ Украины продовольствіе, въ связи съ оказанной намъ ей помощью, по крайней мѣрѣ хотя спасло отъ голода и Австрію и ея армію. Этимъ хотя бы было сдѣлано самое неотложное. Мы, однако, далеко не получили того, что было необходимо въ смыслѣ хлѣба и фуража, для оживленія подорванныхъ силъ нашей родины. Все же Украина помогла и Германіи. Лѣтомъ 1918 года она намъ поставляла мясо. Лишь это дало возможность вообще продалжать наше хотя и столь скудное питаніе мясомъ и позволило воздержаться отъ дальнѣйшаго уничтоженія нашего скотоводства и скотоводства захваченныхъ нами во

*) Ludendorff, 503.

**) Австро-Венгерскій делегатъ въ Брестѣ.

время войны территорій. Армія получила значительное количество лошадей. Безъ нихъ дальнѣйшее веденіе войны стало бы невозможнымъ. Если бы поставка для арміи лошадей должна была бы и впредь выполняться Германіей, это нанесло бы новый тяжелый ударъ нашему сельскому хозяйству. Наконецъ мы получили изъ Украины и сырье всѣхъ видовъ".

„Несмотря на все это, все же намъ скоро пришлось похоронить надежду, что хлѣбные запасы Украины дадутъ намъ въ руки могучее средство улучшенія нашихъ взаимоотношеній съ нейтральными странами и дадутъ облегченіе нашего экономическаго положенія, столь важнаго намъ для веденія нами войны".

Украина послужила тѣмъ вспрыскиваніемъ камфары, которое поддержало біеніе останавливавшагося въ 1918 году сердца арміи центральныхъ державъ. Отъ этого до прорыва блокады, о которомъ мечтали наши противники въ Брестѣ, было все же очень далеко. До извѣстной степени Украина ихъ разочаровала.

Наряду съ украинскими хлѣбомъ и скотомъ, въ 1918 году, не меньшее значеніе получала для центральныхъ державъ и кавказская нефть. Ничтожные, сравнительно съ военными потребностями, запасы Галицiйской нефти почти цѣликомъ шли на нужды австро-венгерской арміи. Оккупація Румынскихъ нефтяныхъ промысловъ въ Карпатахъ не покрывала всей потребности германской арміи. Изъ двухъ основныхъ источниковъ нашей нефти — Баку и Грознаго, нѣмцы остановились на первомъ. Но тамъ они столкнулись съ турками. Продвигаясь безъ сопротивленія, за развалившимся Кавказскимъ фронтомъ, къ концу марта турки заняли, уступленные имъ большевиками по Брестскому миру, Карсъ, Ардаганъ и Батумъ. На этомъ, однако, они не остановились и рѣшили провести оккупацію и всего Закавказья. Отвлеченіе турокъ отъ ихъ прямыхъ задачъ по борьбѣ съ Англіей въ Персіи, совершенно не входило въ расчеты германцевъ. Къ тому же и классическая дезорганизованность турецкихъ органовъ снабженія не позволяла нѣмцамъ расчитывать на полученіе бакинской нефти черезъ турокъ. Идти же самимъ за нефтью въ Баку — значило посылать новыя войска теперь уже и въ Закавказье. Поэтому нѣмцы временно рѣшили оставить турокъ идти на Баку, а самимъ лишь завязать переговоры съ закавказскими народностями.

Этой экономической стороной вопроса, однако, далеко не исчерпывалась проблема оккупаціи.

Политически, главное значеніе принадлежало не Украинѣ, а сѣверному раіону оккупаціи, угрожавшему Петербургу и Москвѣ. Въ связи съ оккупаціей Финляндіи, „между Нарвой и Выборгомъ мы теперь располагали позиціями, которыя намъ каждую минуту позволяли начать наступленіе на Петербургъ" *).

Въ этомъ вопросѣ, однако, линіи поведенія германской дипломатіи и германской Ставки сильно расходились.

Берлинъ опредѣленно сталъ на точку зрѣнія принятія Брестскихъ условій въ серьезъ и относился къ совѣтской власти, какъ къ власти государственной, съ которой онъ стремился поддерживать добрососѣдскія, вытекавшія изъ договора, отношенія.

Не критикуя, пока по существу, правильность или ошибочность этой линіи поведенія, нельзя не признать за ней все же извѣстной послѣдовательности. Своей задачей германская дипломатія ставила себѣ, наряду съ вывозомъ сырья съ Украины, обезпеченіе тыла на русской границѣ. И эти заданія Берлинъ стремился провести въ жизнь. Вопросъ былъ лишь въ томъ, что понимать подъ обезпеченіемъ тыла. И тутъ Берлинъ наивно игралъ въ руку большевикамъ, откровенно издѣвавшимся надъ близорукостью берлинскихъ дипломатовъ, допустившихъ совѣтское посольство для пропаганды въ Берлинъ и давшихъ большевикамъ жизненно необходимую имъ передышку.

Политическая линія поведенія германской Ставки была гораздо болѣе неопредѣленной. Въ общемъ она все время колебалась между срывомъ Бреста и сохраненіемъ въ силѣ Брестскихъ условій.

Людендорфъ такъ расцѣниваетъ общую политическую обстановку въ Россіи послѣ Бреста**): „Я не стремился къ разрушенію Россіи или такому ея ослабленію, которое привело бы къ ея политической смерти. Гораздо болѣе я надѣялся на то, что возстановленіе Имперіи начнется съ Украины; наиболѣе отвѣчало моимъ намѣреніямъ и русское рѣшеніе польскаго вопроса. Литва и Курляндія не были для Россіи, такъ же какъ Карсъ и Батумъ, вопросами жизни и смерти. Зато потеря ею Лифляндіи и Эстляндіи была для нея чувствительной. Въ этомъ вопросѣ можно и должно было пойти на всѣ возможныя уступки Россіи. Конечно сейчасъ вопросъ о возможности возвращенія окрѣпшей Россіи Лифляндіи и Эстляндіи являлся празднымъ, такъ какъ такой „окрѣпшей" Россіи въ то время не было на лицо".

Эта расцѣнка условій Брестскаго мира была, конечно, очень осторожной и не противорѣчила политикѣ и германской дипломатіи. Однако, наряду съ этимъ у Людендорфа можно найти и другіе проекты ***).

„Наша восточная политика по отношенію къ Россіи... цѣликомъ направлялась по большевицкому фарватеру. Без-

*) Ludendorff, 505.
**) Ludendorff, 450.
***) Тоже, 529.

спорно, что это помѣшало возникновенію въ теченіи лѣта новаго восточнаго фронта... Но эта политика была близорукой... Съ военной точки зрѣнія мы были въ состояніи съ тѣми войсками, которые у насъ оставались на востокѣ нанести короткій ударъ на Петербургъ, а съ помощью донскихъ казаковъ и въ направленіи на Москву. Это было бы лучше, чѣмъ оборона на растянутыхъ фронтахъ, которая поглощала больше силъ, чѣмъ ихъ было нужно для короткаго продвиженія. Кромѣ того оборона подрывала духъ войскъ, въ то время, какъ наступленіе его бы поддержало. Мы могли устранить, столь внутренне враждебное намъ, совѣтское правительство и способствовать водворенію въ Россіи другой власти, которая не шла бы противъ насъ и была бы готова идти съ нами заодно. Этимъ бы достигался значительный успѣхъ въ общемъ веденіи нами войны. Наличіе новаго правительства въ Россіи позволило бы посмотрѣть на то, какъ бы съ нимъ можно было договориться по поводу Брестскаго мира. Лишиться, однако, сейчасъ полученныхъ въ Брестѣ преимуществъ, при наличіи большевиковъ, совершенно не имѣя даже представленія о томъ, какъ развернутся дальнѣйшія событія, было бы такой же политикой авансовъ, какъ и идея мира по соглашенію до тѣхъ поръ, пока эта идея не была бы воспринята и нашими врагами".

Этотъ короткій ударъ на Петроградъ и въ направленіи на Москву, но гораздо болѣе конкретно, занималъ и начальника штаба германскаго восточнаго фронта — ген. Гофмана. Ознакомившись, за первые мѣсяцы оккупаціи, съ цѣною большинства совѣтскихъ обѣщаній, Гофманъ ясно видѣлъ, что обезпеченія тыла политика берлинской дипломатіи дать не можетъ. На фронтѣ продолжались постоянныя стычки. Росли слухи о вмѣшательствѣ Англіи, о чехахъ. Вообще совѣтская территорія въ 1918 году не представляла собою хотя бы мало-мальски сложившагося государственнаго организма, договорныя отношенія съ которымъ могли бы, что либо обезпечить или гарантировать. Поэтому Гофманъ съ весны 1918 года стоялъ на точкѣ зрѣнія необходимости *) „разъясненія обстановки на востокѣ, то есть нарушенія мира походомъ на Москву, установленія новаго русскаго правительства, которому можно было бы предложить лучшія условія, чѣмъ Брестскій миръ — напримѣръ, въ первую голову возвратить ему Польшу — и заключенія съ этимъ новымъ русскимъ правительствомъ союза"...

„Продвинувшись, напримѣръ, до линіи Смоленскъ — Петербургъ, можно было бы, дойдя до этого рубежа, сформировать русское правительство, хотя бы основываясь на фикціи о томъ, что живъ еще Наслѣдникъ Цесаревичъ. Взамѣнъ него можно было во главѣ его поставить мѣстоблюстителя — я думалъ при этомъ о Великомъ Князѣ Павлѣ (Александровичѣ), съ которымъ главнокомандующій восточнымъ фронтомъ (принцъ Леопольдъ Баварскій) уже вошелъ въ сношенія черезъ полк. Дурново, зятя Великаго Князя *). Разъ посадивъ это временное правительство въ Москвѣ, по моему мнѣнію свержение большевицкаго правительства было бы уже пустяками"...

*) Hoffmann, 223—224.

Эта точка зрѣнія, все же безотвѣтственнаго генерала, какъ видно изъ сопоставленія ея съ мнѣніемъ отвѣтственнаго руководителя германской Ставки, была гораздо болѣе опредѣленной. Гофманъ, не касаясь предлагаемыхъ имъ пріемовъ, конечно яснѣе и отчетливѣе представлялъ себѣ истинное положеніе дѣлъ въ Россіи. Людендорфъ былъ слишкомъ поглощенъ французскимъ фронтомъ. Тѣмъ не менѣе и тотъ, и другой, одинъ — непосредственно, а другой — черезъ Кіевское командованіе, вели переговоры съ русскими политическими дѣятелями. Гофманъ пишетъ, что „онъ завязалъ сношенія съ различными представителями стараго русскаго правительства" **). Людендорфъ отмѣчаетъ ***), что на Украинѣ „мы также вошли въ сношенія со многими великорусскими народными теченіями".

Реальность осуществленія этихъ плановъ не вызывала сомнѣнія у германскаго командованія. Выше уже цитировались слова Людендорфа о томъ, „что съ военной точки зрѣнія мы были въ состояніи съ тѣми войсками, которые у насъ оставались на востокѣ, нанести короткій ударъ на Петербургъ и въ направленіи на Москву". Гофманъ подтверждаетъ это еще болѣе опредѣленно. Онъ прямо пишетъ ****), что для наступленія „Восточный фронтъ совершенно не нуждался ни въ какихъ подкрѣпленіяхъ. Маіоръ Шубертъ, нашъ новый военный агентъ въ Москвѣ, который первымъ выступилъ за рѣшительное наступленіе противъ большевиковъ, считалъ достаточнымъ для водворенія порядка въ Москвѣ и установленія новаго правительства двухъ баталіоновъ. Хотя я и считалъ его расчеты слишкомъ оптимистичными, все же мнѣ кажется, что для проведенія этого въ жизнь намъ хватило бы и тѣхъ немногихъ дивизій, которыя оставались еще въ нашемъ распоряженіи. Ленинъ и Троцкій въ то время не располагали еще красной арміей. Всѣ ихъ заботы были поглощены разоруженіемъ и раскассированіемъ старой арміи. Ихъ власть опиралась лишь на нѣсколько латышскихъ батальоновъ и на нѣсколько ордъ китайскихъ кули, которыхъ они

*) Ген. штаба полк. П. П. Дурново былъ разведеннымъ мужемъ дочери морганатической супруги Великаго Князя, княгини Палѣй, отъ ея перваго брака.

**) Hoffmann, 223.

***) Ludendorff, 503.

****) Hoffmann, 224.

вооружили и которые примѣнялись ими прежде ⱸсего, какъ
это впрочемъ дѣлается и по сю пору, въ качествѣ палачей".
Несомнѣнно, что несмотря на постоянныя колебанія по-
литики Главнаго германскаго командованія въ русскомъ во-
просѣ, общая организація оккупаціи (уплотненіе въ сѣвер-
номъ раіонѣ за счетъ Украины) все же отвѣчала идеѣ угрозы
большевикамъ. Какъ будто политическая сторона оккупаціи
преобладала въ началѣ надъ стороной экономической. Лишь
все большее и большее вниманіе, удѣляемое Людендорфомъ
французскому фронту, заставило эту идею постепенно поте-
рять свою осязательность.
Однако упорное, навязчивое стремленіе Людендорфа во
что бы то ни стало прорвать, въ 1918 году, союзный фронтъ
во Франціи и этимъ закончить войну, затушевывало въ гла-
захъ германской Ставки значеніе восточнаго фронта. Рѣшеніе
войны чисто военными пріемами на поляхъ Франціи, поли-
тику подчиняло стратегіи и съ этой точки зрѣнія занятыя
послѣ Бреста позиціи въ Россіи рисовались Ставкѣ лишь
источникомъ пополненія армій западнаго фронта. Между тѣмъ
германское командованіе восточнаго фронта инстинктивно
чувствовало, что 1918 годъ далъ Германіи и другіе козыри,
кромѣ возможности прорывовъ англо-французскаго фронта. И
правъ, конечно, Гофманъ, когда онъ говоря о проектѣ за-
хвата Москвы, пишетъ*): „Конечно нужно предоставить фан-
тазіи возможности отраженія подобныхъ событій на Герма-
нію и на западномъ фронтѣ. Безъ сомнѣнія, однако, они были
бы гигантскими, если бы только германская политика и гер-
манская Ставка на это рѣшились до того, какъ Людендорфъ
началъ свое первое наступленіе въ мартѣ 1918 года".
Бездѣйствовавшія, обезкровленныя изъятіемъ изъ нихъ
всего боеспособнаго элемента, германскія дивизіи восточнаго
фронта, все менѣе и менѣе становились способными для выполне-
нія, несомнѣнно существовавшихъ въ германскомъ командова-
ніи, плановъ вооруженной борьбы съ большевиками. А въ этой
борьбѣ значеніе имѣло не столько, быть можетъ, число ди-
визій, сколько тотъ ореолъ, которымъ окружали Германію ея
побѣды первой половины 1918 года.
Однако рѣшеніе русской проблемы для нѣмцевъ все
болѣе и болѣе отходило на второй планъ по сравненію съ
событіями, рѣшавшими войну во Франціи и Салоникахъ. Сере-
дина іюля окончательно заставила ее повернуться лицомъ
на западъ, предоставивъ событія на востокѣ своему естествен-
ному теченію.
Роль въ оккупаціи русской территоріи Австро-Венгріи
и направленіе ея политики въ этомъ вопросѣ, были совер-
шенно ничтожными. Отчаянное положеніе Австріи въ 1918
году позволяло ей лишь либо плестись на поводу у Герма-

*) Hoffmann, 224.

ніи, либо нащупывать почву для сепаратнаго мира, цѣною котораго еще казалось возможнымъ спасеніе остатковъ многоплеменной и раздираемой внутренними противорѣчіями Имперіи Императора Карла.

Несмотря на переброску съ русскаго фронта въ Италію примѣрно 30 пѣхотныхъ и 10 кавалерійскихъ дивизій, Австро-Венгерскія арміи завязли и въ сѣверной Италіи, куда ихъ вывело изъ горъ германское наступленіе въ концѣ 1917 года, и въ Албаніи. Попытка ихъ перейти въ наступленіе лѣтомъ 1918 года въ Италіи окончилась полнымъ проваломъ и, черезъ нѣсколько дней послѣ его начала, австрійцы должны были спѣшно отойти въ исходное положеніе (наступленіе къ рѣкѣ Піавѣ 15-го іюня 1918 года).

Поэтому всѣ стремленія Австріи быяи направлены на усиленіе лишь своего дипломатическаго вліянія въ Украинѣ, полное отдѣленіе которой представлялось ей почему-то выгоднымъ, хотя оно сразу ставило подъ вопросъ и судьбы австрійской Восточной Галиціи и запутывало ея взаимоотношенія съ поляками изъ-за справедливыхъ притязаній Украины на Холмщину. Тѣмъ не менѣе австрійскіе дипломаты по старой традиціи особенно рьяно поддерживали идею полнаго суверенитета Украины.

Фактъ оккупаціи австро-германцами, не считая Финляндіи, 18-ти русскихъ губерній (9 цѣликомъ и 9 частично) не могъ не тревожить Державы Согласія. Планы германскаго командованія каждый моментъ могли стать реальностью. Нарушеніе Германіей блокады и снабженіе ея за счетъ русскаго сырья, казалось грозило затянуть войну. Непрерывная переброска дивизій, съ русскаго фронта на французскій давала, наконецъ, Германіи, ни разу не достигнутое ею за всю войну, и численное превосходство во Франціи. Россія становилась, въ глазахъ ея союзниковъ, источникомъ снабженія Германіи и тѣмъ резервуаромъ, изъ котораго лились на французскій фронтъ германскія дивизіи.

Нѣсколько даже быть можетъ преувеличенныя опасенія возбуждала и возможность полученія центральными державами изъ Россіи, по условіямъ Брестскаго мира, своихъ военноплѣнныхъ.

Общее число военноплѣнныхъ въ Россіи, правда, достигало на 1-ое сентября 1917 года (послѣдняя дата подсчетовъ Главнаго Штаба), весьма внушительной цифры въ два, приблизительно, милліона (во много разъ превосходившей число военноплѣнныхъ взятыхъ всѣми вмѣстѣ нашими союзниками за все время войны). Однако распредѣленіе ихъ по принадлежности къ разнымъ арміямъ давало слѣдующую картину. (см. табл. № 8).

Изъ таблицы (№ 8) видно, что наличное число, наиболѣе опасныхъ союзникамъ, военноплѣнныхъ германцевъ со-

ставляло лишь 143 тысячи, то есть равнялось только $^1/_8$ одного нормальнаго призывного возраста класса Германіи. Громадная же свыше полутора-милліонная масса австрійскихъ военноплѣнныхъ сколько-нибудь значительной боевой цѣнности, конечно не представляла.

ТАБЛИЦА № 8 *).

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННОПЛѢННЫХЪ ВЗЯТЫХЪ РУССКОЙ АРМІЕЙ съ начала войны по 1-е сентября 1917 г. (въ тысячахъ).

Движеніе военноплѣнныхъ.	Страны происхожденія военноплѣнныхъ.				
	Германія	Австрія	Турція	Болгарія	ВСЕГО
Всего было взято	159,3	1736,7	64,5	0,6	1961,1
Изъ нихъ отправлено инвалидовъ на родину для интернированія въ иностран. странахъ, умерло и бѣжало	15,7	130,9	1,2	—	147,7
На лицо (1-IX) въ пунктахъ водворенія, лечебныхъ заведеніяхъ и на работахъ . . .	143,6	1605,8.	63,3	0,6	1813,4

Къ сожалѣнію не существуетъ данныхъ, позволяющихъ точно опредѣлить національный составъ австро-венгерскихъ военноплѣнныхъ въ Россіи. Имѣются лишь косвенныя указанія въ видѣ цифръ племенного состава австро-венгерской арміи и боевыхъ потерь среди различныхъ національностей Австро-Венгріи.

Работы Вѣнскаго военнаго Архива **) и Винклера ***) показываютъ, что по боеспособности на первомъ мѣстѣ стояли австрійскіе нѣмцы, затѣмъ *югославяне* и только на третьемъ мѣстѣ венгры. Затѣмъ шли словаки, поляки, русскіе (русины), чехи, румыны и итальянцы. По % убитыхъ въ отношеніи къ общей численности населенія каждой изъ національностей, на первомъ и второмъ мѣстахъ стояли нѣмцы и венгры (2,9 и 2,8% соотвѣтственно). Процентъ убитыхъ остальныхъ національностей не превышалъ 2,0 — 2,3% (для итальянцевъ же онъ въ нѣкоторыхъ раіонахъ опускался до 0,6 %).

*) „Россія въ мировой войнѣ 1914—1918 г. г. (въ цифрахъ)", изданіе Центр. Статистическаго Управленія. Москва, 1925 годъ. По даннымъ таблицы № 33 (стр. 41).

**) Тамъ же, томъ I, стр. 44.

***) Winkler, „Die Totenverluste der öst. -ung. Monarchie nach Nationalitäten", Wien, 1919. Стр. 4.

ТАБЛИЦА № 8-а.*)

НАЦІОНАЛЬНЫЙ СОСТАВЪ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМІИ.

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ.	% солдатъ въ арміи
Нѣмцы	24,8
Венгры	23,3
Чехо-словаки	16,2
Сербы, хорваты, словенцы . .	11,7
Поляки	7,9
Русскіе („русины") . . .	7,8
Румыны	7,0
Итальянцы	1,3

Исходя изъ этого можно предполагать, что процентъ плѣнныхъ славянъ, румынъ и итальянцевъ среди австро-венгерскихъ плѣнныхъ въ Россіи вѣроятно составлялъ не 52%, какъ это давала бы ихъ относительная численность въ австро-венгерской арміи, а скорѣе $^2/_3$ общаго ихъ состава, то есть цифру близкую къ 1—1,1 милліону человѣкъ.

Наконецъ, число плѣнныхъ турокъ и, особенно, болгаръ было совершенно ничтожно.

Тѣмъ не менѣе вопросъ пополненія арміи личнымъ составомъ и для Германіи, и для Франціи, и для Англіи на четвертый годъ войны пріобрѣлъ такую остроту, что и сотня тысячъ германскихъ военноплѣнныхъ и то, что можно было еще извлечь годнаго изъ моря плѣнныхъ австрійцевъ, каза-

*) „Oesterreich-Ungarns Letzter Krieg 1914—1918", Wien 1930—1931 Оффиціальное австрійское изданіе (т. II, 1-ое приложеніе, таблица № 5

лось державамъ Согласія далеко не второстепеннымъ вопросомъ.

Размѣщеніе плѣнныхъ на территоріи Россіи въ общемъ распадалось на двѣ почти равныхъ группы: плѣнные, размѣщенные въ прифронтовыхъ округахъ *), то есть грубо считая западнѣе меридіана Вологда—Москва—Ростовъ на Дону и на Кавказѣ, и военноплѣнные во внутреннихъ округахъ Россіи, то есть въ Подмосковномъ раіонѣ, въ Поволжьѣ, Сибири и Туркестанѣ. Первая группа составляла нѣсколько болѣе половины общаго ихъ числа (54%) **), вторая — нѣсколько менѣе половины (46%) **).

Первая группа для союзниковъ могла считаться заранѣе потерянной, такъ какъ границы территоріи этихъ прифронтовыхъ округовъ (кромѣ Кавказа) въ общемъ совпадали съ линіей фронта австро-германскихъ оккупаціонныхъ войскъ. Оставалась, слѣдовательно, лишь вторая, то есть группа внутреннихъ округовъ. Изъ общаго числа расположенныхъ въ нихъ 836 тысячъ военноплѣнныхъ, главная масса (542 тысячи или почти точно $^2/_3$) падала на долю Поволжья и Сибири **) Отсюда становится яснымъ, какое значеніе для державъ Согласія пріобрѣтала возможность воспрепятствовать возвращенію германскихъ и австрійскихъ военноплѣнныхъ черезъ не оккупированныя австро-германцами Поволжье и Сибирь.

Наконецъ, единственныя отдушины, черезъ которыя, во все время войны, Россія сносилась со своими союзниками, были расположены въ трехъ пунктахъ: въ Мурманскѣ и Архангельскѣ на сѣверѣ и во Владивостокѣ на востокѣ. Каково было состояніе невывезенныхъ изъ этихъ трехъ пунктовъ запасовъ въ 1918 г., конечно судить очень трудно. Никакихъ матеріаловъ по этому поводу не сохранилось ни у насъ, ни у красныхъ. Все же, учитывая постоянныя жалобы и союзниковъ, что мы не успѣвали вывозить все намъ поставленное, и нашихъ фронтовъ на медленную разгрузку этихъ портовъ, можно считать, что запасы военнаго снаряженія въ этихъ портахъ достигали весьма крупной цыфры. Только что перешитая съ узкой колеи на широкую, Архангельская желѣзная дорога, связывавшая его съ Москвою, и построенная передъ самой революціей Мурманская желѣзная дорога, связывавшая его съ Петроградомъ, такъ же какъ и 9000 клм. пути отъ Владивостока до фронта, конечно не успѣвали своевременно разгружать эти три порта, за послѣдній годъ войны.

Какова же была величина заграничныхъ заказовъ нашего военнаго министерства, показываютъ цыфры уже заказаннаго нами имущества на 1-ое января 1918 года, то есть къ началу нашей гражданской войны.

*) Петроградскій, Двинскій, Минскій, Кіевскій, Одесскій и Область Войска Донского и Кавказъ.

**) „Россія въ мировой войнѣ 1914—1918 г.г. (въ цыфрахъ)". Таблица № 32 (стр. 41).

ТАБЛИЦА № 9 *).

Стоимость въ милліонахъ рублей и величина тоннажа уже заказанныхъ Россіей продуктовъ военнаго снабженія по заказамъ военнаго министерства на 1-ое января 1918 года.

Виды снабженія.	Тоннажъ (въ *тысячахъ* тоннъ).	Стоимость заказанныхъ предметовъ (въ милліонахъ рублей).
Артиллерійское	664,9	1.756
Военно-техническое	326,9	63
Интендантское	184,9	269
Военно-воздушнаго флота	15,0	139
Военно-санитарное	0,5	3
ВСЕГО (включая и заказы, шедшія черезъ Россію для Румыніи)	1.192,2	2.230

Слѣдовательно, какъ общая исходная данная нашего заграничнаго военнаго ввоза къ началу гражданской войны, можетъ служить цифра въ 1,1 милліона тоннъ тоннажа, на стоимость въ $2^1/_4$ милліарда рублей. Такъ какъ курсъ нашего рубля на Лондонской биржѣ въ среднемъ за 1917 годъ составлялъ около 25 рублей **) за фунтъ стерлинговъ, то есть цѣнность нашего рубля за время войны, по сравненію съ золотымъ довоеннымъ рублемъ, упала лишь приблизительно въ $2^1/_2$ раза, вся стоимость этихъ заграничныхъ заказовъ и на золотые рубли была близка къ милліарду.

Главными нашими поставщиками заказаннаго нами военнаго имущества въ концѣ для насъ міровой войны, то есть къ началу нашей гражданской, были:

*) Таблица составлена на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ „Россіи въ міровой войнѣ 1914—1918 г.г. (въ цифрахъ)", таблица № 45 (стр. 54).

**) Тамъ же, таблица № 39 (стр. 48).

ТАБЛИЦА № 10*).

СТРАНА.	По тоннажу (въ тысячахъ тоннъ).	По стоимости (въ миллiонахъ рублей).
Англiя . . .	442	757
С. А. С. Ш. . . .	294	835
Италiя. . . .	234	63
Францiя . . .	170	421
Японiя . . .	44	152

Такъ какъ ввозъ Англiи, Францiи и Италiи направлялся главнымъ образомъ черезъ сѣверные порты (Архангельскъ и Мурманскъ), а ввозъ изъ САСШ. и Японiи — черезъ Тихiй океанъ (Владивостокъ), изъ таблицы видно, что по количеству ввозимыхъ грузовъ военнаго снабженiя, удѣльный вѣсъ нашихъ сѣверныхъ портовъ примѣрно вдвое превышалъ удѣльный вѣсъ Владивостока (соотвѣтственно 846 и 338 тысячъ тоннъ).

Переброска германскихъ дивизiй во Францiю, военноплѣнные армiй центральныхъ Державъ въ Поволжьѣ и Сибири и базы снабженiя — Мурманскъ, Архангельскъ и Владивостокъ, и должны были, поэтому, въ первую очередь привлечь къ себѣ вниманiе державъ Согласiя.

Насколько вопросъ военноплѣнныхъ въ Сибири тревожилъ союзниковъ, показываетъ спецiальная командировка изъ Пекина американскаго полковника В. Дризделя въ Восточную Сибирь, который, объѣхавъ ее, 29-го марта 1918 года доносилъ, что „никакой непосредственной опасности захвата вооруженными военноплѣнными Сибирской желѣзной дороги сейчасъ не существуетъ“**).

Возсозданiе восточнаго противогерманскаго фронта было, однако, далеко не такъ просто. Думать о перебрoскѣ войскъ съ западнаго фронта не приходилось. Оставались не воевавшiе японцы, хотя и объявившiе войну Германiи, но фактически ограничившiеся захватомъ Циндао, и, только что начинавшiе прибывать во Францiю, сформировавшiе миллiонную армiю, американцы.

Мысль объ этомъ зародилась у союзниковъ почти сразу же послѣ начала Брестскихъ переговоровъ. Англичане вступили въ переговоры съ японцами еще въ 1917 г., и 31-го декабря 1917 года *) сообщили свой проектъ японской интервенцiи въ Сибири президенту САСШ. Вильсонъ, однако, отнесся отрицательно къ идеѣ и чисто японской, и смѣшанной японо-американской интервенцiи. Въ концѣ января **) Великобританiя, при поддержкѣ Францiи, вновь „предложила поручить Японiи отъ лица всѣхъ союзниковъ „мандатъ на выступленiе“. Америка, однако, вновь это отклонила, хотя японцы на это и соглашались, лишь требуя отъ Америки финансовой поддержки и помощи въ снабженiи ихъ сталью.

Только упорное нежеланiе Америки допустить японскую интервенцiю, сорвало, весною 1918 года, идею выступленiя Японiи.

Случайно, эту роль вооруженной силы державъ Согласiя, сыграли, однако, чехи. Съ самаго начала войны, осенью 1914 года, изъ проживавшихъ въ Россiи чеховъ была сформирована дружина, въ 1916 году развернутая въ бригаду. Положенiе чеховъ рѣзко измѣнилось съ началомъ революцiи, когда Временное Правительство разрѣшило чешскiя формированiя въ видѣ самостоятельнаго корпуса изъ австрiйскихъ *военноплѣнныхъ* чеховъ и словаковъ. На 1-ое сентября 1917 года числилось уже 36 тысячъ австрiйскихъ военноплѣнныхъ „отправленныхъ на формированiе частей“ ***). Большая ихъ часть несомнѣнно падала на чеховъ, такъ какъ до этого изъ нацiональныхъ частей нами была сформирована лишь сербская дивизiя (въ 1916 году). Чешскiя формированiя, благодаря значительному числу военноплѣнныхъ австрiйцевъ чешскаго происхожденiя, пошли очень быстро и ко времени октябрьскаго переворота чешскiй корпусъ насчитывалъ уже три дивизiи, общей численностью до 40 тысячъ бойцовъ. Сформировавшiйся въ Россiи съ разрѣшенiя ген. Духонина (6-го октября) чешскiй корпусъ былъ, однако, совершенно автономенъ и зависѣлъ только отъ французскаго командованiя ****).

Идея чешскихъ формированiй зародилась во Францiи, подъ влiянiемъ затрудненiй съ комплектованiемъ армiи, еще въ 1916 году, но русское правительство до революцiи шло на формированiя изъ военноплѣнныхъ чеховъ крайне неохотно. Поэтому послѣ разрѣшенiя Временнымъ Правительствомъ этихъ

*) Тамъ же, на основанiи данныхъ таблицы № 45 (стр. 54).

**) „Correspondan e diplomatique se rapportant aux relations entre la Republique Russe et les puissances de l'Entente“. Moscou 1918 (совѣтское офицiальное изданiе), стр. 4—5.

*) Churchill, „The World Crisis. The Aftermath“, стр. 89.

**) Тамъ же, стр. 90.

***) „Россiя въ мiровой войнѣ 1914—1918г гг. (въ цифрахъ)“, таблица 33 (стр. 41).

****) „Мы (чехословацкiй корпусъ) были автономной армiей, но въ то же время были и составной частью французской армiи, такъ какъ мы зависили въ денежномъ отношенiи отъ Францiи и державъ Согласiя“. Massaryk, „Die Weltrevolution“, стр. 200.

формированій, французское главное командованіе 28-го февраля 1918 года назначило главнокомандующимъ чехословацкой арміей во Франціи генерала Жанэна (Janin), а чехи должны были быть переброшены, черезъ сѣверные русскіе порты, на французскій фронтъ.

Ко времени октябрьскаго переворота чешскій корпусъ стоялъ въ тылу Юго-западнаго фронта, то есть на Украинѣ.

Въ глазахъ австро-германцевъ чехи, какъ бывшіе военноплѣнные, были измѣнниками и этимъ объясняется упорство сопротивленія, оказаннаго чехами германцамъ въ бояхъ подъ Конотопомъ въ мартѣ 1918 года, когда они уходили изъ Украины подъ давленіемъ наступавшихъ австро-германцевъ *вмѣстѣ* съ большевиками. Въ этотъ періодъ общимъ врагомъ и для большевиковъ и для чеховъ были конечно только нѣмцы. Французы первоначально хотѣли направить чеховъ во Францію по кратчайшему маршруту, то есть черезъ Мурманскъ и Архангельскъ. Однако чехи, зная отношеніе къ нимъ австо-германцевъ, опредѣленно опасались этого направленія въ виду возможности дальнѣйшаго продвиженія нѣмцевъ *), и ихъ эшелоны по договору съ большевиками, въ концѣ марта **) были повернуты на Сибирь. для посадки на суда во Владивостокѣ. Несомнѣнно, что между французской военной миссіей и чехами существовалъ контактъ (при чешскомъ командованіи былъ и французскій военный представитель маіоръ Гинэ), но поводомъ къ выступленію чеховъ послужилъ случайный японскій дессантъ, 6-го апрѣля 1918 года, когда японцы высадились во Владивостокѣ для огражденія жизни и имущества своихъ подданныхъ. Этотъ, въ сущности, случайный дессантъ сильно вспугнулъ большевиковъ и они заявили чехамъ, что предлагаютъ имъ либо испросить тоннажъ у союзниковъ для ихъ отправки черезъ Архангельскъ и Мурманскъ, либо перейти на совѣтскую службу или вообще остаться въ Россіи. При этомъ чехамъ большевиками ставилось условіе, подъ предлогомъ того, что они были вооружены въ Россіи, сдать это оружіе, оставляя лишь самое ограниченное число для внутренней охраны эшелоновъ.

---

*) Général J. Rouquerol. „L'Aventure de l'Amiral Koltchak". Paris 1929. „Парижская дипломатія совѣтовала военнымъ начальникамъ, бывшимъ на мѣстахъ, двигаться на Архангельскъ. Выборъ этого направленія несомнѣнно обуславливался тѣмъ, что оно совпадало съ кратчайшимъ разстояніемъ до Франціи и наличіемъ на Мурманскомъ побережьи союзнаго гарнизона. Сверхъ того въ Мурманскѣ были значительные склады снабженія.

„Чехословацкое командованіе въ Россіи стремилось къ морю, но оно считало, что Архангельское направленіе было опаснымъ въ силу того, что путь на Архангельскъ проходилъ по сосѣдству съ Москвою" (стр. 21—22).

**) Предсѣдатель чешскаго національнаго совѣта въ то время, нынѣшній президентъ Чехо-Словацкой республики, Масарикъ, указываетъ, что договоръ съ Троцкимъ былъ заключенъ 26 марта 1918 года. (T. G. Masaryk. „La Résurrection d'un Etat. 1914—1918". Paris 1930. (стр. 218).

Чехи отказались этому подчиниться, опасаясь выдачи ихъ австро-германцамъ и рѣшили силою пробиваться на Владивостокъ.

Изъ этого сцѣпленія, по существу дѣла чисто случайныхъ, но прямо отвѣчавшихъ цѣлямъ державъ Согласія, причинъ и родилась интервенція союзниковъ. Дѣйствительно, къ концу мая, то есть къ эпохѣ, къ которой относится требованіе большевиковъ о поворотѣ чешскихъ эшелоновъ на Архангельскъ и ихъ разоруженіи, чехи растянулись по всей Сибирской магистрали отъ Волги до Забайкалья, продвигаясь на Владивостокъ. Чехи могли, слѣдовательно, владѣя Сибирской желѣзно-дорожной магистралью, воспрепятствовать и вывозу военноплѣнныхъ и обезпечить Владивостокъ.

Чешскіе эшелоны были разбиты на четыре основныхъ группы, каждая въ 1000 клм. примѣрно одна отъ другой:

кап. Чечека — у Пензы,
полк. Войцеховскаго — у Челябинска,
кап. Гайды — у Новониколаевска,
ген. Дитерихса — въ Забайкальѣ.

Несмотря на разбросанность ихъ расположенія, выступленія чеховъ произошли почти одновременно: 25-го мая въ Новониколаевскѣ, 26-го — въ Челябинскѣ и 28 го — въ Пензѣ. Лишь группа Дитерихса продолжала продвигаться къ Владивостоку. Совѣтская власть въ Сибири, при помощи мѣстныхъ офицерскихъ организацій, была свергнута 31-го мая въ Томскѣ. Группы Гайды и Войцеховскаго, двигаясь отъ Новониколаевска и Челябинска, соединились у Омска; 10-го іюня и въ Омскѣ была свергнута совѣтская власть. Итакъ, вся Сибирская магистраль къ востоку отъ Урала (Челябинска) была въ серединѣ іюня въ рукахъ чеховъ, а Поволжская тыловая группа Чечека, продвигаясь къ востоку, на соединеніе съ остальными эшелонами, заняла, 8-го іюня, Самару.

Чешскій фронтъ на Волгѣ и захватъ чехами Сибирской магистрали, какъ разъ и были тѣми задачами, которыя должно было ставить себѣ командованіе державъ Согласія. Совершенно понятно, поэтому, что уже 4-го іюня представители державъ Согласія заявили, смѣнившему Троцкаго, новому народному комиссару по иностраннымъ дѣламъ — Чичерину, что „разоруженіе чеховъ разсматривалось бы державами Согласія, какъ враждебный по отношенію къ нимъ актъ" *).

Нѣмцы ясно отдавали себѣ отчетъ въ происшедшемъ и Людендорфъ возмущался бездѣйствіемъ совѣтской власти **).

---

*) „Correspondence Diplomatique" стр. 7—8 (ссылка на этотъ протестъ въ отвѣтной нотѣ Чичерина представителямъ державъ Согласія отъ 12 іюня 1918 года).

**) Ludendorff, 526—527.

„Согласіе продолжало съ вѣдома совѣтской власти наборъ чехословацкихъ частей изъ австро-венгерскихъ военноплѣнныхъ... И это допускало правительство, съ которымъ мы заключили миръ... Чехо-словацкія войска поѣхали не во Францію, а были задержаны на Сибирской желѣзной дорогѣ, на границѣ Россіи и Сибири, чтобы отсюда сражаться съ московскимъ правительствомъ. Согласіе одновременно съ этимъ, занятіемъ Сибирской желѣзной дороги достигло и того, что наши военноплѣнные не могли вернуться изъ Сибири. Это было несомнѣнно чистымъ убыткомъ для насъ. Если бы совѣтское правительство честно относилось къ мирному договору, оно въ тѣхъ же эшелонахъ, въ которыхъ ѣхали чехи, могло бы доставить намъ и германскихъ военноплѣнныхъ. Но оно было безчестно. Большевики вредили намъ вездѣ, гдѣ они только могли".

Для рѣшенія второй основной задачи державъ Согласія въ Россіи — занятія сѣверныхъ портовъ, они, однако, не располагали на территоріи Россіи никакой вооруженной силой. Сѣверное побережье привлекло, главнымъ образомъ, вниманіе англичанъ и главныя ихъ опасенія вызывало наличіе германскихъ войскъ и организація при ихъ содѣйствіи бѣлой гвардіи ген. Маннергейма въ Финляндіи. Англичане опредѣленно стремились къ обезпеченію отъ *германскаго* захвата сѣверныхъ морскихъ базъ Россіи.

Первоначально англичане, въ лицѣ прибывшаго въ концѣ мая въ Мурманскъ ген. Пуля, вступили въ переговоры съ большевиками. Чрезвычайный совѣтскій комиссаръ нѣкій Нацаренусъ, въ обмѣнъ за оффиціальное признаніе совѣтской власти, обѣщалъ „обезпечить красными войсками Мурманскую желѣзную дорогу отъ покушеній бѣлофинновъ". Одновременно съ этимъ англичане усиливали свой дессантъ (въ началѣ лишь батальонъ морской пѣхоты). 27-го іюня въ Мурманскѣ англичине высадили уже около двухъ тысячъ пѣхоты, одновременно увеличивъ число своихъ военныхъ судовъ на побережьи и въ Бѣломъ морѣ. При этихъ условіяхъ благопріятный исходъ переговоровъ для большевиковъ становился все болѣе и болѣе сомнительнымъ. При этомъ часть членовъ Мурманскаго совѣта открыто пошла на соглашеніе съ англичанами и заключила съ ними договоръ 8-го іюля о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ державъ германской коалиціи, объявивъ независимость Мурманскаго раіона. За первые числа іюля, однако, ген. Пуль успѣлъ провести полную оккупацію Мурманскаго раіона и Мурманской желѣзной дороги на протяженіи 600 клм. отъ побережья (до ст. Сороки). Одновременно съ этимъ, 4-го іюля, были англичанами заняты и Соловецкіе острова и прекращена работа установленной на нихъ радіостанціи. Отъ Сорокъ англичане двинулись, однако, не на юго-западъ, въ сторону финской границы, а на юго-востокъ (на Сумскій Посадъ), то есть въ сторону

Онѣги и Архангельска, подготовляя оккупацію и южнаго берега Бѣлаго моря.

Англійскій военный кабинетъ въ лицѣ лорда Мильнера придавалъ большое значеніе сѣвернымъ русскимъ портамъ. 17-го іюня, то есть еще до высадки англійскаго дессанта въ Мурманскѣ, Мильнеръ просилъ президента Вильсона о посылкѣ трехъ американскихъ батальоновъ и двухъ батарей (всего 4000 человѣкъ) въ Мурманскъ и Архангельскъ *). Вильсонъ, не желая дробить американскую армію, шелъ на это неохотно.

Англичане, однако, упорно проводили свою точку зрѣнія и, занявъ 31-го іюля Онѣгу, а 1-го августа острова Мудьюгъ (въ 40 клм. сѣвернѣе Архангельска), 2-го августа высадили свой дессантъ и въ Архангельскѣ.

Вообще на сѣверѣ Россіи, лѣтомъ 1918 года, обстановка складывалась довольно оригинально.

Нѣмцы больше всего боялись продвиженія союзниковъ по Мурманской желѣзной дорогѣ на Петербургъ **). Англичане стремились къ обезпеченію отъ германскаго захвата военныхъ базъ въ Мурманскѣ и Архангельскѣ. Большевики боялись наступленія англичанъ. Поэтому и нѣмцы, и фины, и красные стремились къ разрушенію дороги. Этого же, въ сущности, добивались и англичане. Ясно, что при такой обстановкѣ никакихъ активныхъ дѣйствій на Мурманскомъ направленіи ожидать было нельзя. Такъ и вышло.

Встревоженные было вначалѣ англійскимъ дессантомъ, нѣмцы, поэтому, скоро успокоились. „Такъ какъ Бѣлое море замерзаетъ зимой", пишетъ Людендорфъ, „тамъ не могла быть предпринята операція въ крупномъ масштабѣ. Мурманская желѣзная дорога была разрушена большевиками. Финскіе отряды, направленные для ея разрушенія, уже не нашли для себя больше работы. Соединенные германо-финскіе войска были теперь настолько сильны, что Согласіе отказалось отъ дальнѣйшаго продвиженія ***).

Центръ тяжести союзнической интервенціи на сѣверѣ Россіи опредѣленно переносился съ Мурманска на Архангельскъ.

Французы смотрѣли на интервенцію нѣсколько иначе. Главной, если не единственной, ихъ заботой лѣтомъ 1918 года было стремленіе не допустить дальнѣйшихъ перебросокъ германскихъ дивизій изъ Россіи на французскій фронтъ. Поэтому, когда нѣсколько дней спустя (23 іюня), послѣ раз-

*) Maréchal Foch. „Mémoires", Paris, 1931, томъ II, стр. 132.

**) Ludendorff, 447—448 (цитировалось уже выше въ главѣ 3-й).

***) Тамъ же, 527.

говора съ американскимъ генераломъ Блиссомъ, Фошъ узналъ*), „что нѣмцы (опять) перебросили изъ Россіи во Францію нѣкоторое число дивизій", онъ „въ свою очередь телеграфировалъ президенту Вильсону, что *это обстоятельство* (курсивъ нашъ) надлежитъ разсматривать какъ „рѣшающій съ военной точки зрѣнія аргументъ въ пользу интервенціи союзниковъ въ Сибири" и послѣ этого уже самъ настаивалъ, 27-го іюня, во второй телеграммѣ президенту САСШ, прося его срочно выслать два американскихъ полка въ Сибирь. 2-го іюля вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе Верховнаго Союзническаго Совѣта въ Версалѣ".

Между прочимъ, данныя, на которыхъ было основано рѣшеніе Фоша, были не точны. *Ни одной* германской дивизіи, за все время съ 1-го мая по 15-ое сентября, изъ Россіи во Францію переброшено не было. Интересно, что однако, даже непровѣренные, слухи о переброскѣ германскихъ дивизій во Францію, заставили Фоша дважды непосредственно обратиться по телеграфу къ президенту САСШ.

Окончательно, союзная интервенція была рѣшена на Верховномъ Совѣтѣ въ Версалѣ 2-го іюля 1918 года, предложившемъ послать международную экспедицію (Англія, Америка, Японія) въ Сибирь**). Президентъ Вильсонъ опять таки нѣсколько ограничилъ размахъ интервенціи, поставивъ 5 іюля ей цѣлью лишь „оказаніе покровительства чехословакамъ противъ германцевъ (!) и содѣйствіе усиліямъ къ установленію самоуправленія или самозащиты самимъ русскимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами будутъ согласны на это содѣйствіе***). Одновременно съ этимъ, для „моральной поддержки" въ Сибирь командировалась американцами и группа „союза христіанской молодежи" („УМСА")...

Вмѣстѣ съ этими основными раіонами интервенціи, англичане въ сѣверной Персіи зорко слѣдили за турецкимъ продвиженіемъ въ Закавказьѣ. Какъ только нѣмцы командировали въ Грузію полк. фонъ Кресса съ двумя ротами для организаціи вывоза нефти изъ Баку по нефтепроводу на Батумъ, англичане выслали изъ Энзели моремъ отрядъ ген. Данстервиля, который въ началѣ августа высадился въ Баку. Конечно главной цѣлью англичанъ было закрыть нѣмцамъ доступъ къ бакинской нефти. И это прямо било нѣмцевъ по самому больному ихъ мѣсту. Дѣйствительно, Людендорфъ, описывая командировку въ Тифлисъ полк. Кресса, поясняетъ ее такъ****): „Намъ нужно было энергично выступить тамъ (въ Закавказьѣ). Этого требовало, помимо военныхъ соображеній укрѣпленія нашего положенія, вопросъ о снабженіи насъ сюрьемъ. Что мы въ этомъ не могли положиться на Турцію, намъ снова показали событія въ Батумѣ, гдѣ они захватили (для себя) всѣ наличные запасы въ городѣ. Достать нефть въ Баку для себя мы могли только сами... Послѣ наступленія 7-ой арміи (конецъ мая во Франціи) были истрачены всѣ германскіе запасы горючаго... мы ощущали въ немъ большую нужду".

*) Foch, II, 133.

**) Churchill, 95.

***) Тамъ же, 95

****) Ludendorff, 530.

Наконецъ, попутно, англичане оккупировали въ іюнѣ и смежную съ сѣверной Персіей часть Закаспійской области въ Туркестанѣ.

Общее количество союзныхъ силъ, направленныхъ за 1918 годъ въ Россію составляло *): (см. табл. 11.)

Запутанность взаимоотношеній, создавшаяся въ связи съ Брестъ-Литовскимъ миромъ, приводила къ тому, что на ряду съ германскимъ посломъ въ Москвѣ, въ Россіи оставались и дипломатическіе представители державъ Согласія и ихъ военныя миссіи (напримѣръ, французскій генералъ Лавернь).

Послы, правда, переѣхали, послѣ Брестскаго мира, въ Вологду**), но военныя миссіи и отдѣльные чины посольствъ продолжали оставаться въ Москвѣ.

Несомнѣнно, что они поддерживали связи съ русскими контръ-революціонными силами. Сохранилось три любопытныхъ, перехваченныхъ большевиками, *шифрованныхъ* телеграммы, направленныхъ „французскому военному агенту въ Москву", относящихся къ концу мая и началу іюня 1918 года. Вотъ онѣ:

Телеграмма (шифрованная) изъ *Самары* французскому военному агенту въ Москву. Отправлена 9.35 ч. 17 мая. Получена 10 ч. 18 мая.

„Всѣ казаки возстали. Главноуполномоченный Самарѣ проситъ денегъ и оружія; идутъ противъ совѣтовъ и „большей". Отвѣтъ. Ванно"***).

Телеграмма эта была подана за десять дней до выступленія чеховъ на Волгѣ.

Двѣ другія, также шифрованныя телеграммы, поданы съ Сѣвернаго Кавказа (тому же адресату). Обѣ отправлены 3-го іюня. Получены 13-го іюня (то есть шли 10 дней)...

1. „Казачье движеніе подготовляется на Терекѣ въ тайнѣ отъ мѣстнаго правительства, но въ то же время оно направлено не противъ него, а противъ мусульманъ, покушающихся на казачьи земли. Большевистскій главнокомандующій Автономовъ — патріотъ и проситъ русскихъ офицеровъ для крас-

*) Churchill, карта на стр. 102.

**) Послы пробыли въ Вологдѣ до 24 іюля и лишь послѣ этого уѣхали въ Архангельскъ.

***) „Correspondance diplomatique", стр. 19.

ТАБЛИЦА № 11.

КОЛИЧЕСТВО ВОЙСКЪ СОЮЗНОЙ ИНТЕРВЕНЦІИ ВЪ РОССІИ ВЪ 1918 ГОДУ.

РАІОНЫ.	японцы	англичане	американцы	французы	итальянцы	чехи	общесоюзные контингенты	ВСЕГО.
Сибирь . . .	57.000	2.500	8.000	1.000	1.500	45.000	—	115.000
Мурманскъ и Архангельскъ . .	—	12.000	—	—	—	—	11.000	23.000
Закаспійская область	—	5.000	—	—	—	—	—	5.000
ИТОГО . .	57.000	19.500	8.000	1.000	1.500	45.000	11.000	143.000

Примѣчаніе: Отрядъ Данстервиля изъ Баку ушелъ въ сентябрѣ въ Персію.

ной арміи и казаковъ для созданія противогерманскаго фронта. Видѣлся съ Радко-Дмитріевымъ, охотно сдаетъ командованіе новому главнокомандующему ген. Снѣсареву. Необходимое соглашеніе Кубанскаго и Терскаго казачествъ еще не осуществлено, ему будетъ содѣйствовать Автономовъ, въ душѣ онъ противъ комиссарскаго правительства. При удачѣ этого казачьяго движенія комиссарское правительство падетъ сейчасъ же".

2. „Стану исключительно на точку зрѣнія обороны противъ нѣмцевъ и мусульманъ, но для этого надо стать на сторону казаковъ. До сихъ поръ англичане еще не высказались. Полагаю, что Ростовскій фронтъ, то есть Кубань, должна быть подъ нашимъ руководствомъ, англичане — на Терекѣ. Въ этомъ случаѣ испрашивалъ бы Вашихъ директивъ и на какіе кредиты могъ бы расчитывать. Шардиньи" *).

Красный главнокомандующій Автономовъ въ это время, дѣйствительно, былъ смѣненъ краснымъ же генераломъ Снѣсаревымъ. Терское возстаніе вспыхнуло въ августѣ.

Намеки на эту путаницу, когда французскіе офицеры поддерживали просьбы совѣтскихъ „главковерховъ" „о комплектованіи красной арміи русскими офицерами", встрѣчаются и въ запискахъ небезизвѣстнаго „зеленаго" (то есть не признававшаго ни бѣлыхъ, ни красныхъ повстанца) Вороновича, пріѣзжавшаго въ маѣ 1918 года въ Екатеринодаръ къ большевикамъ **).

„Въ кабинетѣ военкома Силичева я познакомился съ какимъ-то французскимъ лейтенантомъ, пріѣхавшимъ въ Екатеринодаръ предложить мѣстной большевицкой арміи помощь Франціи для борьбы съ германо-турками. Мы разговорились, и онъ сталъ горячо убѣждать меня въ необходимости привлечь на службу въ красную армію всѣхъ кадровыхъ офицеровъ".

— „Не все ли равно офицерамъ какое правительство стоитъ сейчасъ у власти? Разъ это правительство будетъ продолжать войну съ нѣмцами и тѣмъ самымъ нарушитъ Брестъ-Литовскій миръ — долгъ каждаго русскаго офицера добровольно явиться въ ряды красной арміи, говорилъ лейтенантъ. Франція и другіе народы готовы оказать помощь большевикамъ, если они снова начнутъ войну".

— „Я не сталъ возражать французскому офицеру, такъ какъ понималъ, что нашимъ бывшимъ союзникамъ рѣшительно все равно, какое правительство стоитъ у власти въ Россіи и они готовы одинаково помогать и большевикамъ и мо-

*) Тамъ же, стр. 19 и 20.

**) Архивъ Русской Революціи, томъ VII, Берлинъ, 1922 г., статья Н. Вороновича „Межъ двухъ огней (Записки Зеленаго)", стр. 85.

нархическому правительству, лишь бы оно продолжало вести борьбу съ германской Имперіей".

Несомнѣнно, что союзныя военныя миссіи въ Россіи, лѣтомъ 1918 года, не бездѣйствовали. Ходъ дальнѣйшихъ событій покажетъ, что дѣло не ограничивалось одними телеграммами.

Двойственность политики союзниковъ въ отношеніи ихъ къ русской революціи, конечно, диктовалась ихъ точкой зрѣнія, что во время войны все таки единственнымъ ихъ настоящимъ противникомъ были нѣмцы. И бѣлые и красные, одинаково, съ ихъ точки зрѣнія, могли быть ими использованы съ этой цѣлью.

Типичнымъ примѣромъ подобной двойной игры является наличіе, напримѣръ, въ Россіи въ теченіи первой половины 1918 г. двухъ англійскихъ миссій — остатковъ прежняго посольства, возглавлявшихся совѣтникомъ посольства сэромъ Фрэнсисомъ Линдлей, и неоффиціальной миссіи, возглавлявшейся 30-лѣтнимъ бывшимъ англійскимъ вице-консуломъ въ Москвѣ — Локхартомъ. Первая не признавала большевиковъ, второй же было поручено вести съ ними самые оживленные переговоры и ея глава пользовался особымъ покровительствомъ Троцкаго *). Такимъ образомъ, въ то время, какъ оффиціальная англійская миссія была настроена опредѣленно противъ большевиковъ и готовила интервенцію противъ нихъ, неоффиціальная миссія Локхарта сговаривалась съ большевиками объ интервенціи для содѣйствія большевикамъ въ ихъ борьбѣ (?) съ нѣмцами **).

И только высадка англійскаго дессанта въ Архангельскѣ въ первыхъ числахъ августа 1918 г. положила конецъ миссіи Локхарта.

Обстановка еще болѣе усложнялась наличіемъ, помимо этихъ двухъ миссій, еще и ряда совершенно самостоятельныхъ англійскихъ офицеровъ, ведшихъ въ Россіи свою собственную политику, за свой страхъ и рискъ: Наиболѣе типичнымъ представителемъ этой категоріи былъ нѣкій Сидней Рейли ****), который, напримѣръ, затѣялъ цѣлую авантюру, имѣвшую цѣлью сверженіе большевиковъ при помощи ла-

*) R. H. Bruce Lockhart: „Mémoires d'un agent Britannique en Russie (1912—1918)" — Payot. Paris 1933. — Стр. 211 и 241.

**) Тамъ же, 260—262, 283.

***) Рейлли было въ это время 46 лѣтъ. По происхожденію онъ былъ одесскимъ евреемъ и его настоящая фамилія Розенблюмъ: „Въ жилахъ его, насколько я знаю", пишетъ Локхартъ, „не текло ни одной капли британской крови. Фамилія Рейлли была второй частью фамиліи его тестя ирландца Каллагана. Я и сейчасъ не знаю, какъ онъ сдѣлался британскимъ подданнымъ. До войны онъ главнымъ образомъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ нажилъ большія деньги, какъ коммиссіонеръ".—Lockhart, op. cit. Стр. 338—339. Въ 1927 г. Рейлли погибъ при своей тайной поѣздкѣ въ СССР.

тышскихъ совѣтскихъ полковъ. Изъ этого ничего путнаго, конечно, не вышло, но, косвенно замѣшанный въ эти переговоры Локхартъ большевиками былъ арестованъ и выпущенъ на свободу лишь съ обмѣномъ на освобожденіе арестованнаго англичанами совѣтскаго представителя Литвинова (Финкельштейна).

Это странное положеніе, создавшееся несмотря на Брестскія условія, конечно зиждилось на томъ, что Брестъ совершенно не былъ принятъ всѣми верхами совѣтской власти. Рвать съ союзниками многіе изъ нихъ въ это время опредѣленно не хотѣли...

Иначе, какъ курьезомъ, нельзя вѣдь назвать приводимое Черчиллемъ *) согласіе, напримѣръ, напуганнаго германскимъ наступленіемъ Троцкаго на японскую интервенцію (!), заявившаго 28-го марта 1918 года британскому повѣренному въ дѣлахъ Локхарту, что „онъ *не* видитъ препятствій къ высадкѣ японскихъ силъ въ Россіи для сопротивленія германскому нападенію, въ случаѣ одновременнаго выступленія и другихъ союзниковъ, при условіи извѣстныхъ гарантій".

Итакъ, къ лѣту 1918 года территорія Россіи, за исключеніемъ центра страны, въ сущности представляла собою двѣ зоны взаимно перекрещивающихся между собою интересовъ. Финляндія, Бѣлоруссія, Украина, западное Закавказье вошли въ сферу вліянія центральныхъ державъ. Сѣверъ Россіи, Поволжье, Сибирь, Туркестанъ и восточное Закавказье составляли зону вліянія державъ Согласія. На границѣ двухъ зонъ стояли: оріентировавшійся на Германію Донъ и — на державы Согласія Добровольческая Армія...

Міровая война продолжалась, и ея вліяніе стихійно распространялось и на территорію Россіи. Лѣтомъ 1918 года центральныя державы достигли зенита своихъ успѣховъ. Послѣднее германское наступленіе, начатое 27 мая, привело ихъ войска, какъ и въ 1914 году, на Марну, и линія германскаго фронта проходила въ 60 клм. отъ Парижа, то есть лишь въ разстояніи, отдѣлявшимъ Ростовъ отъ Таганрога...

Побѣда, казалось, окончательно склонялась на сторону центральныхъ державъ, но въ это время на французскій фронтъ начали, наконецъ, прибывать свѣжія американскія дивизіи...

Каковы же, были на фонѣ этихъ общихъ интересовъ міровой войны, возможности россійской контръ-революціи лѣтомъ 1918 года?

Территорія, на которой сосредотачивались въ то время возможности контръ-революціи, въ общемъ совпадала съ окраинами Россійскаго государства.

*) Churchill, стр. 90.

На самомъ сѣверѣ была, только что освободившаяся при помощи нѣмцевъ, отъ собственныхъ большевиковъ, конечно поддержанныхъ Москвою, *Финляндія*. Бѣлая гвардія ген. Маннергейма становилась прочнымъ оплотомъ страны. Несомнѣнно, что Финляндія въ эту эпоху представляла собою, несмотря на малочисленность своего населенія, внушительную и крѣпкую противосовѣтскую силу. Однако, вся исторія взаимоотношеній Россіи съ Финляндіей за XIX вѣкъ не позволяла расчитывать на то, чтобы бѣлая Финляндія была заинтересована въ возсозданіи прежней единой Россіи. Разговаривать съ Финляндіей можно было лишь, какъ съ союзной суверенной страной. Жизнь сама рѣшила въ 1918 году то, что предоставлялось рѣшать мифическому Учредительному Собранію.

Оккупированная австро-германцами *Украина* потеряла право голоса.

„Германское Верховное командованіе", пишетъ Людендорфъ*), „могло быть лишь довольнымъ перемѣной правительства въ Кіевѣ, такъ какъ оно было намъ полезно для веденія войны".

Правительство Скоропадскаго, созданное нѣмцами, конечно ими только и держалось. При этомъ нѣмцы опредѣленно не собирались разрѣшать новому правительству формированія арміи. Все ограничивалось чисто теоретическими расчетами мобилизаціи, наборовъ и формированіемъ штабовъ корпусовъ и дивизій, безъ полковъ, батарей и эскадроновъ. Отдѣльныя германскія формированія изъ украинскихъ военноплѣнныхъ по прибытіи ихъ на Украину, разсѣивались.

Широкіе круги крестьянства лишились права на безвозмездную прирѣзку земли за счетъ частныхъ землевладѣльцевъ, „дарованнаго" имъ еще 20-го ноября 3-мъ Универсаломъ Украинской Рады. Конечно это не могло не вызывать ихъ недовольства, порою проявлявшагося въ самыхъ рѣзкихъ формахъ.

Однако настроенія украинскаго селянства были все же отличны отъ настроеній русскаго крестьянства. Община была незнакома Украинѣ, и это нѣсколько иначе ставило земельный вопросъ. Раздѣлъ частновладѣльческихъ земель не означалъ еще на Украинѣ поголовнаго поравненія. Собственническіе инстинкты украинскаго селянства, казалось, давали всѣ предпосылки для возможности рѣшенія аграрнаго вопроса на основахъ созданія крѣпкаго слоя мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Недаромъ понятіе „хліборобовъ", то есть именно мелкихъ земельныхъ собственниковъ все время носилось въ воздухѣ во время правленія гетмана.

Хотя замѣна Рады гетманомъ и была проведена цѣликомъ и исключительно германцами, прикрыта, однако, она

*) Ludendorff, 502.

была флагомъ „хліборобовъ". И это вѣрно отражало единственный возможный путь рѣшенія земельнаго вопроса на Украинѣ, въ то время.

Рѣшенія земельной проблемы правительство гетмана, однако, не дало. Да быть можетъ оно и не могло его дать потому, что главной цѣлью австро-германской оккупаціи конечно было полученіе украинскаго хлѣба и скота. Срочная же реализація богатствъ Украины конечно, съ точки зрѣнія оккупантовъ, могла только замедлиться аграрной реформой.

Австро-германская оккупація, преслѣдуя цѣли выколачиванія хлѣбныхъ излишковъ, сильно озлобляла крестьянство, отожествлявшаго гетманское правительство съ карательными экспедиціями оккупантовъ. Полное возстановленіе дореволюціонныхъ земельныхъ взаимоотношеній, отвѣчая интересамъ оккупантовъ и крупнаго землевладѣнія, совершенно не отвѣчало чаяніямъ и интересамъ основной массы населенія Украины — ея селянства. И конфликтъ назрѣвалъ быстрѣе, чѣмъ это могло казаться благодаря внѣшнему успокоенію, созданному оккупацией.

Гетманская Украина представляла собою благодарную почву для пропаганды мистическихъ идей земельнаго передѣла. И чѣмъ болѣе эти чаянія широкой массы украинскаго селянства подавлялись штыками оккупантовъ, тѣмъ легче самая примитивная демагогія могла расчитывать, и при этомъ навѣрняка, на успѣхъ своей пропаганды, опираясь хотя бы на наивныя идеи 3-го Универсала*). Первые шаги анархической банды Махно лѣтомъ 1918 года были грознымъ предзнаменованіемъ для будущаго...

Украинское „самостійничество" не препятствовало вывозу хлѣба и скота, и оно, если и не всегда очень ужъ поощрялось, то во всякомъ случаѣ совершенно не встрѣчало противодѣйствія нѣмцевъ. Австрійцы его опредѣленно поощряли, наивно расчитывая на присоединеніе Украины къ Галиціи. Но, если можно серьезно говорить объ австрійскихъ (и германскихъ) довоенныхъ мечтахъ расчлененія Россіи, то Австро-Венгрія 1918 года уже не могла, если бы она только отдавала себѣ отчетъ въ своихъ возможностяхъ, сколько нибудь серьезно думать объ аннексіяхъ. Уже Брестскіе переговоры, то есть дни, быть можетъ, величайшаго національнаго униженія Россіи, на ряду съ циничной распродажей ея Ленинымъ и Сталинымъ (такъ какъ только они вдвоемъ все время шли на всѣ условія нѣмцевъ), показали на то, что Австрія должна была уступить. Два украинскихъ представи-

*) 3-й Универсалъ (20 ноября 1917 года) отмѣнялъ на территоріи Украинской народной республики право собственности на всѣ „помѣщичьи и иныхъ нетрудовыхъ хозяйствъ земли сельско-хозяйственнаго значенія, равно какъ и на земли удѣльныя, монастырскія, кабинетскія и церковныя. Признавая, что эти земли составляютъ собственность всего трудового на-

теля, по справедливому выраженію Троцкаго, представлявшіе территорію лишь своей собственной комнаты въ Брестѣ, добились признанія права Украины на ту Холмщину, которая Австріей мыслилась въ видѣ составной части возрожденной Великой Польши (австрійской). Щирые украинцы 1918 года, въ своихъ притязаніяхъ на Восточную Галицію, при всей наивности своихъ домогательствъ въ Брестѣ, все таки стояли на гораздо болѣе реальной почвѣ, чѣмъ стремительно катившаяся къ неизбѣжному и близкому концу Австро-Венгрія 1918 года.

Но за внѣшнимъ фасадомъ украинскихъ „шлыковъ", „оселедцевъ" и „жовто-блакітныхъ прапоровъ" проглядывало и нѣчто гораздо болѣе серьезное. Обильно приправленная, вывезенными изъ австрійской Галиціи неологизмами и часто чистыми полонизмами и германизмами, „мова" все таки не такъ то ужъ отличалась отъ того языка, на которомъ говорило почти $^{4}/_{5}$ населенія Украины. Исторически сложившееся преобладаніе неукраинскаго населенія въ украинскихъ городахъ, искажало перспективу языковыхъ взаимоотношеній на Украинѣ. Если въ городахъ $^{2}/_{3}$ населенія говорило не по украински, то въ деревняхъ болѣе $^{4}/_{5}$ говорило по малороссійски или украински, а совсѣмъ не по русски.

Въ обособленности Украины въ смыслѣ возможности ея борьбы съ большевиками, лежало здоровое зерно. Самостоятельность была тѣмъ аттрибутомъ, который помогъ Украинѣ, послѣ октябрьскаго переворота, признать себя независимой отъ совѣтской власти. Правда, что большевиковъ не призналъ и говорившій по русски Донъ, но вопросъ былъ не въ этомъ.

„Мова" на Украинѣ и „казачьи вольности" на Дону одинаково противопоставляли ихъ совѣтской Россіи. Основнымъ вопросомъ борьбы съ большевиками былъ вопросъ признанія или непризнанія октябрьскаго переворота и съ этой точки зрѣнія самостоятельная Украина, также какъ и казачье обособленіе Дона были силами контръ-революціонными.

„Щирое" украинство, въ гетманскомъ его обликѣ, съ точки зрѣнія вооруженной борьбы съ большевизмомъ, было все таки теченіемъ опредѣленно противосовѣтскимъ.

Съ точки зрѣнія интересовъ будущей Россіи, украинизація Малороссіи была, конечно, несравненно менѣе опасной, чѣмъ совѣтизація Великороссіи. На путяхъ созданія единой великой Россіи въ 1918 году лежали гораздо болѣе серьезныя препятствія, чѣмъ самостійность Украины. И большевики это отлично поняли, направивъ всѣ свои усилія не въ

рода и должны перейти къ нему безъ выкупа, „Украинская Центральная Рада поручала „генеральному секретаріату по земельнымъ дѣламъ немедленно выработать законъ объ управленіи этими землями, до сбора Украинскаго Учредительнаго Собранія, земельными комитетами, избранными народомъ" (Вінніченко, „Відродження Нації", часть II, стр. 76).

сторону борьбы съ самостійностью, а по линіи классоваго разслоенія населенія Украины. Мова, федерація и украинскія національныя дивизіи не помѣшали прочному включенію совѣтской Украины въ составъ СССР.

Контръ-революціонныя возможности Украины въ 1918 году совершенно не ослаблялись ея самостійными стремленіями. Вопросъ былъ совершенно въ другомъ. Австро-германская оккупація, искусственно пріостановивъ въ своихъ чисто эгоистическихъ видахъ рѣшеніе земельнаго вопроса на Украинѣ, свела почти до нуля ея контръ-революціонныя возможности и быть можетъ именно самостійничество гетманской Украины въ 1918 году было единственнымъ и, потому каррикатурнымъ, проявленіемъ ея непримиренія съ октябрьскимъ переворотомъ.

Не рѣшившее аграрнаго вопроса, не создавшее собственной арміи, „измѣнившее" союзникамъ и отдавшееся въ полную и безусловную зависимость оккупантамъ, правительство Скоропадскаго лишь обезпечивало австро-германцамъ вывозъ украинскаго сырья и проводило украинизацію Малороссіи.

Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ и не слишкомъ ли примитивна такая постановка вопроса?

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ русской контръ-революціи, смѣна соціалистическаго правительства Украинской Рады гетманомъ безспорно помогла снабженію (и притомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ отъ притока офицеровъ до снарядовъ и сахара) Дона и Добровольческой Арміи. Несмотря на всѣ внѣшнія, порой чрезвычайно острыя пререканія, между собой, контръ-революціонныхъ группировокъ на почвѣ оріентацій и унитарнаго или федеративнаго принципа устройства Россіи, и Гетманская Украина, и Донъ, и Добровольческая Армія все таки были настроены одинаково непримиримо къ своему общему врагу — совѣтской власти.

Всѣ крайности самостійничества гетманскаго правительства поэтому, конечно, несравнимы съ той внутренней отчужденностью, которая раздѣляла бы соціалистическое правительство Украины и несоціалистическіе Донъ и Добровольческую Армію. Наличіе гетманскаго правительства, при условіи австро-германской оккупаціи Украины, было все таки несравненно выгоднѣе съ точки зрѣнія интересовъ вооруженной борьбы и Дона, и Добровольческой Арміи, чѣмъ правительство Украинской Рады. Гетманскій переворотъ 29-го апрѣля не можетъ не расцѣниваться, какъ усиленіе общихъ позицій русской контръ-революціи.

Конечно, роль германской Украины въ русской контръ-революціи была очень скромной. Нельзя, конечно, забывать, что основная ея заслуга — сохраненіе отъ большевиковъ въ теченіи полугода 10 губерній Малороссіи, цѣликомъ принадлежала не ей, а австро-германской оккупаціи. Въ то же время

однако, нельзя забывать и того, что въ условіяхъ обстановки, сложившейся на Украинѣ въ связи съ ея оккупаціей въ 1918 году, власть гетмана была все таки властью наиболѣе благопріятной для общихъ задачъ русской контръ-революціи изъ всѣхъ *возможныхъ* въ то время комбинацій на Украинѣ.

Закавказье не признало ни октябрьскаго переворота, ни Брестскаго мира. По занятіи турками Батума, оно въ концѣ апрѣля (21-го) 1918 года провозгласило независимость Закавказской федеративной республики, и новыя республики вступили въ переговоры съ турками, полагая этимъ путемъ добиться уступки турками Батума и Карской области.

Однако, турки не только твердо стояли на Брестскихъ условіяхъ, но и стремились ихъ еще болѣе расширить. Помимо совѣтской власти, Закавказье стояло лицомъ къ лицу и съ внѣшнимъ врагомъ.

Къ концу мая (26-го) Закавказская федерація распалась на Грузію, Арменію и Азербайджанъ.

Покровительство нѣмцевъ спасло Грузію отъ турокъ и грузинское соціалистическое правительство распространило свою власть не только на территоріи собственно Грузіи (въ общемъ совпадавшими съ Тифлисской и Кутаисской губерніями безъ Закатальскаго и Сухумскаго округовъ), но, съ 27-го іюля, и на Абхазію (бывшій Сухумскій округъ) и на Сочинскій и Туапсинскій округа (русскіе) Черноморской губерніи.

Положеніе Арменіи было хуже, такъ какъ турецкое наступленіе и борьба съ мѣстными тюрками ограничивали предѣлы Армянской республики лишь центральной частью Эриванской губерніи.

Азербайджанская республика, поддерживаемая родственными ей по крови и вѣрѣ турками, занимала восточную часть Эриванской, Елисаветпольскую, Закатальскій округъ Тифлисской и западную часть Бакинской губерній.

Всѣ три правительства, не взирая на ихъ взаимную національную вражду и различіе политическихъ окрасокъ, были, однако, опредѣленно противосовѣтскими.

Только въ Баку, съ 7-го апрѣля, при содѣйствіи армянскаго полка, возвратившагося съ персидскаго фронта, установилась, послѣ жестокой рѣзни армянами тюрокъ, армяно-совѣтская власть во главѣ съ Шаумяномъ. Въ началѣ іюля въ Баку появился состоявшій на службѣ англичанъ небольшой ($1^1/_2$ тысячи) партизанскій отрядъ полк. Бичерахова (Лазаря).

Бичераховъ, конечно, являлся лишь орудіемъ англійской интервенціи, поставившей себѣ задачей не допустить турокъ и, особенно, нѣмцевъ въ Баку. Поэтому, признавъ совѣтскую бакинскую власть, части Бичерахова выступили на турецко-азербайджанскій фронтъ, проходившій у желѣзно-дорожной станціи Кюрдамиръ въ 125 клм. къ западу отъ Баку. Однако,

считая повидимому болѣе важнымъ устраненіе совѣтской власти въ Баку, англичане его отозвали съ фронта и, въ серединѣ іюля, Бичераховъ смѣнилъ въ Баку совѣты — „центрофлотомъ“. Послѣ этого, въ началѣ августа, въ Баку прибылъ и англійскій отрядъ ген. Данстервиля.

Всѣ перипетіи Закавказской національной борьбы, въ сущности, никакого отношенія къ борьбѣ съ большевиками не имѣли. Утвержденіе совѣтской власти въ Баку весною было не болѣе, чѣмъ эпизодомъ и она была сметена сейчасъ же, какъ только англичане убѣдились, что она не сможетъ или не пожелаетъ отстоять отъ турокъ и нѣмцевъ Баку.

Борьба въ Закавказьѣ шла вокругъ Баку, къ которому стремились и турки и нѣмцы и которое хотѣли отъ нихъ отстоять англичане. Съ точки же зрѣнія русскаго контръ-революціоннаго процесса въ цѣломъ, Закавказскія событія, лишая совѣтскую власть бакинской нефти, этимъ наносили большой ударъ веденію ею вооруженной борьбы.

Въ общемъ поэтому временное отдѣленіе Закавказья, непризнавшаго совѣтскую власть, было въ 1918 году выгодно контръ-революціи и невыгодно большевикамъ.

Изъ остальныхъ окраинъ, *Сибирь* медленнѣе всего воспринимала совѣтскую власть. Отсутствіе въ Сибири крупнаго частнаго землевладѣнія лишало въ глазахъ сибирскаго крестьянства совѣтскую власть главной ея приманки: дѣлежъ земли, когда дѣлить было нечего, конечно не могъ явиться лозунгомъ, привлекающимъ на ея сторону широкія массы крестьянъ. Земельный вопросъ въ Сибири сводился къ разслоенію крестьянства на зажиточныхъ старожиловъ и неимущихъ „новоселовъ“, то есть переселенцевъ послѣднихъ годовъ, не успѣвшихъ ни обзавестись хозяйствомъ, ни получившихъ достаточныхъ земельныхъ надѣловъ. Лишь эта послѣдняя категорія, особенно многочисленная на Алтаѣ и между рѣками Енисеемъ и Ангарой, представляла собою полу-пролетаріатъ, склонный къ воспріятію совѣтскихъ лозунговъ. Въ общемъ же въ Сибири предоставленіе совѣтскимъ земельнымъ декретомъ земли всѣмъ желающимъ, означало, за небольшими исключеніями, раздѣлъ не частновладѣльческихъ, а казенныхъ земель. Коренной сибирскій крестьянинъ, пишетъ видный дѣятель сибирской контръ-революціи Гинсъ *), „относился къ земельному вопросу равнодушно и аграрная демагогія не говорила ему ничего. Но зато сибирское крестьянство не испытало и какого либо гнета новаго режима. Ему стало жить спокойнѣе. Начальство перестало тревожить, налоговъ никто не взыскивалъ, солдатъ никто не призывалъ. Вернувшіеся съ войны фронтовики, нахватавшіеся разныхъ ученій и политики, немного мутили деревню, но сибирскія

*) Г. К. Гинсъ, „Сибирь, Союзники и Колчакъ“. Пекинъ, 1921 г., часть I, стр. 32—33.

разстоянія и холодъ охраняли ее и отъ мѣстныхъ и отъ центральныхъ заправилъ".

Въ общемъ Сибирь въ 1918 году, поэтому, не являлась ни опорой совѣтской власти, ни очагомъ контръ-революціи. Она выла нейтральной.

Наконецъ отъ Чернаго моря до Тихаго океана, по юго-восточной границѣ Россіи и южной границѣ Сибири почти сплошной лентой протянулись поселенія нашего *казачества*. Составляя свыше 2% всего населенія Имперіи, казачество ко времени нашей гражданской войны распадалось на 11 основныхъ казачьихъ войскъ; по численности казачьяго населенія они шли въ слѣдующемъ порядкѣ. (см. таблицу № 12).

Разселеніе и образованіе казачьихъ войскъ сложились исторически. Въ общемъ все наше казачество можно свести въ три основныхъ группы: юго-восточную (Донское, Кубанское и Терское), урало-сибирскую (Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семирѣченское) и дальневосточную (Забайкальское, Амурское и Уссурійское). Каждая изъ этихъ трехъ группъ имѣла свою опредѣленную историческую задачу.

Поселеніе войска Донского по среднему и нижнему теченію Дона и его притокамъ относится еще къ XVI вѣку. До середины XVIII столѣтія войско Донское было еще пограничной областью, охранявшей юго-восточные предѣлы государства Россійскаго (см. главу 2-ю).

Постоянное продвиженіе юго-восточной границы Россіи въ сторону Кавказскаго хребта, создало рядъ казачьихъ поселеній на сѣверномъ Кавказѣ примѣрно по рубежамъ рѣкъ Кубани и Терека.

Первыя казачьи поселенія (изъ рязанскихъ казаковъ) по Тереку и Сунжѣ относятся еще къ концу XVI вѣка. Началомъ Терскаго войска принято считать 1577 годъ — основаніе городка Терки при сліяніи Терека и Сунжи.

Въ XVIII вѣкѣ, пополняемыя донцами и Волжскими казаками, терскія поселенія протянулись отъ устья Терека до р. Кумы, составивъ рядъ отдѣльныхъ войскъ (отъ устья Терека къ западу: Терско-Кизлярское, Терское-Семейное, Гребенское, Моздокскій и Волгскій полки). Въ началѣ XIX вѣка между Моздокскимъ и Волгскимъ полками былъ разселенъ еще и Горскій полкъ. Всю первую половину XIX вѣка Терскіе казаки несли тяжелую боевую службу по Кавказской линіи, такъ какъ ихъ поселенія въ общемъ совпадали съ южной границей Имперіи. Въ это время терское войско пополнялось главнымъ образомъ донцами и разъ малороссійскими казаками, поселенными въ раіонѣ Владикавказа. Въ серединѣ XIX вѣка казаки всей Кавказской линіи, отъ Кубани до Каспійскаго моря, были сведены въ одно Линейное войско. Въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія Линейное войско было раздѣлено, и восточная его часть образовала самостоятельное Терское казачье войско.

ТАБЛИЦА № 12.

БОЕВОЙ СОСТАВЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ.

НАИМЕНОВАНІЕ ВОЙСКА.	всего выставляли въ мирное время (1914 годъ) *)				общая численность выставляемыхъ въ военное время частей**) (1900 г.) въ тысячахъ:	% отношеніе къ общей численности всѣхъ казачьихъ войскъ.
	конныхъ полковъ	конныхъ дивизіоновъ	конныхъ батарей	пѣшихъ (пластунскихъ) бат-новъ		
1. Донское	19	—	8	—	70	36
2. Кубанское	11	2	5	6	53,1	27,3
3. Оренбургское	6	1	3	—	20	10,3
4. Забайкальское	4	—	2	—	13	6,7
5. Терское	4	1	2	—	12,7	6,6
6. Сибирское	3	—	—	—	9,8	5
7. Уральское	3	—	—	—	8,8	4,5
8. Астраханское	1	—	—	—	2,3	1,2
9. Семирѣченское	1	—	—	—	2,2	1,1
10. Амурское	1	—	—	—	1,7	0,9
11. Уссурійское	—	1	—	—	0,7	0,4
Всего	53	5	20	6	194,3	100,0

Примѣчанія: 1. Сверхъ того, пополненный изъ состава всѣхъ казачьихъ войскъ, кромѣ имѣвшихъ собственныя гвардейскія части (Донцы, Кубанцы и Терцы), лейбъ-гвардіи Сводно-казачій полкъ.

2. Помимо этихъ основныхъ 11-ти казачьихъ войскъ, существовали еще Иркутская и Красноярская сотни.

*) „Краткое расписаніе сухопутныхъ войскъ". Изданіе Военной Типографіи Главнаго Штаба. С.-Петербургъ. 1910 г.

**) Ген. А. Редигеръ, „Комплектованіе и устройство Вооруженной силы". С.-Петербургъ, 1900 г. (стр. 177). Хотя эти данныя относятся къ 1900 г, но за 10 лѣтъ увеличеніе числа казачьихъ полковъ было совершенно ничтожнымъ, такъ что эти цифры въ общемъ вѣрно отвѣчаютъ и положенію ко времени начала войны. Въ частности одинъ хорошо освѣдомленный германскій источникъ („Die Kasaken im Weltkriege" въ журналѣ „Wissen und Wehr". 1922. Heft 6. маіора ф. Кохенгаузена, состоявшаго въ 1918 г. при Донскомъ Атаманѣ Красновѣ) даетъ (стр. 379) общук численность всѣхъ казачьихъ войскъ при мобилизаціи въ 225,5/т.

Исторически сложившееся разселеніе терцевъ по Тереку, Сунжѣ и Кумѣ, привело къ тому, что терское казачество въ предѣлахъ Терской области было какъ бы вкраплено въ земли горскихъ народовъ: кабардинцевъ, осетинъ, ингушей и чеченцевъ. Собственной сплошной территоріи у войска не было и въ предѣлахъ своей области терское казачество составляло *меньшинство.*

Кубанское войско (см. главу 2-ю), подобно Терскому, съ конца XVIII вѣка по середину XIX, также несло сторожевую службу по р. Кубани („черноморцы") и на западномъ крылѣ Кавказской линіи („линейцы"). Лишь сведенное, въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія, въ одно Кубанское войско, оно потеряло свой характеръ пограничнаго военнаго поселенія.

Такимъ образомъ, вся юго-восточная группа казачества (Донъ, Кубань, Терекъ) исторически являлась постепенно передвигавшейся въ XVII—XIX вѣкахъ южной военной границей Имперіи. Свое основное назначеніе эти поселенія потеряли лишь со второй половины XIX вѣка.

Юго-восточная группа нашего казачества была наиболѣе мощной, составляя 70% общаго количества казаковъ. Донъ и сѣверный Кавказъ были основнымъ ядромъ русскаго казачества и это предопредѣляло рѣшающую роль этой группы при столкновеніи казачьихъ интересовъ съ политикой совѣтской власти въ ходѣ нашей гражданской войны.

Внѣшнія очертанія разселенія второй, урало-сибирской, группы казачьихъ войскъ, въ общемъ ограничивались на западѣ теченіемъ р. Урала, а на востокѣ — р. Иртыша.

Уральское войско (до Пугачевскаго бунта называвшееся Яицкимъ), неотъемлемо связанное по происхожденію съ донцами, упоминается уже въ самомъ началѣ XVII вѣка. Разселеніемъ по нижнему теченію р. Урала, оно ограждало предѣлы Имперіи отъ набѣговъ кочевниковъ-казаковъ („киргизъ") съ востока.

Далѣе вверхъ по р. Уралу до его истоковъ (въ южной и восточной части Оренбургской губерніи) съ XVIII вѣка было поселено войско Оренбургское (составившееся изъ казаковъ уфимскихъ, самарскихъ, частью донцовъ, калмыковъ, мещеряковъ и башкиръ). Продолжая линію Уральскихъ казаковъ по верхнему Уралу, оно ограждало предѣлы Имперіи отъ казакскихъ („киргизскихъ") набѣговъ съ сѣвера.

Далѣе, узкой лентой отъ верховьевъ Урала до Иртыша (у Омска) и далѣе вверхъ по Иртышу, также въ XVIII вѣкѣ, было разселено Сибирское казачье войско. При завоеваніи нами Туркестана, въ 1867 году, два полка Сибирскаго войска были отъ него отдѣлены и составили самостоятельное Семирѣченское войско, разселенное по обоимъ берегамъ р. Или.

Урало-сибирская группа казачества являлась второй и по численности, составляя почти 21% общаго количества казаковъ. По своему удѣльному вѣсу, она однако болѣе, чѣмъ втрое уступала юго-восточной казачьей группѣ, а главное по протяженію линіи разселенія (растянутой на 3500 клм.) она не представляла того плотнаго казачьяго ядра, которое образовывали казачества Дона, Кубани и Терека.

Третью группу составляло казачество дальневосточное, поселенное въ XVIII вѣкѣ въ Забайкальѣ среди бурятъ и съ конца XIX вѣка и по Амуру—Амурское (съ 1858 года) и по р. Уссури — Уссурійское (съ 1889 года). Всѣ эти три войска, разселенные по китайской границѣ, и въ XIX вѣкѣ еще являлись пограничными военными поселеніями.

Дальневосточная казачья группа и по численности (8% общаго количества казаковъ) и по растянутости линіи своего разселенія (до 3000 клм.) являлась и наименѣе мощной и, по раіону своего разселенія, удаленному на 4000—5000 клм. отъ центра страны, наименѣе способной принять активное участіе въ вооруженной борьбѣ во время гражданской войны.

Наконецъ особнякомъ стояло малочисленное, разселенное по низовьямъ Волги, между Астраханью и Царицынымъ, и отдѣльными станицами по обоимъ берегамъ средней Волги (въ Самарской и Саратовской губерніяхъ) — Астраханское казачье войско, въ основѣ своей состоявшее изъ крещеныхъ калмыковъ. Въ отличіе отъ трехъ основныхъ группъ нашего казачества, исторически сложившихся на почвѣ охраны имперской границы со стороны южныхъ степей и Кавказа, казакскихъ („киргизскихъ") ордъ Туркестана и нашего Дальняго Востока, Астраханское казачество выполняло ограниченную задачу охраны низовьевъ Волги отъ калмыковъ. Вѣроятнѣе всего, что образованіе Астраханскаго войска являлось лишь однимъ изъ пріемовъ замиренія кочующихъ калмыковъ.

Казачьи привиллегіи, главнымъ образомъ въ видѣ, несравнимыхъ съ массой русскаго крестьянства по величинѣ, земельныхъ надѣловъ и извѣстнаго самоуправленія, покупались казачествомъ тяжкой цѣною несравнимой съ остальнымъ населеніемъ Россіи, по своей тягости, военной повинности.

Въ то время, какъ вся масса населенія Имперіи давала на военную службу лишь 29% ежегоднаго призывного возраста, казачество выставляло 72%, то есть почти въ $2^1/_2$ раза больше. Общее число лицъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ въ мирное время, составляя 1,7% всего мужского населенія Имперіи, у казаковъ было 3,9% *). Въ среднемъ, поэтому, *воинская повинность для казаковъ*, по сравненію со всѣмъ населеніемъ Россіи, *была въ 2 съ половиной раза тяжелѣе.* При этомъ ежегодный призывъ, составлявшій въ среднемъ для всѣхъ казачьихъ войскъ 72% числа достигшей призывного возраста молодежи, для отдѣльныхъ казачьихъ

*) Редигеръ, 128—129.

войскъ былъ еще тяжелѣе, достигая напримѣръ для Уральцевъ и Амурцевъ до 100%, а для Терцевъ—86,2% *).

Тяжкая воинская повинность казаковъ особенно увеличивалась въ военное время. Составляя въ мирное время почти половину всей русской конницы (54 полка изъ общаго числа 121 полка или 44,6%) и болѣе трети всей конной артиллеріи (20 батарей изъ общаго числа 53, считая и конно-горныя, или 37,7%), казаки при мобилизаціи примѣрно *утраивали* число своихъ конныхъ полковъ и батарей.

Непримиримое отношеніе *всѣхъ* казачьихъ войскъ къ октябрьскому перевороту вѣрно отражало несовмѣстимость сосуществованія казачества съ совѣтской властью. Весь укладъ казачьяго быта, казачьи вольности и привиллегіи такъ рѣзко противорѣчили лозунгамъ большевиковъ и ихъ уравнительнымъ стремленіямъ, что конфликтъ, рано или поздно, былъ неизбѣженъ и долженъ былъ превратиться въ вооруженную борьбу за отстаиваніе казачествомъ своего казачьяго существованія противъ поползновеній на него совѣтской власти.

Съ точки зрѣнія вооруженной борьбы, казачество давало и территорію и готовые кадры прирожденныхъ бойцовъ. Полувоенная организація и мирнаго казачьяго быта облегчала переходъ казачьихъ земель на военное положеніе и въ обстановкѣ внутренней гражданской войны. Отсутствіе сепаратистскихъ стремленій, за исключеніемъ лишь въ главной своей массѣ украинцевъ-Кубанцевъ, вытекало изъ русскаго происхожденія основной массы казачества. Самостоятельное существованіе, прорѣзывавшей всю территорію Имперіи, ленты казачьихъ поселеній было невозможно. Попытокъ образовать казачью федерацію и не было. Юго-восточный Союзъ 1917 года выходя за предѣлы „казачьяго государства", конструировался всетаки по территоріальному признаку, а не по признаку казачьей федераціи.

При всемъ этомъ, однако, казачество все же было тѣсно связано со своей территоріей и отстаиваніе и ея и своихъ вольностей отъ покушеній большевиковъ въ глазахъ подавляющей массы казачества не было равносильно вооруженному походу на совѣтскій центръ. Казачество было готово выдѣлить часть своихъ силъ для рѣшенія общерусскихъ задачъ, но наряду съ ними у него были и свои мѣстныя, казачьи задачи.

Отстаиваніе своей самостоятельности въ морѣ русской революціи требовало отъ казачества большаго напряженія и для рѣшенія своихъ мѣстныхъ дѣлъ, у себя дома. Борьба со своими иногородними занимала казаковъ, да это и понятно, учитывая настроенія неказачьяго населенія казачьихъ земель, не менѣе чѣмъ общероссійская борьба. Съ этимъ русская

*) Редигеръ, 122.

контръ-революція не могла не считаться. Казачья база въ видѣ территоріи съ казачьей противосовѣтской властью ей была вѣдь нужна не меньше, чѣмъ и самимъ казакамъ.

Протянувшееся почти сплошной полосой вдоль старой юго-восточной и южной границы Имперіи, казачество исторически было повернуто фронтомъ на югъ. Теперь гражданская война требовала новаго казачьяго фронта на сѣверъ. Гражданская война какъ бы поворачивала весь ходъ казачьяго разселенія и казачьей исторіи, и, несомнѣнно, что этотъ поворотъ долженъ былъ преодолѣть большую историческую инерцію. То, что казаки считали своимъ тыломъ, становилось ихъ фронтомъ. Тамъ, гдѣ прежній фронтъ былъ замиренъ, это требовало лишь преодолѣнія извѣстной инерціи и какъ бы сдвига казачьей психологіи. Не такъ было тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ у терцевъ, прежній фронтъ былъ лишь подавленъ, но совсѣмъ не замиренъ. Тамъ это неизбѣжно вызывало войну на два фронта и этимъ еще болѣе осложнялся этотъ, противорѣчившій всей казачьей исторіи, поворотъ отъ окраинъ къ центру. Уходившее всю свою исторію отъ центра къ окраинамъ казачество Россійская контръ - революція звала назадъ. Колесо казачьей исторіи какъ бы поворачивалось вспять.

Наконецъ на территоріи центральной Россіи, въ среднемъ Поволжьѣ, вокругъ Саратова, на равномъ разстояніи (приблизительно въ 600 клм.) между Оренбургомъ и Новочеркасскомъ, то есть между центрами Донского и Оренбургскаго казачествъ, лежала *область* крѣпкихъ земельныхъ собственниковъ — *нѣмцевъ Поволжья.*

Нѣмцы Поволжья происходятъ отъ переселившихся въ Россію во второй половинѣ XVIII вѣка (1764—17/3 гг.) 8.000 семействъ германскихъ колонистовъ, образовавшихъ 106 колоній по обѣимъ берегамъ Волги у Саратова (главнымъ образомъ въ Камышинскомъ уѣздѣ на правомъ берегу и въ Новоузенскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ на лѣвомъ берегу Волги). До 70-хъ годовъ XIX вѣка они пользовались извѣстной автономіей (выборъ сельскихъ должностныхъ лицъ изъ нѣмцевъ, нѣмецкій языкъ въ дѣлопроизводствѣ и въ школѣ и т. д.).

Въ концѣ 1915 года послѣдовалъ Указъ объ ихъ выселеніи въ Сибирь, начало выполненія котораго было намѣчено на апрѣль 1917 года. Временное Правительство, не отмѣнивъ этотъ законъ, пріостановило, однако, его дѣйствіе.

Нѣмцы Поволжья, представляя собою сплоченную группу крѣпкихъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, являлись отличной базой для борьбы съ большевизмомъ. Неудачная политика „нѣмцеѣдства" во время войны, конечно, оказала неблагопріятное вліяніе на ихъ отношеніе къ центру и большевики использовали его, обѣщавъ имъ созданіе автономной нѣмецкой области.

Русская контръ-революція безусловно, однако, имѣвшая все же гораздо больше шансовъ для привлеченія ихъ на свою сторону, какъ то не обратила на нихъ вниманія и они совершенно ею не были использованы.

Съ другой стороны, несомнѣнно, стремленіе выдвиженіемъ къ Царицыну связаться съ нѣмецкими колоніями Поволжья, было и у нѣмцевъ.

Общая численность нѣмецкихъ колонистовъ Поволжья въ 1918 году составляла около 600.000.

Возвращаясь теперь отъ окраинъ къ центру невольно приходится задать вопросъ: Что же представляли собою въ это время *внутреннія контръ-революціонныя силы въ самой Совѣтской Россіи?*

Силы эти состояли изъ стремившагося съорганизоваться офицерства и ряда политическихъ организацій. По идеѣ, офицерство должно было представлять собою активныя силы, а политическія организаціи должны были этими силами руководить. Представлявшія реальную силу, офицерскія организаціи, ждали руководства и указаній со стороны политическихъ группировокъ, а эти послѣднія спорили объ „оріентаціяхъ", о формахъ будущаго устройства Россіи, писали записки и совѣщались съ иностранцами. Одни ставили на нѣмцевъ, другіе — на союзниковъ, но никто... на себя самихъ. Офицерскія организаціи искали возглавителей и ожидали рѣшеній политическихъ центровъ. Центры ничего рѣшить не смогли, а офицерскія организаціи такъ и не выступили...

Еще съ начала 1918 года образовались такъ называемые „правый" и „лѣвый" центры. Первый составился изъ несоціалистическихъ элементовъ, во второмъ преобладали соціалисты. Вскорѣ, однако, въ серединѣ іюня, по вопросу объ „оріентаціяхъ" правый центръ раскололся на два „центра" — „правый", настроенный монархически и придерживавшійся политики „свободы рукъ", т. е. допускавшій и „германскую оріентацію", въ смыслѣ полученія на нѣкоторыхъ условіяхъ содѣйствія нѣмцевъ, и на „національный" (преимущественно „кадетскій"), придерживавшійся союзнической оріентаціи и стремившійся къ диктатурѣ. Общность оріентацій сблизила „національный центръ" съ „Союзомъ Возрожденія" (бывшимъ „лѣвымъ центромъ"). Путемъ взаимныхъ уступокъ — Союзъ Возрожденія согласился на лозунгъ „новаго" взамѣнъ разогнаннаго Учредительнаго Собранія, а „Національный Центръ" уступилъ въ вопросѣ единоличной диктатуры, согласившись на диктатуру „директоріи" изъ „генерала, соціалиста и несоціалиста". Откровенная союзная оріентація этихъ двухъ послѣднихъ группировокъ открыла имъ довольно широкую денежную помощь союзниковъ. Результатовъ это однако по прежнему не дало никакихъ. Какое впечатлѣніе всѣ эти „политическія" группировки производили на активныхъ борцовъ контръ-революціи показываютъ впечатлѣнія командированнаго отъ Добровольческой Арміи въ началѣ іюня изъ Задонья въ Москву ген. Казановича.

Ген. Казановичъ получилъ задачу выяснить наличіе въ Москвѣ военныхъ организацій и ознакомить московскія группировки съ положеніемъ Добровольческой Арміи и добиться ея финансированія хотя бы изъ расчета 4—5 милліоновъ рублей въ мѣсяцъ. Прибывъ въ Москву 11-го іюня, ген. Казановичъ какъ разъ попалъ къ началу расколовшаго „правый центръ" спора объ оріентаціяхъ. Вотъ впечатлѣнія ген. Казановича отъ посѣщенія имъ „праваго центра" *):

„Ознакомившись съ письмами ген. Алексѣева и Деникина и выслушавъ мой докладъ о Добровольческой Арміи, организація вынесла постановленіе: привѣтствовать Армію и ея вождей. Когда я поднялъ вопросъ о субсидированіи арміи... В. І. Гурко даже обидѣлся и заявилъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, но что они могутъ обезпечить арміи сочувствіе вліятельныхъ общественныхъ круговъ, что не менѣе важно. Имѣя въ Москвѣ дѣло съ политическими дѣятелями разныхъ направленій, мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ ссылкой на „широкіе" или „вліятельные" общественные круги и даже на „широкія народныя массы", которыя якобы поддерживаютъ ту или другую организацію, но для меня обыкновенно оставалось загадкой, гдѣ эта поддерживающая сила и изъ кого она состояла".

Технически организаціи эти были обставлены явно неблагополучно. Такъ, напримѣръ военнымъ спеціалистомъ праваго центра былъ ген. Циховичъ, кстати въ 1920 году уже занимавшій постъ члена высшей аттестаціонной комиссіи *красной* арміи. Ген. Циховичъ, по свидѣтельству лично ознакомившагося съ его работой въ Москвѣ ген. Казановича, „составилъ обстоятельную записку, въ которой съ цифрами въ рукахъ доказываетъ полную невозможность переброски японскихъ войскъ на Волгу" **). Почему это было невозможно, конечно составляетъ секретъ изобрѣтателя.

Не менѣе безотрадное впечатлѣніе производилъ и „національный центръ", на засѣданіяхъ котораго ***) „разрабатывался и обсуждался проектъ будущаго устройства Россіи, начиная отъ центральной власти до организаціи управленія въ губерніяхъ и уѣздахъ". Болтовня 1917 года продолжалась и при большевикахъ.

Съ „Союзомъ Возрожденія Россіи" ген. Казановичъ познакомился черезъ одного изъ иниціаторовъ его возникнове-

*) Архивъ Русской Революціи, томъ VII, Берлинъ 1922 г. Статья ген. Б. Казановича: „Поѣздка изъ Добровольческой Арміи въ „Красную Москву", стр. 191.

**) Тамъ же, стр. 192.

***) Тамъ же, стр. 194.

нія ген. Болдырева (впослѣдствіи „Верховнаго Главнокомандующаго" въ Сибири осенью 1918 года). Разсказъ ген. Казановича объ этой группировкѣ производитъ уже совершенно тягостное впечатлѣніе.

На убѣжденія ген. Казановичемъ ген. Болдырева признать главенство ген. Алексѣева и Деникина, и работать вмѣстѣ для общаго дѣла, ген. Болдыревъ отвѣтилъ *): „что не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ связанъ съ партіей (меньшевиковъ)... Отъ него я узналъ о движеніи, подготовлявшемся на средней Волгѣ. Изъ его словъ можно было заключить, что тамъ собраны уже значительныя силы".

— „Видите ли, сказалъ онъ, у насъ войска настоящаго еще нѣтъ, а намѣчены начальники и штабы, которые должны принять на себя руководство, когда начнется возстаніе, но тамъ происходитъ какая то ерунда и намъ нуженъ человѣкъ, который объединилъ бы все это. Если бы Вы приняли на себя эту роль? — Услыхавъ мой отказъ, онъ задалъ мнѣ неожиданный вопросъ — сколько я получаю въ мѣсяцъ? — 1000 рублей. — Мы можемъ дать гораздо больше, хотите 2000 рублей? — Я отвѣтилъ, что дѣло не въ вознагражденіи, а просто я считаю предпріятіе не серьезнымъ, какъ начатое не съ того конца: желающіе разыгрывать роль начальниковъ и заполнить штабныя должности всегда найдутся — гораздо труднѣе найти бойцовъ".

Нужно замѣтить, что разговоръ этотъ происходилъ въ концѣ іюня, то есть мѣсяцъ спустя послѣ чешскаго выступленія.

Основной вопросъ — денежной помощи активнымъ силамъ контръ-революціи, внутреннія группировки Россіи были также безсильны рѣшить, какъ и ихъ прародитель — „Совѣтъ" на Дону въ январѣ 1918 года. „У московскихъ капиталистовъ", пишетъ ген. Казановичъ, „я наталкивался на одинъ отвѣтъ: у насъ самихъ нѣтъ денегъ".

Хуже всего было, однако, то, что эти немощныя группировки, бездѣйствуя сами, мѣшали и тѣмъ, кто дѣйствовалъ.

Связавшись въ Москвѣ съ французскимъ консульствомъ, генералъ Казановичъ получилъ отъ него обѣщаніе финансовой поддержки. Но „при дальнѣйшихъ переговорахъ съ консульствомъ", пишетъ онъ **), „я натолкнулся на совершенно неожиданное препятствіе. Ф. и К° ***), узнавъ о моихъ переговорахъ, заявили мнѣ, что я не имѣю право вести самостоятельно эти переговоры, что они сами стараются получить средства отъ французовъ и что Добровольческая Армія можетъ получить деньги только черезъ посредство ихъ организаціи".

*) Тамъ же, стр. 195—196.
**) Тамъ же, стр. 199.
***) „Національный Центръ".

Конечно, французы посмотрѣли на дѣло иначе, предпочитая помочь тѣмъ, кто борется съ большевиками, прямо безъ всякихъ посредниковъ. „Опасаясь, чтобы эти господа", говоритъ ген. Казановичъ *), „не испортили мнѣ дѣла у консула, я немедленно отправился къ нему, разсказалъ этотъ разговоръ и постарался объяснить ему, что Франціи гораздо выгоднѣе давать средства непосредственно Добровольческой Арміи, чѣмъ черезъ посредство какихъ либо политическихъ организацій, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ, несомнѣнно, часть денегъ пойдетъ не на армію, а на неизвѣстныя партійныя нужды. Консулъ вполнѣ согласился со мною и обѣщалъ мнѣ вести переговоры непосредственно съ Добровольческой Арміей... и предложилъ мнѣ взять теперь же извѣстную сумму въ предѣлахъ тѣхъ средствъ, какими онъ можетъ распоряжаться самостоятельно, то есть отъ 500 тысячъ до одного милліона рублей".

Несомнѣнно нѣсколько одностороннія впечатлѣнія ген. Казановича въ значительной степени подтверждаются, однако, отзывами и ген. Алексѣева обо всѣхъ этихъ группировкахъ и центрахъ. 9-го іюля 1918 года онъ писалъ ген. Деникину **): „фактическаго единенія въ мысляхъ, цѣляхъ, задачахъ... между „центрами" не существуетъ. Не мѣняются только жажда власти, стремленіе получить въ свои руки денежную помощь отъ союзниковъ и тяготѣть надъ работой и существованіемъ Добровольческой Арміи".

Единственное исключеніе представляла, созданная Савинковымъ, внѣшне лишь связанная съ Національнымъ Центромъ, организація „Союзъ защиты Родины и Свободы". Прибывъ въ Москву съ Дона, съ потерявшимъ давно силу удостовѣреніемъ члена Совѣта при ген. Алексѣевѣ, Савинковъ, со свойственными ему беззастѣнчивостью и цинизмомъ, использовалъ его для того, чтобы выдать себя за полномочнаго помощника Корнилова и Алексѣева. Не касаясь, однако, Савинковскихъ пріемовъ, нельзя не признать, что ему все таки удалось то, чего не могли добиться всѣ „центры" вмѣстѣ взятые; онъ все таки сформировалъ боевую офицерскую организацію ***), связался съ союзниками, получилъ отъ нихъ деньги, и повидимому немалыя, и готовилъ эту организацію для активнаго выступленія противъ большевиковъ, что и сдѣлалъ въ іюлѣ. Плохо ли или хорошо все это было имъ организовано и имѣли ли смыслъ эти выступленія въ томъ видѣ, какъ они были имъ задуманы и выполнены,—вопросъ другой. Важно то, что Савинковъ все таки былъ единственнымъ активнымъ работникомъ въ центральной Россіи лѣтомъ 1918 года.

*) Тамъ же, стр. 199.
**) Деникинъ, III, 87.
***) По разнымъ даннымъ — отъ 2 до пяти тысячъ. Повидимому послѣдняя цифра ближе приближается къ дѣйствительности.

И печальный фактъ, что въ ту пору въ центральной Россіи единственнымъ активнымъ работникомъ оказался авантюристъ с.-р. Савинковъ, лучше всего характеризуетъ всю немощь и безволіе внутренно-политическихъ группировокъ контръ-революціи.

Съ этой стороны русской контръ-революціи надѣятся было не на что...

На фонѣ всей этой разрухи, на границѣ Россіи и Сибири, въ Екатеринбургъ, 30-го апрѣля большевиками были изъ Тобольска доставлены Государь съ Государыней и Великой Княжной Маріей Николаевной, а 23-го мая въ Екатеринбургъ были доставлены и Наслѣдникъ Цесаревичъ и остальные члены Царской Семьи.

26-го мая, то есть три дня спустя, чехи Войцеховскаго начали возстаніе, занявъ Челябинскъ. Отъ Челябинска до Екатеринбурга по желѣзной дорогѣ ровно 240 клм.

Южный Уралъ этимъ пріобрѣталъ совершенно иное значеніе. Было ли это однако понято русской контръ-революціей? И если это было понято, на что имѣется рядъ данныхъ, то, что для этого было сдѣлано? Правдивый отвѣтъ можетъ быть только одинъ — ничего...

Лѣтомъ 1918 года міровая война вступила въ свой послѣдній, рѣшающій фазисъ. Нѣмцы поставили свою послѣднюю ставку — попытку проломить союзный фронтъ за счетъ 54 дивизій, переброшенныхъ изъ Россіи. Союзники готовились дать свою послѣднюю карту — американскую армію.

Скрестившіеся въ гигантской борьбѣ интересы обѣихъ коалицій столкнулись и въ Россіи.

Въ этой послѣдней стадіи борьбы, для обѣихъ коалицій Россія все время была лишь ареной. Центральнымъ Державамъ нужно было получить русское сырье и снять съ русскаго фронта возможно больше дивизій. Нашимъ союзникамъ нужно было помѣшать переброскѣ германскихъ дивизій во Францію, не дать имъ использовать складовъ снабженія въ русскихъ портахъ Ледовитаго и Тихаго океановъ и задержать возможно больше военноплѣнныхъ, взятыхъ за время войны Россіей.

Эти цѣли ясно и отчетливо стояли передъ глазами и нашихъ противниковъ и нашихъ союзниковъ, и проводили они ихъ неуклонно. Въ этихъ, кровныхъ для нихъ, интересахъ, ни колебаній, ни сомнѣній мы въ ихъ политикѣ не найдемъ. И съ этой точки зрѣнія линіи поведенія и Центральныхъ Державъ, и Согласія вели прямо къ намѣченнымъ цѣлямъ.

На путяхъ этой міровой борьбы, однако, лежала объятая смутой Россія.

И большой ошибкой было бы считать, что въ русской борьбѣ центральныя Державы стояли цѣликомъ на сторонѣ красныхъ, а державы Согласія — на сторонѣ контръ-революціи. И тѣ и другіе поддерживали и тѣхъ и другихъ лишь въ зависимости отъ своихъ собственныхъ интересовъ. Центральныя Имперіи, заигрывая съ Москвою, въ то же время поддерживали контръ-революціонные Донъ, Украину, Финляндію и Закавказье. Державы Согласія, поддерживая контръ-революціонныхъ чеховъ, высаживая дессанты на Бѣломъ морѣ и въ Мурманскѣ, въ то же время благосклонно смотрѣли на совѣтское Баку и разговаривали съ большевиками.

Брестъ едва не погубилъ дѣла союзниковъ весною 1918 года и естественно, что подписавшіе его большевики стали врагами Согласія. Врагами — да, но они стали ими только съ тѣхъ поръ, какъ союзники увидѣли, что всѣ ихъ попытки вновь повернуть большевиковъ на нѣмцевъ безплодны. Вѣдь въ февралѣ били большевиковъ нѣмцы, а наши союзники съ ними договаривались, предлагая имъ свою помощь... Появленіе чеховъ заставило нѣмцевъ очень серьезно призадуматься надъ тѣмъ — выгоденъ ли имъ большевизмъ или нѣтъ. Японская интервенція союзниковъ въ то же время получала одобреніе Троцкаго. Вопросъ „оріентацій" былъ очень не простъ. И та и другая могли завести очень далеко отъ тѣхъ представленій, которыя были съ ними связаны съ тѣхъ временъ, когда Россія была еще субъектомъ, а не стала объектомъ міровой войны.

И „союзная" и „германская" оріентаціи могли очень часто противорѣчить нашей собственной „русской" оріентаціи, на Россію.

Оріентаціи принимали тотъ или иной ярлыкъ и по территоріальному признаку и по политическимъ симпатіямъ. Территоріально — западъ былъ „германофильскимъ", сѣверъ и востокъ — „союзническимъ". Грань между ними лежала на Дону. По политическому признаку, „лѣвые", если можно только ихъ такъ называть послѣ октябрьскаго переворота, тянулись къ демократіямъ Согласія, „правые" — къ монархической коалиціи Центральныхъ Державъ.

Съ русской точки зрѣнія, „германская оріентація" во время весенняго наступленія австро-германцевъ, отвѣчала интересамъ нашей контръ-революціи, а „союзная" имъ противорѣчила. И въ то же время, поддержка нѣмцами совѣтской Москвы шла наперекоръ нашимъ интересамъ, а союзническая интервенція на сѣверѣ и въ Сибири — имъ отвѣчала.

Наконецъ, „ставка на нѣмца" могла быть осмысленной до перелома военнаго счастья центральныхъ державъ въ серединѣ іюля и совершенно потеряла его послѣ этого. Однако, пунктъ перемирія 11-го ноября 1918 года требовавшій немедленной эвакуаціи австро-германцами русской территоріи, совершенно понятный съ точки зрѣнія чистой „союз-

нической оріентаціи", былъ тяжелымъ ударомъ по русской контръ-революціи и явно противорѣчилъ оріентаціи „русской".

И та и другая оріентаціи далеко не исчерпывали политической линіи поведенія русской контръ-революціи. Ея линія шла по своей собственной дорогѣ, часто подъ прямымъ угломъ пересѣкавшей пути и „германской", и „союзнической". оріентацій.

Обѣ оріентаціи и отвѣчали и противорѣчили нашимъ собственнымъ интересамъ. Весь вопросъ былъ лишь въ томъ, гдѣ и когда онѣ намъ помогали или мѣшали. Здоровый государственный эгоизмъ часто самъ выправлялъ наиболѣе рѣзкіе ихъ уклоны. Но государственный эгоизмъ часто смѣшивался съ измѣной, а вѣрность, порою чисто отвлеченнымъ принципамъ, часто принималась за „русскую" оріентацію.

Конечная побѣда союзниковъ, къ 1919 году, казалось безспорно доказала правильность союзнической оріентаціи,— но развѣ мы отъ этого побѣдили красныхъ?..

Русская контръ-революція зародилась на периферіи Имперіи. Революція владѣла центромъ страны. Въ этомъ было преимущество красныхъ и въ этомъ была слабость контръ-революціи. Съ единымъ и политически центромъ боролась коалиція, интересы отдѣльныхъ членовъ которой часто были прямо противоположны другъ другу. Авторитетъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности не былъ достаточенъ для ихъ объединенія путемъ подчиненія, кому либо одному изъ нихъ. И прямая наслѣдница идеи Великой Россіи — Добровольческая Армія могла бы стать главой коалиціи лишь путемъ равноправныхъ договоровъ съ отдѣльными ея членами. И та, и другая сторона, однако, на это шли неохотно. Унитарный принципъ возсозданія Россіи исторія уже подмѣняла принципомъ федераціи. Непризнаніе этого — съ одной стороны и подмѣна идеи федераціи порой идеей суверенитета — съ другой, чрезвычайно затрудняли самую возможность прочнаго соглашенія, если и не совсѣмъ ее исключали въ средѣ коалиціи.

И Финляндія, и Украина, и Закавказье, и казачьи земли, и нѣмцы Поволжья были тѣми территоріями, на которыхъ могли формироваться и наростать контръ-революціонныя силы. Они являлись базой русской контръ-революціи. Но требовать отъ контръ-революціонной базы стать ея движущей силой — значило требовать невозможнаго. Всѣ они готовы были защищать свою землю, свой край, но идти на Москву они не хотѣли. Выдѣлить силы для похода на центръ они могли и ихъ выдѣляли, но все же это были базы, а не арміи, которыя можно было двигать туда, куда ихъ звали требованія вооруженной борьбы.

Обособленіе окраинъ въ общемъ процессѣ контръ-революціонной борьбы, несомнѣнно способствовало ихъ непримиримости къ совѣтскому центру и съ этой точки зрѣнія было выгодно.

При этомъ, однако, центробѣжные національные интересы отдѣльныхъ окраинъ часто тормозились ихъ стремленіемъ къ центру. Равнодѣйствующая этихъ двухъ противоположныхъ силъ поэтому то часто колебалась, то въ сторону благопріятную интересамъ контръ-революціи, то отклонялась въ сторону ей вредившую.

Въ сущности говоря, лишь одно русское казачество было той контръ-революціонной базой, интересы которой цѣликомъ совпадали съ интересами обще-русскаго ядра контръ-революціи. Но все таки и казаки были, хотя и самой надежной и самой могущественной, въ смыслѣ возможностей выдѣленія ею вооруженныхъ силъ для похода на центръ, контръ-революціонной базой, но все же они были только базой, а не движущей силой россійской контръ-революціи.

Внутреннія силы русской контръ-революціи въ совѣтской Россіи были близки къ нулю и на нихъ контръ-революція расчитывать не могла.

Внутри оставался лишь одинъ, связанный съ традиціями единства Россіи, символъ — Екатеринбургъ, но волей судебъ пути русской контръ-революціи прошли мимо него.

———••———

ГЛАВА V.

ОФОРМЛЕНІЕ РУССКОЙ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІИ.

ОБРАЗОВАНІЕ ФРОНТОВЪ.

(См. чертежи №№ 4, 5 и 1-а)..

Избраніе Донскимъ Атаманомъ генерала Краснова и организація власти на Дону. Взаимоотношенія Дона съ нѣмцами и Добровольческой Арміей. Декларація Добровольческой Арміи (6-го мая). Освобожденіе Дона и созданіе Донского фронта. Образованіе фронта по Волгѣ. Сибирь. Дальній Востокъ.. Красная Армія. Двѣ тенденціи въ строительствѣ Красной Арміи въ 1918 г Командный составъ. Ганеральный Штабъ. Фронты, ихъ относительное значеніе и удѣльный вѣсъ.

Захватъ возставшими донцами Новочеркасска и вступленіе нѣмцевъ въ Ростовъ совпали съ возвращеніем Добровольческой Арміи изъ Кубанскаго похода въ Задонье.

Дону предстояло сразу рѣшить три задачи. Первой изъ нихъ было устройство на Дону государственной власти. Второй — выяснить намѣренія нѣмцевъ и договориться съ ними. Третьей — установить взаимоотношенія съ Добровольческой Арміей.

Еще 28-го апрѣля, во время Заплавскаго сидѣнья, Временное Донское правительство постановило созвать „Кругъ Спасенія Дона" по одному представителю отъ станицъ и по два отъ каждаго полка и дружины. Выборы должны были быть закончены къ 8-му мая.

По освобожденіи Новочеркасска, Временное Донское правительство рѣшило созвать Кругъ на 11-ое мая. Къ этому дню въ Новочеркасскѣ собрались, конечно, лишь представители освобожденныхъ округовъ (Черкасскаго и 1-го Донского и отъ полковъ). Всего собралось 130 делегатовъ. Кругъ Спасенія Дона не претендовалъ, такимъ образомъ, на роль представительнаго собранія всего донского казачества, а являлся лишь органомъ, выдѣленнымъ возставшими донцами для ор-

ганизаціи государственной власти на Дону. Поэтому и работа этого Круга была цѣликомъ направлена на организацію борьбы.

Кругъ поручилъ походному атаману провести мобилизацію шести возрастовъ казаковъ (1912—1918 г.г), возстановилъ ношеніе погонъ и знаковъ отличія, мобилизовалъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и возстановилъ власть окружныхъ, станичныхъ и хуторскихъ атамановъ и станичныхъ судей.

Отношеніе Круга къ иногороднимъ было также очень типичнымъ. На этотъ сложный и неразрѣшимый, въ сущности, въ процессѣ борьбы съ большевиками, вопросъ, Кругъ посмотрѣлъ лишь съ точки зрѣнія этой борьбы.

„Принимая во вниманіе, что въ частяхъ Донской Арміи въ бояхъ съ красными участвовали и не казаки и что въ будущемъ казачьи ряды могутъ быть пополнены добровольцами и не казаками, кругъ постановилъ: всѣхъ лицъ невойскового сословія, фактически участвующихъ въ защитѣ Дона отъ большевицкихъ бандъ, теперь же принять въ войсковое сословіе". *)

Ставъ на чисто дѣловой путь, Кругъ долженъ былъ сразу поставить вопросъ и о возглавленіи борьбы. Кругъ опредѣленно искалъ лицо, которому онъ могъ бы передать всю полноту власти. Въ это время въ Новочеркасскъ изъ окружной станицы 1-го Донского округа — Константиновской, прибылъ ген. Красновъ**), который выступилъ въ Кругѣ съ докладомъ, намѣчавшимъ общую программу дальнѣйшей борьбы и устройства Дона. При этомъ, желая обезпечить за будущимъ атаманомъ дѣйствительную полноту власти, генералъ Красновъ поставилъ условіемъ своего согласія баллотироваться въ атаманы, принятіе Кругомъ выработанныхъ имъ условій.

16-го мая Кругъ вынесъ постановленіе, передававшее всю полноту власти атаману: „впредь до созыва Большого Войскового Круга, каковой долженъ быть созванъ въ ближайшее время и во всякомъ случаѣ не позже двухъ мѣсяцевъ по окончаніи настоящей сессіи Круга Спасенія Дона, вся полнота

---

*) Донская Лѣтопись № 3, статья Г. Янова: „Освобожденіе Новочеркасска и Кругъ Спасенія Дона".

**) Ген.-маіоръ Петръ Николаевичъ Красновъ, казакъ ст. Вешенской, Верхне-Донского округа, по окончаніи Павловскаго военнаго училища, былъ произведенъ въ 1888 году въ хорунжіе лейбъ-гвардіи Атаманскаго Наслѣдника Цесаревича полка. Прослуживъ въ немъ въ теченіи 21 года, онъ, послѣ краткаго пребыванія на должности начальника казачьяго отдѣла Офицерской кавалерійской школы, послѣдовательно командовалъ 1 Сибирскимъ и 10 Донскимъ казачьимъ полками, съ которымъ и выступилъ на міровую войну. Откомандовавъ бригадой и 2-ой сводной казачьей дивизіей, онъ въ 1917 году сталъ во главѣ 3-го коннаго корпуса, съ которымъ атаковалъ большевиковъ подъ Гатчиной сразу же послѣ октябрьскаго перево-

Верховной Власти въ области принадлежитъ Кругу Спасенія Дона. На время прекращенія работъ Круга Спасенія Дона, *вся полнота власти по управленію областью* и веденію борьбы съ большевизмомъ, принадлежитъ избранному Войсковому Атаману" *). Вечеромъ того же дня 107 голосами, изъ 130, Донскимъ Атаманомъ былъ избранъ ген. Красновъ.

Утромъ слѣдующаго дня Кругъ принялъ цѣликомъ, предложенные ген. Красновымъ, „Основные Законы Войска Донского". Принявъ ихъ, 18 мая, Кругъ закончилъ свои работы и разъѣхался.

Основные Законы Войска Донского, принятые Кругомъ, отметали всѣ „завоеванія революціи" и вся власть изъ рукъ коллектива, какъ пишетъ самъ ген. Красновъ **), „каковымъ являлись большой и малый Круги, переходила въ руки одного лица-атамана". Въ общемъ, основные законы ген. Краснова являлись почти полнымъ спискомъ основныхъ законовъ дореволюціонной Россіи, но Донъ становился самостоятельнымъ государственнымъ организмомъ.

Атаманъ, безъ утвержденія котораго ни одинъ законъ не могъ имѣть силы, обладалъ правомъ помилованія осужденныхъ и прощенія совершившихъ преступныя дѣянія съ освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія, правомъ производства въ военные чины и назначеніемъ имъ наградъ и, впредь до созыва Круга, являлся единственнымъ властителемъ Дона. Онъ назначалъ и передъ нимъ только (до созыва Круга) было отвѣтственно и правительство („совѣтъ управляющихъ").

Все законодательство обѣихъ революцій, начиная съ отреченія Государя (15-го марта 1917 года) отметалось ими цѣликомъ (ст. 26). Возстановлялась неприкосновенность собственности и устанавливался принципъ отчуждаемости недвижимости не иначе, какъ за соотвѣтствующее вознагражденіе (ст. 20-я). Подобное рѣшеніе земельнаго вопроса въ мѣстномъ казачьемъ, донскомъ масштабѣ означало закрѣпленіе казачьихъ привиллегій, то есть укрѣпленіе того элемента, на который ложилась вся тяжесть борьбы съ красными.

Впервые, со времени февральской революціи 1917 года, на территоріи Россіи создавался государственный организмъ, совершенно не считавшійся ни съ „завоеваніями" революціи,

---

рота, но былъ ими взятъ въ плѣнъ. Изъ плѣна генералъ Красновъ бѣжалъ на Донъ. Въ 90-хъ годахъ ген. Красновъ совершилъ путешествіе въ Абиссинію, участвовалъ по Высочайшему Повелѣнію, въ качествѣ военнаго корреспондента въ Русско-Японской войнѣ и былъ широко извѣстенъ въ арміи, какъ талантливый военный публицистъ. Ко времени избранія ген. Краснова Донскимъ Атаманомъ ему было 49 лѣтъ.

*) Русскій Архивъ, томъ V, Берлинъ, 1922 г. Статья П. Н. Краснова: „Всевеликое Войско Донское", стр. 193.

**) Красновъ, 197.

ни даже съ принципами народоправства и свободы волеизъявленія народа въ томъ или иномъ видѣ народнаго собранія съ учредительными функціями. Въ тоже время Донъ, становясь самостоятельнымъ государствомъ, мыслился генераломъ Красновымъ той частью Россіи, на которой лежитъ историческая задача спасенія Москвы „отъ воровъ и насильниковъ".

„...Честь обязываетъ, казачья слава повелѣваетъ", говорилъ ген. Красновъ*). „Россія ждетъ своихъ казаковъ... Близится великій часъ. Наступаетъ славное время... Помните дѣдовъ своихъ подъ Москвой и Великій Земскій Соборъ въ 1613 году. Кто вслѣдъ за Галицкимъ дворяниномъ подошелъ къ столу, гдѣ сидѣлъ кн. Пожарскій и положилъ записку? То былъ Донской атаманъ."

„— Какое это писаніе ты подалъ, атаманъ? — спросилъ кн. Пожарскій."

„— О природномъ Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, — отвѣтилъ атаманъ.

„— Прочетше писаніе атаманское, бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ, — пишетъ лѣтописецъ..."

Въ то же время ген. Красновъ очень ярко проводилъ автономію, (но не отдѣленіе Дона отъ Россіи). Атаманъ **) „совѣтовалъ казакамъ потомъ не вмѣшиваться въ дѣла Русскаго Государства и предоставить ему самому устраивать свой образъ правленія, какъ ему будетъ угодно, а самимъ зажить той войсковой жизнью, *когда тѣсно связанные съ Московскимъ Царствомъ*, донскіе казаки жили, управляемые своимъ Кругомъ и своимъ Атаманомъ и когда обычной поговоркой ихъ было: Здравствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки, на Тихомъ Дону..."

Все это давало поводъ считать ген. Краснова „самостійникомъ" и „монархистомъ". Но были ли для этого основанія?

Идеализируя казачье прошлое и его историческую роль въ судьбахъ Россіи, генералъ Красновъ становился на точку зрѣнія старой Имперской традиціи.

Отсутствіе общеимперской власти, свергнутой революціей, ощущалось окраинами гораздо сильнѣе, чѣмъ это представлялось многимъ въ контръ-революціонномъ лагерѣ въ 1918 году. Идея свободнаго волеизъявленія русскаго народа гораздо слабѣе выражала единство окраинъ и центра, чѣмъ историческіе символы, отражавшіе единство Руси, возродившейся изъ великой смуты XVII вѣка.

Рѣзко порывая съ революціей, ген. Красновъ этимъ совершенно не рвалъ съ Россіей, но избранный имъ путь велъ

---

*) Донская Лѣтопись № 3. Документъ № 6 (Рѣчь Донского Атамана П. Н. Краснова на засѣданіи Большого Войскового Круга 16/29 августа 1918 года), стр. 339.

**) Красновъ, 193.

отъ освободившихся окраинъ къ центру. Возсозданіе же окраинъ требовало для ихъ собственнаго укрѣпленія, усиленія ихъ мѣстнаго патріотизма. Замѣна его общеимперскимъ патріотизмомъ требовала общепризнаннаго авторитета, а въ разрухѣ 1918 года онъ былъ потерянъ. Его нужно было найти.

Программа Краснова — въ его словахъ, сказанныхъ имъ въ той же рѣчи, въ которой его „а мы казаки, на Тихо́мъ Дону" многими приводились какъ примѣръ отчужденія Дона отъ Россіи. И эти слова*): „Не спасетъ Россію сама Россія. Спасутъ Россію ея казаки. Добровольческая Армія и вольные отряды Донского, Кубанскаго, Терскаго, Оренбургскаго, Сибирскаго, Уральскаго и Астраханскаго казачествъ спасутъ Россію. И тогда снова, какъ въ старину, широко развернется надъ дворцомъ нашего Атамана бѣло-сине-красный флагъ **) — Единой и Недѣлимой Россіи..."

Второй неотложной задачей возставшаго Дона было урегулированіе отношеній съ оккупировавшими западную часть земли Войска Донского — нѣмцами.

Нѣмцы заняли почти всю западную часть Донской области до ж. д. Воронежъ—Ростовъ, обезпечивая Ростовъ со стороны Задонья своими гарнизонами въ Аксаѣ и Ольгинской. Не занятымъ былъ лишь Новочеркасскъ.

Германская оккупація несомнѣнно сыграла рѣшающую роль въ освобожденіи Дона, но въ дальнѣйшемъ, посягая на самостоятельность Войска, она становилась невыгодной, тѣмъ болѣе, что оккупація Таганрога и Ростова была вызвана Украинскими притязаніями на эти округа. Все же въ маѣ присутствіе нѣмцевъ на Дону было выгодно донцамъ.

Уже 10-го мая возставшіе Донцы побывали въ Ростовѣ у нѣмцевъ. Нѣмцы обѣщали очистить Аксай и Ольгинскую и не идти дальше, но совѣтовали обо всемъ сговориться со штабомъ оккупаціонныхъ армій въ Кіевѣ. 18-го мая, сейчасъ же послѣ своего избранія, ген. Красновъ отправилъ письмо Императору Вильгельму, въ которомъ, сообщая о своемъ избраніи, писалъ, что Войско Донское не находится въ войнѣ съ Германіей, просилъ пріостановить дальнѣйшее продвиженіе нѣмецкихъ войскъ въ Донскую землю, чтобы Войско Донское, впредь до освобожденія Россіи отъ большевиковъ, было признано самостоятельной республикой и о помощи оружіемъ ***).

Въ этомъ письмѣ атаманъ Красновъ еще не просилъ о выводѣ германскихъ гарнизоновъ, тѣмъ болѣе что черезъ

*) Донская Лѣтопись № 3. Документъ № 6, стр. 339—340.

**) Основными законами Дона 17-го мая 1918 года былъ установленъ Донской флагъ — сине-желто-алый.

***) Красновъ, 199.

нѣсколько дней донцы, совмѣстно съ нѣмцами, овладѣли Батайскомъ. 21-го мая германская делегація заявила, что нѣмцы „не преслѣдуютъ никакихъ завоевательныхъ цѣлей и заинтересованы лишь въ томъ, чтобы на Дону скорѣе возстановился полный порядокъ" *), вопросъ же о Ростовѣ и Таганрогѣ они считали подлежащимъ разрѣшенію съ гетманомъ.

Украинскія притязанія конечно нельзя разсматривать сколько-нибудь серьезно. Претензіи эти были чистой фикціей. Гетманъ не могъ ни удержать, ни отдать этихъ округовъ. Нѣмцамъ же, до выясненія обстановки на Дону, было выгодно подъ этимъ предлогомъ контролировать русскую контръ-революцію на Дону.

„Вопросъ объ „оріентаціи" сводился для Дона къ факту оккупаціи трехъ западныхъ его округовъ и возможности получать оружіе и огнеприпасы изъ оккупированной австро-германцами Украины. Въ маѣ 1918 года нѣмцы еще побѣждали на всѣхъ фронтахъ. Въ этихъ условіяхъ, борьба Дона съ нѣмцами была равносильна прекращенію его борьбы съ большевиками.

Вопросъ объ „измѣнѣ„ или „вѣрности" союзникамъ практически рѣшался фактическимъ положеніемъ дѣлъ на Дону. Установленіе дѣловыхъ отношеній съ нѣмцами для Дона было реальной необходимостью. За первые полтора мѣсяца Донъ получилъ съ Украины черезъ нѣмцевъ 11.600 винтовокъ, 88 пулеметовъ, 46 орудій, 109 тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и 11,5 милліоновъ ружейныхъ патроновъ. 35 тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и около 3 милліоновъ ружейныхъ патроновъ было при этомъ Дономъ уступлено Добровольческой Арміи **). Въ масштабахъ того времени это было серьезной поддержкой. Подъ Медвѣдовской (16-го апрѣля) Добровольческая Армія захватила 400 снарядовъ и 100 тысячъ ружейныхъ патроновъ. „Какое счастье", пишетъ ген. Деникинъ. „По добровольческимъ масштабамъ на нѣсколько боевъ мы обезпечены" ***).

Вернувшись изъ Кубанскаго Похода въ Задонье, Добровольческая Армія располагала не болѣе чѣмъ 750 тысячами — 1 милліономъ ружейныхъ патроновъ ****). И когда донского атамана упрекали въ сношеніяхъ съ нѣмцами, онъ справедливо могъ отвѣтить: „Да, да, господа... Добровольческая Армія чиста и непогрѣшима. Но вѣдь это я — донской атаманъ, своими грязными руками беру нѣмецкіе снаряды и патроны, омываю ихъ въ волнахъ Тихаго Дона и чистенькими передаю

*) Красновъ, стр. 199.

**) Тоже, 209.

***) Деникинъ, II, 309.

****) Тамъ же, стр. 345.

Добровольческой Арміи. — Весь позоръ этого дѣла ложится на меня" *).

Союзническая оріентація Добровольческой Арміи, конечно, не нравилась нѣмцамъ и вскорѣ они „поставили Донскому Атаману условіе, чтобы выдаваемые ему оружіе и снаряды не были отправляемы въ Добровольческую Армію... Войско Донское продолжало однако снабжать Добровольческую Армію и оружіемъ, и патронами, посылая часть того, что получало, Деникину, минуя нѣмцевъ, черезъ Новочеркасскъ и далѣе степью на грузовыхъ автомобиляхъ на ст. Кагальницкую. Нѣмцы знали про это, но закрывали глаза" **).

Помимо оружія и огнеприпасовъ, германская оккупація обезпечивала и весь западный 500-километровый фронтъ Дона отъ Азовскаго моря до границы съ Воронежской губерніей и на немъ донцы могли не держать ни одного казака.

Какъ не печаленъ былъ самый фактъ австро-германской оккупаціи, но отрицать его выгодность для русской контръ-революціи съ точки зрѣнія вооруженной борьбы съ большевиками просто невозможно.

Интересно при этомъ сравнить нападки на германофильство Дона съ оцѣнкой отношеній къ нимъ Дона въ этотъ періодъ самихъ нѣмцевъ.

Людендорфъ ***) пишетъ буквально слѣдующее: „западнѣе нижняго теченія Волги сидѣли донскіе казаки. Ихъ гетманъ (атаманъ) ген. Красновъ былъ настроенъ опредѣленно противъ большевиковъ и сражался съ совѣтскими войсками. Ему не хватало однако оружія и огнеприпасовъ. Я вступилъ съ нимъ въ сношенія, дабы помѣшать ему примкнуть къ Согласію. Положеніе создавалось крайне запутанное, такъ какъ я не имѣлъ права чинить препятствій оріентировавшейся на большевиковъ политикѣ нашего правительства, между тѣмъ ген. Красновъ своего врага видѣлъ въ совѣтской власти, а вовсе не въ державахъ Согласія. Все же намъ удалось его удержать отъ всякаго открытаго перехода на сторону Державъ Согласія и получить въ немъ, до извѣстной степени, союзника. Рѣшись мы на войну съ Москвой и онъ открыто перешелъ бы на нашу сторону".

До выступленія чеховъ на Волгѣ, вопросъ оріентаціи Дона диктовался фактической обстановкой на оккупированномъ австро-германцами югѣ Россіи. Съ выступленіемъ чеховъ положеніе осложнилось. Возможность созданія новаго восточнаго фронта не могла не волновать нѣмцевъ. 10-го іюля въ Новочеркасскъ къ Донскому Атаману прибыли представители германскаго командованія маіоры генеральнаго шта-

*) Красновъ, 207.

**) Тамъ же, 209.

***) Ludendorff, 527—528.

ба ф. Стефани, ф. Шлейницъ и фонъ Кохенгаузенъ, предъявившіе ему ультиматумъ, потребовавъ выясненія политики, которую поведутъ, въ случаѣ образованія чехословацкаго фронта на Волгѣ, Донъ, Кубань и Юго-Восточный Союзъ. На эти разговоры и намекаетъ въ приведенной выше выдержкѣ Людендорфъ.

Положеніе донского атамана было нелегкимъ, тѣмъ болѣе, что нѣмцы требовали отвѣта въ письменной формѣ.

И это и явилось причиной второго письма ген. Краснова Императору Вильгельму (11-го іюля).

Это второе письмо, написанное отъ лица „Доно-Кавказскаго Союза", сильно разнилось отъ перваго письма. Въ немъ ген. Красновъ говорилъ уже не отъ лица только Дона, а отъ лица федераціи Дона, Кубани, Астраханскаго войска съ калмыками Ставропольской губерніи, а „впослѣдствіи по мѣрѣ освобожденія и Терскаго войска, а также народовъ Сѣвернаго Кавказа".

„Согласіе всѣхъ этихъ державъ имѣется и вновь образуемое государство, въ полномъ согласіи съ Всевеликимъ Войскомъ Донскимъ, рѣшило не допускать до того, чтобы земли его стали ареной кроваваго столкновенія и обязалось держать полный нейтралитетъ" *). Дальше сущность нейтралитета выражена словами: „Всевеликое Войско Донское обязуется... соблюдать полный нейтралитетъ въ вооруженной міровой борьбѣ народовъ и не допускать на свою территорію вражеской германскому народу вооруженной силы, на что дали свое согласіе и Атаманъ Астраханскаго Войска князь Тундутовъ и Кубанское правительство, а по присоединеніи остальныя части Доно-Кавказскаго Союза".

Вопросъ о нейтралитетѣ, по существу дѣла, былъ, конечно, вопросомъ чисто академическимъ. Между возможнымъ союзнымъ фронтомъ на Волгѣ и Дономъ былъ фронтъ совѣтскій. И чехи, теоретически, воюя съ нѣмцами, практически воевали съ большевиками, съ которыми воевали и донцы.

Сами нѣмцы отлично отдавали себѣ отчетъ, что согласіе Дона было вынужденнымъ и что въ немъ они получали „союзника лишь до извѣстной степени".

Хуже въ этомъ письмѣ было то, что въ немъ ген. Красновъ говорилъ отъ имени несуществовавшей федераціи, которая своего согласія на нейтралитетъ не дала.

11-го іюля, то есть въ день составленія этого письма атаманомъ Красновымъ, совѣщаніе представителей Дона, Астраханскаго и Кубанскаго казачествъ и горцевъ сѣвернаго Кавказа высказалось *противъ* предложеннаго атаманомъ Красновымъ проекта Доно-Кавказской федераціи. Текстъ деклараціи Доно-Кавказскаго союза никѣмъ, кромѣ полусамозван-

*) Красновъ, 211.

наго представителя калмыковъ князя Тундутова подписанъ не былъ *).

Еще хуже было то, что въ этомъ письмѣ генералъ Красновъ просилъ Императора Вильгельма „содѣйствовать присоединенію къ Войску по стратегическимъ соображеніямъ городовъ Камышина и Царицына Саратовской губерніи и города Воронежа со ст. Лиски и Поворино и провести границу Войска Донского, какъ это указано на картѣ, имѣвшейся въ Зимовой станицѣ (донское посольство, отправленное къ Германскому Императору)“ **). Этимъ Донской Атаманъ признавалъ право за Германіей распоряжаться русской территоріей, что совершенно не вызывалось обстановкой и, посягая на чисто русскія области, противорѣчило и самой идеѣ казачьяго Дона, исторической миссіей котораго самъ же генералъ Красновъ считалъ „спасеніе Москвы отъ воровъ и насильниковъ“.

Тѣ же, рѣзавшія ухо, нотки слышались и въ заключительныхъ строкахъ письма: „Тѣсный договоръ сулитъ взаимныя выгоды и, дружба, спаянная кровью, пролитой на общихъ поляхъ сраженій, воинственныхъ народовъ германцевъ и казаковъ, станетъ мощной силой для борьбы со всѣми (?) нашими врагами“ ***).

У Дона былъ въ это время одинъ врагъ — большевики. Всѣ враги Германіи совершенно не могли почитаться Донскимъ Атаманомъ врагами Дона...

Споръ о правильности или неправильности германской оріентаціи Донского Атамана въ 1918 году, по существу дѣла, споръ совершенно безплодный. Продолженіе Домомъ вооруженной борьбы съ большевиками, при создавшейся лѣтомъ 1918 года обстановкѣ на югѣ Россіи, безъ договора съ нѣмцами было невозможно. Всякое Донское правительство, желавшее бороться съ большевиками, не могло ссориться съ нѣмцами и должно было съ ними считаться. Разрывъ съ нѣмцами былъ равносиленъ прекращенію вооруженной борьбы съ красными. Такимъ образомъ, „германская“ оріентація Новочеркасска была такой же неизбѣжностью, какъ, напримѣръ, „союзная“ оріентація Архангельска.

Спорить, поэтому, можно не о самой оріентаціи, а лишь о томъ, какое въ нее вкладывалось содержаніе.

Для обезпеченія западной границы Дона и полученія отъ нѣмцевъ оружія и огнеприпасовъ изъ русскихъ запасовъ Украины, нѣмцы требовали лишь доброжелательнаго нейтралитета по отношенію къ нимъ. Выступленіе чехословаковъ на Волгѣ вызвало со стороны нѣмцевъ требованіе и гарантіи

*) Донская Лѣтопись № 3, статья К. Каклюгина, „Донской Атаманъ П. Н. Красновъ и его время“, стр. 96 и 97.

**) Красновъ, 211.

***) Красновъ, 212.

донского вооруженнаго нейтралитета по отношенію и къ чехамъ. Первое было легко, второе создавало тяжелый идейный конфликтъ, такъ какъ тутъ нѣмцы требовали отъ Дона, хотя и абстрактной и нереальной, но все же моральной измѣны союзникамъ.

Самый фактъ посылки второго письма Императору Вильгельму былъ вызванъ германскимъ ультиматумомъ. Положеніе Дона заставило его принять этотъ ультиматумъ, но и въ этомъ нельзя ни винить, ни оправдывать Донского Атамана. Это было неизбѣжностью. Другого выхода у него не было. Нѣмцы все равно настояли бы на своемъ. Воевать же съ нѣмцами при наличіи большевиковъ въ тылу, было бы, конечно, для Дона полнѣйшимъ безуміемъ. Эта линія поведенія Дона диктовалась тяжелой необходимостью. Существованіе Дона и вооруженная борьба съ большевиками не допускали другой политики. Независимо отъ симпатій, военная обстановка требовала этого отъ Дона.

Въ томъ же положеніи былъ въ это же время и румынскій король Фердинандъ, призвавшій къ власти германофильскій кабинетъ Маргиломана.

Оставаясь вѣрными идеѣ союза, лѣтомъ 1918 года, можно и должно было, для спасенія Дона и русской контръ-революціи, идти на вынужденныя уступки Центральнымъ Державамъ. Уступки эти ничего не предрѣшали и лишь отвѣчали реальной обстановкѣ.

Второе письмо Атамана Краснова, однако, сошло съ этого пути. Такъ писать можно было лишь дѣлая ставку на побѣду Германіи. Просить у нѣмцевъ Воронежъ можно было лишь вѣря въ конечную побѣду Центральныхъ Державъ и даже въ связанное съ ней расчлененіе Россіи. Отъ вынужденныхъ уступокъ Донской Атаманъ переходилъ къ страховкѣ кстати еще и несуществовавшей въ той формѣ, какъ она изображалась въ письмѣ даже и теоретически, Доно-Кавказской федераціи на случай расчлененія Россіи нѣмцами. Въ этомъ письмѣ вынужденная интересами Россіи германская оріентація смѣнялась уже перемѣной ставки съ союзниковъ на ставку на нашихъ бывшихъ враговъ.

Русская оріентація требовала, вынужденныхъ ходомъ вооруженной борьбы, уступокъ нѣмцамъ, но она не допускала замѣны себя германской оріентаціей... Въ азартной игрѣ конца міровой войны, русская контръ-революція, и Донъ въ томъ числѣ, не имѣли права ставить ни на ту, ни на другую карту будущаго Россіи. Главной политической ошибкой Атамана Краснова и было то, что онъ его поставилъ на карту и то, что его карта была бита...

Возвращеніе Добровольческой Арміи въ Задонскія станицы поставило вопросъ о взаимотношеніяхъ ея съ Дономъ. „Тріумвиратъ“ со смертью Каледина пересталъ существовать. Первые же переговоры представителя Добровольческой

Арміи — ген.-маіора Кислякова съ Временнымъ Донскимъ правительствомъ указали на рѣзкое расхожденіе точекъ зрѣнія Добровольческой Арміи и Дона.

Г. П. Яновъ приводитъ содержаніе переговоровъ на засѣданіи Временнаго Донского Правительства 10-го мая въ Новочеркасскѣ. Приводитъ его и ген. Деникинъ. Хотя Г. П. Яновъ пишетъ, что представителемъ Добровольческой Арміи былъ ген. Лукомскій, но это несомнѣнная ошибка, такъ какъ ген. Лукомскій прибылъ вторично на Донъ, послѣ плѣненія его большевиками, лишь въ сентябрѣ 1918 года, и рѣчь очевидно идетъ о ген. Кисляковѣ, такъ какъ и ген. Деникинъ упоминаетъ о переговорахъ съ „Временнымъ Донскимъ правительствомъ", то есть о переговорахъ *до* созыва Круга Спасенія Дона (11-го мая).

Ниже приводятся обѣ версіи.

Г. П. Яновъ (предсѣдатель Временнаго Донского Правительства) *).

„Вопросъ представителя Добровольческой Арміи:

„Отношеніе казаковъ къ Добровольческой Арміи и будущія взаимоотношенія между Дономъ и Добровольческой Арміей, и отношеніе къ вопросу о Верховномъ командованіи надъ военными силами, оперирующими на территоріи Донского Войска".

„Отвѣтъ Временнаго Донского Правительства:

„— Отношеніе къ Добровольческой Арміи самое благожелательное. Приходъ Арміи на Донскую землю казаки горячо привѣтствуютъ и видятъ въ ней кадры будущей Русской Арміи, съ каковой казаки, надо надѣяться, совмѣстными силами закончатъ побѣдоносно борьбу съ большевиками. Донское казачество въ будущемъ не можетъ не оказать полнаго содѣйствія

Ген. Деникинъ **).

„...Кисляковъ, сдѣлавшій нѣкоторые шаги передъ «Временнымъ Донскимъ правительствомъ» доносилъ: — Правительство и Атаманъ не считаютъ возможнымъ подчинить Донскую армію командующему Добровольческой Арміи. Мотивъ такого рѣшенія — крайнія опасенія, что такое подчиненіе не своему (казачьему) генералу можетъ послужить поводомъ къ агитаціи, которая найдетъ благопріятную почву среди казаковъ. Заявили, что приходъ нашей арміи на Донъ крайне желателенъ и что совмѣстныя дѣйствія съ казаками послужатъ къ укрѣпленію боевого духа послѣднихъ. Словомъ отъ подчиненія отказываются, «уніи» всѣ хотятъ".

*) Донская Лѣтопись, № 3, Г. П. Яновъ „Освобожденіе Новочеркасска и Кругъ Спасенія Дона", стр. 52.

**) Деникинъ, II, 338.

необходимаго какъ для существованія Добровольческой Арміи, такъ и для ея организаціи и развертыванія въ мощную боевую силу.

„Что касается Верховнаго Командованія, то таковое на территоріи Донского Войска должно принадлежать только Войсковому Атаману, а до его избранія—Походному Атаману".

Сопоставленіе этихъ двухъ текстовъ очень характерно. Въ то время, какъ донской текстъ говоритъ лишь о принципѣ *возглавленія донцовъ* на донской территоріи донскимъ атаманомъ, текстъ ген. Деникина (слова ген. Кислякова) говоритъ все время о *подчиненіи донцовъ* Добровольческой Арміи. Вопросъ о подчиненіи Добровольческой Арміи донцамъ, донцами не поднимается. Добровольческая же Армія сразу ставила этотъ вопросъ. Нахожденіе Добровольческой Арміи въ это время на донской территоріи не вызвало никакихъ покушеній донцовъ на первенство. Точка зрѣнія Временнаго Донского правительства 12-го мая была подтверждена и Кругомъ Спасенія Дона.

При атаманѣ Красновѣ борьба между обѣими этими точками зрѣнія продолжалась и надо сказать, что покушеній на подчиненіе Добровольческой Арміи донцамъ у нихъ никогда не было. Унія была максимумомъ донскихъ требованій и минимумомъ добровольческихъ.

Ген. Красновъ соглашался при условіи направленія Добровольческой Арміи къ Царицыну на „автоматическое подчиненіе" всѣхъ донскихъ войскъ Царицынскаго фронта ген. Деникину *). Ген. Деникинъ говорилъ о единствѣ командованія и о томъ, что желательно поступленіе Донскихъ частей въ Добровольческую Армію **).

Это расхожденіе на практикѣ привело къ тому, что Донъ потребовалъ возвращенія всѣхъ донцовъ изъ Добровольческой Арміи.

Донъ и Добровольческая Армія оставались на положеніи двухъ, даже не союзниковъ, а лишь „попутчиковъ". Расхожденіе въ оріентаціяхъ еще болѣе обостряло взаимоотношенія. Въ концѣ концовъ „оріентаціи", вопросъ единства командованія и взгляды на роль окраинъ, привели къ совершенному расхожденію ген. Деникина и Донского Атамана. Трудно сейчасъ даже повѣрить, чтобы вожди двухъ важнѣйшихъ противобольшевицкихъ группировокъ, дѣйствовав-

*) Красновъ, 201 (Совѣщаніе 28-го мая 1918 г. въ ст. Манычской).

**) Тамъ же.

шіе и находившіеся на той же территоріи Донского Войска, могли писать другъ про друга — одинъ*): „и правъ былъ атаманъ, когда во главѣ своихъ враговъ ставилъ и ген. Деникина", а другой**): „что касается меня лично, то, чтобы не терять душевнаго равновѣсія и не создавать самому какого либо повода для осложненій, я съ конца іюня (середина іюля по новому стилю) 1918 года прекратилъ совершенно переписку съ ген. Красновымъ".

При возвращеніи изъ перваго похода ген. Деникинымъ въ Лежанкѣ (случайно или умышленно, такъ какъ Лежанка была единственнымъ пунктомъ за все время похода Добровольческой Арміи, лежавшимъ не въ предѣлахъ казачьихъ территорій), была составлена Декларація Добровольческой Арміи. 6-го мая, въ Егорлыцкой, по ознакомленіи съ ней ген. Алексѣева, она была обнародована.

Сущность этой декларацiи***) сводилась къ слѣдующему:

„Добровольческая Армія поставила себѣ цѣлью спасеніе Россіи путемъ созданія сильной, патріотичной и дисциплинированной арміи и безпощадной борьбы съ большевиками, опираясь на всѣ государственно-мыслящіе круги населенія".

„Будущей формы государственнаго строя руководители арміи (ген. Корниловъ, Алексѣевъ) не предрѣшали, ставя ихъ въ зависимость отъ воли Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, созваннаго по водвореніи въ странѣ правового порядка"...

„Предстоитъ и въ дальнѣйшемъ тяжелая борьба. Борьба за цѣлость раззоренной, урѣзанной, униженной Россіи; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущія несмѣтныя народныя богатства, за право свободно жить и дышать въ странѣ, гдѣ народоправство должно смѣнить волю черни".

По сравненію съ воззваніемъ Добровольческой Арміи отъ 9-го января, Декларація, сохраняя идею народоправства („хозяинъ земли русской — ея народъ, выявитъ державную волю свою" въ воззваніи 9-го января), уточняло лишь вопросъ Учредительнаго Собранія, „созываемаго по водвореніи въ странѣ правового порядка". Правда, что ген. Деникинъ не говорилъ въ подписанной имъ деклараціи объ Учредительномъ Собраніи отъ своего имени, а ссылался на непредрѣшавшихъ будущихъ формъ государственнаго правленія генераловъ Корнилова и Алексѣева. Однако, такъ какъ ген. Алексѣевъ 6-го мая, то есть въ день обнародованія Деклараціи, былъ при арміи, идеи Учредительнаго Собранія и народоправства, слѣдовательно, выражали политику вождей Добровольческой Арміи и послѣ Кубанскаго Похода.

*) Красновъ, 206.

**) Деникинъ, III, 126.

***) Деникинъ, II, 341—342.

Настроеніямъ широкихъ круговъ офицерства Добровольческой Арміи, повидимому, онѣ не отвѣчали. Ген. Деникинъ пишетъ*), что черезъ два дня по обнародованіи деклараціи (то есть значитъ 8-го мая) „заходитъ ко мнѣ ген. Марковъ (командиръ 1 й бригады Добровольческой Арміи) и смущенно докладываетъ — «среди офицеровъ вызываетъ толки упоминаніе воззванія о „народоправствѣ" и объ „Учредительномъ Собраніи"».

Сомнѣнія въ цѣлесообразности подобной постановки вопроса о политическомъ credo Добровольческой Арміи, были однако и у ген. Алексѣева, на котораго ссылался въ Деклараціи ген. Деникинъ.

Въ письмѣ къ ген. Щербачеву ген. Алексѣевъ писалъ**): „Руководители Добровольческой арміи сознаютъ, что нормальнымъ ходомъ событій Россія должна подойти къ возстановленію монархіи, конечно съ тѣми поправками, кои необходимы для облегченія гигантской работы по управленію для одного лица. Какъ показалъ продолжительный опытъ пережитыхъ событій, никакая другая форма правленія не можетъ обезпечить цѣлости, единства, величія государства, объединить въ одно цѣлое разные народы, населяющіе его территорію. Такъ думаетъ почти весь офицерскій элементъ, входящій въ составъ Добровольческой Арміи, ревниво слѣдящій за тѣмъ, чтобы руководители не уклонялись бы отъ этого основного принципа".

Взгляды ген. Алексѣева, были такимъ образомъ, ближе къ взглядамъ ген. Краснова, чѣмъ къ идеѣ непредрѣшенства и волеизъявленія народа.

Полковникъ Дроздовскій, напримѣръ самъ состоялъ въ тайной монархической организаціи***).

Несомнѣнно, что декларація Добровольческой Арміи не отвѣчала настроеніямъ русскаго офицерства.

Дополненіемъ деклараціи является „Наказъ представителямъ арміи", разосланный въ серединѣ мая въ разные города для общаго руководства****).

„I. Добровольческая Армія борется за спасеніе Россіи путемъ 1) созданія сильной, дисциплинированной и патріотической арміи, 2) безпощадной борьбы съ большевизмомъ, 3) установленіемъ въ странѣ единства государственнаго и правового порядка".

„II. Стремясь къ совмѣстной работѣ со *всѣми русскими людьми*, государственно мыслящими, Добровольческая Армія не можетъ принимать партійной окраски".

*) Деникинъ, II, 342.

**) Деникинъ, III, 130 (письмо отъ 13-го августа 1918).

***) Деникинъ, III, 131.

****) Тамъ же, 131.

„III. Вопросъ о формѣ государственнаго строя является послѣднимъ этапомъ и станетъ отраженіемъ воли русскаго народа, послѣ освобожденія его отъ рабской неволи и стихійнаго помѣшательства".

„IV. Никакихъ сношеній ни съ нѣмцами, ни съ большевиками. Единственное пріемлемое положеніе: уходъ изъ предѣловъ Россіи первыхъ и разоруженіе и сдача вторыхъ"...

Наказъ, въ отличіе отъ мудрыхъ мыслей, выраженныхъ ген. Алексѣевымъ въ письмѣ къ ген. Щербачеву, опредѣленно опять ставилъ вопросъ волеизъявленія русскаго народа и подчеркивалъ унитарную доктрину возсозданія Россіи. „Всѣ русскіе люди (курсивъ ген. Деникина)", „установленіе въ странѣ единства государственнаго и правового порядка" опредѣленно подчеркиваютъ, что идея Единой Національной Россіи замѣняла и старую идею монархіи и родившіяся въ процессѣ революціи автономно-федеративныя устремленія окраинъ.

Слишкомъ „лѣвая" для большинства офицерскихъ круговъ, являвшихся основнымъ ядромъ Добровольческой Арміи, она была слишкомъ „правой" для боровшихся съ большевиками окраинъ. На кого же могла опираться такая программа въ станѣ русской контръ-революціи?

Отвѣтъ на это даетъ весь ходъ нашей гражданской войны. Яркихъ политическихъ лозунговъ, могущихъ объединить *всѣ* контръ-революціонныя силы (безъ чего побѣда была невозможна), Добровольческая Армія въ 1918 г. не дала.

Добровольческая Армія, вернувшись изъ Кубанскаго Похода въ Задонскія станицы, собиралась съ силами, поджидая подхода отряда полк. Дроздовскаго, задерживавшагося на Дону.

Одновременно съ возстаніемъ придонскихъ станицъ по низовьямъ Дона, поднялись и остальные округа. Освобожденіе Новочеркасска и созданіе центральной власти оформляло это стихійное стремленіе Дона къ освобожденію отъ большевиковъ.

Въ началѣ возстаніе это носило неорганизованный характеръ, да и силы, которыми располагалъ Донской Атаманъ состояли изъ отдѣльныхъ отрядовъ, состоявшихъ изъ выставленныхъ станицами полковъ. Величина и составъ и полковъ и отдѣльныхъ отрядовъ носили совершенно случайный характеръ. Поэтому и освобожденіе Дона носило въ общемъ стихійный характеръ, разрастаясь отъ южныхъ округовъ и перекидываясь въ сѣверные округа.

Наиболѣе организованныя силы красныхъ, въ видѣ остатковъ 3-й и 5-й совѣтскихъ украинскихъ армій (отряды Ворошилова, Щаденки и Вадима) растянулись сплошной лентой эшелонами по желѣзной дорогѣ отъ Лихой на Царицынъ, разъединяя этимъ сѣверные округа отъ южныхъ. Поэтому

на нихъ и были направлены главныя усилія донскихъ ополченій.

Съ тыла отъ ст. Лихой ихъ преслѣдовала группа Фицхелаурова, а, стараясь перехватить желѣзно-дорожную переправу черезъ Донъ, отъ Чирскихъ станицъ, наступалъ отрядъ Мамантова. Положеніе красныхъ, стремившихся вывезти въ Царицынъ свои эшелоны, осложнялось тѣмъ, что мостъ черезъ Донъ былъ подорванъ казаками и его приходилось возстанавливать, отбиваясь отъ обоихъ, насѣдавшихъ на нихъ, казачьихъ отрядовъ.

Этимъ и объясняется крайне упорное сопротивленіе отряда Щаденки у ст. Морозовской (примѣрно на полпути между Лихой и переправой черезъ Донъ на желѣзно-дорожной линіи на Царицынъ), сломить которое полк. Фицхелаурову удалось лишь къ началу іюня. Отрядъ Шаденки отошелъ къ ст. Суровикино (въ 50 клм. западнѣе желѣзно-дорожной переправы черезъ Донъ). Овладѣть ею отряду Фицхелаурова удалось, однако, лишь двѣ недѣли спустя (14-го іюня).

Починка моста черезъ Донъ у ст. Чиръ затруднялась для красныхъ отсутствіемъ ремонтныхъ поѣздовъ, проскочившихъ еще до взрыва моста въ Царицынъ. Поэтому возстановленіе переправъ шло путемъ „бученія" Дона. „Нѣсколько тысячъ человѣкъ таскало камни и бросало ихъ въ Донъ. Прошло нѣсколько дней, публика ругалась и возмущалась; по ихъ мнѣнію дѣло было необычной затѣей. Но прошло нѣсколько дней и Донъ началъ „бутиться". Далѣе были возведены быки и приблизительно *въ мѣсяцъ* „кустарнымъ" способомъ, мостъ былъ возстановленъ. Надо при этомъ сказать, что казаки были освѣдомлены о нашемъ положеніи, но они не допускали мысли, что мостъ будетъ возстановленъ" *).

Захватъ Суровикина, наконецъ, давалъ возможность поддержать сѣверные округа, и отрядъ Фицхелаурова 22-го іюня вышелъ на ст. Усть-Медвѣдицкую и этимъ закрѣпилъ возстаніе Усть-Медвѣдицкаго округа. Однако, упорство арьергарда Щаденки дало возможность исправить мостъ и эшелоны Ворошилова, Вадима и Щаденки, подъ натискомъ Мамантова, все же въ началѣ іюля, переправившись на лѣвый берегъ Дона, ушли на Царицынъ.

Всего Ворошилову удалось провезти въ Царицынъ три тысячи вагоновъ, свыше сотни паровозовъ и много вооруженія.

Одновременно съ главной операціей по желѣзной дорогѣ Лихая — Царицынъ. шло освобожденіе и западныхъ округовъ, и въ іюлѣ послѣ изгнанія большевиковъ изъ сѣверо-западнаго Хоперскаго округа, вся территорія Дона была очищена отъ красныхъ.

---

*) „Гражданская Война 1918—1921 г.г", I, статья А. Каменскаго: „Отъ Донбаса къ Царицыну", стр. 23.

Отрядъ Фицхелаурова по желѣзной дорогѣ Поворино—Царицынъ съ сѣверо-запада и отрядъ Мамантова по желѣзной дорогѣ Лихая—Царицынъ съ запада, съ началомъ іюля, перешли восточную границу земли Войска Донского и повели наступленіе на Царицынъ.

Въ началѣ іюля, такимъ образомъ, возставшими донцами не только была освобождена вся территорія Дона, кромѣ задонскихъ станицъ сѣвернѣе р. Маныча, но и восточные отряды продвигались къ Царицыну, а западный отрядъ полк. Алферова занялъ ближайшій къ донской границѣ гор. Богучаръ, въ Воронежской губерніи. Возстаніе въ два мѣсяца освободило всю территорію Дона и донцы могли теперь приступить и къ обезпеченію своихъ границъ, окруженныхъ тремя желѣзнодорожными узлами: Царицинымъ, Поворином и Лисками.

Освобожденіе Дона велось не регулярной арміей, а типичнымъ народнымъ ополченіемъ. Стоявшій во главѣ Донской арміи ген.-маіоръ Денисовъ (передъ войной — капитанъ генеральнаго штаба) вначалѣ управлялъ одновременно 14-ю отдѣльными отрядами. Лишь съ середины іюня эти отдѣльные ополченскіе отряды были сведены въ 6 группъ (двѣ, наступавшія на Царицынъ, двѣ въ Задоньѣ — подъ Батайскомъ и у Великокняжеской, сѣверо-западная на границѣ Воронежской губерніи и одна въ Ростовѣ).

По мѣрѣ очищенія территоріи Дона отъ красныхъ, казачьи ополченія стали переформировываться въ регулярныя части. Станичные полки были сведены по нѣсколько въ одинъ и образовали номерные пѣшіе полки (2—3 батальоннаго состава), конные полки были сведены въ шестисотенный составъ. Орудія изъ отдѣльныхъ отрядовъ сведены въ 4-хъ-орудійныя пѣшія и конныя батареи.

Слѣдующимъ шагомъ было переформированіе въ бригады и дивизіи.

Общая численность войскъ на фронтѣ непрерывно росла *):

	бойцовъ	*орудій*	*пулеметовъ*
14 мая 1918 г.	17.000	21	58
14 іюня „	40.000	56	179
14 іюля „	49.000	92	272

Призывъ 25 возрастныхъ сроковъ, такимъ образомъ, почти утроилъ численность Донской Арміи за два мѣсяца съ освобожденія Новочеркасска, число орудій увеличилось въ 9 разъ, а число пулеметовъ возрасло въ $4^1/_2$ раза.

Все же, несмотря на это громадное увеличеніе и численности, и технической мощи Донской Арміи, по масштабамъ міровой войны той же эпохи (іюнь—іюль 1918 года), они

*) Донская Лѣтопись № 1, статья В. Добрынина: „Вооруженная борьба Дона съ большевиками", стр. 128.

были совершенно ничтожны. Вѣдь общее протяженіе фронта, кромѣ прикрытыхъ нѣмцами границъ Донской области, превосходило 1000 клм, что давало въ среднемъ батальонъ на 20—25 клм. фронта. Не менѣе скудно было и техническое снабженіе арміи.

На 1000 бойцовъ приходилось отъ 1,2 до 1,9 орудій (май—іюль) и отъ 3,4 до 5,5 пулеметовъ.

Даже въ нашихъ, какъ извѣстно наиболѣе слабыхъ по техническому оборудованію, дивизіяхъ 1914 года все же приходилось на 1000 штыковъ 3 орудія и 2 пулемета.

На французскомъ же фронтѣ лѣтомъ 1918 года, то есть во время развертыванія Донской арміи, на 1000 бойцовъ приходилось не менѣе 6 орудій и 30 пулеметовъ.

Такимъ образомъ, даже по сравненію съ довоенными нашими нормами, Донская армія была вдвое слабѣе по снабженію ея артиллеріей и лишь въ $2^1/_2$ раза превосходила ихъ по числу пулеметовъ. Послѣдняя цифра, однако, объясняется тѣмъ, что пулеметъ, какъ массовое оружіе пѣхоты родился лишь во время міровой войны. По сравненію съ началомъ войны, къ ея концу, въ иностранныхъ арміяхъ ихъ число увеличилось въ среднемъ въ 15 и болѣе разъ. Поэтому увеличеніе числа пулеметовъ въ Донской арміи по сравненію съ 1914 годомъ лишь въ $2^1/_2$ раза показываетъ, что техническое оборудованіе Донской арміи сильно уступало въ артиллеріи даже довоеннымъ масштабамъ, а числу пулеметовъ мало чѣмъ отличалось отъ арміи 1914 года, пѣхотный огонь которой былъ основанъ на оружіи середины XIX вѣка — малокалиберной винтовкѣ.

Скудность техническаго оборудованія Донской арміи не могла, поэтому, не отозваться на характерѣ веденія операцій, какъ только изъ періода стихійнаго возстанія они выходили на поле организованной вооруженной борьбы.

Одновременно съ этой арміей, Донскимъ атаманомъ было приступлено и къ формированію и *постоянной* („молодой") арміи изъ двухъ еще не призывавшихся возрастныхъ сроковъ (19 и 20 лѣтнихъ). Всего въ этой постоянной арміи формировалось три конныхъ дивизіи, 2 пѣхотныхъ бригады (пластунская и стрѣлковая), саперный баталіонъ и техническія части. Общая численность ея доходила до 20 тысячъ.

Всего, къ іюлю Донъ выставилъ армію ополченскаго типа на фронтѣ въ 50 тысячъ и обучалъ въ тылу регулярную армію въ 20 тысячъ. Такимъ образомъ, общая численность Донской арміи лѣтомъ 1918 года доходила до 70,000 бойцовъ.

100—150 штыковъ, бывшихъ въ распоряженіи атамана Каледина въ день его смерти, черезъ пять мѣсяцевъ обратились въ армію, равную по численности тому, что выставилъ Донъ и во время міровой войны. Германская оккупація Украины, двухъ-мѣсячное владычество большевиковъ и двухъ-

мѣсячная борьба за освобожденіе вернули Дону всю его мощь эпохи внѣшней войны.

Въ общемъ, въ зонѣ германскаго вліянія къ концу іюня русскій контръ-революціонный фронтъ ограничивался сѣверной и восточной границами земли Войска Донского, съ расположившимся въ задонскихъ станицахъ резервомъ въ видѣ Добровольческой Арміи.

Въ зонѣ вліянія союзниковъ въ то же время основнымъ фронтомъ были Поволжье и Уралъ, такъ какъ сѣверный фронтъ только еще намѣчался (англичане высадились въ Мурманскѣ лишь 26-го іюня, а въ Архангельскѣ—2-го августа).

Выступленіе чеховъ вдоль Сибирской желѣзно-дорожной магистрали, въ концѣ мая, преслѣдовало цѣль пробиться къ Владивостоку. Движеніе на востокъ было, поэтому, основнымъ направленіемъ чешскихъ отрядовъ въ теченіи іюня. Соединеніе Челябинской группы (Войцѣховскаго) съ чехами Гайды въ Омскѣ (10-го іюня), однако еще не рѣшало вопроса о возможности перевозки въ Сибирь арьергардной Пензенской группы Чечека.

Двигаясь въ Сибирь, Чечекъ, пробившись черезъ Сызрань, занялъ, почти безъ сопротивленія, 8-го іюня, Самару. Въ тотъ же день въ Самарѣ власть была захвачена группой членовъ Учредительнаго Собранія с.-ровъ, объявившихъ себя Комитетомъ Учредительнаго Собранія (сокращенная и быстро привившаяся кличка „КОМУЧ"). Въ составѣ наличной въ Самарѣ группы были никому не вѣдомые партійные дѣятели. Одинъ перечень ихъ фамилій лучше всего показываетъ на ихъ удѣльный вѣсъ въ общероссійскомъ масштабѣ: Вольскій, Брушвитъ, Климушкинъ, Фортунатовъ, Боголюбовъ и т. д.

Что собою представляли эти „правопреемники" Верховной Власти въ Россіи, показываютъ лучше всего дальнѣйшіе шаги ихъ лидера — Вольскаго.

29-го ноября 1918 года, то есть полгода спустя послѣ провозглашенія власти Комуча въ Самарѣ, „учредиловцы собрались на нелегальное (послѣ провозглашенія диктатуры адмирала Колчака) собраніе, въ которомъ многіе, въ томъ числѣ и Вольскій, высказались въ томъ смыслѣ, что въ виду опасности, угрожающей революціи справа, со стороны Колчака, слѣдуетъ прекратить борьбу съ совѣтской властью. Въ развитіе этого своего рѣшенія эта группа учредиловцевъ *вступила въ переговоры съ совѣтскимъ командованіемъ, которое пропустило ее на территорію Совроссіи*" *).

Вокругъ этой кучки авантюристовъ создалось „правительство" въ видѣ Совѣта Управляющихъ Вѣдомствами. Составъ совѣта не менѣе типиченъ, чѣмъ составъ и самого КОМУЧА.

*) В. Г. Болдыревъ, „Директорія, Колчак, Интервенты". Новониколаевскъ, 1925. Редакціонное примѣчаніе В. Д. Вегмана, стр. 510.

За исключеніемъ безпартійнаго кап. Галкина и меньшевика (потомъ коммуниста) Майскаго — всѣ, во главѣ съ его предсѣдателемъ Роговскимъ, были эсерами. Кап. Галкинъ сталъ военнымъ министромъ.

Этотъ 26-лѣтній юноша (выпущенъ въ офицеры за два года до начала войны *), былъ произведенъ въ полковники и вмѣстѣ съ двумя эсерами Фортунатовымъ и Боголюбовымъ (членами Комуча) возглавилъ „Штабъ Народной Арміи", являвшійся „коллективнымъ органомъ верховнаго управленія всѣми вооруженными силами".

Единственной реальной силой въ Самарѣ были, стремительно пробивавшіеся на востокъ эшелоны чеховъ подъ командованіемъ австрійскаго лейтенанта Чечека. Бѣлыя офицерскія организаціи Самары дали лишь двѣ роты, эскадронъ и конную батарею. Тѣ элементы, главнымъ образомъ городского, населенія Поволжья, которые были готовы къ вооруженной борьбѣ съ большевиками, политически стояли неизмѣримо правѣе Комуча и „Штаба Народной Арміи". Однако, революціонный гипнозъ 1917 года былъ такъ силенъ, что Народная Армія приняла ультра-революціонныя начала демократическаго строительства вооруженныхъ силъ и, снявъ погоны, почему то на фуражкахъ надѣла георгіевскія ленточки (примѣръ моряковъ Черноморскаго флота?).

Никакой арміи, въ смыслѣ организованной вооруженной силы, въ Самарѣ, конечно, не было. Были батальоны чеховъ и были отдѣльные офицерскіе отряды, болѣе или менѣе откровенно презиравшіе и Комучъ и принятые имъ принципы строительства арміи. На счастье русской контръ-революціи въ Самарѣ оказалось нѣсколько молодыхъ энергичныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Главными представителями ихъ были полк. Каппель и Махинъ (обоимъ было по 35 лѣтъ и они кончили Академію лишь за годъ до начала міровой войны). На нихъ и легла вся тяжесть борьбы съ большевиками и, ихъ усиліями, Самара обратилась въ первый контръ-революціонный очагъ Поволжскаго фронта.

Весь іюнь протекъ въ рядѣ набѣговъ отдѣльныхъ небольшихъ отрядовъ полк. Каппеля, совмѣстно съ Волжской рѣчной флотиліей. Результатомъ ихъ дѣйствій было установленіе фронта по Волгѣ отъ Новодѣвичьяго (у Жигулевскихъ горъ на правомъ берегу Волги на полпути между Сенгилеемъ и Ставрополемъ) до Хвалынска, общимъ протяженіемъ по теченію Волги до 300 клм.

Тыла у Самарскаго фронта въ общемъ не было, такъ какъ эшелоны пробивавшихся на востокъ чеховъ (Чечека) шли по желѣзной дорогѣ на Уфу, оставляя открытой вторую подводившую къ Самарѣ съ востока желѣзно-дорожную магистраль отъ Оренбурга черезъ Бузулукъ. Такимъ образомъ,

*) Славянофилъ, „Чешскіе Аргонавты", Токіо, 1921.—стр. 7.

избранная центромъ контръ-революціоннаго движенія Самара оказалась въ кольцѣ, выбитыхъ изъ нея чехами, совѣтскихъ отрядовъ.

Вторымъ очагомъ сопротивленія въ Поволжьѣ было Уральское казачество. Разогнавъ совѣтъ рабочихъ, киргизскихъ и крестьянскихъ депутатовъ въ Уральскѣ 29-го марта 1918 года, уральское казачество взамѣнъ него создало войсковое правительство (какъ это ни странно съ сильной с-еровской прослойкой и безъ атамана). Въ маѣ, красные отъ Саратова повели наступленіе на Уральскъ, но къ серединѣ мѣсяца они были отброшены назадъ на Саратовъ, и къ іюню уральское казачество, самостоятельно, безъ посторонней помощи, держало 100 клм. фронтъ на Саратовскомъ направленіи, въ 150 клм. отъ Волги, по линіи Ершово — Новоузенскъ. Саратовскій фронтъ прикрывалъ западную границу Уральскаго войска, перехватывая желѣзныя дороги, связывавшія столицу войска Уральскъ съ Поволжьемъ. Отдѣльные отряды уральскихъ казаковъ прикрывали область и съ сѣвера въ направленіи на Бузулукъ.

Между Самарской группой Народной Арміи и фронтами Уральскихъ ополченій былъ, однако, разрывъ въ шесть переходовъ. Все же упорство сопротивленія уральскихъ казаковъ, въ связи, конечно, съ наличіемъ у нихъ базы въ видѣ станицъ по р. Уралу, давало уральскому казачьему фронту ту устойчивость, которой не хватало Самарскому очагу и придавало ему значеніе базы Поволжскаго фронта *)

Основной очагъ сопротивленія большевизму на востокѣ — Оренбургское казачество, къ этому времени не существовало въ видѣ организованнаго цѣлаго. Отряды атамана Дутова, по вытѣсненіи ихъ красными въ концѣ января изъ Оренбурга, отошли въ Уральскія горы къ верховьямъ р. Урала въ сѣверныя станицы. Къ маю, однако, красные выбили ихъ и оттуда, и Атаманъ Дутовъ былъ вынужденъ уйти въ Тургайскія степи. Правда, что отдѣльные отряды казаковъ-повстанцевъ подходили къ Оренбургу и даже 9-го мая овладѣли его предмѣстьемъ „Форштадтомъ", но къ концу мая красные окончательно ликвидировали угрозу обложенія Оренбурга казаками **).

Основой восточнаго противосовѣтскаго фронта весною 1918 года были чехи. Первой же задачей чеховъ было прочное овладѣніе Сибирской магистралью. Въ іюлѣ, поэтому, ихъ главныя усилія и были направлены на овладѣніе Уфой

*) „Тыла (у Самары) не было; въ случаѣ ухода чеховъ и успѣха большевиковъ, единственный путь отхода былъ на Уральскъ", пишетъ начальникъ оперативнаго отдѣленія Штаба Народной Арміи ген. штаба полковникъ (впослѣдствіи генералъ) Петровъ (Ген. П. П. Петровъ, „Отъ Волги до Тихаго Океана въ рядахъ Бѣлыхъ", Рига, 1930 годъ.— Стр. 19).

**) И. Подшивалов: „Гражданская борьба на Урале 1917—1918 гг.". ГВИЗ (Государственное военное издательство). 1925 годъ.

для соединенія Самарской группы Чечека съ Челябинской — Войцѣховскаго.

Лишь послѣ захвата Уфы и обезпеченія такимъ образомъ владѣнія Сибирской магистралью, чехи, подъ вліяніемъ союзниковъ, поворачивали на Екатеринбургъ и на Волгу для созданія Урало-Поволжскаго фронта. Несомнѣнно, что на дѣйствія чеховъ большое вліяніе оказывалось, находившимся при нихъ французскимъ военнымъ представителемъ маіоромъ Гине.

29-го іюня въ Омскихъ газетахъ появилась рѣчь, произнесенная имъ въ Челябинскѣ, откровенно говорившая о полномъ разрывѣ съ большевиками и о созданіи восточнаго фронта. Между прочимъ, оффиціальные представители союзниковъ у большевиковъ эту статью опровергали *).

Движеніе Войцѣховскаго отъ Челябинска и Чечека отъ Самары зажимало, поэтому, въ клещи совѣтскую группу Блохина, оборонявшую Уфу. 5-го іюля Чечекъ овладѣлъ Уфою, а 8-го іюля обѣ группы соединились на полпути между Челябинскомъ и Уфой — въ Златоустѣ. Красные изъ Уфы отошли вверхъ по р. Бѣлой на Каму.

Овладѣвъ всей Сибирской магистралью чехи Чечека и Войцѣховскаго были повернуты союзниками назадъ на Самару и отъ Челябинска на Екатеринбургъ, а находившіеся въ Сибири ихъ эшелоны — по сѣверной вѣтви Сибирской магистрали отъ Омска черезъ Тюмень также на Екатеринбургъ.

Обезпеченіе чехами тыла Самарской группы позволило проведеніе Народной Арміей мобилизаціи. Послѣ долгихъ колебаній было рѣшено, 30-го іюня, остановиться лишь на мобилизаціи двухъ младшихъ призывовъ (родившихся въ 1897 и 1898 гг., то есть 20 и 21 лѣтнихъ). На этомъ рѣше-

*) Гинсъ, („Сибирь, Союзники и Колчакъ" стр. 97) ошибается говоря: „Въ это время (конецъ іюня) появилась въ газетахъ, произнесенная въ Челябинскѣ, рѣчь какого то французскаго маіора Пине, который высказывался въ такомъ тонѣ, какъ будто русскихъ вовсе не существуетъ и союзники могутъ свободно распоряжаться на русской территоріи, дѣлать, что имъ угодно". Этотъ „Пине" Гинса и былъ маіоръ Гине (Alphonse Guinet) и подлинный текстъ его рѣчи, напечатанной большевиками въ „Correspondence diplomatique se rapportant aux relations entre la République Russe et les puissances de l'Entente", Moscou 1919. — появился въ Омской газетѣ „Дѣло Сибири" и Курганской „Свободной Мысли" 29-го іюня.

„Сообщаю Временному Исполнительному Комитету Чехо-Словацкихъ войскъ, что мною получена отъ французскаго посла шифрованная телеграмма, извѣщающая меня о союзной интервенціи въ Россіи. Передавая это указаніе я заявляю, что облеченъ всѣми полномочіями для изъявленія благодарности союзниковъ чехословацкимъ войскамъ въ Россіи за ихъ интервенцію. Ихъ поведеніе, вытекающее изъ глубокаго пониманія обстановки, оказываетъ большую честь чехословацкой арміи и доказываетъ доблесть ея исполнительныхъ органовъ на громадномъ русско-сибирскомъ фронтѣ, такъ же какъ и на инициативу ея вождей, широта взглядовъ которыхъ повліяла на членовъ конгресса, высказавшихся за эту интервенцію. Еще недавно члены французскаго посольства были вынуждены искать путей для поддержанія отношеній съ русскими совѣтскими властями, но эти власти съ точки

нія Штабъ Народной Арміи остановился потому, что „призывъ самыхъ молодыхъ сроковъ давалъ хотя и совершенно неподготовленныхъ, но зато менѣе испорченныхъ. До извѣстной степени на это повліяло и заявленіе уральскихъ представителей о томъ, что у нихъ лучшія части изъ молодыхъ казаковъ“ *).

Овладѣніе чехами желѣзной дорогой между Самарой и Челябинскомъ сразу оживило и дѣйствія оренбургскихъ казаковъ Атамана Дутова. Оренбургская группа красныхъ этимъ сразу отбрасывалась отъ своей базы по Камѣ и Атаманъ Дутовъ въ концѣ іюня, выйдя изъ Тургайскихъ степей съ отрядомъ въ 500 бойцовъ при 5 пулеметахъ съ налета захватываетъ 3-го іюля Оренбургъ.

Овладѣвъ столицей земли Оренбургскаго Казачьяго войска, Дутовъ разогналъ и совѣтскіе оренбургскіе отряды, которые отошли по тремъ направленіямъ — на Актюбинскъ, Орскъ и Бѣлорѣченскій заводъ. Дутовъ же, прочно утвердившись въ Оренбургѣ, вошелъ въ связь съ Самарой и двинулъ свои отряды къ Орску и Верхнеуральску для очищенія Оренбургскихъ казачьихъ земель отъ большевиковъ.

Въ общемъ, къ началу іюля, очищеніе чехами желѣзной дороги Самара—Челябинскъ связало всѣ три очага борьбы: Самару, Оренбургъ и Уралъ и дало возможность созданія фронта по Волгѣ и на Екатеринбургскомъ направленіи, то есть перехватывая обѣ ведущія изъ Сибири желѣзно-дорожныя магистрали (Омскъ—Самара—Москва и Омскъ—Екатеринбургъ—Петроградъ).

Центръ тяжести борьбы этимъ переносился съ казачьихъ фронтовъ по р. Уралу на желѣзно-дорожные выходы изъ Сибири, и первой задачей становится захватъ запиравшаго сѣверный выходъ съ Урала — Екатеринбурга.

зрѣнія союзниковъ и цивилизованнаго міра болѣе не заслуживаютъ подобнаго къ нимъ отношенія. Сейчасъ мы не состоимъ съ ними уже въ сношеніяхъ, наоборотъ вы увидите теперь, какъ мы будемъ всей душой и всѣми силами защищать освободительную дѣятельность чехо-словацкой арміи. Благодаря Вамъ русскій фронтъ возстановленъ, но къ несчастью, по сей день еще цвѣтъ русскаго народа принимаетъ въ немъ лишь слабое участіе. Этотъ фронтъ направленъ противъ истиннаго врага Россіи, противъ врага союзниковъ, врага права и справедливости, то есть противъ нѣмцевъ. Французское посольство, всегда искренній союзникъ Россіи, сражается съ ней бокъ о бокъ въ первыхъ рядахъ этого новаго фронта“.

Однако, послѣ протеста Чичерина, 18-го іюля появилось совѣтское радіо такого содержанія:

„Генеральный консулъ Франціи сообщаетъ отвѣтъ посла Франціи (Noulens) абсолютно опровергающаго фактъ сообщенный выше. Маіоръ Гине ни въ коемъ случаѣ не является главой французской миссіи, а лишь французскимъ офицеромъ состоящимъ при чехо-словакахъ на время ихъ путешествія до посадки, а французскій посолъ не могъ съ нимъ сноситься, такъ какъ Вологда отрѣзана отъ него уже болѣе двухъ мѣсяцевъ“ („Correspondence“, стр. 14, 15, 17).

*) Петровъ, 25.

Въ Сибири, 26-го января, большевиками была разогнана собравшаяся въ Томскѣ Сибирская Областная Дума (состоявшая почти цѣликомъ изъ с.-ровъ). Въ день разгона ея большевиками, на конспиративной квартирѣ, изъ ея состава, путемъ самоизбранія, выдѣлилось, однако, Сибирское правительство, возглавленное нѣкіимъ с.-р. Дерберомъ. Вновь избранное правительство, однако, должно было сейчасъ же разойтись и большая часть его членовъ бѣжала на Дальній Востокъ.

Занятіе чехами Гайды, 31-го мая, Томска, а 7-го іюня Омска, дали возможность образоваться въ этомъ послѣднемъ временному Сибирскому Правительству, такъ называемому „Западно-Сибирскому Комиссаріату“ изъ уполномоченныхъ Сибирскаго Правительства (на самомъ дѣлѣ это были только что прибывшіе изъ Петрограда члены разогнаннаго большевиками Учредительнаго Собранія). При Комиссаріатѣ стало формироваться „Дѣловое Управленіе“. Управляющимъ военнымъ отдѣломъ и командующимъ Сибирской арміей сталъ, энергично работавшій еще и до сверженія большевиковъ въ Сибири какъ объединитель тайныхъ офицерскихъ организацій, молодой артиллерійскій подполковникъ Гришинъ (псевдонимъ „Алмазовъ“), бывшій с.-р.

Сибирская армія въ іюнѣ состояла изъ добровольцевъ и сибирскихъ казаковъ. Въ отличіе отъ Народной Арміи на Волгѣ, она носила не георгіевскія ленты на околышахъ фуражекъ, а бѣло-зеленыя сибирскія кокарды (отъ введеннаго въ Сибири бѣло-зеленаго, „изображавшаго снѣга и лѣса“, сибирскаго флага).

Ультра-демократическіе принципы строительства Народной Арміи не существовали въ арміи Сибирской. Гришинъ, выступая въ Сибирской Областной Думѣ, заявлялъ *), что армія должна быть „создана и будетъ создана по типу диктуемому во всѣ времена, во всѣхъ странахъ непреложными выводами военной науки, на основахъ строгой военной дисциплины, безъ какихъ бы то ни было комитетовъ, съѣздовъ, митингованій и безъ ограниченій правъ начальствующихъ лицъ“.

Однако Гришинъ, подобно КОМУЧ'у, и въ Сибирской арміи погонъ всетаки не возстановилъ. Если вспомнить то значеніе, которое не могло не придаваться офицерствомъ, полгода спустя послѣ насильственнаго снятія погонъ большевиками, ихъ ношенію, нельзя не признать, что если Гришинъ былъ „правѣе“ Сибирскаго правительства, то возглавляемая имъ армія была несомнѣнно „правѣе“ своего командующаго и въ этомъ лежалъ зародышъ будущихъ его конфликтовъ съ нею.

Удаленная на 1500 клм. отъ боевого фронта по Волгѣ и на 800 клм. отъ Екатеринбурга, Сибирская армія формировалась не спѣша. „Гришинъ-Алмазовъ не считалъ возмож-

*) Гинсъ, I, 131.

нымъ приступить къ мобилизаціи до того, какъ будутъ подготовлены казармы, обмундированіе, снаряженіе, унтеръ-офицерскій составъ, подробный планъ набора, распредѣленіе контингента" *).

Тяжесть борьбы на фронтѣ, такимъ образомъ, ложилась исключительно на чеховъ и на Народную Армію въ Поволжьи.

Сибирская власть тѣмъ временемъ правѣла. Черезъ мѣсяцъ уже (30-го іюня), Западно-Сибирскій Комиссаріатъ былъ безболѣзненно смѣщенъ „Сибирскимъ правительствомъ" въ составѣ пяти министровъ изъ состава самоизбравшаго себя еще въ январѣ въ Томскѣ правительства Сибири. Эти пять министровъ во главѣ съ Вологодскимъ всѣ вышли изъ нѣдръ Сибирской Думы и всѣ въ 1917 году носили тотъ или иной соціалистическій ярлыкъ. Но это были, по сравненію съ западно-сибирскимъ комиссаріатомъ, соціалисты поправѣвшіе и о своемъ мимолетномъ соціализмѣ позабывшіе. Въ то время, какъ Комиссаріатъ сохранялъ рабочіе „совдепы", какъ профессіональныя организаціи, денаціонализацію національзированныхъ большевиками предпріятій допускалъ лишь въ отношеніи предпріятій лишенныхъ общественнаго значенія и оставлялъ неприкосновенными земельные комитеты, новое Сибирское правительство стало опредѣленно на путь ликвидаціи слѣдовъ совѣтской власти. Всѣ совѣтскіе декреты были объявлены незакономѣрными, а всѣ существующіе „совѣты" депутатовъ было постановлено закрыть. Грамотой предыдущей Сибирской Областной Думы (соціалистической, безъ „цензовыхъ элементовъ") Сибирскому правительству была передана вся полнота государственной власти и правительство вступило въ верховное управленіе Сибирью, объявленной „*нераздѣльной частью* Великой Всероссійской демократической республики" **).

11-го же іюля была декларирована и „*независимость*" Сибири, мотивированная впрочемъ тѣмъ, что ***) „Россійское государство, какъ таковое, не существуетъ, ибо значительная часть территоріи Россіи находится въ фактическомъ обладаніи центральныхъ державъ, а другая захвачена *узурпаторами народоправства*, большевиками". При этомъ Сибирское правительство объявляло, однако, „что не считаетъ Сибирь навсегда оторвавшейся отъ тѣхъ территорій, которыя въ совокупности составляютъ Державу Россійскую и что всѣ его усилія должны быть направлены къ возсозданію Россійской Государственности". Наконецъ, не порывая съ теоретической преемственностью отъ соціалистической Областной Сибирской

*) Гинсъ, 128—131.

**) Гинсъ, I, 120.

***) Тамъ же, 121.

Думы, правительство оставило временно открытымъ вопросъ объ ея созывѣ. Такимъ образомъ новая сибирская власть изъ бывшихъ соціалистовъ, принявшая власть по преемству отъ соціалистической Думы, была на самомъ дѣлѣ совершенно не соціалистической и откровенно противосовѣтской. Въ то же время въ ней несомнѣнно были сильны и здоровыя областническія тенденціи. Лозунгъ „черезъ автономную Сибирь къ возрожденію Россіи" вѣрно отражалъ настроенія новой сибирской власти.

Въ общемъ изъ двухъ политическихъ центровъ: Самары и Омска, первый, претендуя на власть во всероссійскомъ масштабѣ, продолжалъ жить революціонными мечтами 1917 года, второй опредѣленно становился на трезвый путь реальной обстановки 1918 года. Конфликтъ между ними былъ неизбѣженъ, но географическое ихъ положеніе давало всѣ преимущества Омску. Самара вела вооруженную борьбу на Волгѣ, Омскъ могъ спокойно въ 1500 клм. въ тылу фронта не спѣша готовиться къ борьбѣ. Единственнымъ резервомъ Самары былъ Омскъ и чѣмъ хуже шли бы дѣла на Волгѣ, тѣмъ Самара должна была становиться уступчивѣе.

Не меньшимъ преимуществомъ Омска было и то, что его политическое лицо все же ближе подходило къ политическимъ идеаламъ офицерства, которое являлось движущей силой вооруженной борьбы.

Оба центра, и Самара, и Омскъ, въ эту эпоху были, однако, глубоко провинціальными и въ общероссійскомъ масштабѣ всѣ эти Вольскіе, Брушвиты, Патушинскіе и Кругловскіе были, конечно, звѣздами самой послѣдней величины, даже и на мало взыскательномъ политическомъ горизонтѣ 1918 года.

За Байкаломъ начинался Дальній Востокъ, по которому пробивались къ Тихому океану головные чешскіе эшелоны русскаго ген. Дитерихса. Занятіе чехами Владивостока (29-го іюня) и послѣдовавшая за нимъ союзная интервенція, создали на Дальнемъ Востокѣ совершенно отличную и отъ Сибири и отъ Пріуралья политическую обстановку.

Въ Харбинѣ (9-го іюля) создалось „Дѣловое Правительство Временнаго Правителя" ген. Хорвата (многолѣтняго управляющаго Китайской Восточной ж. д.). Военнымъ министромъ этого правительства, былъ, между прочимъ, командированный ген. Алексѣевымъ съ юга еще весною, ген. Флугъ.

Во Владивостокѣ обосновалось Временное Правительство Автономной Сибири (бѣжавшее въ январѣ изъ Томска правительство Дербера, во главѣ котораго съ 21-го іюля вмѣсто Дербера стоялъ нѣкій лѣвый земецъ Лавровъ).

Наконецъ, на ряду съ нимъ, во Владивостокѣ создалась и мѣстная эсеровская власть въ лицѣ „областного земства" во главѣ съ эсеромъ Медвѣдевымъ, которое „искало путей

соглашенія съ большевиками и не желало порывать съ органомъ революціонной власти — совѣтами" *).

Въ Забайкальѣ обосновался атаманъ Семеновъ (бывшій есаулъ Забайкальскаго казачьяго войска, еще при Керенскомъ въ 1917 году взявшійся навербовать изъ монголъ и бурятъ кавалерійскій полкъ). Поддерживая монгольскихъ сепаратистовъ въ внѣшней Монголіи и будучи полумонголомъ (мать Семенова — бурятка и онъ свободно владѣлъ монгольскимъ и бурятскимъ нарѣчіями), онъ былъ сразу же поддержанъ японцами и по мѣрѣ развитія союзной интервенціи, постепенно при поддержкѣ оккупировавшихъ Дальній Востокъ трехъ дивизій японцевъ, сталъ фактически самостоятельнымъ правителемъ Забайкалья.

Взаимоотношенія всѣхъ этихъ правительствъ съ новой сибирской властью были самыя неопредѣленныя. Правительства Хорвата и Семенова принципіально не возражали противъ нея и съ ними ей оставалось лишь договориться. Эсеры всѣхъ оттѣнковъ (Дерберъ—Лавровъ—Медвѣдевъ) были опредѣленно ему враждебны, сами претендуя на обще-сибирскую власть.

Фактической властью въ Приморьѣ, полосѣ отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги и въ Забайкальѣ были въ это время союзные оккупанты и вся территорія къ востоку отъ Байкала, по существу дѣла, играла роль Закавказья въ вооруженной борьбѣ на Кавказѣ, то есть никакого участія въ вооруженной борьбѣ съ большевиками въ общероссійскомъ масштабѣ не принимала.

Октябрьскій переворотъ и мирные переговоры въ Брестѣ окончательно развалили старую русскую армію. Изъ всего ея многомилліоннаго состава на службѣ у большевиковъ осталось врядъ ли больше 30 тысячъ (главнымъ образомъ латышскихъ частей, матросовъ, броневыхъ частей и заамурцевъ). Война съ Дономъ и Украиной въ концѣ 1917 года потребовала однако организаціи арміи и 20-го декабря была создана „Всероссійская коллегія по организаціи и формированію Красной Арміи" въ составѣ Подвойскаго, Мѣхоношина и Крыленки. Датой начала организаціи Красной Арміи правильнѣе все же считать 23-е февраля 1918 года — день распубликованія декрета Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета о созданіи Красной Арміи на добровольческихъ началахъ.

Декретъ этотъ (подписанный Ленинымъ еще 15-го января) полностью стоялъ еще на почвѣ наивной увѣренности въ близости міровой революціи: „съ переходомъ власти къ трудящимся и эксплуатируемымъ классамъ", гласилъ онъ

*) Ив. Якушевъ, „Дальневосточное самоуправленіе въ борьбѣ за власть", стр. 196, 201 (цитировано по С. П. Мельгунову „Трагедія Адмирала Колчака" ч. I. Бѣлградъ. 1930 годъ. — Стр. 151).

„возникла необходимость созданія новой арміи, которая явится оплотомъ совѣтской власти въ настоящемъ, фундаментомъ для замѣны постоянной арміи всенароднымъ вооруженіемъ въ ближайшемъ будущемъ и послужитъ поддержкой для грядущихъ соціальныхъ революцій въ Европѣ".

Однако дѣйствительность быстро разсѣяла мечты о „соціальной революціи въ Европѣ" и центръ тяжести перенесся на защиту самой, очень еще непрочной, совѣтской власти. Отбросивъ революціонную фразеологію, совѣтской власти пришлось приняться за дѣло.

Формированіе Красной Арміи пошло при этомъ одновременно по двумъ совершенно различнымъ путямъ. Основой ея организаціи явились стихійныя формированія на окраинахъ, вызванныя текущими потребностями боевой обстановки. Параллельно съ этимъ, центръ пытался взять въ свои руки организацію этихъ формированій путемъ созданія центральныхъ органовъ, проведеніемъ мобилизацій и призывовъ и упорядоченіемъ снабженія. Весь 1918 годъ, поэтому, прошелъ подъ знакомъ столкновеній этихъ двухъ теченій въ строительствѣ Красной Арміи. Регулярство, проводимое изъ центра, боролось со стихіей мѣстъ. При этомъ въ начальной стадіи формированія Красной Арміи стихійное начало мѣстныхъ формированій было по большей части болѣе жизненнымъ и требовало вмѣшательства центра лишь при перерожденіи его въ анархію. Дѣятельность же центра, полностью развернувшаяся въ 1919 году, въ 1918 году сводилась по большей части лишь къ роли тормаза анархическихъ устремленій окраинъ и только оформленія и упорядоченія часто безалаберныхъ достиженій окраинъ. Во всякомъ случаѣ сочетаніе обоихъ этихъ началъ въ обстановкѣ 1918 года было выгоднымъ. Движущей силой были окраинныя формированія, регуляторомъ и питающей базой былъ, располагавшій всѣми рессурсами страны, центръ.

Общій ходъ оффиціальной исторіи Красной Арміи въ 1918 году отмѣчается слѣдующими этапами: Послѣ Брестскаго мира Ставка была замѣнена Высшимъ Военнымъ Совѣтомъ (4-го марта) во главѣ съ бывшимъ ген. Бончъ-Бруевичемъ, котораго съ 18-го марта смѣнилъ Троцкій.

Просуществовавъ полгода, 2-го сентября Высшій Военный Совѣтъ былъ реорганизованъ въ Революціонный Военный Совѣтъ, являющійся и по сю пору высшимъ органомъ управленія всѣми вооруженными силами совѣтскихъ республикъ.

Параллельно съ этимъ высшій распорядительно-административный органъ въ видѣ „Всероссійской Коллегіи" съ 8-го мая былъ переформированъ во „Всероссійскій Главный Штабъ".

Органы мѣстнаго военнаго управленія были организованы декретомъ 8-го апрѣля, создавшимъ органы регистраціи, комплектованія и формированія — въ видѣ губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ военныхъ комиссаріатовъ.

Лишь созданіе сѣти этихъ комиссаріатовъ позволило думать о проведеніи призывовъ и замѣнѣ принципа добровольчества принципомъ принудительной и всеобщей воинской повинности. Однако ошибочно было бы думать, что созданіе веннаго аппарата и было причиной перехода отъ стихійныхъ совѣтскихъ формированій начала 1918 года на путь организованнаго строительства арміи. Аппаратъ являлся лишь той формой, въ которую должны были выливаться массовыя формированія тогда, когда къ этимъ формированіямъ совѣтская власть смогла бы приступить. Переходъ же на регулярную армію весной 1918 года былъ для совѣтской власти невозможенъ не изъ за отсутствія аппарата, а по совершенно другой, гораздо болѣе глубокой, причинѣ.

Возможность проведенія всеобщей воинской повинности находилась въ прямой зависимости отъ отношенія къ ней русскаго крестьянства. И совѣтскіе авторы единодушны въ своей оцѣнкѣ о невозможности массоваго привлеченія крестьянъ до лѣта 1918 года.

„Крестьянство", пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ совѣтскихъ военныхъ писателей Н. Мовчинъ*), „не могло быть привлечено (на военную службу) въ обязательномъ порядкѣ въ началѣ 1918 года, ибо Брестскій миръ былъ продиктованъ стихійнымъ стремленіемъ крестьянства къ миру и землѣ. *До тѣхъ поръ, пока основныя крестьянскія массы не получили хотя бы небольшой мирной передышки, не приняли участія въ раздѣлѣ земли, не могло быть и рѣчи объ ихъ привлеченіи* (курсивъ нашъ. — А. З). Соотвѣтствующій моментъ началъ приближаться только съ весны и лѣта 1918 года, — до этого же момента обязательная военная служба могла расчитывать лишь на оставшіеся нетронутыми широкіе слои рабочихъ классовъ и на наиболѣе активную часть бѣднѣйшаго крестьянства".

Слѣдующимъ шагомъ, поэтому, былъ декретъ 22-го апрѣля о введеніи всеобщаго обязательнаго обученія. Однако проведеніе принципа принудительнаго набора относится лишь къ началу лѣта 1918 года (29-го мая). Необходимость призыва диктовалась къ этому времени обстановкой на фронтахъ и невозможностью путемъ добровольцевъ создать должной величны армію. Дѣйствительно, въ маѣ 1918 года Красная Армія насчитывала лишь 306.000.

Тѣмъ не менѣе фактически проводиться въ жизнь принципъ принудительнаго набора началъ лишь въ іюнѣ и то съ очень большими ограниченіями. 12-го іюня были призваны родившіеся въ 1893—97 г. г. (то есть 21—25 лѣтніе) и то только въ 51 прифронтовомъ уѣздѣ Поволжья, Урала и Западной Сибири. Этотъ призывъ далъ только 42 тысячи.

*) „Гражданская война 1918—1921 г.г.", томъ II, стр. 77.

Затѣмъ послѣдовали призывы только рабочихъ двухъ самыхъ младшихъ возрастов (21 и 22 лѣтніе) въ Москвѣ (17-го іюня) и въ Петербургѣ (29-го іюня). Въ общемъ принципъ всеобщей воинской повинности проводился въ жизнь до осени 1918 года чрезвычайно осторожно и къ сентябрю численность Красной Арміи все еще не превышала 550 тысячъ.

Лѣто 1918 года является любопытнымъ примѣромъ полной аналогіи организаціи призывовъ на бѣломъ и красномъ фронтахъ. Дѣйствительно, и тамъ и здѣсь мы видимъ самые осторожные принудительные призывы лишь самыхъ младшихъ сроковъ службы. Ядромъ же и бѣлыхъ, и красныхъ армій являются добровольцы. Поголовныя мобилизаціи могли проводить только казаки и въ этомъ было крупное преимущество бѣлыхъ фронтовъ до осени 1918 года.

На ряду съ организаціей военнаго управленія и комплектованія арміи, передъ совѣтской властью сталъ вопросъ и о комплектованіи Красной Арміи командным составомъ.

Введенное большевиками выборное начало, годное для развала старой арміи и первыхъ неорганизованныхъ боевъ, на переломѣ 1917—18 г. г., конечно, не могло быть сохранено при строительствѣ настоящей арміи, и 29-го апрѣля „Правилами о новомъ порядкѣ замѣщенія военныхъ должностей въ Красной Арміи" выборность командн аго состава была практически отмѣнена и замѣнена „продвиженіемъ наиболѣе способныхъ командировъ на высшіе должности въ аттестаціонномъ порядкѣ". Этимъ, однако, вопросъ о командныхъ кадрахъ рѣшенъ еще не былъ. Отсутствовали самые кадры. Привлеченіе стараго офицерства внушало опасенія, новыхъ командныхъ кадровъ большевики въ 1918 году сами создать не могли.

Параллельно съ организаціонной работой центра, шла, однако и стихійная работа по формированію армій на мѣстахъ. Первыя попытки въ видѣ наспѣхъ сформированныхъ противъ Дона и Украины отрядовъ (Сиверса, Саблина, Ворошилова, Муравьева, совѣтскихъ „украинскихъ армій", сѣверо-кавказскихъ и пріуральскихъ формированій) требовали, по мѣрѣ расширенія фронтовъ гражданской войны, ихъ реорганизаціи и упорядоченія. Главнымъ для этого толчкомъ послужило австро-германское наступленіе весною 1918 года. На всемъ фронтѣ оккупаціи, къ апрѣлю, уже создалась такъ называемая пограничная „завѣса" изъ трехъ участковъ: сѣвернаго, протяженіемъ въ 360 клм. (отъ Финскаго залива до желѣзной дороги Москва—Рига), западнаго, протяженіемъ въ 900 клм. (къ югу до желѣзной дороги Москва—Харьковъ исключительно) и юго-восточнаго, протяженіемъ въ 300 клм. (на Воронежскомъ направленіи и противъ Дона).

Завѣса эта, неся кордонную службу противъ нѣмцевъ, дала возможность большевикамъ, вобрать въ себя большое

количество стараго офицерства, которое въ то время еще не пріемля гражданской войны, охотно поступало на службу въ завѣсу „для борьбы съ нѣмцами". Одновременно съ этимъ „завѣсы" явились центрами формированій для фронтовъ гражданской войны и, главное, сохранили для будущихъ формированій огромное имущество старой арміи, не захваченное нѣмцами, оставшееся послѣ ея демобилизаціи безъ всякаго надзора и, безъ наличія завѣсы, несомнѣнно расхищеннаго бы населеніемъ.

Создавая для Красной Арміи резервъ офицеровъ, для которыхъ „завѣсы" послужили переходной ступенью для ихъ будущаго участія и на фронтахъ гражданской войны, и сохранивъ громадные запасы снабженія, за счетъ которыхъ Красная Армія въ значительной степени и питалась во время гражданской войны, „завѣсы" явились однимъ изъ наиболѣе существенныхъ элементовъ формированія совѣтской вооруженной силы. Въ этомъ была обратная сторона медали австро-германской оккупаціи 1918 года. Не доведенное до конца, австро-германское наступленіе въ февралѣ, лишивъ большевиковъ 18 губерній, въ то же время вызвало къ жизни ихъ сопротивленіе и дало мощный толчокъ къ формированію Красной Арміи.

На боевыхъ фронтахъ гражданской войны формированія до лѣта 1918 года носили совершенно стихійный характеръ. Въ составъ ихъ входили отряды самаго разнообразнаго состава и самаго причудливаго происхожденія. Напримѣръ, на восточномъ фронтѣ 1-го іюня на позиціяхъ западнѣе Челябинска было 13 отдѣльныхъ отрядовъ, общая численность которыхъ не превышала 1105 штыковъ, 22 сабель и 9 пулеметовъ *). Въ составъ 5-ой совѣтской арміи въ августѣ входило 47 единицъ, непосредственно управлявшихся штабомъ арміи, несмотря на наличіе 40 штабовъ. При этомъ общая численность арміи составляла 8425 штыковъ, 540 сабель и 43 орудія**). Въ концѣ мая 1918 года на Донскомъ фронтѣ дѣйствовали слѣдующіе, независимые двугъ отъ друга, отряды: Селиванова, Миронова (казачій), Ворошилова, Вадима, Щаденки, Тулака, Штейгера, Круглова, Скибы, Иванова, Шевкоплясова, Буденнаго, Никифорова, Сердина, Ковалева, Ситникова, Зычина, Автономова и Калнина ***). Фронтъ, на которомъ дѣйствовали эти 19 отрядовъ: отъ Урюпинской черезъ Царицынъ и Великокняжескую до Батайска составлялъ около 800 клм. Были отряды и изъ военноплѣнныхъ міровой войны. Эти послѣднія формированія „особенно удачно развернулись въ Приволжскихъ уѣздахъ, на Украинѣ и въ Сибири" *).

*) Гражданская война 1918—1921 г. г." III, 74.

**) Тамъ же, III, стр. 81.

***) Л. Клюевъ, „Борьба за Царицынъ" ГИЗ, 1928 годъ, стр. 18—19.

Всѣ эти отряды, отрядики, банды и отдѣльныя кучки постепенно, съ лѣта 1918 года, переформировывались, часто не безъ треній, доходившихъ до разстрѣловъ непокорныхъ „главховерховъ" и „батекъ", въ болѣе организованныя соединенія. Любопытно, однако, что боевой опытъ фронтовъ гораздо вѣрнѣе подмѣтилъ потребности гражданской войны, чѣмъ теоретическія измышленія совѣтскаго военнаго центра.

Напримѣръ, на Царицынскомъ фронтѣ были введены трехъ-бригадныя дивизіи (изъ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской двухполкового состава бригадъ). Численность полковъ, бригадъ и дивизій при этомъ была очень близка къ нормамъ, принятымъ и въ Добровольческой Арміи, то есть полкъ былъ, по существу дѣла, батальономъ, бригада — полкомъ, а дивизія — бригадой.

Въ то же время въ Москвѣ, въ нѣдрахъ центральнаго управленія Красной Арміей, былъ разработанъ пресловутый штатъ № 220 (утвержденный въ ноябрѣ 1918 года), легшій въ основу регулярныхъ совѣтскихъ формированій.

Этотъ штатъ исходилъ изъ непонятой его творцами нѣмецкой „троечной" системы, то есть трехъ-батальоннаго полка, трехъ-полковой бригады и трехъ-бригадной дивизіи. 27 батальонамъ такой дивизіи намѣчалась придача 15 батарей (9 легкихъ, 3 гаубичныхъ и 3 тяжелыхъ), что при 4-хъ орудійныхъ батареяхъ давало около двухъ орудій на батальонъ, то есть вдвое меньше, чѣмъ даже въ нашихъ довоенныхъ дивизіяхъ. Громоздкость подобныхъ соединеній (43 тысячи солдатъ и 12 тысячъ лошадей) дѣлало ихъ конечно совершенно непригодными для маневренной гражданской войны. Опытъ міровой войны, повсемѣстно приведшій къ легкимъ 9-батальоннымъ дивизіямъ, обильно снабженнымъ артиллеріей, также въ корнѣ противорѣчилъ этому штату. Совѣтскіе источники считаютъ, что въ основу его былъ положенъ штатъ нашихъ Сибирскихъ стрѣлковыхъ корпусовъ. Только недоуміе и непереваренный опытъ германскихъ троечныхъ формированій, могъ привести къ такому организаціонному абсурду, какъ этотъ штатъ № 220. И можно прямо сказать, что организаціонная работа совѣтскаго военнаго центра въ 1918 году во многомъ показала такое убожество, что приходится считать, что стихійныя формированія на мѣстахъ были неизмѣримо выше измышленій Москвы.

Впрочемъ на мѣстахъ съ ними мало, если и не совсѣмъ, не считались. Штатъ же никогда въ жизнь проведенъ не былъ и лишь сохранилась его громоздкая организаціонная форма въ видѣ девятиполковыхъ дивизій, по своему составу и совершенно не отвѣчавшимъ замысламъ его изобрѣтателей.

*) „Гражданская война 1918—21 г. г.", III, 51.

Гораздо болѣе существенной была работа центра по привлеченію командныхъ кадровъ изъ состава стараго офицерства. Идея борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, проводившаяся созданіемъ завѣсъ, сыграла въ этомъ рѣшающую роль. Уже въ іюнѣ привлеченіе офицеровъ въ ряды Красной Арміи стало носить организованный характеръ. Для парированія же возможности саботажа ея съ ихъ стороны, еще 21-го марта былъ созданъ институтъ военныхъ комиссаровъ. Заданіе этого института было сформулировано въ такихъ трескучихъ фразахъ наркомвоеномъ Троцкимъ:

„Политическій контроль надъ всей организаціей и жизнью арміи поручается военнымъ комиссарамъ. Постъ военнаго комиссара есть одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ и почетныхъ въ Совѣтской Республикѣ. Комиссаръ охраняетъ тѣснѣйшую внутреннюю связь между арміей и совѣтскимъ режимомъ въ цѣломъ. Комиссаръ воплощаетъ начало революціоннаго долга и несокрушимость дисциплины. Комиссаръ скрѣпляетъ всѣ важные приказы. Всей силой своего авторитета и своей власти, комиссаръ обезпечиваетъ немедленное и безусловное выполненіе оперативныхъ и боевыхъ распоряженій военнаго руководителя (то есть командующаго)" *).

6-го апрѣля новый приказъ Троцкаго окончательно оформлялъ *двоевластіе* въ командованіи, поставивъ во главѣ каждой войсковой части — дуумвировъ: командующаго—комиссара. „Военный комиссаръ", гласилъ этотъ приказъ **), „есть непосредственный политическій органъ совѣтской власти при арміи... Военный комиссаръ блюдетъ за тѣмъ, чтобы армія не обособлялась отъ всего совѣтскаго строя и чтобы отдѣльныя военныя учрежденія не становились очагами заговора... Комиссаръ участвуетъ во всей дѣятельности военнаго руководителя. Но руководство въ спеціальной военной области принадлежитъ не комиссару, а работающему съ нимъ рука объ руку военному спеціалисту... Обязанность блюсти за точнымъ исполненіемъ приказовъ ложится на комиссара, въ распоряженіе котораго для этой цѣли предоставляется авторитетъ и всѣ средства совѣтской власти".

Созданіе политическаго контроля надъ командным составомъ въ лицѣ института военныхъ комиссаровъ, позволило совѣтской власти довольно широко использовать спеціалистовъ въ видѣ офицерскаго состава старой арміи. Несмотря на совѣтскій нажимъ, проведеніе этого въ жизнь оказалось, однако, далеко не столь простымъ, какъ это вначалѣ представлялось совѣтскимъ руководителямъ Красной Арміи. За весь 1918 годъ большевикамъ въ составъ Красной Арміи всѣми правдами и неправдами удалось привлечь лишь

22.315 офицеровъ.

*) „Гражданская война 1918—1921 г.г.", т. II, стр. 56.
**) Тамъ же, стр. 113.

Что же представляла собою эта цифра?

Всего къ концу войны на пяти фронтахъ нашей Дѣйствующей Арміи (Сѣверный, Западный, Юго-Западный, Румынскій и Кавказскій) состояло 136,6 тысячъ офицеровъ *).

Но къ этимъ 136,6 тысячамъ нужно прибавить еще плѣнныхъ, раненыхъ, находившихся на излеченіи въ госпиталяхъ и офицеровъ, состоявшихъ въ запасныхъ частяхъ и военно-административномъ аппаратѣ внутри страны. Каково же было ихъ число?

Общее число нашихъ военноплѣнныхъ офицеровъ на августъ 1918 года составляло 13 тысячъ **).

Затѣмъ, за всю войну общее число офицеровъ раненыхъ, контуженныхъ и отравленныхъ газами составляло — 40,5 тысячъ ***).

Наконецъ, въ то время какъ въ дѣйствующей Арміи на 1-ое мая 1917 года приходилось 136.6 тысячъ офицеровъ на 6,56 милліоновъ солдатъ, или примѣрно по 1 офицеру на 50 солдатъ, во внутреннихъ округахъ (на 1-ое февраля 1917 года) числилось еще 1,84 милліона людей. Допуская даже, явно неправдоподобное при громоздкости нашего тыла, соотношеніе числа офицеровъ и солдатъ въ тылу тѣмъ же, что и на фронтѣ, то есть по 1 офицеру на 50 солдатъ, мы получимъ еще по крайней мѣрѣ 37 тысячъ офицеровъ.

Итакъ, общее число офицеровъ нашей арміи къ началу гражданской войны, по самымъ скромнымъ подсчетамъ, составляло не менѣе 200.000.

Цифра эта является несомнѣнно преуменьшенной. Вѣроятно, что она ближе къ 250 тысячамъ, такъ какъ напримѣръ, списочный (не наличный) составъ офицеровъ на 1-ое мая 1917 года въ Дѣйствующей Арміи даетъ цифру въ 202,2 тысячи ****) офицеровъ, къ которой нужно прибавить еще офицеровъ тыловыхъ учрежденій внутри страны.

Значитъ, за весь 1918 годъ большевикамъ удалось привлечь на службу въ Красную Армію лишь около 10% офицерскаго состава нашей старой арміи.

9/10 нашего офицерства въ 1918 году было не въ Красной Арміи...

Въ дальнѣйшемъ мобилизаціи и призывы за все время нашей гражданской войны до 15-го августа 1920 года дали въ ряды Красной Арміи всего лишь 48.409 бывшихъ офицеровъ. Иными словами, за всю нашу гражданскую войну че-

*) „Россия въ мировой войне 1914—18 г.г. (в цифрах)". Москва, 1925 г., таблица № 11, стр. 24.

**) Тамъ же, таблица № 29, стр. 37.

***) Тамъ же, таблица № 26, стр. 34.

****) Тамъ же, таблица № 11, стр. 24.

резъ ряды Красной Арміи прошло не болѣе ¼ общаго числа офицеровъ старой Россійской арміи. ¾ нашего офицерства въ Красной Арміи не служило!

Пополненіе собственными совѣтскими усиліями дало за 1918 годъ лишь 1.753 красныхъ командира (офицера), то есть число командировъ, выпущенныхъ изъ совѣтскихъ военныхъ школъ, не говоря уже объ ихъ качествѣ, было въ восемь разъ меньше, чѣмъ далъ призывъ старыхъ офицеровъ. Къ концу войны это соотношеніе рѣзко измѣнилось и число красныхъ командировъ, дойдя до 40 тысячъ, лишь немногимъ уступало числу старыхъ офицеровъ, но въ 1918 году основой командного состава Красной Арміи являлись все таки офицеры старой арміи.

Наряду съ бывшими офицерами, въ еще большей степени, основой кадровъ Красной Арміи въ 1918 году являлись унтеръ-офицеры нашей старой арміи. Дѣйствительно при общемъ количествѣ призванныхъ въ Красную Армію за 1918 годъ въ 752 тысячи, наряду съ 22 тысячами бывшихъ офицеровъ было призвано и 130 тысячъ унтеръ-офицеровъ *). Иначе говоря, если на 1 офицера въ Красной Арміи 1918 года приходилось около 30 красноармейцевъ, на каждые 4—5 красноармейцевъ приходился одинъ унтеръ-офицеръ старой арміи. Они то и послужили остовомъ Красной Арміи.

Широкое распространеніе получило мнѣніе и о массовомъ переходѣ на сторону большевиковъ и офицеровъ нашего генеральнаго штаба. Мнѣніе это, однако, мало отвѣчаетъ фактическому положенію дѣла. Несомнѣнно, что, часть нашего генеральнаго штаба приняла участіе въ строительствѣ Красной Арміи и этимъ оказало большевикамъ большую услугу. Однако отъ этого до массоваго перехода на сторону красныхъ еще далеко. Цифры говорятъ другое.

Дѣйствительно, для сужденія объ этомъ существуетъ прежде всего послѣдній довоенный *оффиціальный* списокъ офицеровъ генеральнаго штаба Россійской Арміи **).

Всего въ этомъ спискѣ числится офицеровъ генеральнаго штаба:

424 генерала,
546 штабъ-офицера,
241 оберъ-офицера
и 185 причисленныхъ къ генеральному штабу оберъ-офицеровъ (кончая выпускомъ 1913 года изъ Академіи).

Итого: 1.396 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ генеральнаго штаба.

*) „Гражданская Война 1918—1921 г.г.“, томъ II, стр. 79 и 93.

**) Изданія военной типографіи въ С.Петербургѣ въ 1913 году (со всѣми исправленіями по 20-е августа 1931 года).

За время войны, до октябрьскаго переворота, составъ нашего генеральнаго штаба пополнился тремя выпусками изъ Академіи (выпуски 1914—1915—1916 гг.). Въ среднемъ въ составѣ ежегоднаго выпуска числилось 65 офицеровъ, причислявшихся къ генеральному штабу.

Однако послѣдніе три выпуска послѣ 1913 года (1914, 1915 и 1916 года) были болѣе многочисленными, такъ какъ почти весь составъ этихъ выпусковъ въ теченіи войны былъ причисленъ къ генеральному штабу и впослѣдствіи въ него переведенъ. Поэтому правильнѣе считать, что эти три выпуска дали не: $3 \times 65 = 195$, а не менѣе 250—300 офицеровъ генеральнаго штаба.

Такимъ образомъ ко времени начала формированія Красной Арміи нашъ генеральный штабъ теоретически долженъ былъ бы достигать цифры: $1396 + 250 - 300 = 1646 - 1696$ офицеровъ.

Несомнѣнно, однако, что фактическое число офицеровъ нашего генеральнаго штаба къ 1918 году не достигало этой цифры.

За три года войны были потери убитыми, была и естественная убыль за смертью.

Наконецъ, за время революціи гибель цѣлаго ряда высшихъ военныхъ начальниковъ отъ руки большевиковъ не могла не дать довольно значительной убыли среди офицеровъ генеральнаго штаба, преимущественно замѣщавшихъ высшія должности въ арміи.

Гораздо ближе къ дѣйствительности будетъ, поэтому, исходной данной для нашихъ расчетовъ принять цифру 1913 года, полагая, что приростъ отъ трехъ выпусковъ (1914, 1915 и 1916 годовъ) лишь покрылъ потери за четыре года войны и революціи и естественную убыль за смертью.

Итакъ, исходя изъ врядъ ли все же преувеличенной, а скорѣе всего даже пожалуй преуменьшенной цифры въ 1396 офицеровъ генеральнаго штаба къ началу формированія Красной Арміи въ 1918 году, мы можемъ, располагая оффиціальными совѣтскими документами, опредѣлить каковъ же былъ процентъ офицеровъ нашего генеральнаго штаба, перешедшихъ къ краснымъ и принявшихъ участіе въ организаціи Красной Арміи.

Для сужденія о томъ, кто изъ офицеровъ генеральнаго штаба служилъ въ Красной Арміи во время гражданской войны, мы располагаемъ спискомъ: „Списокъ генеральнаго штаба“, составленнымъ по свѣдѣніямъ къ 15 мая 1920 года (изданіе Организаціоннаго отдѣла Всероссійскаго главнаго штаба отъ 24-го мая 1920 года). Дата составленія этого списка, къ концу нашей гражданской войны, обезпечиваетъ его полноту.

Каковы же данныя этого списка?

Всего въ этомъ спискѣ числится лишь 283 офицера генеральнаго штаба (по выпускъ 1916 года включительно).

Итакъ, изъ числа 1396 офицеровъ нашего генеральнаго штаба въ Красной Арміи во время гражданской войны состояло лишь 283 офицера или 20,3% общаго состава нашего генеральнаго штаба. Такимъ образомъ, *80% офицеровъ нашего генеральнаго штаба было не у большевиковъ, а противъ большевиковъ.*

При желаніи, однако, провѣрить и этотъ списокъ „Всероссійскаго главнаго штаба", можно найти и дальнѣйшія подтвержденія приведенной выше цифры офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ на службѣ въ Красной Арміи. Дѣйствительно, помимо списка „Всероссійскаго Главнаго Штаба" отъ 15-го мая 1920 года въ Красной Арміи существуетъ и подобіе нашего стараго оффиціальнаго списка офицеровъ генеральнаго штаба *).

Въ этомъ позднѣйшемъ спискѣ офицеровъ генеральнаго штаба всѣхъ выпусковъ до октябрьскаго переворота, то есть кончая выпускомъ 1916 года, числится еще меньше — всего лишь 265 вмѣсто 583 по списку 1920 года.

Поименная провѣрка, каждаго въ отдѣльности, всѣхъ занесенныхъ въ оба эти списка офицеровъ генеральнаго штаба, однако, приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Эта цифра 265 отражаетъ какъ убыль старыхъ, такъ и прибыль новыхъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Изъ общаго числа числившихся на 15 мая 1920 года 283 старыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, къ 1923 году ушло изъ Красной Арміи 75, вновь же въ нее поступило 57.

Исходя изъ этой цифры, хотя и съ нѣкоторой натяжкой, такъ какъ несомнѣнно большинство вновь поступившихъ, послѣ 15-го мая 1920 года, не успѣло уже принять участія въ гражданской войнѣ на красной сторонѣ, все же можно считать, что всего въ Красную Армію поступило 283 + 57 = 340 офицеровъ нашего стараго генеральнаго штаба, что по отношенію къ общему, принятому нами, ихъ числу (1396) *составляетъ всетаки лишь 24% или немного менѣе 1/4 всего состава.*

Главную массу офицеровъ ген. штаба принимавшихъ участіе въ строительствѣ Красной Арміи (то есть вступившихъ въ нее до 15 мая 1920 года) составляли двѣ группы выпусковъ: 1898—1904 (96) и выпуски 1909—1912 гг. (44). Вмѣстѣ взятыя, обѣ эти группы даютъ болѣе половины общаго числа красныхъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Передъ войной первая группа состояла изъ полковниковъ генеральнаго штаба (командировъ полковъ и начальниковъ

*) „Список лиц с высшим общим военным образованием состоящих на службе в рабоче-крестьянской Красной Армии". Списокъ составленъ „по данным на 1 марта 1923 года". Изданіе Военной Типографіи Штаба РККА. — Москва, 1923 годъ.

штабовъ дивизій) и старшихъ подполковниковъ генеральнаго штаба. Вторую группу составляли капитаны генеральнаго штаба.

Послѣдніе выпуски (1914, 1915 и 1916 года) дали въ среднемъ гораздо меньше, чѣмъ непосредственно имъ предшествовавшіе выпуски (кромѣ выпуска 1913 года). При этомъ въ составъ выпусковъ 1914—1916 гг. повидимому еще включено нѣсколько офицеровъ второразрядниковъ, то есть не переведенныхъ въ свое время въ генеральный штабъ. Точно установить это, однако, за отсутствіемъ оффиціальныхъ списковъ этихъ трехъ годовъ, не представляется возможнымъ. Поэтому въ дѣйствительности число офицеровъ генеральнаго штаба этихъ трехъ послѣднихъ выпусковъ, поступившихъ въ Красную Армію, должно быть еще меньшимъ.

По чинамъ, изъ общаго чила 283 офицеровъ генеральнаго штаба, перешедшихъ до 1920 года, больше половины—156—составляли генералы (13 полныхъ генераловъ, 30 генералъ-лейтенантовъ и 113 генералъ-маіоровъ) и лишь менѣе половины — 127 штабъ и оберъ-офицеры генеральнаго штаба...

Поразительно малъ былъ процентъ офицеровъ генеральнаго штаба, служившихъ въ Красной Арміи, изъ среды офицеровъ генеральнаго штаба — казаковъ (начавшихъ службу въ казачьихъ частяхъ). Изъ общаго числа 70 такихъ офицеровъ, числившихся по списку 1913 года, въ Красную Армію поступило лишь 11, то есть не 20%—24%, какъ это даетъ цифра для всего генеральнаго штаба, а лишь немного менѣе 16% (15,7%).

Итакъ, легенда о переходѣ главной массы офицеровъ генеральнаго штаба въ Красную Армію не отвѣчаетъ дѣйствительности. Изъ числа офицеровъ нашего генеральнаго штаба въ Красной Арміи служило не болѣе 20—24% общаго ихъ числа.

Взглянемъ теперь на обстановку, сложившуюся къ іюлю 1918 года, съ точки зрѣнія красныхъ.

Съ запада предѣлы совѣтской территоріи ограничивались фронтомъ австро-германской оккупаціи. На юго-востокѣ—Дономъ и Добровольческой Арміей. На востокѣ создался фронтъ отъ Челябинска до Сызрани. На сѣверѣ начиналъ высаживаться дессантъ въ Мурманскѣ и подготовлялся на Бѣломъ морѣ въ Архангельскѣ.

Если подсчитать кратчайшія разстоянія по воздушной линіи жизненно-важныхъ совѣтскихъ центровъ — Петрограда и Москвы отъ всѣхъ этихъ фронтовъ, то получатся слѣдующія величины:

Отъ Петрограда — 150 клм. до Нарвы,
" " — 1000 " " Мурманска.
" Москвы — 450 " " Орши (ближайшій пунктъ германской оккупаціи),
" " — 700 " " Сызрани,

От Москвы — 700 клм. до ст. Чертково (сѣверная граница Донской Области по желѣзной дорогѣ на Москву),
" " — 850 " " Уральска,
" " — 900 " " Архангельска,
" " — 1400 " " Челябинска.

Этот перечень разстояній показывает, что наибольшую, въ силу ея близости, угрозу представлялъ германскій фронтъ, на второмъ мѣстѣ стояли Восточный фронтъ и Донъ и на третьемъ — сѣверные десанты.

Но помимо политическихъ центровъ - Петрограда и Москвы, какъ только война стала принимать организованный характеръ, первостепенное значеніе для Красной Арміи, отрѣзанной отъ заграничнаго подвоза, пріобрѣтала и военно-промышленная база страны.

Заводы же военной промышленности были расположены на территоріи Россіи крайне неравномѣрно. Въ общемъ, они располагались въ четырехъ основныхъ группахъ:

1. Петроградскій раіонъ:
- Оружейный заводъ въ Сестрорѣцкѣ (30 клм. СЗ Петрограда),
- Патронный (Петроградъ),
- Пороховой (Охта — предмѣстье Петрограда),
- Взрывчатыхъ веществъ (Охта),
- 3 орудійныхъ (Петроградскій, Путиловскій и Обуховскій),
- Трубочный (Петроградъ),
- Арсеналъ (Петроградъ).

2. Центръ Страны:
- Самый мощный оружейный заводъ (все производство пулеметовъ и большая часть винтовокъ) — Тула,
- Пороховой — Тамбовъ,
- Арсеналъ — Брянскъ.

3. Поволжье:
- Оружейный заводъ въ Ижевскѣ (на р. Камѣ на полпути между Казанью и Пермью),
- Орудійный — Пермь,
- Трубочный — Самара,
- Взрывчатыхъ веществъ — Самара,
- Пороховой — Казань (ружейный порохъ).

4. Украина:
- Патронный — Луганскъ на границѣ Донской Области въ 150 клм. СЗ Ростова,
- Пороховой — Шостка (въ 250 клм. СВ. Кіева),
- Арсеналъ — Кіевъ.

Такимъ образомъ основной базой военной промышленности былъ Петроградъ, за нимъ шло Поволжье между

Пермью и Самарой, затѣмъ центръ страны и наконецъ Украина.

При этомъ чисто маневренный характеръ гражданской войны, благодаря громаднымъ протяженіямъ и чрезвычайно слабой насыщенности фронтовъ, главное значеніе придавалъ ружейно-пулеметной военно-промышленной базѣ. И тутъ на первомъ мѣстѣ стояла Тула, а за ней Петроградъ. Итакъ, подводя общій итогъ, можно сказать, что *первостепенное значеніе для поддержанія боеспособности Красной Арміи, съ точки зрѣнія ея боевого снабженія, пріобрѣтало удержаніе раіона Петроградъ — Тула и Поволжья.*

Итакъ и съ точки зрѣнія политической и съ точки зрѣнія военно-промышленной базъ первостепенное значеніе имѣлъ западный фронтъ, удаленный лишь въ 5—6 переходовъ отъ Петрограда.

Борьба съ нѣмцами краснымъ казалась однако не по плечу. Поэтому всѣ ихъ усилія направились на Донъ и Поволжье и на обоихъ этихъ фронтахъ первостепенное значеніе пріобрѣтало удержаніе крайнихъ фланговыхъ позицій: Царицына на Донскомъ фронтѣ и Екатеринбурга на восточномъ.

Постепенно, безформенные вначалѣ, фронты Красной Арміи стали организовываться. Послѣ германской завѣсы первымъ сталъ пріобрѣтать болѣе или менѣе организованный обликъ Восточный фронтъ. 14-го іюня командующимъ Восточнымъ фронтомъ былъ назначенъ воевавшій уже съ начала года съ Украиной и Румыніей — Муравьевъ. Фронтъ былъ переформированъ въ четыре арміи. Съ сѣвера на югъ это были: 3-я, 2-я, 1-я и Особая арміи. Сѣверная, 3-я, армія прикрывала Екатеринбургъ со стороны Челябинска, Шадринска и Тюмени, обезпечивая сѣверную сибирскую магистраль (на Петроградъ). Сосѣдняя съ ней 2-я армія, формировалась изъ оттѣсненной отъ Уфы вверхъ по р. Бѣлой Оренбурго-Уфимской группы. 1-я армія (Тухачевскаго) формировалась на правомъ берегу Волги противъ Симбирска—Сызрани. Наконецъ правофланговая „особая" армія дѣйствовала противъ уральскихъ казаковъ въ раіонѣ Саратовъ—Урбахъ.

Вслѣдъ за восточнымъ фронтомъ сталъ реорганизоваться и Юго-восточный. Однако тамъ организація шла гораздо медленнѣе.

Фронтъ противъ сѣверныхъ границъ Донской Области до Камышина уже входилъ въ составъ Юго-Восточнаго участка „завѣсы". Новая группа стала формироваться у Царицына. Однако, въ іюлѣ она еще состояла изъ отдѣльныхъ отрядовъ Ворошилова, Вадима и Щаденки. Хотя съ мая въ Царицынѣ былъ уже командированъ центромъ Сталинъ *) и не-

*) Первоначально лишь въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго по продовольствію на нижней Волгѣ.

посредственная оборона города лежала на нѣкоемъ Мининѣ, общаго командованія подъ Царицыномъ до августа создано не было.

Еще менѣе организованы были красные отряды на сѣверномъ Кавказѣ, состоявшіе изъ ряда отдѣльныхъ, не подчиненныхъ другъ другу группъ, тянувшихся отъ Царицына, вдоль по желѣзной дорогѣ на Тихорѣцкую и по Владикавказской желѣзной дорогѣ на Батайскъ.

По численности, главная масса Красной Арміи была на юго-восточномъ и западномъ фронтахъ. Такъ, противъ Дона силы красныхъ достигали почти 60 тысячъ при 280 орудіяхъ (19,8 тысячъ при 38 орудіяхъ въ южной завѣсѣ, 39 тысячъ при 240 орудіяхъ въ Царицынской группѣ). Въ Задоньѣ и на сѣверномъ Кавказѣ общая численность отдѣльныхъ совѣтскихъ отрядовъ достигала 80—100 тысячъ. Въ то же время восточный фронтъ на Волгѣ и Уралѣ насчитывалъ не болѣе 40—50 тысячъ бойцовъ *).

Такимъ образомъ противъ 60 тысячъ при 123 орудіяхъ Донской и Добровольческой Арміи (50 тысячъ при 92 орудіяхъ у Донцовъ **) и 9 тысячъ при 21 орудіи у добровольцевъ ***) было не менѣе 140—160 тысячъ красныхъ при болѣе чѣмъ двойномъ превосходствѣ въ артиллеріи. Въ Поволжьѣ и на Уралѣ соотношеніе силъ однако было еще болѣе неблагопріятнымъ, такъ какъ противъ главной массы красныхъ отъ Екатеринбурга до Сызрани, насчитывавшей до $^2/_3$ общаго числа ихъ силъ въ Поволжьѣ, то есть не менѣе 30—35 тысячъ, было лишь 13 тысячъ чеховъ и добровольческихъ отрядовъ Народной Арміи.

Несмотря на то, что главная масса красныхъ была въ это время на Юго-востокѣ, а не на Волгѣ и Уралѣ, совѣтское командованіе главнымъ фронтомъ считало восточный и на него было обращено все его вниманіе. Юго-восточный фронтъ, несмотря на свою численность, поэтому, былъ несравненно менѣе организованнымъ и связь между отдѣльными его составными частями была чрезвычайно слабой. О какомъ бы то ни было единствѣ дѣйствій этого фронта говорить въ это время совершенно не приходится.

Образовавшіеся къ лѣту 1918 года вооруженные фронты борьбы окружили почти сплошнымъ кольцомъ совѣтскую республику. Разрывъ въ кольцѣ былъ лишь между Царицынымъ и Сызранью (550 клм.) и Челябинскомъ и Бѣлымъ моремъ (1500 клм.).

*) „Гражданская Война 1918—1921 г.г.", томъ III, стр. 91, 94, 98 и 78.

**) Донская Лѣтопись № 1, стр. 128.

***) Деникинъ, III, 149.

Ближе всего это кольцо подходило съ запада, затѣмъ съ юго-востока и востока и лишь нѣсколько расширялось на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ. Если бы всѣ эти, концентрически окружавшіе Москву фронты, были едины, существеннымъ явился бы только разрывъ между донцами у Царицына и Народной Арміей у Сызрани. Сѣверо-восточный разрывъ между Челябинскомъ и Бѣлымъ моремъ былъ прикрытъ необитаемостью этого района.

Весь вопросъ былъ, однако, въ томъ, что эти, окружившіе красныхъ фронты были не только не едины, но будучи всѣ враждебны большевикамъ, часто были враждебны и другъ къ другу. И главное ставили себѣ совершенно разныя задачи.

И англійскій дессантъ на сѣверѣ, и весь германскій фронтъ (включая и Финляндію) были фронтами пассивными, совершенно не собиравшимися наступать на большевиковъ. И Англія, и Финляндія, и нѣмцы держали захваченные ими раіоны и по существу дѣла „оборонялись" отъ большевиковъ, лишь грозя имъ возможнымъ наступленіемъ. Угроза эта была, однако, мало реальна.

Донъ поставилъ себѣ задачей освобожденіе своей территоріи, въ дальнѣйшемъ его планы были гораздо болѣе смутными. Быстрота возрожденія Дона въ связи съ обезпеченіемъ его лѣваго фланга нѣмцами и его возможностями въ смыслѣ величины донскихъ ополченій дѣлали его грознымъ противникомъ Москвы. Грознымъ, но не активнымъ, въ силу малой вѣроятности движенія донцовъ на Москву. Угроза со стороны Дона усиливалась наличіемъ на его территоріи наиболѣе активной контръ-революціонной группировки въ лицѣ Добровольческой Арміи. Различіе оріентацій, однако, дѣлало мало вѣроятнымъ ихъ совмѣстныя, наиболѣе опасныя, изъ за сочетанія мощи Дона, какъ базы, съ активностью и качествомъ бойцовъ Добровольческой Арміи, наступательныя дѣйствія.

Оставалось Поволжье, гдѣ обезпеченная чехами связь съ Сибирью и Тихимъ Океаномъ открывала самыя большія возможности этому фронту. На главномъ московскомъ направленіи (Сызрань) силы контръ-революціи были, однако, такъ слабы и качественно и количественно, что активная сила этого фронта пока не отвѣчала мощи базы и ея возможностямъ.

Соединеніе юго-восточной группы русской контръ-революціи съ Поволжьемъ давало, при обезпеченіи чехами базы, тотъ активный элементъ, котораго не хватало Поволжью. Ихъ раздѣляло лишь 550 клм.

Дальнѣйшія судьбы русской контръ-революціи зависѣли отъ соединенія этихъ основныхъ ея активныхъ группировокъ. Путь лежалъ черезъ Донъ на Царицынъ.

ГЛАВА VI.

ЛѢТО 1918 ГОДА.

ЦАРИЦЫНЪ. ВОЛГА. КУБАНЬ.

(См. чертежи №№ 7, 7-а и 8).

Проблема Царицына. Свиданіе въ Манычской (28-го мая). Оцѣнка Царицынскаго направленія Донскимъ Атаманомъ, Добровольческой Арміей и бѣлымъ командованіемъ Восточнаго фронта. Первое наступленіе донцовъ на Царицынъ (іюль) и контръ-наступленіе красныхъ отъ Царицына (22-го августа). Зарожденіе идеи замѣны донскихъ ополченій, для наступленія вглубь Россіи, „русскими" формированіями на Дону.

Возстаніе лѣвыхъ эсеровъ (6—7 іюля) въ Москвѣ и его отраженія. Возстанія правыхъ эсеровъ на верхней Волгѣ (?—21 іюля).

Потеря красными Симбирска (21 іюля) и Екатеринбурга (25 іюля). Оренбургскій фронтъ. Захватъ полк. Каппелемъ Казани (6 августа). Соотношеніе силъ на восточномъ фронтѣ. Архангельскъ.

Второй Кубанскій походъ Добровольческой Арміи. Планъ операціи. Взятіе ст. Великокняжеской (28 іюня). Захватъ Тихорѣцкой (14 іюля). Походъ на Кущевку и Кавказскую. Контръ-маневръ Сорокина и бои у Кореновской. Взятіе Екатеринодара (16 августа). Захватъ таманцами Туапсе (1-го сентября).

Общая обстановка къ 1-му сентября 1918 года.

Освобожденіе Дона, возвращеніе Добровольческой Арміи изъ похода на Кубань и образованіе фронта на Волгѣ естественно ставили вопросъ о согласованіи усилій этихъ трехъ основныхъ военныхъ группировокъ русской контръ-революціи. И эта проблема съ военной точки зрѣнія была проблемой Царицына.

Всякое продвиженіе донцовъ на сѣверо-востокъ, на соединеніе съ Самарскимъ фронтомъ Народной Арміи, фланкировалось Царицынымъ. На него же базировались Красныя силы сѣвернаго Кавказа. Царицынъ же обезпечивалъ за большевиками Астрахань, разъединявшую Уральскихъ казаковъ отъ Юго-восточнаго казачества. Захватъ Царицына съ выходомъ на Баскунчакъ (отъ Царицына до Баскунчака 170

клм.)*) рѣзалъ желѣзную дорогу, связывавшую Астрахань съ Россіей, на сушѣ и прекращалъ связь съ ней и по Волгѣ.

Весь красный сѣверо-кавказскій фронтъ отъ Чернаго до Каспійскаго моря базировался такимъ образомъ лишь на Царицынъ и Астрахань. Борьба съ красными на сѣверномъ Кавказѣ была возможна либо ударомъ въ лобъ, двигаясь на Кубань, либо ударомъ по тыламъ черезъ Царицынъ и на желѣзную дорогу у Баскунчака.

Царицынъ обезпечивалъ владѣніе Каспійскимъ моремъ и связывавшей его съ центромъ желѣзной дорогой — Урбахъ —Астрахань.

Исключительное стратегическое значеніе Царицына было отлично понято красными. „Обладая Царицынымъ", пишетъ начальникъ штаба оборонявшей его красной арміи Клюевъ**), „красные обезпечивали свое господство на нижней Волгѣ и благодаря этому и связь съ Астраханью и севѣро-кавказскимъ театромъ. Утвердившись въ Царицынѣ, бѣлые въ свою очередь могли расчитывать на установленіе болѣе тѣсной связи съ Уральскимъ казачествомъ, а черезъ него и съ Восточнымъ бѣлогвардейскимъ фронтомъ..."

То же самое, позже, писалъ и совѣтскій главнокомандующій Вацетисъ: „Если этотъ городъ (Царицынъ) перейдетъ въ руки противника, то этимъ будетъ дана возможность ему прервать красныя сообщенія съ Астраханью по Волгѣ и по ж. д. Урбахъ—Астрахань, равно какъ противникъ получитъ возможность установить общій сухопутный фронтъ между войсками Деникина и Колчака" ***).

И ликвидація красныхъ силъ на сѣверномъ Кавказѣ, и обезпеченіе праваго фланга Донского фронта, и соединеніе южнаго контръ-революціоннаго фронта съ восточнымъ рѣшались захватомъ Царицына.

Первая задача отвѣчала основной, поставленной себѣ Добровольческой Арміей еще въ Ольгинской, цѣли. Вторая была тѣсно связана съ существованіемъ прочнаго Донского фронта. Наконецъ третья являлась задачей общероссійскаго масштаба въ вооруженной борьбѣ всей русской контръ-революціи съ красной Москвой. Казалось бы, что въ этомъ вопросѣ расхожденія мнѣній среди различныхъ группировокъ русской контръ-революціи бытъ не могло. И южный, и восточный фронты были, одинаково, съ военной точки зрѣнія, заинтересованы въ объединеніи ихъ усилій, а южный фронтъ въ захватѣ того пункта, который одновременно рѣшалъ основныя задачи и Дона и Добровольческой Арміи.

*) Отъ Царицына 120 клм. по тракту на Владимировку и около 50 клм. по желѣзно-дорожной вѣткѣ Владимировка—Баскунчакъ.

**) Л. Клюевъ, „Борьба за Царицын", ГИЗ, 1928 годъ, стр. 14.

***) Тамъ же, стр. 15.

Удаленіе Царицына отъ ближайшаго, лѣваго, фланга Восточнаго фронта составляло около 20 армейскихъ переходовъ (300 клм. до уральскаго фронта у Новоузенска, и около 450 клм. до Хвалынска, занятаго Народной Арміей). Если учесть, что продвиженіе возставшихъ донцовъ за май и іюнь отъ Новочеркасска до сѣверныхъ границъ Дона составляло тѣ же 450 клм., нельзя считать это удаленіе чрезмѣрнымъ и установленіе взаимодѣйствія фронтовъ нереальнымъ.

Подходъ донцовъ къ подступамъ къ Царицыну въ началѣ іюля позволялъ расчитывать на подходъ отъ Царицына къ Саратову (около 300 клм.) въ серединѣ августа.

Въ это время Восточный фронтъ уже протянулся до Вольска (въ 100 клм. съ небольшимъ отъ Саратова).

Соединеніе южныхъ армій съ уральскими казаками, чехами и Народной арміей на средней Волгѣ закупоривало весь сѣверо-кавказскій, еще только организовавшійся въ это время, фронтъ, лишая его всѣхъ источниковъ снабженія. Германо-турецко-англійская оккупація (Черное море и Закавказье) довершала его изоляцію и съ запада и съ юга. Съ военной точки зрѣнія, лѣтомъ 1918 года, Царицынъ являлся единственнымъ важнѣйшимъ объектомъ операцій и восточнаго и южнаго фронтовъ русской контръ-революціи.

Увы, политически, Царицынъ оказался яблокомъ раздора и его исключительное стратегическое значеніе было принесено въ жертву соображеніямъ далеко не всегда понятнымъ съ чисто военной точки зрѣнія.

Проблема Царицына — капитальная проблема нашей гражданской войны въ 1918 году, и не остановиться подробно на ней значило бы отказаться отъ оцѣнки всей нашей вооруженной борьбы съ красными въ цѣломъ. Разбирая проблему Царицына, однако, сейчасъ же приходится натолкнуться на ограниченное ея толкованіе, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія лишь соединенія южнаго и восточнаго фронтовъ. Этимъ же, какъ мы видѣли выше, далеко еще не исчерпывалось значеніе Царицына.

Посмотримъ, поэтому, теперь какъ же Царицынская проблема расцѣнивалась, начиная съ іюня 1918 года, то есть со времени фактическаго возникновенія фронтовъ гражданской войны. Первое разногласіе по этому вопросу возникло уже въ концѣ мая между Добровольческой арміей и Дономъ.

Еще 28 мая, въ ст. Манычской (на южномъ берегу Дона противъ Новочеркасска) состоялось свиданіе вождей Добровольческой Арміи ген. Алексѣева и Деникина съ Донскимъ Атаманомъ Красновымъ.

Ген. Красновъ опредѣленно стоялъ на точкѣ зрѣнія необходимости совмѣстнаго выдвиженія донцовъ и добровольцевъ на Царицынъ. Командованіе Добровольческой Арміи „ближайшей частной задачей арміи“ ставило освобожденіе

Задонья и Кубани. Донской Атаманъ звалъ итти на Царицынъ, Добровольческая Армія отъ него уходила.

Чѣмъ же можно объяснить подобное разногласіе въ стратегически, казалось бы, безспорномъ вопросѣ? Объясненіе обѣихъ точекъ зрѣнія мы найдемъ въ воспоминаніяхъ ген. Краснова и Деникина.

„Если ген. Деникинъ“, сказалъ Донской Атаманъ *) на свиданіи въ Манычской, „считаетъ возможнымъ со своими добровольческими частями оставить Кубань и направиться къ Царицыну, то всѣ донскіе войска Нижне-Чирского и Великокняжескаго раіоновъ будутъ подчинены автоматически ген. Деникину. Движеніе на Царицынъ при томъ настроеніи, которое замѣчено въ Саратовской губерніи, сулитъ добровольцамъ полный успѣхъ. Въ Саратовской губерніи уже начались возстанія крестьянъ. Царицынъ дастъ ген. Деникину хорошую чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякаго войскового имущества, не говоря уже о деньгахъ. Добровольческая Армія перестанетъ зависѣть отъ казаковъ. Кромѣ того занятіе Царицына сблизило бы, а можетъ быть и соединило бы, насъ съ чехословаками и Дутовымъ, и создало бы единый грозный фронтъ. Опираясь на Войско Донское, армія могла бы начать свой маршъ на Самару, Пензу и Тулу и тогда Донцы заняли бы Воронежъ“...

„— Я ни за что не пойду на Царицынъ, — сказалъ категорически Деникинъ. — Потому, что тамъ мои добровольцы могутъ встрѣтить нѣмцевъ. Это невозможно.“

„— Но ручаюсь Вамъ, — возразилъ Атаманъ, — что нѣмцы дальше У. Бѣло-Калитвенской ст. **) на востокъ не пошли и безъ моего разрѣшенія не пойдутъ.“

„— Все равно на Царицынъ я теперь не пойду, — упрямо сказалъ Деникинъ. — Я обязанъ раньше освободить кубанцевъ — это мой долгъ и я его исполню.“

„Ген. Алексѣевъ поддержалъ Деникина. Онъ считалъ, что направленіе на Царицынъ дѣйствительно создастъ единый фронтъ, но все дѣло въ томъ, что Кубанцы изъ своего войска никуда не пойдутъ, а Добровольческая Армія безсильна что либо сдѣлать, такъ какъ въ ней всего около 2500 штыковъ. Ей нужно отдохнуть, окрѣпнуть и получить снабженіе, и вотъ Донское войско должно ей въ этомъ помочь. Кубань, хотя и поднялась противъ большевиковъ, но сильно нуждается въ помощи добровольцевъ. Если оставить кубанцевъ однихъ, можно опасаться, что большевики одолѣютъ ихъ, и тогда Донская Армія будетъ угрожаема со стороны Кубани.“

---

*) Красновъ, стр. 201 („Всевеликое Войско Донское“, Архивъ Русской Революціи, томъ V).

**) Ст. Усть-Бѣло-Калитвенская — на пересѣченіи ж. д. Лихая—Царицынъ съ р. Донцомъ, по воздушной линіи отъ Царицына въ 270 клм.

„На совѣщаніи было рѣшено, что Добровольческая Армія пойдетъ весной на Кубань и Екатеринодаръ и только послѣ освобожденія его, она сможетъ помочь Донцамъ въ операціяхъ на Царицынъ. Такимъ образомъ обѣ арміи—Донская и Добровольческая, расходились по двумъ взаимно противоположнымъ направленіямъ..."

Генералъ Деникинъ такъ описываетъ это свиданіе*): „28 мая по моему приглашенію въ ст. Манычской состоялось совѣщаніе съ ген. Красновымъ, въ которомъ приняли участіе ген. Алексѣевъ, кубанскій Атаманъ Филимоновъ, ген. Богаевскій и другіе. Ген. Красновъ настаивалъ на немедленномъ движеніи Добровольческой Арміи къ Царицыну, гдѣ „есть пушки, снаряды и деньги, гдѣ настроеніе всей Саратовской губерніи враждебно большевикамъ". Царицынъ долженъ былъ послужить въ дальнѣйшемъ нашей базой. Я, поддержанный ген. Алексѣевымъ и атаманомъ Филимоновымъ, изложилъ наши мотивы и настаивалъ на своемъ планѣ."

Каковы же были эти мотивы? На это также даютъ отвѣтъ „Очерки Русской Смуты" ген. Деникина. „Въ серединѣ (то есть въ концѣ по новому стилю) мая", пишетъ ген. Деникинъ**), „когда рѣшался планъ предстоящей операціи, не было еще ни Поволжскаго, ни чехословацкаго движенія. Внѣшними факторами, обуславливавшими рѣшеніе *политической* стороны вопроса, были только нѣмцы, Красновъ и гибнущая Кубань. Отъ того или иного рѣшенія вопроса зависѣло существованіе арміи и всего добровольческаго движенія... Конечная цѣль его не возбуждала ни въ комъ сомнѣній: выходъ на Москву, сверженіе совѣтской власти и освобожденіе Россіи. Разномыслія вызывали лишь пути, ведущія къ осуществленію этой цѣли..."

„Я, въ полномъ согласіи съ ген. Романовскимъ (начальникъ штаба Добровольческой Арміи), ставилъ ближайшей частной задачей арміи освобожденіе Задонья и Кубани. Исходили мы изъ слѣдующихъ соображеній:

„1. Немедленное движеніе на сѣверъ, при условіи враждебности нѣмцевъ, которые могли сбросить насъ въ Волгу, при необходимости базированія исключительно на Донъ и Украину, то есть области прямой или косвенной нѣмецкой оккупаціи, и при „нейтралитетѣ", пусть даже вынужденнымъ — донцовъ, мы могли поставить армію въ трагическое положеніе: съ сѣвера и юга — большевики, съ запада — нѣмцы, съ востока — Волга. Что касается перехода арміи за Волгу, то оставленіе въ пользованіи большевиковъ богатѣйшихъ средствъ Юга, отказъ отъ людскихъ контингентовъ, притекавшихъ съ Украины, Крыма, Сѣвернаго Кавказа, словомъ отказъ отъ поднятія противъ совѣтской власти Юга Россіи наряду съ востокомъ — представлялся совершенно недопустимымъ. Онъ могъ явиться лишь результатомъ нашего пораженія въ борьбѣ съ большевиками или нѣмцами.

„2. Освобожденіе Задонья и Кубани обезпечивало весь южный 400-верстный фронтъ Донской области и давало намъ, свободную отъ нѣмецкаго вліянія, обезпеченную и богатую базу для движенія на сѣверъ; давало притокъ укомплектованій надежнымъ и воинственнымъ элементомъ; открывало пути къ Черному морю, обезпечивало близкую и прочную связь съ союзниками въ случаѣ ихъ побѣды, наконецъ косвенно содѣйствовало освобожденію Терека.

„3. Насъ связывали нравственныя обязательства передъ Кубанцами, которые шли подъ наши знамена не только подъ лозунгомъ спасенія Россіи, но и освобожденія Кубани . . . Невыполненіе даннаго слова имѣло бы два серьезныхъ послѣдствія: сильнѣйшее разстройство арміи, въ особенности ея конницы, изъ рядовъ которой ушло бы много кубанскихъ казаковъ и оккупація Кубани нѣмцами. „Всѣ измучились, — говорилъ ген. Алексѣеву предсѣдатель кубанскаго правительства Бычъ, — Кубань ждать больше не можетъ... Екатеринодарская интеллигенція обращаетъ взоры на нѣмцевъ..." Таманскій отдѣлъ въ концѣ мая (въ серединѣ іюня по новому стилю) послѣ неудачнаго возстанія сдѣлалъ это фактически..."

Ясно, что изъ трехъ сторонъ Царицынской проблемы — соединенія съ восточнымъ фронтомъ, устраненія фланкирующей донской фронтъ угрозы и выхода на сообщенія сѣверокавказской группы красныхъ съ Москвою, ген. Красновымъ руководилъ главнымъ образомъ мотивъ устраненія угрозы Донскому фронту. Вѣдь чехо-словацкое выступленіе началось только за два дня до свиданія въ Манычской, а начало Самарскаго фронта относится къ 8-му іюня. Знать ни о чехахъ ни о Народной Арміи въ Манычской не могли ни ген. Деникинъ, ни ген. Красновъ. Однако, руководствуясь этой „чисто донской оцѣнкой" Царицына, ген. Красновъ интуитивно этимъ рѣшалъ и всю стратегическую проблему южной группировки контръ-революціи.

Противъ выдвиженія на Царицынъ ген. Деникинъ приводитъ три основныхъ возраженія: опасеніе нѣмцевъ, перенесеніе базы Добровольческой Арміи съ юга на востокъ и стремленіе къ рѣшенію борьбы на Сѣверномъ Кавказѣ путемъ лобового удара черезъ Кубань, а не путемъ воздѣйствія на сообщенія сѣверо-кавказской группы Красныхъ, ударомъ по ея тыламъ черезъ Царицынъ, Астрахань и Саратовъ.

*) Деникинъ, III, 155.

**) Тамъ же, 154.

Опасенія вмѣшательства, или даже угрозы, со стороны нѣмцевъ конечно остаются въ области предположеній. О томъ, какъ реагировали бы нѣмцы на выдвиженіе Добровольческой Арміи на Царицынъ можно только гадать. Нѣтъ, однако, никакихъ серьезныхъ данныхъ, подтверждающихъ опасенія ген. Деникина. Нѣмцы, конечно, не могли сочувствовать созданію противонѣмецкаго фронта на Волгѣ, но захватъ Царицына и движеніе со средней Волги на Москву, а не на нѣмцевъ, врядъ ли могло бы вызвать съ ихъ стороны репрессіи по отношенію къ Добровольческой Арміи. Во всякомъ случаѣ идея противогерманскаго фронта на Волгѣ была идеей совершенно отвлеченной, родившейся у нашихъ союзниковъ и фактически дѣйствія нашего поволжскаго фронта ни въ какой степени этой идеѣ не отвѣчали. Идея эта въ теченіи всего 1918 года служила лишь флагомъ, подъ который Восточный фронтъ надѣялся получить помощь союзниковъ. Наличіе нѣмцевъ „съ запада" при движеніи на Царицынъ, нисколько не мѣнялась и при движеніи на Кубань, ибо въ этомъ случаѣ они были бы „съ тыла". Движеніе на Кубань обезпечивало тылъ Дона, но вѣдь и выдвиженіе нѣмцевъ на Кубань, котораго такъ опасался ген. Деникинъ, точно также рѣшало бы этотъ вопросъ, только за счетъ не русскихъ силъ, а за счетъ нѣмцевъ. Встрѣча съ нѣмцами при движеніи на Москву была наименѣе вѣроятной именно на Царицынскомъ направленіи, такъ какъ всѣ остальные пути съ юга, кромѣ Царицына, вели черезъ области австро-германской оккупаціи и лишь одинъ Царицынъ находился внѣ сферы ихъ вліянія.

Базой все равно оставался на первое время тотъ же Донъ. И при движеніи на Екатеринодаръ и при движеніи на Царицынъ базированіе Добровольческой Арміи шло бы на тотъ же Ростовъ и Украину. И если эти базы признавались Добровольческой Арміей „не свободными отъ нѣмецкаго вліянія", то казалось бы именно Царицынъ давалъ возможность перемѣны базированія на Уралъ и Сибирь и какъ разъ рѣшалъ и этотъ вопросъ въ наиболѣе благопріятномъ для Добровольческой Арміи, желавшей избавиться отъ нѣмецкой базы, смыслѣ.

Ударъ по Царицыну, рѣзавшій всѣ тылы сѣверо-кавказской группы красныхъ, предрѣшалъ ея дальнѣйшую судьбу. Уйти ей было некуда и держаться на сѣверномъ Кавказѣ, безъ снабженія, стиснутой между Дономъ и Добровольческой Арміей съ сѣвера и оккупированнымъ германцами, турками и англичанами Закавказьемъ, она долго все равно не могла бы. Освобожденіе Кубани, при этомъ, достигалось само собою, какъ „побочный продуктъ" основной операціи, удара по тыламъ сѣверо-кавказской группы красныхъ.

Лобовой ударъ на Кубань конечно тоже рѣшалъ задачу по освобожденію сѣвернаго Кавказа, но онъ рѣшалъ ее по принципу стратегіи фронтальныхъ ударовъ и отказа отъ опе-

ративнаго маневра. Конечно кубанской радѣ такая стратегія казалась наиболѣе отвѣчающей прямымъ интересамъ Кубани. Аулъ Шенджій продолжалъ оказывать свое вліяніе на стратегію Добровольческой Арміи.

Весь ходъ дальнѣйшихъ событій лѣтомъ и осенью 1918 года, однако, показалъ на тѣ трудности, съ которыми было сопряжено отжиманіе красныхъ не терявшихъ своей базы съ сѣвернаго Кавказа. Въ концѣ концовъ, послѣ шести мѣсяцевъ борьбы, они хотя и сильно потрепанные, все таки отошли къ Астрахани и, засѣвъ въ ней, въ теченіи всей нашей гражданской войны оставались угрозой правому флангу Добровольческой Арміи и отдѣляли ее отъ уральскихъ казаковъ.

Движеніе на Царицынъ несомнѣнно лишало Добровольческую Армію немедленнаго пополненія кубанскими казаками, но оно зато обѣщало ей поддержку уральцевъ и давало донцовъ. Настроенія Саратовской губерніи съ ея нѣмецкими колонистами повидимому вѣрно расцѣнивались ген. Красновымъ. Вѣдь дѣйствительно, 18-го мая въ Саратовѣ возсталъ мѣстный гарнизонъ и возстаніе было подавлено лишь переброской частей съ уральскаго фронта. „Пораженіе красной арміи въ ея походѣ на Уралъ (первая половина мая 1918 года)", пишетъ совѣтскій источникъ *), всколыхнуло „всѣ антисовѣтскіе елементы не только въ селахъ, но и въ городахъ".

При свиданіи въ Манычской, правда Поволжскаго фронта еще не было, но вѣдь послѣ Манычской прошелъ еще цѣлый мѣсяцъ до того, какъ Добровольческая Армія двинулась на Кубань, а за это время были взяты Самара и Сызрань, Дутовъ возвратился изъ Тургайскихъ степей, начала формироваться Сибирская армія и чехи пробивались и изъ Сибири и съ Волги на Уфу. Восточный фронтъ переставалъ быть фиктивнымъ, о его существованіи не могли не знать ни Добровольческая Армія, ни Донъ. Уже къ концу іюня (то есть въ первой половинѣ іюля) ген. Алексѣевъ, пишетъ ген. Деникинъ **), „все чаще сталъ мнѣ напоминать о Волгѣ. Его письмо отъ 13-го іюля дышало вновь глубокимъ пессимизмомъ: „углубленіе наше на Кубань можетъ повести къ гибели. Обстановка зоветъ насъ на Волгу... Центръ тяжести событій, рѣшающихъ судьбы Россіи, перемѣщается на востокъ. Мы не должны опоздать въ выборѣ минуты для оставленія Кубани и появленія на главномъ театрѣ". Вопросъ о соединеніи фронтовъ къ концу іюня пріобрѣталъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ день свиданія въ Мынычской. Значеніе Царицына все росло, но Добровольческая Армія уже повернула на Кубань и въ теченіи всей второй половины 1918 года уходила отъ главнаго объекта своихъ усилій — Москвы, къ Каспійскому морю и Кавказскимъ горамъ...

*) „Гражданская война 1918—1921 г.г.", т. I. статья Кутякова: „Первый походъ на Уральскъ", стр. 134.

**) Деникинъ, III, 156.

Звали въ Царицынъ и союзники. Ген. Деникинъ прямо пишетъ: „Представитель союзниковъ — генералъ Лавернь (звалъ) — на Царицынъ“ *).

И тѣмъ не менѣе Добровольческая Армія, простоявъ еще мѣсяцъ въ Задоньѣ, въ концѣ іюня ушла на Кубань...

Посмотримъ теперь на то, какъ Царицынъ расцѣнивался восточнымъ фронтомъ русской контръ-революціи. „Саратовъ“, пишетъ начальникъ оперативнаго отдѣленія штаба Народной Арміи, тогда ген. шт. пол. Петровъ **), „имѣлъ для насъ громадное значеніе не только потому, что онъ былъ центромъ, откуда направлялись удары черезъ Николаевскъ, а еще и потому, что на Саратовскомъ направленіи дрались съ большевиками уральскіе казаки и часть крестьянъ Новоузенскаго уѣзда. Силы Уральскаго войска были небольшія, но испытанныя въ долгой борьбѣ. Ударъ на Саратовъ давалъ возможность Уральцамъ выйти на Волгу и освободить часть силъ для активныхъ дѣйствій вмѣстѣ съ самарцами. Кромѣ того населеніе побережья Волги относилось къ большевикамъ болѣе враждебно, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ“. Однако Народную Армію тянуло къ сѣверу — на Казань. „Командованія русское въ лицѣ полк. Каппеля и чешское въ лицѣ полк. Степанова горѣли желаніемъ ударить по Казани серьезно и по возможности развить ударъ вверхъ по Волгѣ“ ***). Вниманіе восточнаго фронта все болѣе и болѣе отвлекалось на сѣверъ.

Причины этого отталкиванія отъ южныхъ контръ-революціонныхъ армій видны изъ словъ, стоявшаго въ сентябрѣ во главѣ восточнаго фронта, ген. Болдырева.

„Разрывъ между фронтомъ Юга и Поволжья“, пишетъ ген. Болдыревъ ****), „былъ слишкомъ великъ. Надо было прежде всего сойтись поближе... Въ то время связь была возможна лишь черезъ небольшіе казачьи (уральскіе) отряды, занимавшіе Гурьевъ (въ устьѣ р. Урала), затѣмъ черезъ Каспій и сѣверный Кавказъ... Болѣе короткое направленіе для связи могло быть черезъ Царицынъ, но оно не было надежнымъ... При бо́льшемъ единствѣ, при отсутствіи сепаратизма у южанъ, наиболѣе выгоднымъ представлялось добиваться непосредственной боевой связи съ южной Добровольческой Арміей, то есть направляя всѣ усилія и главный ударъ въ юго-западномъ направленіи, *примѣрно на фронтъ Саратовъ—Царицынъ*. При успѣхѣ операціи въ этомъ направленіи получалась бы огромная, охватывающая красныхъ дуга, сжиманіе концовъ которой сулило самые рѣшительные результаты. Москва кромѣ того лишалась бы запасовъ богатаго

*) Деникинъ, III, 87. (Ген. Лавернь—Lavergne).

**) Ген. Петровъ, „Отъ Волги до Тихаго Океана“, стр. 34—35.

***) Тамъ же, стр. 35.

****) В. Г. Болдыревъ, „Директорія, Колчакъ, интервенты“, 1925 годъ Новониколаевскъ, стр., 60.

юга, лишалась бы угля и столь необходимаго ей жидкаго топлива“.

Стратегически, такимъ образомъ, восточное командованіе не сомнѣвалось въ единственно цѣлесообразномъ операціонномъ направленіи на Саратовъ—Царицынъ.

Политически, увы, оно смотрѣло иначе. „Сепаратизмъ и идеологическое отчужденіе юга“, пишетъ тотъ же Болдыревъ *), „страхъ опоздать съ торжественнымъ въѣздомъ въ покоренную Москву продолжались еще долго и потомъ, когда Директорія смѣнилась уже единодержавіемъ Колчака“.

Не военныя, а чисто политическія соображенія тянули Болдырева на сѣверъ: „Наоборотъ“, пишетъ онъ **), „съ сѣвера изъ Архангельска, гдѣ образовалось свое правительство съ членомъ Директоріи Н. В. Чайковскимъ во главѣ, получилось не только признаніе Директоріи, какъ Центральной Всероссійской Власти, но и горячее стремленіе къ возможно скорѣйшему установленію связи“.

Упрекая южанъ въ сепаратизмѣ, Болдыревъ совершенно открыто признается, что имъ въ его рѣшеніи руководили тоже причины совершенно не стратегическія. Правда, что онъ это стремится нѣсколько завуалировать словами ***): „Это (то есть сѣверное, на Архангельскъ) направленіе имѣло также свои выгоды; при успѣхѣ оно предоставляло въ распоряженіе Главнокомандованія желѣзно-дорожный путь къ Котласу, гдѣ имѣлись нѣкоторые запасы и далѣе по Двинѣ вело къ связи съ Архангельскомъ, съ богатымъ источникомъ боевого снабженія, столь необходимаго въ то время“. Если только припомнить, что отъ Урала (отъ Екатеринбурга) до Архангельска было 1200 клм. по ж. д. до Котласа и оттуда еще 500 клм. вверхъ по Двинѣ, то есть всего около 1700 клм., въ то время какъ между лѣвымъ флангомъ восточнаго фронта (Новоузенскъ) и Царицыномъ было лишь 300 клм., становится ясно, насколько планы ген. Болдырева были далеки отъ соображеній чисто военныхъ.

Увы, подобныя же нотки встрѣчаются и у южнаго командованія. „Тамъ (на Волгѣ)“, пишетъ ген. Деникинъ ****), „намъ предстояли бы еще болѣе сложныя отношенія съ черновскимъ Комучемъ“.

Все же, если соединеніе восточнаго и южнаго фронтовъ русской контръ-революціи и встрѣчало почти непреодолимыя препятствія въ расхожденіяхъ идеологическихъ и политическихъ, отодвигая на второй планъ соображенія чистой стратегіи, то вѣдь этимъ все таки проблема Царицына еще не исчерпывалась. При расхожденіи Донской Арміи на сѣверъ, а

*) Болдыревъ, 60.

**) Тамъ же, 61.

***) Тамъ же, 61.

****) Деникинъ, III, 156.

Добровольческой — на Кубань, Царицынъ продолжалъ оставаться на флангѣ всего продвиженія донцовъ на сѣверъ, а борьба съ сѣверо-кавказскимъ фронтомъ красныхъ приводила Добровольческую Армію къ фронтальному наступленію на кубанскихъ большевиковъ. Между тѣмъ обѣ задачи проще всего рѣшались совмѣстнымъ наступленіемъ донцовъ и добровольцевъ къ Царицыну. Вмѣсто этого они двинулись въ концѣ іюня по двумъ взаимно противоположнымъ направленіямъ. Значеніе Царицына не было оцѣнено русской контръ-революціей и это чрезвычайно затруднило всю вооруженную борьбу съ большевиками.

Донцы, отжимая отряды Щаденки и Ворошилова на Царицынъ, къ серединѣ іюля подошли къ городу на разстояніе въ 30—50 клм. (Мамонтовъ къ Карповкѣ съ запада, Фицхелауровъ съ сѣверо-запада, къ Качалинской). Въ то же время, какъ будетъ подробнѣе изложено ниже, добровольцы, при содѣйствіи донцовъ, отрѣзали Царицынъ и отъ Кубани, захвативъ 28-го іюня ст. Великокняжескую. Однако отдѣльные, бѣжавшіе съ Украины, подъ натискомъ нѣмцевъ, совѣтскіе отряды постепенно переформировывались въ „Царицынскій фронтъ", во главѣ котораго стояла „тройка" — Сталинъ,召 Мининъ и Ворошиловъ, причемъ послѣдній сталъ непосредственно во главѣ вооруженныхъ силъ фронта *).

Разрозненные отряды были переформированы въ четыре дивизіи. 30 тысячъ рабочаго населенія Царицына укомплектовали ихъ надежнымъ пополненіемъ. Металлургическіе заводы Царицына (особенно французскій заводъ Дюмо и бывшій орудійный заводъ, построенный во время міровой войны) обезпечили снабженіе Царицынскаго фронта 13-ю бронепоѣздами, что по мѣстнымъ условіямъ давало громадныя преимущества оборонѣ. Дѣйствительно, сходившіяся въ Царицынѣ три желѣзныхъ дороги (отъ Тихорѣцкой, Лихой и Поворина) образовывали западнѣе города, благодаря соединительнымъ вѣткамъ, выдвинутый, въ среднемъ на 10 клм. какъ бы желѣзно-дорожный плацдармъ, обезпечивавшій возможность самаго широкаго маневрированія бронепоѣздами. Отсутствіе же серьезной угрозы со стороны Великокняжеской, т. к. Добровольческая Армія по взятіи ея, 30-го іюня повернула на юго-западъ, на ст. Тихорѣцкую, обезпечивало коммуникаціи Царицына на Владимировку—Баскунчакъ.

Но силъ донцовъ для выдвиженія на основныхъ ихъ операціонныхъ направленіяхъ: Пензенскомъ (Балашовскій же-

*) До этого во главѣ Царицынскаго „Штаба" стоялъ бывшій генералъ генеральнаго штаба Снѣсаревъ и военные руководители Носовичъ и Ковалевскій. Снѣсаревъ состоитъ и по сейчасъ профессоромъ Красной Академіи, а „оба послѣдніе оказались предателями: Носовичъ убѣжалъ къ казакамъ на нашемъ же автомобилѣ со ст. Таловая (Воронежской губерніи), Ковалевскій, безъ конца насъ предававшій и путавшій всѣ наши карты, былъ разстрѣлянъ" („Гражданская война 1918—1921 гг.", т. I, статья А. Каменскаго: „Отъ Донбасса на Царицынъ", стр. 21).

лѣзно-дорожный узелъ) и Воронежскомъ (вверхъ по Дону и по желѣзно-дорожной линіи Москва—Воронежъ—Ростовъ) и на Царицынъ не хватало. Взять Царицынъ съ налета, въ іюлѣ и августѣ донцамъ не удалось. Между тѣмъ красные, организовавшись, сами, 22-го августа, перешли въ наступленіе изъ Царицына и къ началу сентября выдвинулись до Дона, на фронтѣ въ 80 клм. отъ устья р. Иловли до желѣзно-дорожнаго моста на линіи Лихая—Царицынъ (Ляпичевъ) и по желѣзной дорогѣ къ Великокняжеской до ст. Гнилоаксайской.

Такимъ образомъ кольцо, окружавшее Царицынъ, было раздвинуто красными и донцы откинуты примѣрно на 3—4 перехода отъ города. Этимъ все продвиженіе донцовъ на сѣверъ въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ сразу становилось подъ фланговый ударъ со стороны Царицынской группы красныхъ.

Выдвиженіе донцовъ на Воронежскомъ направленіи дало имъ къ серединѣ іюля Богучарскій уѣздъ (пограничный съ Дономъ юго-восточный уѣздъ Воронежской губерніи).

Сохраненіе отбитыхъ у большевиковъ съ боемъ границъ Дона требовало захвата ряда пограничныхъ узловъ. Однако въ сознаніе рядовой казачьей массы это проникало съ трудомъ. Дойдя до „грани" дальше казаки идти не хотѣли. Очень типична въ этомъ отношеніи приводимая ген. шт. полк. Добрынинымъ въ его „Вооруженной борьбѣ Дона съ большевиками" *) рѣчь рядового казака на Кругѣ: „Я коснуся одному гг. члены: такъ какъ мы на той поприщѣ стоимъ, штобы свово не отдать, а чужово намъ не надо, то надо до тово добиться, штобы эти флажки (указываетъ на карту) назадъ не передвигались, но и въ даль далеко не пущались... Россія?.. Конешно держава была порядошная, а нынѣ произошла въ низость... Ну и пущай... У насъ и своихъ дѣловъ не мало собственныхъ... Прямо сказать, гг. члены, кто пропитанъ казачествомъ, тотъ своево не долженъ отдать — дурно... А на счетъ Россіи повременить. Пущай Кругъ идетъ къ той намѣченной цѣли, штобы спасти родной край — пригребай съ своему берегу... Больше ничего не имѣю, господа члены"...

Съ этими настроеніями былъ вынужденъ считаться и Донской Атаманъ и для похода на Россію онъ поэтому то и готовилъ „постоянную" армію. „Атаманъ зналъ", пишетъ Красновъ **), „что всѣ казаки на Москву *ни за что не пойдутъ*, а эти 30 тысячъ (постоянная армія), а за ними столько же охотниковъ *навѣрное пойдутъ*" (курсивъ ген. Краснова). Отсюда же родилась и идея будущей „южной" арміи, которая должна была *смѣнить* казаковъ за предѣлами Донской земли. „Какая то", пишетъ Красновъ ***), „все равно какая, но

*) „Донская Лѣтопись", № 1, стр. 107.
**) Красновъ, „Всевеликое Войско Донское", стр. 223.
***) Тамъ же, стр. 242.

Армія, составленная изъ русскихъ людей на сѣверной границѣ
войска Донского была необходимо нужна Атаману въ виду
крайняго утомленія донскихъ казаковъ, рѣшительнаго отказа
ихъ бороться и *спасать Россію въ полномъ одиночествѣ*"
(курсивъ ген. Краснова).

Эта „русская" армія зародилась одновременно въ трехъ
группировкахъ, изъ коихъ двѣ — собственно „южная" армія
и армія „астраханская" начали формироваться въ концѣ іюля
и въ первой половинѣ августа *) *нѣмцами*. Было ли это
случайнымъ совпаденіемъ или начало германскаго пораженія
(вторая половина іюля — августъ 1918 года) измѣнило поли-
тику нѣмцевъ, но до этого на такія формированія они не
шли. И Астраханская армія, формируемая калмыцкимъ княземъ
Тундутовымъ для дѣйствій въ Задоньѣ и „южная" армія,
вначалѣ подъ командованіемъ ген. Семенова, направленная въ
Богучарскій уѣздъ Воронежской губерніи (на лѣвомъ флангѣ
Донского фронта), лѣтомъ 1918 года только еще начали раз-
вертываться и боевой ихъ составъ въ это время не превы-
шалъ нѣсколькихъ тысячъ бойцовъ.

Третьей группировкой была создававшаяся самимъ Дон-
скимъ Атаманомъ „Русская Народная Армія", преимуществен-
но изъ крестьянъ, ушедшихъ отъ большевиковъ изъ Сара-
товской губерніи, возглавлявшаяся 32-лѣтнимъ офицеромъ
ген. шт. подполк. Манакинымъ.

Первоначально группировки эти не были объединены и
подчинялись ген. Краснову лишь оперативно. Ген. Деникинъ **)
приводитъ, однако, справку о томъ, что и Семеновъ и Мана-
кинъ уже 19-го августа приказами Донского Атамана были
назначены военными губернаторами соотвѣтственно Воронеж-
ской и Саратовской губерній, что подчеркиваетъ идею ген.
Краснова, уже въ августѣ, передать Воронежскій и Саратов-
скій фронты этимъ вновь формируемымъ „русскимъ" арміямъ.

Все же ген. Краснову удалось добиться отъ Круга, со-
бравшагося 28-го августа, постановленія (отъ 1-го сентября)
о томъ, что „для наилучшаго обезпеченія нашихъ границъ,
Донская армія должна выдвинуться за предѣлы области, за-
нявъ города Царицынъ, Камышинъ, Балашовъ, Новохоперскъ
и Калачъ въ раіонѣ Саратовской и Воронежской губерній ***).

Что же собою представляли эти пункты? Это были
узловыя или конечныя станціи на подводившихъ къ Дону
желѣзныхъ дорогахъ, въ удаленіи отъ границъ области въ

---

*) Герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій, одинъ изъ основателей „Южной
Арміи", относитъ начало ея формированія къ „концу іюля" (по старому
стилю), то есть къ первой половинѣ августа 1918 года (Архивъ Русской
Революціи, т. VIII, его статья: „Какъ началась Южная Армія", стр. 166).

**) Деникинъ, III, 120.

***) Красновъ, 235.

среднемъ въ 30 клм. *). Задачи, ставившіяся Донской арміи
внѣ донскихъ „граней" были, какъ видно, болѣе чѣмъ скром-
ныя...

Первая половина іюля, впервые съ октябрьскаго перево-
рота, поставила совѣтскую власть, лицомъ къ лицу и съ „вну-
треннимъ врагомъ". Расхожденія по поводу совѣтской поли-
тики въ Брестѣ, приведшія послѣ подписанія мира къ выходу
лѣвыхъ с.-ровъ изъ состава правительства, готовили совѣт-
ской власти большіе сюрпризы.

Уже 20-го іюня въ Петроградѣ былъ убитъ эсерами
видный совѣтскій комиссаръ Володарскій.

Засѣдавшій же въ началѣ іюля, одновременно съ 5-мъ
Съѣздомъ Совѣтовъ, „Всероссійскій съѣздъ партіи *лѣвыхъ
с.-р.*" постановилъ „разорвать революціоннымъ способомъ ги-
бельный для русской и міровой революцій Брестскій дого-
воръ" **).

Исполненіе воли съѣзда было поручено Ц. К. партіи.
Послѣдній же рѣшилъ выполнить волю съѣзда путемъ убій-
ства германскаго посла въ Москвѣ графа Мирбаха, поставивъ
совѣтскую власть передъ фактомъ разрыва Брестскаго мира.
Въ засѣданіи Ц. К. 4-го іюля это убійство было поручено,
вызвавшимся на это, Блюмкину и Андрееву. Оба служили въ
Чекѣ, первый на должности начальника отдѣленія по борьбѣ
со шпіонажемъ, а второй — фотографомъ того же отдѣленія.
Было рѣшено использовать аппаратъ Чеки для поддѣлки до-
кументовъ и для проникновенія въ германское посольство
подъ предлогомъ дѣла племянника посла графа Р. Мирбаха,
обвинявшагося Чекой въ шпіонажѣ.

Поддѣлавъ документы въ самой же Чекѣ, Блюмкинъ и
Андреевъ проникли къ графу Мирбаху и попросивъ свиданія
по личному дѣлу, касавшемуся его племянника и въ 3 часа
дня 6-го іюля убили германскаго посла.

Убійство Мирбаха было сигналомъ для начала общаго
возстанія лѣвыхъ эсеровъ въ Москвѣ. Эсеровскіе главари
(Александровичъ, Карелинъ, Камковъ-Кацъ и М. Спиридонова)
стояли во главѣ возстанія. Отрядъ чекиста Попова аресто-
валъ главу Чеки Дзержинскаго, выѣхавшаго для разбора
убійства Мирбаха. Вслѣдъ за нимъ вооруженными матросами
были арестованы и сподвижникъ Дзержинскаго по Чекѣ —
Лацисъ, и предсѣдатель Московскаго Совдепа Смидовичъ.

Возставшіе захватили и почтамтъ, и арестовали наркома
Подбѣльскаго, но захватить электрическую станцію имъ не

---

*) Повидимому вмѣсто Новохоперска рѣчь шла объ узловой станціи
Поворино, но такъ какъ Новохоперскъ былъ уѣзднымъ городомъ, этотъ
пунктъ и былъ названъ какъ болѣе извѣстный мало искушеннымъ въ стра-
тегіи членамъ Круга.

**) Л. Троцкій, „Какъ вооружалась Революція", т. I, примѣчаніе 94-е,
стр. 415.

удалось. Однако, дальше дѣло не пошло. Отрядъ Попова за-
сѣлъ въ Трехсвятительскомъ переулкѣ и подъ утро 7-го іюля,
то есть на слѣдующій день, былъ атакованъ начальникомъ
латышской дивизіи Вацетисомъ съ отрядомъ въ 800—2000
пѣхоты при 4 - 8 орудіяхъ, 60 пулеметахъ и нѣсколькихъ
бомбометахъ *).

Пододвинувъ пушки, Вацетисъ **), съ 200 шаговъ, сталъ
бить по штабу лѣвыхъ эсеровъ и къ вечеру 7-го іюля все
было ликвидировано.

Все въ этомъ возстаніи какъ то несерьезно и въ то же
время оно показываетъ, насколько шаткой въ іюлѣ 1918 года
была власть совѣтовъ даже въ ея цитадели Москвѣ и среди
ея собственной политической полиціи въ лицѣ ВЧК...

Мятежъ былъ подавленъ выступленіемъ батальона ла-
тышей съ батареей въ теченіи первыхъ же сутокъ. И это,
при условіи захвата возставшими всего полицейскаго аппарата
совѣтовъ и всѣхъ средствъ связи... Помимо неудачной тех-
ники самого возстанія, разработаннаго безграмотными въ этомъ
дѣлѣ партійными работниками, мятежъ лѣвыхъ эсеровъ не
имѣлъ никакихъ корней и въ странѣ. Недовольство страны,
и въ частности крестьянства, монопольными выразителями
воли котораго всегда себя считали эсеры всѣхъ мастей и от-
тѣнковъ, было совершенно ошибочно ими истолковано, какъ
недовольство Брестомъ.

Увы... Брестъ, какъ это цинично, говорилъ Ленинъ, въ
это время безспорно отвѣчалъ чаяніямъ широкихъ массъ, при-
ступившаго къ дѣлежу земли, крестьянства. Страна была не-
довольна властью, крестьянство — начинавшимися хлѣбными
поборами, но отъ этого до возстанія подъ флагомъ протеста
противъ Бреста было очень далеко.

Одновременно съ Москвою, совершенно ничтожное по
размѣрамъ, возстаніе было организовано лѣвыми эсерами и
въ Петроградѣ (въ Пажескомъ корпусѣ), безъ труда подавлен-
ное въ тотъ же день (7-го іюля).

Московское возстаніе все же имѣло нѣкоторый резонансъ.
Дѣйствительно, главнокомандующій Восточнымъ фронтомъ
Муравьевъ, хотя и призывалъ 9 го іюля въ своемъ приказѣ
войска „къ исполненію своего революціоннаго долга", но въ
тоже время самъ бѣжалъ изъ Казани въ Симбирскъ, гдѣ объ-

*) Тамъ же, стр. 276—300, томъ I.

**) Вацетисъ, по окончаніи Академіи Генеральнаго Штаба въ 1909
году по 2-му разряду, былъ во время войны все таки зачисленъ въ ген.
штабъ и командовалъ къ концу войны латышскимъ полкомъ. Примкнувъ съ
самаго начала къ большевикамъ, онъ сейчасъ же послѣ подавленія Москов-
скаго возстанія былъ сдѣланъ Главнокомандующимъ совѣтскихъ армій во-
сточнаго фронта, а затѣмъ въ сентябрѣ и Верховнымъ Главнокомандую-
щимъ. Ему было въ это время около 40 лѣтъ. Вацетису между прочимъ
при этомъ помогалъ и извѣстный международный бандитъ Бела Кунъ съ
венгерскими интернаціоналистами.

явилъ о своемъ объявленіи войны Германіи при сохраненіи
совѣтской власти (!), потребовалъ поддержки мѣстнаго совѣта
и „приказалъ войскамъ своего фронта перестроиться фрон-
томъ на западъ и двигаться на Москву. Поддержки себѣ
Муравьевъ ни въ комъ не нашелъ и вынужденъ былъ застрѣ-
литься" *).

Застрѣлился Муравьевъ (бывшій офицеръ, лѣвый эсеръ,
прославившійся своими звѣрствами въ первый періодъ граж-
данской войны) 11-го іюля. Многое въ этомъ неясно. Поче-
му Муравьевъ, только что прибывшій на Волгу (за три не-
дѣли до мятежа лѣвыхъ эсеровъ), расчитывалъ на возмож-
ность подобнаго поворота своего фронта? Почему онъ бѣжалъ
именно въ Симбирскъ, то есть въ пунктъ наиболѣе близкій къ
чешскому фронту (Самарская группа въ это время занимала
Ставрополь на Волгѣ, въ 100 клм. отъ Симбирска)? Не было
ли тутъ какихъ нибудь постороннихъ вліяній?

Во всемъ этомъ выступленіи, начиная отъ Москвы и
кончая Муравьевымъ, какимъ то страннымъ диссонансомъ
звучитъ мотивъ борьбы не столько съ большевиками, сколько
съ нѣмцами...

Послѣднимъ откликомъ мятежа лѣвыхъ эсеровъ было
убійство германскаго главнокомандующаго на Украинѣ фельд-
маршала ф. Эйхгорна (30-го іюля, то есть три недѣли спустя
послѣ убійства Мирбаха) въ Кіевѣ. Убитъ онъ былъ по по-
становленію Ц. К. партіи лѣвыхъ эсеровъ — нѣкіимъ Б
Донскимъ **).

Наконецъ уже эхомъ прозвучали послѣдніе террористи-
ческіе акты с.-ровъ (убійство Коннегиссеромъ въ Петроградѣ
29 августа Урицкаго и покушеніе 30 августа въ Москвѣ
Капланъ на Ленина).

Вспышка въ самой Москвѣ, бунтъ въ Чекѣ и измѣна
главнокомандующаго не могли не встревожить большевиковъ,
тѣмъ болѣе, что одновременно съ этимъ вспыхнуло возстаніе
правыхъ эсеровъ, и притомъ почти одновременно, въ Яро-
славлѣ, Рыбинскѣ, Муромѣ, Арзамасѣ и Ростовѣ (Ярослав-
скомъ). Центральными очагами возстанія были Ярославль и
Муромъ.

Возстаніе въ Ярославлѣ, начатое главнымъ образомъ
бѣлыми офицерами, служившими въ совѣтскихъ учрежде-
ніяхъ ***), встрѣтило сочувствіе въ мѣстномъ населеніи. За-
хватъ порохового и склада огнестрѣльныхъ припасовъ при-
дали ему значительный размахъ. Возстаніе продолжалось двѣ
недѣли (6—21 іюля) и потребовало для своей ликвидаціи
высылки совѣтскихъ отрядовъ изъ Москвы, Вологды и Ко-
стромы.

*) „Гражданская война 1918—1921 гг.", т. III, стр. 76 (примѣчаніе
1-ое).

**) Хрістюкъ, ч. III, стр. 95.

***) Троцкій, I, 410.

Въ Муромѣ (мѣстопребываніи Высшаго Военнаго Совѣта Красной Арміи) возстаніе началось въ ночь на 9-е іюля, но длилось лишь сутки.

Возстанія въ остальныхъ пунктахъ были подавлены совѣтской властью безъ труда. Такимъ образомъ, кромѣ Ярославля и, отчасти, Мурома, эти вспышки были совершенно дезорганизованными и контръ-революціонное творчество ихъ руководителя Савинкова оказалось значительно ниже его прежней революціонной „работы“.

Какую цѣль преслѣдовали эти возстанія? Руководимыя эсеромъ Савинковымъ, они выполнялись руками врядъ ли правыхъ эсеровъ, такъ какъ основнымъ ядромъ главнаго Ярославскаго возстанія было далеко не соціалистически настроенное офицерство.

Если посмотрѣть на карту, то видно, что возстанія сосредоточились въ двухъ очагахъ: на Архангельскомъ направленіи (Ярославль—Ростовъ Ярославскій—Рыбинскъ) и на Казанскомъ направленіи (Муромъ—Арзамасъ). Оба очага были удалены отъ Москвы примѣрно на 300 клм. каждый. Какъ будто, слѣдовательно, они были обращены въ сторону центра —Москвы — съ сѣвера и востока. Однако, оба избранныхъ Савинковымъ направленія какъ то связываютъ общій планъ возстанія съ сѣвернымъ дессантомъ (Бѣлымъ моремъ) и съ приволжскимъ фронтомъ.

Ярославскій очагъ лежалъ на желѣзной дорогѣ Москва—Архангельскъ, Муромскій — на линіи связывавшей Москву со штабомъ восточнаго фронта въ Казани. Совершенно очевидно, что вдохновителемъ возстанія руководила мысль какого то отраженія этого возстанія на обоихъ направленіяхъ начавшейся союзной интервенціи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, впрочемъ, что этотъ выборъ былъ Савинкову прямо предуказанъ финансировавшими предпріятіе союзными военными миссіями. Непонятно только одно, почему возстанія вспыхнули тогда, когда не было никакихъ шансовъ ни на ихъ поддержку со стороны Бѣлаго моря и Волги, ни на то, что они могли бы въ какой бы то ни было мѣрѣ отразиться на дѣйствіяхъ этихъ фронтовъ.

Во время этихъ возстаній англійскій дессантъ на Бѣломъ морѣ продвигался совсѣмъ не по линіи желѣзной дороги Архангельскъ-Москва, а на Мурманскомъ направленіи, то есть по желѣзной дорогѣ Мурманскъ—Петроградъ и до конца Ярославскаго возстанія англичанами были заняты лишь Соловецкіе острова и они продвинулись до Сорокъ *). Первый англійскій дессантъ въ Аргангельскѣ высадился лишь 2-го августа, то есть почти мѣсяцъ спустя послѣ начала возстанія, да и то отъ Архангельска до Ярославля 800 клм. Ближе

*) Отъ Сорокъ до Петрограда по желѣзной дорогѣ до 700 клм., а отъ Петрограда до Рыбинска еще 500 клм.; итого — 1200 клм.

всего, даже ближе Москвы, отъ Ярославля была Вологда (200 клм.), гдѣ въ это время жили послы державъ Согласія...

Въ такомъ же положеніи по отношенію къ Приволжскому фронту былъ и Муромскій очагъ. Ближайшимъ къ нему пунктомъ, занятымъ чехами и частями Народной Арміи, была Сызрань — въ 500 клм. отъ Арзамаса и въ 600 клм. отъ Мурома.

Иначе говоря, очаги возстанія были гораздо ближе къ Москвѣ, чѣмъ къ тѣмъ фронтамъ, на главныхъ направленіяхъ къ которымъ они были избраны. Несоотвѣтствіе времени и мѣста настолько бросается въ глаза, что невольно возникаетъ впечатлѣніе о томъ, что эти возстанія были сорваны. Допустить, однако, возможность одновременнаго срыва возстаній въ пяти разныхъ пунктахъ, при этомъ удаленныхъ другъ отъ друга на 300 клм. по воздушной линіи, все таки трудно. На лицо было или невѣроятное легкомысліе руководителей или полное непониманіе ими ни цѣлей, ни задачъ возстанія. Это, конечно, и спасло большевиковъ наряду съ крайнимъ несовершенствомъ самой техники возстаній...

Возстанія правыхъ эсеровъ — чистый авантюризмъ. Въ возстаніи лѣвыхъ эсеровъ многое еще неясно, какъ въ смыслѣ его цѣли, такъ и въ той роли, которую въ немъ сыграли ВЧК и Муравьевъ...

Въ началѣ іюля наши союзники приняли рѣшеніе объ интервенціи въ Сибири. Собственные контингенты, за исключеніемъ батальона англичанъ и батальона французовъ, они не предполагали однако двигать западнѣе Байкала. Вопросъ, слѣдовательно, сводился къ тому, чтобы повернуть стремившихся на Дальній Востокъ чеховъ. Непосредственное рѣшеніе этого вопроса, повидимому, принадлежало французскому маіору Гинэ. Далеко не полно оріентированный, Гинэ, должно быть, самъ вѣрилъ въ непосредственную помощь союзныхъ контингентовъ. Во всякомъ случаѣ, онъ эту увѣренность совершенно открыто высказывалъ и безусловно чрезвычайно энергично поворачивалъ чеховъ изъ Сибири назадъ на Уралъ и Волгу. Хорошо освѣдомленный въ мотивахъ дѣйствій чеховъ, проф. Масарикъ *) говоритъ: „Это именно маіоръ Гинэ настаивалъ на удержаніи Волжскаго фронта въ ожиданіи его поддержки воображаемой союзной арміей, ожидаемой со стороны Вологды“.

Еще болѣе опредѣленно подтверждаетъ это и командиръ 1-го чешскаго полка Степановъ (русскій капитанъ), которымъ въ серединѣ іюля представитель Французской военной миссіи, маіоръ Гинэ, былъ запрошенъ о возможности активной помощи со стороны союзниковъ. „Дважды“, пишетъ Степановъ **), „совершенно оффиціально, я былъ завѣренъ,

*) Masaryk, „La Résurrection d'un Etat. 1914—1918“, Paris. 1930. — Стр. 282.

**) „Бѣлое дѣло“, томъ I, стр. 89.

что корпусъ японцевъ подходитъ къ Читѣ, а во Владивостокъ прибыли и высаживаются 3 дивизіи французовъ, англичанъ и американцевъ, по прибытіи которыхъ чехамъ будетъ данъ заслуженный отдыхъ".

По соединеніи въ Уфѣ, вступившій въ командованіе всѣми чехами между Ураломъ и Волгой полк. Войцеховскій (34-лѣтній офицеръ нашего генеральнаго штаба) отдалъ мало понятный съ точки зрѣнія поставленной имъ себѣ цѣли, приказъ 8-го іюля. Дѣйствительно, приказъ этотъ*) дѣлилъ всю 1-ю чешскую дивизію на двѣ группы: Чечека и возглавляемую имъ непосредственнно. На первую группу возлагалась задача по овладѣнію Симбирскомъ, на вторую — Екатеринбургомъ. По силѣ, первая группа почти въ полтора раза превышала вторую.

Направляя, такимъ образомъ, свои войска по двумъ расходящимся направленіямъ, онъ въ то же время дальнѣйшей задачей обѣимъ группамъ ставилъ: Пермь (!)**). Иначе говоря, онъ намѣчалъ движеніе обоихъ отрядовъ отъ раіона соединенія (Златоустъ) другъ другу навстрѣчу по эллипсу, большая ось котораго (Симбирскъ – Екатеринбургъ) по воздушной линіи составляла 850 клм...

Если движеніе Екатеринбургской группы по желѣзной дорогѣ на Пермь вполнѣ понятно, нельзя того же сказать о движеніи Симбирской группы. Единственный путь отъ Симбирска до Перми лежалъ вверхъ по Волгѣ и Камѣ (не менѣе 1000 клм.), мимо Казани и вдоль фронта 2-й совѣтской арміи на Камѣ...

Чрезвычайно любопытно, что приводящій этотъ поистинѣ фантастическій планъ, капитанъ Степановъ, высказываетъ сомнѣнія лишь въ цѣлесообразности распредѣленія силъ между обѣими группами, а не въ поставленныхъ этимъ планомъ цѣли — Перми.

Итакъ, центръ тяжести чешскихъ усилій, послѣ соединенія въ Уфѣ, переносится на сѣверо-западное направленіе на фронтъ р. Камы. На основномъ до этого Самарскомъ направленіи Войцѣховскій ограничивается лишь „обезпеченіемъ переправъ на Волгѣ въ раіонѣ Сызрань—Батраки—Самара", то есть по просту говоря ж. д. моста черезъ Волгу у Батраковъ, такъ какъ другихъ мостовыхъ переправъ черезъ Волгу въ этомъ раіонѣ не имѣлось.

*) „Бѣлое дѣло", томъ I, стр. 88.

**) Симбирской группѣ: „начать наступленіе на Симбирскъ, съ цѣлью овладѣть этимъ пунктомъ, имѣя въ виду дальнѣйшее движеніе на Пермь", а Екатеринбургской группѣ: „занять гор. Екатеринбургъ и узловую станцію Кузино (по желѣзной дорогѣ на Пермь), имѣя въ виду дальнѣйшее движеніе на Пермь, для овладѣнія этимъ пунктомъ" (Бѣлое дѣло, т. I, статья А. Степанова „Симбирская операція", на стр. 88—89 приведенъ подлинный текстъ приказа Войцеховскаго отъ 8 іюля № 1).

Этимъ приказомъ, слѣдовательно, намѣчалось, въ видѣ перваго темпа операціи, ексцентрическое движеніе на Симбирскъ и Екатеринбургъ, то есть два совершенно не связанныхъ между собою ничѣмъ кромѣ будущаго соединенія въ Перми, отдѣльныхъ „наступленія".

Послѣ занятія Уфы, произведенный въ полковники лейтенантъ Чечекъ, возглавилъ (въ оперативномъ отношеніи) и Народную Армію. Симбирская операція Чечекомъ была проведена путемъ концентрическаго движенія чеховъ по желѣзной дорогѣ отъ Уфы и отряда Каппеля западнымъ берегомъ Волги отъ Сызрани.

Первыми двинулись чехи Степанова (два батальона съ бронепоѣздомъ)*), которые къ 15-му іюля уже подошли, захвативъ Бугульму, по желѣзной дорогѣ на 200 клм. къ Симбирску. Только 17-го іюля отъ Сызрани двинулся и Каппель (два батальона пѣхоты, два эскадрона и три батареи — легкая, гаубичная и конная). Хотя по дорогѣ отъ Сызрани на Симбирскъ, у Сенгилея, стоялъ двухъ-тысячный отрядъ красныхъ подъ командой Гая, Каппелю удалось его обойти и, 21-го іюля, пройдя въ четыре дня около 140 клм. (35 клм. въ сутки!), онъ съ налета ворвался въ Симбирскъ.

Нѣсколько задержавшись возстановленіемъ моста у Мелекеса, чешскій отрядъ Степанова подошелъ къ Симбирску съ востока одновременно съ Каппелемъ.

Легкость захвата Симбирска, являвшагося одной изъ трехъ переправъ черезъ Волгу, несомнѣнно была связана съ той дезорганизаціей, которая была вызвана выступленіемъ Муравьева. Характерно вѣдь, что напримѣръ въ Казани, 4-й губернскій съѣздъ совѣтовъ одобрилъ посланіе Муравьева и убійство Мирбаха**).

Овладѣніе Симбирскомъ давало вторую переправу черезъ Волгу и открывало второй прямой путь на Москву черезъ Рязань.

Одновременно съ этимъ, обосновавшійся въ Хвалынскѣ, отрядъ полк. Махина распространился къ югу захвативъ Вольскъ, въ 120 клм. отъ Саратова. Отъ Вольска до Царицына оставалось лишь 400 клм....

Второе наступленіе велось чехами на Екатеринбургъ. Главный ударъ наносился Войцѣховскимъ съ юга, со стороны Челябинска, содѣйствовало же ему наступленіе по ж. д. отъ Омска на Тюмень, гдѣ оно встрѣтило довольно упорное сопротивленіе отошедшей изъ Сибири и, пополненной уральскими рабочими, группы Эйдемана на р. Пышмѣ, между Тюменью и Камышловымъ.

*) Петровъ, 31.

**) Ан. Анишевъ, „Очерки исторіи гражданской войны 1917—1920 г.г."— Ленинградъ, 1925 годъ, стр. 149.

Эта группа, вися на флангѣ главнаго направленія наступленія Войцѣховскаго, конечно, задерживала его наступленіе на Екатеринбургъ. Все же, какъ уже было приведено выше приказъ о наступленіи на Екатеринбургъ былъ отданъ Войцѣховскимъ 8-го іюля. Отъ Челябинска до Екатеринбурга — 230 клм. Взятъ же Екатеринбургъ былъ лишь 25-го іюля. Отъ Уфы до Симбирска по желѣзной дорогѣ ровно 584 клм., то есть слишкомъ въ два раза больше. Однако, Симбирскъ былъ занятъ 21-го іюля, то есть на четыре дня раньше Екатеринбурга. Даже допустивъ большее упорство сопротивленія со стороны 3-й совѣтской арміи въ раіонѣ Екатеринбурга по сравненію съ Сызрано-Симбирскимъ фронтомъ (1-я армія Тухачевскаго), что далеко нельзя однако считать безспорнымъ, нельзя забывать и того, что какъ разъ раіонъ Екатеринбурга былъ центромъ рабочихъ возстаній, во второй половинѣ іюня, противъ красныхъ *). Еще 8-го іюля чехи захватили Троицкъ (въ 120 клм. южнѣе Екатеринбурга), 7-го іюля— Верхнеуральскъ, то есть расчищали раіонъ къ югу отъ Сибирской магистрали. Между тѣмъ именно въ этомъ раіонѣ (по верховьямъ р.р. Урала и Бѣлой) дѣйствовали наиболѣе активные совѣтскіе отряды Блюхера и Каширина, доставившіе вскорѣ чехамъ немало хлопотъ въ раіонѣ Уфы.

Медленность продвиженія къ Екатеринбургу, въ масштабахъ той эпохи, прямо поражаетъ. Между тѣмъ, въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля, то есть черезъ недѣлю послѣ приказа полк. Войцѣховскаго о наступленіи на Екатеринбургъ, въ немъ были звѣрски умерщвлены Государь и вся Царская Семья, а 18-го іюля въ Алапаевскѣ (въ 120 клм. сѣверо-восточнѣе Екатеринбурга) были убиты Великій Князь Сергій Михайловичъ и князья Іоаннъ, Константинъ и Игорь Константиновичи и Великая Княгиня Елисавета Федоровна. Между 18 и 28 іюля тамъ же, въ Перми (въ 300 клм. сѣв.-зап. Екатеринбурга) былъ убитъ и братъ Государя — Великій Князь Михаилъ Александровичъ **).

И жутко звучатъ при этомъ объясненія чеховъ въ устахъ Масарика: „наши бои въ Сибири ни въ коемъ случаѣ не были интервенціей противъ большевиковъ... Поэтому то и совершенно несправедливо насъ обвинять въ томъ, что мы причастны (avons contribué), хотя бы и невольно, къ убійству

*) 13-го іюня вспыхнуло возстаніе въ раіонѣ Верхне-Невьянскаго и Рудянскаго заводовъ (въ 50 клм. сѣвернѣе Екатеринбурга). Во время наступленія чехо-словаковъ на Кыштымъ (по желѣзной дорогѣ Челябинскъ—Екатеринбургъ) рабочіе Полевскаго и Сѣверскаго заводовъ (въ 50 клм. южнѣе Екатеринбурга), арестовали свои совѣты. Произошло возстаніе въ Тюмени и на Кусинскомъ заводѣ (соотвѣтственно восточнѣе и западнѣе Екатеринбурга). — „Гражданская Война 1918—1921 г." т. III, стр. 74.

**) Кромѣ того въ Петроградѣ полгода спустя (30 января 1919 г.) были большевиками убиты Великіе Князья Павелъ Александровичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ.

большевиками Царя и Его Семьи 16-го іюля въ Екатеринбургѣ. Первая оффиціальная нота Москвы указывала, что мѣстный совѣтъ имѣлъ приказъ разстрѣлять Царя изъ опасенія, чтобы онъ не скрылся или не былъ уведенъ чехами. Но вѣдь наши заняли Екатеринбургъ лишь 25-го іюля, *суть же вопроса въ томъ, что наши легіоны въ Сибири вѣдь совершенно и не намѣревались освобождать Царя*" *).

Многое еще неясно въ Екатеринбургскомъ злодѣяніи. Разслѣдованіе Соколова далеко не сказало по этому поводу послѣдняго слова. Бои за Екатеринбургъ до сихъ поръ еще не описаны ни красной, ни бѣлой сторонами. Пролить полный свѣтъ на это пока еще невозможно, но невольно приходитъ въ голову мысль — почему при захватѣ того города, въ которомъ былъ Государь и Его Семья наступленіе развивалось методически, медленно, въ то время какъ Самара, Симбирскъ и вскорѣ Казань захватывались прямо съ налета...

Захвативъ Екатеринбургъ, чехи дальше продвинуться не смогли.

Атаманъ Дутовъ, разогнавъ красныхъ отъ Оренбурга, однако, вскорѣ вынужденъ былъ вести бой на трехъ фронтахъ. Съ одной стороны на него насѣдали спускавшіеся по Уралу и Бѣлой, подъ натискомъ чеховъ, ушедшіе къ Верхнеуральску отряды Блюхера и Каширина, съ другой стороны на него повели наступленіе отошедшіе къ Актюбинску „туркестанскіе отряды" вновь образовавшейся Туркестанской арміи. Наконецъ, отошедшій къ Орску отрядъ красныхъ прочно засѣлъ въ немъ и оренбургскимъ казакамъ пришлось повести противъ Орска, со второй половины іюля, форменную осаду, затянувшуюся до второй половины сентября.

Блуждавшіе въ верховьяхъ Урала отряды Блюхера и Каширина неудачно попробовавъ пробиться къ Троицку и Оренбургу, рѣшили пробиваться на сѣверъ. 5-го августа покинувъ Бѣлорѣцкій заводъ, они двинулись сперва на Стерлитамакъ, а затѣмъ правымъ берегомъ р. Бѣлой, мимо Уфы, на Красноуфимскъ, куда и вышли къ серединѣ сентября **). Рейдъ Блюхера, прервавшаго 1-го сентября желѣзную дорогу между Уфой и Челябинскомъ, показалъ, что дѣйствія лишь по желѣзно-дорожнымъ магистралямъ далеко не гарантируютъ прочной связи съ тыломъ. Между прочимъ изъ за Блюхера пришлось отмѣнить политическое совѣщаніе въ Уфѣ (см. главу VII). Вызвавшій большой переполохъ рейдъ Блюхера, къ тому же изъ за случайнаго совпаденія фамилій, вызвалъ и оживленіе надеждъ на болѣе активную помощь союзниковъ, такъ

*) Masaryk, „La Résurrection d'un Etat", 1930, стр. 280.

**) И. Подшиваловъ. „Гражданская борьба на Уралѣ 1917—1918 г.", ГИЗ, 1925 годъ, стр. 137 и слѣдующія.

какъ Блюхеръ*) „создавшейся молвой былъ признанъ за потомка извѣстнаго нѣмецкаго фельдмаршала Блюхера, что въ свою очередь оживило легенду о нѣмецкомъ руководствѣ совѣтскими войсками“ **).

Вступившій въ командованіе, вмѣсто Муравьева, подавившій возстаніе лѣвыхъ эсеровъ въ Москвѣ, новый совѣтскій главнокомандующій Вацетисъ, прибывъ въ Казань, рѣшилъ, пользуясь охватывающимъ положеніемъ красныхъ у Екатеринбурга и со стороны Саратова и Урбаха, ликвидировать наступленіе бѣлыхъ, зажавъ ихъ въ клещи.

Плодомъ этого рѣшенія былъ его планъ 28-го іюля ***). Вацетисъ прежде всего рѣшилъ прикрыть Казань и для этого сталъ собирать въ этомъ раіонѣ новую, 5-ю армію (силой до 4—5 тысячъ бойцовъ при 4—6 батареяхъ), ядро которой составили латышскія части. Сущность его плана сводилась къ удару по фронту Симбирскъ—Вольскъ, съ охватомъ обоихъ фланговъ со стороны Казани (5-ою) и Урбаха (4-ю) арміями. Для содѣйствія этой операціи, обѣ Камскія арміи (2-я и 3-я) должны были перейти въ наступленіе на Уфу и Екатеринбургъ.

Ни вновь сформированная изъ бывшей Особой — 4-я, ни 5-я арміи, однако, въ наступленіе перейти не смогли, а удары 2-й и 3-й арміи (на Бугульму и отъ Н. Тагиля) были начисто отбиты чехами.

Весь этотъ планъ, совершенно не отвѣчавшій возможностямъ дезорганизованнаго краснаго фронта, былъ заранѣе обреченъ на неуспѣхъ. Вмѣсто того, чтобы маневрировать, Вацетису нужно было прежде всего подумать объ оборонѣ Казани. Въ результатѣ всей этой хитрой стратегіи красные лишь потеряли Казань.

Захватъ Симбирска тянулъ къ Казани. Самарскій штабъ (Чечекъ и „штабъ“ Народной Арміи), однако, опасался за юго-западное направленіе (Николаевскъ—Самара), откуда красные грозили желѣзной дорогѣ Сызрань—Самара, и склонялся къ удару на Саратовъ. Выше уже приводились соображенія Самарскаго штаба, изъ которыхъ видно, что идея удара на Саратовъ носила часто оборонительный характеръ. Цѣлью ставился совсѣмъ не Царицынъ и не соединеніе съ южными арміями, а лишь обезпеченіе Самары и связи съ уральскими казаками.

---

*) Блюхеръ, не офицеръ и не нѣмецъ, а по происхожденію крестьянинъ Ярославской губерніи, съ 15 лѣтъ былъ рабочимъ въ Москвѣ, Казани и Самарѣ. Онъ впослѣдствіи бралъ Перекопъ и былъ Главнокомандующимъ Дальневосточной республики. Съ 1930 года онъ командуетъ совѣтской Дальневосточной арміей въ Забайкальѣ и Приморьѣ. Въ 1918 году ему было 31 годъ.

**) Болдыревъ, 34.

***) „Гражданская война 1918—1921 г.г.“ III, 79.

Симбирское командованіе (Каппель и Степановъ съ чехами) наоборотъ опредѣленно стремилось къ Казани. Помимо сосредоточенныхъ въ Казани значительныхъ военныхъ запасовъ и наличія въ ней Россійскаго золотого фонда, къ Казани опредѣленно тянуло и чешское командованіе (Планъ Войцѣховскаго съ движеніемъ по эллипсу на Пермь и тяга къ союзникамъ у Архангельска)*). При этихъ условіяхъ пассивное сопротивленіе Самары, конечно, не могло ограничить демонстрацію на сѣверъ „захватомъ устья Камы“, а демонстрація не могла не вылиться въ попытку захватить Казань. Такъ и вышло.

Каппель съ рѣчной флотиліей, неизмѣнно принимавшей участіе во всѣхъ его операціяхъ на Волгѣ, 7-го августа захватилъ Казань. Однако высылка красными изъ Балтійскаго моря трехъ миноносцевъ не позволила одновременно съ Казанью овладѣть и желѣзно-дорожнымъ мостомъ черезъ Волгу (у Свіяжска, въ 25 клм. западнѣе Казани) и этимъ красные сохранили свободу маневрированія по обѣимъ берегамъ рѣки.

Захватъ Казани, помимо золотого запаса ($651^1/_2$ милліоновъ рублей золотомъ и 110 милліоновъ кредитныхъ билетовъ), далъ и значительныя формированія артиллеріи, два офицерскихъ батальона и перешедшій на сторону бѣлыхъ сербскій „интернаціональный“ отрядъ. Едва не попался въ Казани и самъ Вацетисъ.

Захватъ Казани, кромѣ того, вызвалъ и возстаніе рабочихъ Ижевскаго оружейнаго завода (20 августа), вскорѣ перекинувшагося и на сосѣдній Воткинскій заводъ (въ 300 клм. отъ Казани вверхъ по р. Камѣ). Ижевское возстаніе, забивъ клинъ въ красный фронтъ по Камѣ, совершенно дезорганизовало 2-ю совѣтскую армію (на нижней Камѣ), которая частично въ безпорядкѣ бросилась вверхъ по рѣкѣ Вяткѣ.

Съ захватомъ Казани приволжскій фронтъ чеховъ и Народной Арміи образовалъ исходящій уголъ съ вершиной въ Казани. При этомъ западный фасъ этого угла прочно занималъ волжскія переправы у Симбирска и Сызрани и былъ направленъ фронтомъ на Москву. Сѣверо-западный его фасъ состоялъ изъ ряда не связанныхъ между собою группъ у Казани, въ Ижевско-Воткинскомъ раіонѣ и у Екатеринбурга, обращенныхъ фронтомъ на Котласъ—Архангельскъ. Наконецъ особнякомъ стояли обращенные на Саратовъ — Уральскій и на югъ — Оренбургскій казачьи фронты.

Въ то время, какъ западный фасъ былъ удаленъ отъ Москвы на 550 клм. и на 400 клм. отъ Царицына, все вниманіе восточнаго бѣлаго фронта было, однако, обращено на

---

*) „Прибывшіе черезъ Симбирскъ въ Самару какіе то французы (!) утверждали о скоромъ появленіи союзныхъ войскъ съ сѣвера у Котласа“.— Петровъ, 33.

сѣверо-западный фасъ, отстоявшій отъ раіона архангельскаго дессанта союзниковъ на, по крайней мѣрѣ, втрое большее разстояніе (Екатеринбургъ—Котласъ — 1200 клм. и Котласъ—Архангельскъ — 500 клм.).

Соотношеніе силъ на восточномъ фронтѣ послѣ взятія Казани было таково *).

ТАБЛИЦА № 13.

СООТНОШЕНІЕ СИЛЪ НА ВОСТОЧНОМЪ ФРОНТѢ КЪ 1/IX 1918 г.

ФРОНТЫ.	Красные.		Бѣлые.		Протяженіе фронтовъ въ клм.
	бойцовъ тысячъ	орудій	бойцовъ тысячъ	орудій	
1. Фронтъ по рѣкѣ Камѣ . . .	22,6	58	22-26,5	45-60	900
2. Фронтъ по рѣкѣ Волгѣ . .	17,8	99	14-16,0	90-120	400
3. Уральско-Оренбургскій казачій фронтъ . .	29,6-31,1	64	10-15,0	30-40	700
Итого . .	70 - 71,1	221	46-57,5	165-220	2000

Этотъ подсчетъ, составленный на основаніи совѣтскихъ данныхъ, показываетъ на громадное преобладаніе красныхъ на южномъ, казачьемъ, фронтѣ, на который ложилась главная тяжесть борьбы. Кромѣ того значительное преобладаніе красныхъ имѣлось лишь въ раіонѣ Казани, гдѣ вбитый Каппелемъ клинъ окружался съ трехъ сторонъ частями 5-й и 2-й армій красныхъ. По совѣтскимъ данымъ **) преобладаніе красныхъ въ раіонѣ Казани было *пятернымъ*. Вскорѣ вступившій въ командованіе бѣлымъ фронтомъ, бывшій въ это время на Волгѣ, генералъ Болдыревъ считалъ, что на Поволжскомъ фронтѣ дралось еще меньше.

„Успѣхи на Волжскомъ фронтѣ", пишетъ онъ ***), „въ сущности всецѣло должны быть отнесены за счетъ добровольческихъ отрядовъ полк. Каппеля и Махина, насчитывавшихъ не болѣе трехъ тысячъ бойцовъ и трехъ-четырехъ тысячъ чеховъ, дравшихся на этомъ фронтѣ".

*) „Гражданская Война 1918—1921 г.г.", III, 80—81.

**) Тамъ же, III, 81.

***) Болдыревъ, 31.

Всего же въ Народной Арміи, по его словамъ, „едва ли насчитывалось къ тому времени (августъ) больше 10 тысячъ бойцовъ, которые положительно изнемогали подъ напоромъ красныхъ армій, стекавшихся къ Волгѣ съ другихъ фронтовъ".

Напоръ этотъ, какъ мы видѣли, въ сущности на Волгѣ не могъ имѣть мѣста. Если уже говорить о численномъ превосходствѣ красныхъ, то оно имѣло мѣсто, на казачьемъ фронтѣ и у Казани.

Хуже было то, что восточный фронтъ не имѣя для этого достаточныхъ силъ, разбросался и, желая наступать на Котласъ, одновременно съ этимъ воевалъ и на Волгѣ и въ Уральскихъ степяхъ и на землѣ Оренбургскаго казачьяго войска. Хотя къ этому времени весь фронтъ оперативно былъ объединенъ въ рукахъ чеха Сырового (произведеннаго изъ австрійскихъ лейтенантовъ въ генералы) при начальникѣ штаба русскомъ генералѣ ген. шт. Дитерихсѣ, объединеніе это совершенно не отразилось на совершенно самостоятельныхъ дѣйствіяхъ каждаго изъ трехъ фронтовъ — Камскаго, Волжскаго и Урало-Оренбургскаго.

Первый опредѣленно тянулъ къ Котласу, второй отъ Казани и вверхъ по Волгѣ на Нижній, Ярославль и Вологду, третій — на Саратовъ и нижнюю Волгу.

Ни на одномъ изъ этихъ направленій нельзя найти мало мальски выраженной идеи главнаго удара. При такихъ условіяхъ первоначальные успѣхи чеховъ, казаковъ и Народной Арміи конечно были обречены на неуспѣхъ. Не зная точно — чего они сами хотѣли, имъ очевидно приходилось выжидать того, чего захотятъ красные.

Въ тылу, въ это время, велись нудные переговоры и шелъ торгъ за объединеніе власти и созданіе единаго командованія, власть котораго простиралась бы и на единственный резервъ восточнаго фронта — сибирскія формированія.

Рядъ первоначальныхъ блестящихъ успѣховъ использованъ не былъ и докатившись до Камы и Волги, подъемъ бѣлаго фронта выдохся. Отсутствіе же оперативной идеи заранѣе обрекало его на пораженіе.

На сѣверѣ, англичане, 2-го августа, высадились въ Архангельскѣ. Во главѣ вооруженныхъ силъ сѣвернаго фронта сталъ англійскій генералъ Пуль, а во главѣ правительства — кучка эсеровъ (Лихачъ, Масловъ, Ивановъ, Гуковскій) во главѣ съ болѣе умѣреннымъ, но все же соціалистомъ, Чайковскимъ подъ громкимъ титуломъ „Верховнаго Управленія Сѣверной Области". По причинамъ, о которыхъ рѣчь шла уже раньше, Мурманское направленіе потеряло свое значеніе и

центръ тяжести усилій былъ перенесенъ на направленіе Архангельское. Не встрѣтивъ особаго сопротивленія красныхъ, англичане, при содѣйствіи американцевъ, французовъ и итальянцевъ, къ концу августа продвинулись на отдѣльныхъ направленіяхъ на 150—250 клм. отъ берега Бѣлого моря, а на Мурманскомъ направленіи даже на 700—800 клм.

Особенности театра — безлюдная тундра и возможность движенія лишь по рѣкамъ и отдѣльнымъ рѣдкимъ путямъ, привели къ тому, что собственно фронта въ обычномъ понятіи на сѣверѣ создано не было. Отдѣльные отряды нашихъ союзниковъ выдвинулись по Мурманской желѣзной дорогѣ, по р. Онѣгѣ, Сѣверной Двинѣ и ея притокамъ Емцѣ, Вагѣ и Пинегѣ, и вдоль желѣзной дороги на Вологду. Главный сгустокъ силъ былъ на фронтѣ между Вологодской желѣзной дорогой и Сѣверной Двиной. Въ частности, болѣе упорное сопротивленіе, встрѣченное наступленіемъ англичанъ вдоль желѣзной дороги, заставило ген. Пуля перенести главное направленіе наступленія на Сѣверную Двину, гдѣ союзные отряды, выдвигаясь вверхъ по рѣкѣ, остановились въ 200 клм. отъ Котласа, а на р. Вагѣ заняли городъ Шенкурскъ.

Первоначально растерявшіеся красные, однако, видя, что наступленіе англичанъ остановилось въ удаленіи 150—250 клм. отъ побережья, быстро пришли въ себя и сформировали изъ того, что было подъ рукой и главнымъ образомъ за счетъ подкрѣпленій, высланныхъ Петроградскими рабочими, — 6-ю армію во главѣ которой сталъ бывшій генералъ ген. шт. Самойло.

Ген. Пуль считалъ свои силы недостаточными для дальнѣйшаго наступленія и, такимъ образомъ, союзное наступленіе на Котласъ и Пермь, которое манило арміи восточнаго фронта на Пермское направленіе, оказалось миражемъ. Новыхъ силъ союзники Пулю не давали и оставалось расчитывать лишь на собственныя русскія формированія.

Безлюдье сѣвернаго края и огромныя разстоянія, крайне затрудняли мобилизацію и призывъ. За первые три мѣсяца удалось призвать лишь три тысячи...

Пассивность сѣвернаго фронта и его удаленіе отъ Москвы и Екатеринбурга (1000 и 1400 клм.) сразу низвело его на роль совершенно второстепенную. Изъ первоначальнаго замысла осталось въ силѣ лишь прикрытіе Мурманска и Архангельска съ ихъ складами, идея же движенія на Петроградъ и Москву смѣнилась идеей закупорки ближайшихъ подступовъ къ Архангельску.

Въ дни, когда Донъ и Восточный фронтъ, выдвигаясь на Воронежъ, Волгу и Пермь, этимъ рѣшали общероссійскія задачи, когда возстанія вокругъ Москвы и въ самой красной столицѣ грозили существованію совѣтской власти, въ центрѣ страны, а въ Екатеринбургѣ совершалось злодѣйское убійство

Государя и Царской Семьи, Добровольческая Армія уходила съ Дона на сѣверный Кавказъ для освобожденія Кубани...

Выступая въ свой 2-й Кубанскій походъ, Добровольческая Армія насчитывала $8^1/_2$—9 тысячъ бойцовъ при 21 орудіи и 2 броневикахъ. Хотя численность ея, по сравненію съ 1-мъ походомъ лишь едва удвоилась, бригадная организація была замѣнена дивизіонной и Армія была раздѣлена на три пѣх. дивизіи, 1 кавалерійскую и 1 Кубанскую конную бригаду. Въ составъ каждой дивизіи входило въ среднемъ по два пѣхотныхъ и одному кавалерійскому полку, 1—2 батареи и инженерная рота. Въ конной дивизіи было 4, а въ конной бригадѣ — два полка. Такимъ образомъ дивизія представляла собою соединеніе изъ трехъ родовъ войскъ, напоминающая современный пѣх. полкъ и по численности и по составу. Снабженіе артиллеріей: $2^1/_2$ орудія на одну тысячу бойцовъ, сильно уступало даже нашимъ довоеннымъ нормамъ. Въ отличіе отъ состава арміи въ первомъ ея походѣ, благодаря, главнымъ образомъ, кубанскимъ пополненіямъ, сильно возросла численность конницы. Всего въ арміи было 5 пѣхотныхъ и 8 конныхъ полковъ (изъ нихъ шесть или $^3/_4$ всей конницы — кубанскихъ казачьихъ).

Планъ операціи предусматривалъ рѣшеніе задачи въ четыре темпа, имѣя конечной цѣлью захватъ кубанской столицы Екатеринодара.

Первый темпъ сводился къ обезпеченію тыла со стороны Царицына — захватомъ на желѣзно-дорожной линіи Царицынъ—Тихорѣцкая узловой станціи Торговой и ст. Великокняжеской. Передавая послѣ этого Царицынское направленіе донцамъ, Добровольческая Армія поворачивала на Екатеринодаръ.

Второй темпъ операціи заключался въ захватѣ пересѣченія магистралей Царицынъ—Екатеринодаръ и Ростовъ—Владикавказъ на ст. Тихорѣцкой.

Третій темпъ — въ обезпеченіи фланговъ фронта наступленія на Екатеринодаръ захватомъ вправо и влѣво отъ Тихорѣцкой желѣзно-дорожныхъ узловъ Кущевки и Кавказской на магистрали Ростовъ—Владикавказъ.

Наконецъ, четвертый темпъ мыслился въ видѣ фронтальнаго удара по Екатеринодару.

Этотъ сложный планъ операціи диктовался какъ начертаніемъ желѣзно-дорожной сѣти, такъ и расположеніемъ силъ противника, группировавшихся въ трехъ основныхъ очагахъ. Главный — армія Сорокина у Кущевки, фронтомъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ противъ южнаго Донского фронта и Добровольческой Арміи. Второй — группа Калнина у Тихорѣцкой и третій — Шевкоплясова у Великокняжеской.

Выполненіе перваго темпа, однако, требовало заслона противъ главнаго противника — Сорокина, грозившаго сообщеніямъ Добровольческой Арміи съ ея базой — Дономъ.

Для операціи на Торговую и Великокняжескую Добровольческая Армія получала отъ донцовъ отрядъ полк. Быкадорова, дѣйствовавшій въ долинѣ Маныча, общей численностью до $3^1/_2$ тысячъ человѣкъ съ 8 орудіями (то есть силой равной трети Добровольческой Арміи).

Заслонъ противъ Сорокина на фронтѣ Кагальницкая—Егорлыкская (въ 45 клм.) составили донцы и кубанцы Покровскаго (всего до $2^1/_2$ тысячъ при 4—5 орудіяхъ). Сѣвернѣе Кагальницкой тылъ операціи прикрывался донцами и нѣмцами (Ростовъ). Отъ Егорлыкской къ востоку до Торговой — 70 клм. Такимъ образомъ наступленіемъ на Торговую Добровольческая Армія отрывалась и отъ заслона Покровскаго.

Какъ видно, атака Торговой носила исключительно рискованный характеръ и была основана на предположеніи о пассивности Сорокина, располагавшаго не менѣе чѣмъ 30—40 тысячами бойцовъ (главнымъ образомъ изъ остатковъ совѣтскихъ украинскихъ отрядовъ, оттѣсненныхъ наступленіемъ нѣмцевъ за Донъ).

Въ ночь съ 22 на 23 іюня Добровольческая Армія выступила изъ Егорлыкской къ Торговой. 25-го іюня, ген. Деникинъ овладѣлъ ст. Торговой и расположенной непосредственно къ сѣверу отъ нея ст. Шабліевской *). 28-го іюня, Добровольческая Армія взяла съ боя ст. Великокняжескую и, передавъ донцамъ Царицынское направленіе, 30-го іюня повернула на Тихорѣцкую. Первый темпъ операціи былъ законченъ въ пять дней. Сорокинъ оставался пассивнымъ.

Для проведенія второго темпа операціи ген. Деникинъ рѣшилъ притянуть и временно оставленные для отдыха и пополненія на Дону 1-й пѣх. и 1-й конный полки, которые 5-го іюля выступили на присоединеніе къ арміи изъ Новочеркасска.

Движеніе на Тихорѣцкую (отъ Великокняжеской до Тихорѣцкой — 150 клм.) вылилось въ рядъ фронтальныхъ боевъ съ выдвинутыми отъ Тихорѣцкой отрядами Калнина. Выступивъ 30-го іюня изъ Великокняжеской, къ 6 іюля съ двумя боями (у Песчаннокопской 2—3 и у Бѣлой Глины 5—6 іюля) Добровольческая Армія подошла къ границѣ Кубани (ст. Новопокровская), пройдя за семь дней — 90 клм.

Поворотъ Добровольческой Арміи отъ Великокняжеской, однако, совпалъ съ ударомъ Сорокина по заслону ген. Покровскаго. 1-го іюля, Сорокинъ атаковалъ ст. Егорлыкскую (донцовъ полк. Постовскаго) и хотя былъ отбитъ, одновременно съ этимъ перешелъ въ наступленіе и противъ Кагальницкой и Мечетинской. 6-го іюля, въ день захвата Добровольческой Арміей Бѣлой Глины, подходъ Сорокина вплот-

*) При атакѣ ст. Шабліевской 25 іюня былъ смертельно раненъ начальникъ 1-й дивизіи ген. Марковъ и вмѣсто него въ командованіе дивизіей до возвращенія изъ Москвы ген. Казановича, вступилъ полк. Кутеповъ.

ную къ Мечетинской и Кагальницкой, грозилъ захватомъ сообщеній Добровольческой Арміи красными. Спасъ положеніе лишь шедшій изъ Новочеркасска на присоединеніе къ Добровольческой Арміи отрядъ Тимановскаго, который въ ночь на 8-ое іюля, послѣ упорнаго боя *) подъ Кагальницкой, отбросилъ Сорокина къ Владикавказской желѣзной дорогѣ.

Въ теченіи недѣли (6—13 іюля) послѣ захвата Бѣлой Глины Добровольческая Армія простояла на границѣ Кубани, ожидая подхода отряда полк. Тимановскаго (подошедшаго 11-го іюля) и обезпеченія своего лѣваго фланга со стороны Ставропольскихъ ополченій красныхъ, рейдомъ 2-й пѣхотной дивизіи ген. Боровскаго.

10-го іюля вечеромъ ген. Боровскій выступилъ изъ Бѣлой Глины къ селу Медвѣжье, которое занялъ съ боемъ 11-го іюля. На слѣдующій день ген. Боровскій, опять таки съ боемъ, взялъ ст. Успенскую, а 13-го іюля ст. Ильинскую, сдѣлавъ за трое сутокъ 120 клм. и разбросавъ красные отряды, угрожавшіе лѣвому флангу Добровольческой Арміи при движеніи ея къ Тихорѣцкой.

Подходъ Тимановскаго и рейдъ Боровскаго дали возможность атаковать Тихорѣцкую, которая и была взята 14-го іюля. Захватъ Тихорѣцкой далъ Добровольческой Арміи оставленный на станціи подвижной составъ **), въ томъ числѣ 3 бронепоѣзда, броневикъ, нѣсколько десятковъ исправныхъ орудій и большіе интендантскіе и артиллерійскіе запасы.

Несмотря на очень большія потери, составлявшія болѣе $^1/_4$ состава арміи ***), численность Добровольческой Арміи за первые два мѣсяца операціи по крайней мѣрѣ *удвоилась* (главнымъ образомъ за счетъ, конечно кубанцевъ и плѣнныхъ).

Первые два темпа 2-го Кубанскаго похода очень типичны въ смыслѣ характера дѣйствій и той пассивности, которыя были проявлены красными. Несмотря на несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, тройное превосходство въ силахъ, красные и оперативно и тактически сразу же выпустили инициативу изъ своихъ рукъ. Оперативно, единственной попыткой маневра было вялое наступленіе Сорокина на сообщенія Добровольческой Арміи (1—8 іюля). Однако удара одного Марковскаго полка ****), шедшаго изъ Новочеркасска на присоединеніе къ арміи въ Бѣлую Глину, оказалось достаточнымъ для отхода

*) Марковскій полкъ потерялъ при этомъ 31 убитаго и 286 раненыхъ (Деникинъ, III, 169), то есть почти $^1/_3$ своего состава.

**) 7 поѣздовъ все же проскочили въ Екатеринодаръ (Деникинъ, III, стр. 175),

***) Тамъ же, 177.

****) Послѣ смерти ген. Маркова, 1-й офицерскій полкъ, которымъ онъ командовалъ въ 1-мъ походѣ, былъ названъ „1-мъ офицерскимъ ген. Маркова полкомъ".

всей арміи Сорокина къ Кущевкѣ и совершенной пассивности его поведенія при захватѣ Добровольческой Арміей Тихорѣцкой. Тактически, вся цѣпь боевъ, начиная отъ Торговой и кончая Тихорѣцкой, представляла собою непрерывныя „Канны", то есть окруженіе обоихъ фланговъ противника, неизмѣнно приводившее къ очищенію, подъ угрозой обхода, всѣхъ занимавшихся красными пунктовъ... Мѣнялось лишь раствореніе вѣера Добровольческаго охвата, постепенно разроставшагося съ 15 клм. у Торговой до 60 клм. у Тихорѣцкой.

Форма маневра и полная пассивность противодѣйствія красныхъ были совершенно аналогичными. Наибольшее упорство красные проявляли лишь на фронтѣ (во всѣхъ бояхъ фронтальные удары вела дивизія полк. Дроздовскаго). Обходъ фланговъ, однако, сейчасъ же рѣшалъ участь боя и красные отходили.

Пассивность красныхъ несомнѣнно оказала свое вліяніе на разростаніе размаха третьяго темпа операціи. Послѣ захвата Тихорѣцкой, ген. Деникинъ двинулъ Добровольческую Армію по тремъ расходящимся направленіямъ, на фронтѣ въ 140 клм. (Кущевка—Кавказская). Главная масса (8—10 тысячъ) направилась противъ Сорокина и для захвата узловыхъ станцій Сосыки и Кущевки, а дивизіи полк. Дроздовскаго и ген. Боровскаго (по 3-4 тысячи) — соотвѣтственно на Екатеринодаръ и на Кавказскую.

Ударъ по Кущевкѣ отбрасывалъ Сорокина на его сообщенія, но выдвиженіе на Екатеринодаръ рѣзало его тылы. Кромѣ того Кущевкѣ съ сѣвера отъ Батайска грозили и нѣмцы. Направленіе главной массы силъ Добровольческой Арміи на Кущевку, поэтому, неизбѣжно ставило подъ угрозу выдвиженіе полк. Дроздовскаго на Екатеринодарскомъ направленіи, на которое долженъ былъ отходить Сорокинъ.

Южное, Кавказское направленіе имѣло совершенно второстепенное значеніе, лишь прикрывая операцію съ юга и запирая послѣдній ж. д. выходъ изъ Екатеринодара черезъ ст. Кавказскую.

Слабость угрозы тыламъ Сорокина давала ему свободу маневра, а наличіе этой угрозы вынуждало его, при всей его пассивности, на маневръ.

Третій темпъ операціи начался 16-го іюля, а 18-го полк. Кутеповъ уже овладѣлъ ст. Сосыкой. Прикрывая Кущевку, Сорокинъ упорно оборонялъ подступы къ ней, но какъ только черезъ Кущевку отошли его войска сѣвернаго фронта, онъ ее оставилъ и Добровольческая Армія заняла ее безъ боя 23-го іюля. Утромъ 23-го колонны Кутепова и Покровскаго вступили въ Кущевку, съ сѣвера одновременно съ ними подходили донскія части и нѣмецкіе разъѣзды. Раздавшійся вслѣдъ за тѣмъ взрывъ Кущевскаго моста былъ тяжелой данью политикѣ, сковавшей стратегію".*) Взрывъ Добровольческой Арміей Кущевскаго моста черезъ ничтожную рѣку Ею, былъ конечно лишь жестомъ по отношенію къ нѣмцамъ, но онъ зато обезпечивалъ тылъ Сорокина отъ тѣхъ нѣмцевъ, которыхъ Сорокинъ съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ и Добровольческая Армія, считалъ тоже своими врагами.

*) Деникинъ, III, 184.

Колонна полк. Дроздовскаго, продвигаясь по желѣзной дорогѣ къ Екатеринодару, въ день взятія Кущевки, дошла до ст. Кореновской (въ 50 клм. отъ Екатеринодара) и, продолжая наступать, 27-го іюля заняла ст. Динскую въ одномъ переходѣ отъ Кубанской столицы. Тогда красный Екатеринодаръ противъ Дроздовскаго вызвалъ на помощь Таманскіе отряды.

Эти, не принимавшіе до сихъ поръ участія въ бояхъ съ Добровольческой Арміей, таманскіе отряды состояли изъ иногороднихъ въ теченіи всей весны разоружавшихъ казаковъ Таманскаго и Ейскаго отдѣловъ и дѣйствовавшихъ противъ высадившихся на Тамани нѣмцевъ (у Темрюка). По качеству эти отряды были значительно выше того сброда, который былъ выгнанъ нѣмцами съ Украины и составлялъ ядро арміи Сорокина.

Во главѣ обороны Екатеринодара былъ поставленъ бывшій офицеръ изъ кубанскихъ иногороднихъ нѣкій Ковтюхъ. Всего противъ отряда полк. Дроздовскаго было выдвинуто до 8 тысячъ при 9 орудіяхъ и 45 пулеметахъ*), на поддержку которыхъ изъ Екатеринодара впослѣдствіи было выслано еще 4 тысячи съ броневиками**). Такимъ образомъ съ фронта Екатеринодаръ защищали до 12 тысячъ красныхъ противъ трехъ тысячъ полк. Дроздовскаго.

По захватѣ Кущевки, ген. Деникинъ направилъ конницу Кущевской группы на фронтъ Старо-Минская—Тимошевская на перерѣзъ путей отхода Сорокина къ Екатеринодару, а пѣхоту полк. Кутепова по желѣзной дорогѣ черезъ Тихорѣцкую на Екатеринодарское направленіе.

Конницѣ не удалось, однако, задержать Сорокина и онъ отошелъ на Тимошевскую, прикрываясь отъ конницы ген. Эрдели Лебяжьимъ Лиманомъ и р. Бейсужкомъ (южнымъ). Преслѣдовавшая Сорокина съ тыла конница ген. Покровскаго увлеклась освобожденіемъ Ейскаго отдѣла и также не смогла помѣшать сосредоточенію Сорокина въ Тимошевской.

По даннымъ развѣдки Добровольческой Арміи, армія Сорокина „ослабленная численно и деморализованная, прикрываясь арьергардами идетъ на Екатеринодаръ. Очевидцы передавали о тысячахъ повозокъ съ пѣхотой и громадныхъ обозахъ, непрерывной лентой идущихъ днемъ и ночью вдоль

*) Е. Ковтюхъ, „Отъ Кубани до Волги и обратно", ГИЗ, Москва 1926 годъ, стр. 21.

**) Тамъ же, стр. 22.

Черноморской желѣзной дороги къ Екатеринодару" *). Поэтому Добровольческая Армія приняла рѣшеніе всѣми силами обрушиться на Екатеринодаръ.

Однако данныя развѣдки не отвѣчали дѣйствительности, такъ какъ Сорокинъ изъ Тимашевской пошелъ не на Екатеринодаръ, а двинулся во флангъ Екатеринодарской группы Добровольческой Арміи, и 28-го іюля, атаковавъ ее у ст. Кореновской, вклинился между пѣхотой, наступавшей вдоль желѣзной дороги, и конницей ген. Эрдели, наступавшей со стороны Ново-Корсунской.

Обезпечивавшая лѣвый флангъ операціи дивизія ген. Боровскаго 18-го іюля, одновременно съ захватомъ Сосыки, овладѣла ст. Кавказской и, продолжая свое наступленіе вдоль Владикавказской желѣзной дороги, 27-го іюля захватила городъ Армавиръ (въ 120 клм. отъ Тихорѣцкой), совершенно оторвавшись, такимъ образомъ, отъ главной операціи на Екатеринодарскомъ направленіи.

Захватъ Армавира (правда, подъ натискомъ красныхъ, оставленнаго черезъ три дня), отвлекшій дивизію ген. Боровскаго, объясняется той обстановкой, которая создалась въ іюлѣ на границахъ Кубани, Терека и Ставропольской губерніи.

Въ концѣ іюня, кубанскіе партизаны полк. Шкуро захватили на нѣсколько дней Кисловодскъ. Выбитые красными, они двинулись въ Ставропольскую губернію на соединеніе съ Добровольческой Арміей. Войдя въ связь съ ней послѣ захвата ст. Кавказской, 21-го іюля Шкуро, предъявивъ городу Ставрополю ультиматумъ о выходѣ изъ него красныхъ, овладѣлъ имъ безъ боя, такъ какъ красные его очистили.

Выступленіе партизанъ полк. Шкуро дало толчокъ къ возстанію и на Терекѣ, и въ первой половинѣ іюля возставшіе терцы захватили ст. Прохладную, а вскорѣ и гор. Моздокъ, гдѣ образовалось „Временное Народное Правительство Терскаго Края", вошедшее въ связь съ отрядами Бичерахова въ Баку и Дагестанѣ.

Однако Терское возстаніе было слишкомъ удалено отъ раіона операцій Добровольческой Арміи. Дѣйствительно, отъ Ставрополя до Прохладной свыше 200 клм. по воздушной линіи, а отъ Ставрополя до Екатеринодара еще 250 клм. также по воздушной линіи. Захватъ Ставрополя не только не могъ помочь терцамъ, но и защита самого города отвлекала силы Добровольческой Арміи съ Екатеринодарскаго направленія, и 25-го іюля съ этого послѣдняго въ Ставрополь пришлось перебросить пѣхотный полкъ, а дивизія ген. Боровскаго выдѣлила часть силъ въ Ставрополь.

Все это не смогло не сказаться на положеніи подъ Екатеринодаромъ, но отвлеченіе полка къ Ставрополю случайно

*) Деникинъ, III, 190.

помогло контръ-маневру ген. Деникина для парированія удара Сорокина на Кореновскую.

Дѣйствительно, ударъ Сорокина на Кореновскую выводилъ въ тылъ основной группы Добровольческой Арміи на Екатеринодарскомъ направленіи и отрѣзалъ ее отъ штаба командующаго арміей (въ Тихорѣцкой). Этотъ же полкъ и оказался тѣмъ единственнымъ резервомъ, который ген. Деникинъ смогъ направить во флангъ наступленія Сорокина черезъ Тихорѣцкую. Одновременно съ ударомъ Сорокина, нажимъ и со стороны Екатеринодара поставилъ части Добровольческой Арміи между Динской и Кореновской въ чрезвычайно тяжелое положеніе, выйти изъ котораго ей удалось лишь послѣ ряда тяжелыхъ боевъ, затянувшихся на протяженіи десяти дней (28 іюля—7 августа) главнымъ образомъ въ раіонѣ Кореновской и Выселокъ.

Главной массѣ арміи Сорокина удалось все таки пробиться на югъ и, переправившись между Усть-Лабинской и Екатеринодаромъ, уйти за Кубань.

При содѣйствіи части силъ ген. Боровскаго со стороны Кавказской, концентрическимъ наступленіемъ по всѣмъ тремъ желѣзнымъ дорогамъ, подводившимъ къ Екатеринодару, Добровольческой Арміи 16-го августа удалось, наконецъ, овладѣть Кубанской столицей.

Захватъ Екатеринодара, однако, далеко еще не означалъ освобожденіе Кубани. Уходъ Сорокина за Кубань ставилъ подъ вопросъ удержаніе Ставрополя и тянулъ Добровольческую Армію за Кубань и на Армавирское направленіе.

На слѣдующій же день послѣ взятія Екатеринодара, вся дивизія ген. Боровскаго была двинута къ Ставрополю, гдѣ она утромъ 21-го отбила наступленіе большевиковъ на городъ.

Помимо усиленія Ставропольской группы, отходъ Сорокина вызвалъ направленіе на юго-востокъ еще и 3-й дивизіи Дроздовскаго и конной дивизіи ген. Эрдели. Первая, съ 20-го августа растянулась вдоль по Кубани отъ Екатеринодара до ст. Григориполисской (180 клм.), а вторая, послѣ неудачной попытки переправы у Усть-Лабинской, кружнымъ путемъ, черезъ Екатеринодаръ къ 27-му августа вышла на рубежъ р. Бѣлой (лѣвый притокъ Кубани). 29-го августа Сорокинъ, испортивъ переправы на р. Кубани у Усть-Лабинской и Тифлисской, началъ отходъ къ югу, а 1-я конная дивизія вышла 1-го сентября къ ст. Темиргоевской на р. Лабѣ. Такимъ образомъ, бóльшая часть Добровольческой Арміи, послѣ взятія Екатеринодара, ушла на востокъ и растянулась по Кубани и Лабѣ, охватывая отошедшую въ раіонъ между этими рѣками армію Сорокина.

Между тѣмъ, помимо Сорокина оставались еще совершенно не разбитыя таманскія группы большевиковъ, западнѣе Екатеринодара. Главнымъ операціоннымъ направленіемъ

Добровольческой Арміи послѣ захвата Кубанской столицы, поэтому было, конечно, Новороссійское, разъединявшее Сорокина отъ таманцевъ. Однако, на это направленіе особаго вниманія обращено не было. Изъ Екатеринодара на Новороссійскъ былъ высланъ лишь отрядъ полк. Колосовскаго (примѣрно половина 1-ой дивизіи). Отрядъ выступилъ къ тому же лишь на третій день по захватѣ Екатеринодара (18 августа).

„Отрядъ полк. Колосовскаго", пишетъ ген. Деникинъ, „наступалъ быстро и рѣшительно, опрокидывая противника, захватывая плѣнныхъ, орудія, бронепоѣзда, уничтожая совдепы и поднимая нагорныя станицы" *).

24-го августа полк. Колосовскій овладѣлъ ст. Крымской, то есть базой таманскихъ отрядовъ. Отъ Екатеринодара до Крымской 80 клм. Слѣдовательно, отрядъ полк. Колосовскаго продвигался со скоростью въ 13 клм. въ сутки, что, конечно, нельзя признать чрезмѣрнымъ. Это и спасло таманскихъ большевиковъ.

Дѣйствительно, таманцы составляли въ это время двѣ основныхъ группы: Темрюкскую, засѣвшую на Таманскомъ полуостровѣ и группу Ковтюха, отходившую отъ Тимошевской на Крымскую. Обѣ группы объединялись командующимъ Таманскимъ фронтомъ нѣкимъ Ойцевымъ (бывшимъ офицеромъ) со штабомъ на ст. Крымской.

Группа Ковтюха преслѣдовалась дивизіей ген. Покровскаго. Однако по захватѣ имъ 14-го августа ст. Тимошевской, Покровскій свернулъ на Екатеринодаръ, а Ковтюхъ смогъ спокойно отойти по желѣзной дорогѣ до переправы черезъ р. Протоку (ст. Славянская). Лишь 18-го августа, то есть одновременно съ отрядомъ Колосовскаго, Покровскій былъ вновь направленъ для преслѣдованія таманцевъ. Ковтюхъ отошелъ за р. Кубань (ст. Троицкая), которую и удерживалъ пять сутокъ (до 24-го августа), выжидая присоединенія къ нему темрюкской группы таманцевъ. Темрюкская группа, однако, постановила „изъ гор. Темрюка ни въ коемъ случаѣ не уходить, а послать выборныхъ на ст. Крымскую, арестовать командующаго фронтомъ, а штабъ его разогнать за то, что командующій приказалъ намъ оставить гор. Темрюкъ" **). 20-го августа Ойцева арестовали, а штабъ его разбѣжался.

Ковтюхъ, видя, что темрюкская группа упорно не желаетъ соединенія въ Крымской, рѣшилъ самостоятельно отходить на Новороссійскъ.

Трудно установить точныя даты дальнѣйшаго отхода таманцевъ ***), но во всякомъ случаѣ они проскочили въ Но-

*) Деникинъ, III, 214.

**) Ковтюхъ, 29.

***) Ген. Деникинъ (III, 214) указываетъ, что Крымская была взята полк. Колосовскимъ 24-го августа и это вызвало отходъ Ковтюха отъ Троицкой, а что въ Новороссійскъ онъ вступилъ 26-го. Ковтюхъ (стр. 31—34)

вороссійскъ, куда также подошла и темрюкская группа *до* прихода отряда полк. Колосовскаго. Занимавшій Новороссійскъ небольшой германо-турецкій гарнизонъ сѣлъ на суда и ватаги таманцевъ безпрепятственно пройдя Новороссійскъ двинулись по прибрежному шоссе на Туапсе.

Ойцевъ послѣ своего ареста не пожелалъ вторично вступить въ командованіе и бѣжалъ. Таманцы (всего 27 тысячъ штыковъ, 3,5 тысячи сабель и 15 орудій) *) раздѣлились на три колонны, не объединенныя общимъ командованіемъ. Въ головѣ шла колонна Ковтюха (12 тысячъ штыковъ, 600 сабель и 1 орудіе), который рѣшилъ „пробиваться черезъ Туапсе на Армавиръ и далѣе на... Царицынъ (!)".

Двѣ остальныхъ колонны, послѣ долгихъ пререканій и митинговъ, остановили свой выборъ на нѣкомъ Матвѣевѣ, который ихъ и возглавилъ. Однако ни Матвѣевъ Ковтюху, ни Ковтюхъ Матвѣеву не подчинялись.

Артиллерія таманцевъ осталась совершенно безъ снарядовъ, а на винтовку было по 5—10 патроновъ. Бѣдный прибрежный раіонъ къ тому же не могъ прокормить этой 30-тысячной толпы **).

Наконецъ, на пути ихъ движенія, въ Туапсе, стояла грузинская дивизія ***).

Всего отъ Новороссійска до Туапсе около 140 клм. Путь движенія проходилъ между Кавказскимъ хребтомъ и Чернымъ моремъ. Сзади былъ отрядъ Колосовскаго, впереди—грузины. Вся 30-тысячная толпа таманцевъ, безъ огнеприпасовъ, вразбродъ одной колонной двинулась на Туапсе. Сбивъ аван-

пишетъ, что 24-го августа онъ въ эшелонахъ прошелъ Крымскую, а 26-го всѣ три колонны таманцевъ миновали Новороссійскъ. Во всякомъ случаѣ и въ Крымской и въ Новороссійскѣ таманцы успѣли предупредить добровольцевъ.

*) Ковтюх, 32.

**) Таманцы „питались подножнымъ кормомъ", то есть собирали въ лѣсахъ жолуди, кислицы (дикія яблоки и груши) и на поляхъ зеленую кукурузу, которую ѣли вмѣстѣ съ соломой" (Ковтюх, 39).

***) Грузія, присоединивъ къ себѣ „временно" Абхазію, выдвинула свои войска и въ прежнюю Черноморскую губернію и заняла 24-го іюля Сочи, а 6-го августа Туапсе, то есть оккупировала два округа этой послѣдней. Въ будущемъ это вызвало цѣлый рядъ столкновеній между Грузіей и Добровольческой Арміей, основанныхъ на томъ, что грузины проводили сѣверную границу Абхазіи (бывшаго Сухумскаго округа) включая въ нее Гагры, а Добровольческая Армія этой границей считала р. Бзыбь, то есть включала Гагры въ предѣлы Сочинскаго округа Черноморской губерніи. Грузины основывали свои притязанія на старой границѣ, а Добровольческая Армія на присоединеніи Гагръ (въ началѣ XX столѣтія), послѣ постройки въ ней курорта, къ Черноморской губерніи. Во всякомъ случаѣ споръ объ южной границѣ Сочинскаго округа не имѣлъ никакого отношенія къ оккупаціи расположеннаго сѣвернѣе Сочи округа Туапсинскаго. Не касаясь вопроса о необоснованности грузинскихъ притязаній на Туапсе, все же нельзя не считать оккупацію грузинами Туапсе въ концѣ августа 1918 года выгодной для Добровольческой Арміи, ибо грузинская дивизія запирала путь отхода таманцевъ.

гардъ грузинъ у Геленджика, таманцы двигались въ общемъ безпрепятственно и 1-го сентября атаковали грузинскую дивизію въ Туапсе. Грузинская дивизія г. Мазніева была на голову разгромлена колонной Ковтюха *) и путь на Армавиръ былъ открытъ. Главное же значеніе для таманцевъ имѣло то, что они, разгромивъ грузинъ, получили огнеприпасы и могли свернуть на Кубань, гдѣ было обезпечено продовольствіе этой 30-тысячной толпы. Ни въ Новороссійскѣ, ни въ Туапсе, пресѣчь пути таманцевъ не удалось, и Добровольческой Арміи приходилось считаться съ новой 30-тысячной массой большевиковъ, двигавшихся на Армавиръ на соединеніе съ Сорокинымъ.

И группа Сорокина, и таманцы разгромлены во второмъ Кубанскомъ походѣ не были...

Къ 1-му сентября Добровольческая Армія насчитывала примѣрно 35—40 тысячъ при 86 орудіяхъ и 256 пулеметахъ, при 5 бронепоѣздахъ и 8 броневикахъ **). Сравнивая техническое оборудованіе Добровольческой Арміи по сравненію съ Донской того же періода (см. Главу 5-ю), нужно отмѣтить, что Добровольческая Армія была снабжена нѣсколько лучше. Взамѣнъ 1,2—1,9 орудій на одну тысячу бойцовъ въ Донской Арміи, въ Добровольческой Арміи приходилось 2,2—2,5, а взамѣнъ 3,4—5,5 пулеметовъ приходилось 6,4—7,3. Все же и это различіе совершенно не позволяетъ говорить о снабженіи Добровольческой Арміи по современнымъ даже для 1918 г. техническимъ нормамъ. Добровольческая Армія въ смыслѣ артиллеріи отставала даже отъ нашихъ нормъ 1914 года, а по числу пулеметовъ на одну тысячу бойцовъ уступала европейскимъ арміямъ 1918 года не менѣе чѣмъ вчетверо. Перенесеніе центра тяжести пѣхотнаго вооруженія съ винтовки на пулеметъ, повсемѣстно проведенное уже въ 1918 году, не коснулось нашихъ бѣлыхъ армій...

*По составу, Добровольческая Армія теперь уже на двѣ трети состояла изъ кубанцевъ ***) и это предопредѣляло ея будущее операціонное направленіе на Армавиръ для освобожденія восточной Кубани.*

Къ 1 сентября кризисъ у большевиковъ спалъ. Іюльскія возстанія въ Подмосковномъ раіонѣ были подавлены, германскій фронтъ во Франціи, послѣ наступленій союзниковъ 18-го іюля и 8-го августа, дрогнулъ. Ослабленіе Германіи автоматически понижало заинтересованность союзниковъ въ

*) Таманцы захватили у грузинъ 16 орудій съ 6-ю тысячами снарядовъ, 10 пулеметовъ и 800 тысячъ ружейныхъ патроновъ (Ковтюх, стр. 42).

**) Деникинъ, III, 210.

***) Деникинъ, III, 208.

возсозданіи русскаго фронта. Интервенція теряла свое значеніе. Помогать приходилось сейчасъ уже Россіи, а не самимъ себѣ, что не могло не отражаться на активности интервенціи. Бѣломорскій фронтъ, прикрывавшій Архангельскъ и Мурманскъ, застылъ. Въ Сибири интервенція не пошла западнѣе Байкала. На русскихъ фронтахъ выходъ на Волгу и на Уралъ не развивался. Выборъ потерявшаго всякій смыслъ Котласъ-Архангельскаго направленія, центръ тяжести дѣйствій Волжскаго фронта къ тому же переносилъ на оперативно-мертвое направленіе.

Красные удержали Царицынъ и Астрахань, и этимъ ставили подъ угрозу фланговаго удара продвиженіе донцовъ и сохраняли связь съ сѣвернымъ Кавказомъ. Добровольческая Армія ушла въ сторону отъ главныхъ путей русской контръ-революціи — на Кубань. Захватъ ею Екатеринодара не сопровождался разгромомъ сѣверо-кавказской арміи и еще болѣе тянулъ ее на востокъ, въ сторону отъ Дона и Волги.

Екатеринбургское убійство устранило возможность освобожденія Государя и Его Семьи.

Бѣлыя арміи шли: одна на Котласъ, другая на Царицынъ, третья на Армавиръ.

Побѣды союзниковъ создавали у бѣлыхъ иллюзіи скораго ихъ прихода и переносили всѣ надежды на нихъ. Для союзниковъ, ихъ побѣды сводили на нѣтъ значеніе для нихъ русскаго фронта.

Русская контръ-революція, послѣ зенита лѣта 1918 года, вступала въ новый трудный періодъ.

ГЛАВА VII.

ОСЕНЬ 1918 ГОДА.

ПОТЕРЯ БѢЛЫМИ ВОЛГИ И ОЧИЩЕНІЕ ОТЪ КРАСНЫХЪ КУБАНИ.

(См. чертежи №№ 9, 9-а и 10).

Государственное совѣщаніе въ Уфѣ (8—23 сентября) и избраніе Временнаго Всероссійскаго правительства („Директоріи"). Верховный Главнокомандующій генералъ Болдыревъ.
Второе наступленіе донцовъ на Царицынъ (октябрь). Захватъ Добровольческой Арміей Армавира и Невинномысской (19 и 17 сентября) и соединеніе таманцевъ съ Сорокинымъ. Переходъ въ наступленіе красныхъ и захватъ ими Армавира и Невинномысской (26 и 28 сентября). Захватъ красными Ставрополя (30 октября). Контръ-маневръ Добровольческой Арміи и захватъ ею Армавира, Невинномысской и Ставрополя (26 октября, 5 и 15 ноября). Подавленіе красными терскаго возстанія. Воронежское направленіе и „Южная Армія". Переизбраніе генерала Краснова Донскимъ Атаманомъ (26 сентября). Иногородніе.
Потеря бѣлыми Самары (7 октября) и отходъ съ линіи Волги. Подавленіе Красными Ижевскаго возстанія (7-го ноября) и наступленія бѣлыхъ на Пермь. Переѣздъ Директоріи въ Омскъ (9-го октября) и упраздненіе Сибирскаго правительства (5-го ноября). Прибытіе въ Омскъ союзныхъ представителей (октябрь—ноябрь).
Временное правительство Сѣверной области. Командующій союзнымъ десантомъ ген. Айронсайдъ. Вооруженныя силы союзниковъ и русскія. Оцѣнка возможностей сѣвернаго фронта.
Общая оцѣнка обстановки на фронтахъ нашей гражданской войны ко времени окончанія Міровой войны 11-го ноября 1918 года.

Послѣ захвата ими Казани, чехи и Народная армія дальше продвинуться не смогли.

Полк. Каппель со своимъ отрядомъ правда сдѣлалъ попытку (27-го августа) овладѣть Свіяжскимъ мостомъ у Казани, но эта попытка была отбита красными. Вклинившійся у Казани бѣлый фронтъ, въ свою очередь, не выдержалъ нажима красныхъ, и 8-го сентября Казань пала. Вслѣдъ за ней, черезъ четыре дня (12-го сентября) красные овладѣли и Симбирскомъ, а еще черезъ день и Вольскомъ. Изъ всего Волжскаго фронта въ рукахъ чеховъ и Народной арміи оставалась лишь Самарская лука съ Сызранской переправой, гдѣ командованіе, вмѣсто уѣхавшаго въ тылъ Чечека, принялъ чешскій же полк. Швецъ.

Приволжскій фронтъ разваливался. Чехи не хотѣли больше воевать, а Народная армія не смогла развернуться. Всѣ надежды обращались на Сибирь...

Еще 15-го іюля въ Челябинскѣ собралось совѣщаніе представителей Омскаго и Самарскаго правительствъ. Договорились они, однако, лишь до того, что рѣшили собраться опять 6-го августа для созданія Всероссійскаго правительства. Вторично они собрались опять въ Челябинскѣ 20-го августа и намѣтили, послѣ долгихъ споровъ, вновь собраться 1-го сентября въ Уфѣ. При этомъ было рѣшено, что въ этомъ совѣщаніи, для избранія Верховной Всероссійской Власти, могутъ участвовать лишь представители „правительствъ и политическихъ партій". Любопытно посмотрѣть какія же именно правительства и политическія партіи были призваны избрать *Всероссійское* Правительство.

Кромѣ Сибирскаго правительства и Комуча должны были принять участіе представители: областного правительства Урала (Екатеринбургъ), Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ правительствъ, Башкиріи и Алашъ Орды (казакское, то есть киргизское), Туркестана, „національное правительство тюрко-татаръ внутренней Россіи и Сибири" и почему то Эстоніи. Къ этимъ случайнымъ представителямъ присоединялись делегаты Сибирскихъ, Семирѣченскихъ, Астраханскихъ, Иркутскихъ и Енисейскихъ казаковъ *).

Изъ партій на совѣщаніи должны были быть представители, кромѣ, конечно, соціалистовъ всѣхъ оттѣнковъ (с.-р., с.-д. меньшевиковъ, народныхъ соціалистовъ, с.-д. „Единство", Сибирской областной думы, представителей Земгора Сибири, Урала и Поволжья) лишь партія народной свободы и полусоціалистическій „Союзъ Возрожденія Россіи".

Вотъ каковъ былъ составъ того собранія, которое претендовало на избраніе Всероссійской власти въ Уфѣ.

Собраться въ Уфѣ 1-го сентября, однако, не удалось, такъ какъ въ этотъ самый день красный отрядъ Блюхера какъ разъ прервалъ движеніе по желѣзной дорогѣ восточнѣе Уфы. Такъ называемое „Государственное Совѣщаніе" собралось лишь 8-го. Изъ 200 собравшихся больше половины составляли эсеры. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ также небезызвѣстный эсеръ Авксентьевъ.

Послѣ долгихъ и томительныхъ споровъ, въ центрѣ которыхъ лежалъ вопросъ объ отвѣтственности избранной

*) Эти два послѣднихъ войска, какъ извѣстно, выставляли каждое лишь по одной сотнѣ, то есть численность ихъ вмѣстѣ взятыхъ не превышала нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ...

этимъ совѣщаніемъ власти передъ разогнаннымъ большевиками Учредительнымъ Собраніемъ, въ концѣ концовъ, остановились на томъ, что власть будетъ безотвѣтственна до 1-го января 1919 года. Послѣ же этого срока созывалось Учредительное Собраніе (старое), которое начинало функціонировать съ 1-го января при наличіи кворума въ 250 человѣкъ. При его же отсутствіи, созывъ Учредительнаго Собранія откладывался до 1-го февраля, причемъ для этого срока созыва кворумъ уже понижался до 170 человѣкъ.

Намѣчавшіяся взаимоотношенія новой власти со старымъ Учредительнымъ Собраніемъ были не особенно ясны. Несомнѣнно, что нѣкоторыя обязательства ей навязывались, такъ какъ въ конституцію новой власти былъ внесенъ пунктъ о нѣкоторыхъ обязательствахъ этой власти къ съѣзду членовъ Учредительнаго Собранія „функціонирующему, какъ государственно-правовой органъ въ его самостоятельной работѣ по обезпеченію пріѣзда членовъ Учредительнаго Собранія и по устроенію и подготовкѣ возобновленія занятій Учредительнаго Собранія настоящаго созыва" *).

Наконецъ послѣ не меньшихъ споровъ было рѣшено, что новая Всероссійская власть должна представлять собою коллективный органъ изъ пяти лицъ, получавшихъ названіе... „Временнаго Всероссійскаго правительства" или въ просторѣчіи — „Директоріи".

Въ составъ Директоріи были избраны два соціалиста (с.-р. Авксентьевъ и нар. соц. Чайковскій), одинъ кадетъ (Астровъ), одинъ бывшій соціалистъ представитель Сибири (Вологодскій) и представитель полусоціалистическаго „Союза Возрожденія" (см. главу 5-ю) — генералъ Болдыревъ.

За отсутствіемъ, однако, въ Уфѣ двухъ изъ пяти избранныхъ лицъ — вмѣсто нихъ вошли замѣстители и фактически Директорія составилась изъ двухъ эсеровъ (Авксентьевъ и Зензиновъ), сибиряка Вологодскаго, кадета Виноградова и ген. Болдырева.

Взаимоотношенія новой Всероссійской власти съ рядомъ существовавшихъ до него на востокѣ правительствъ были также не вполнѣ опредѣленны. Резолюція по этому поводу гласила**): „1. Всероссійское правительство является *до* созыва Учредительнаго Собранія единственнымъ носителемъ верховной суверенной власти. 2. Всѣ функціи областныхъ правительствъ должны быть переданы центральному правительству, какъ только оно потребуетъ. 3. Мудрости правительства продоставляется во всемъ остальномъ установить границы взаимной компетенціи".

*) Болдыревъ, 48.

**) Гинсъ, I, 242.

Между тѣмъ Сибирь, будучи единственной реальной силой на востокѣ въ 1918 году, очень неохотно шла на полное подчиненіе Директоріи. Государственное Совѣщаніе въ Уфѣ, конечно, ни въ какой степени не могло почитаться выразителемъ мнѣнія всей Россіи. Единственными не фиктивными представителями на этомъ совѣщаніи были сибиряки и казаки, и ясно, что они очень неохотно шли на подчиненіе полусоціалистической, избранной на партійномъ съѣздѣ, власти, къ тому же претендовавшей на всероссійское значеніе.

Однако и въ Сибири далеко не все шло такъ гладко, какъ этого бы хотѣло Сибирское правительство. Дальневосточныя правительства Хорвата, Дербера и Семенова въ сущности совсѣмъ не признавали Омскаго правительства и Вологодскій въ сентябрѣ выѣхалъ на Дальній Востокъ для переговоровъ съ ними *). Конечно, помимо желанія заставить ихъ признать главенство Омска, сибирское правительство стремилось и непосредственно завязать сношенія съ союзниками, высаживавшимися во Владивостокѣ. Это послѣднее желаніе, однако, потерпѣло полное фіаско.

Совсѣмъ не благополучно было и въ самой Сибири. Еще на второмъ совѣщаніи въ Челябинскѣ въ августѣ произнесенная к-щимъ Сибирской арміей ген. Гришинымъ на банкетѣ рѣчь послужила поводомъ для его удаленія и къ замѣнѣ его ген. Ивановымъ (болѣе извѣстнымъ подъ псевдонимомъ Иванова-Ринова). По словамъ управлявшаго дѣлами Сибирскаго правительства — Гинса, увольненіе Гришина было политической интригой, но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же Гинсъ характеризуетъ Гришина какъ „маленькаго, честолюбиваго и самоувѣреннаго человѣчка, не умѣвшаго вести большой игры и довѣрявшаго случайнымъ людямъ**). Занявшій его мѣсто Ивановъ, 6-го сентября, покончилъ съ остатками демократическихъ бирюлекъ Гришина и возстановилъ въ арміи погоны, чинопочитаніе и военную іерархію. Конечно эта эволюція была совершенно естественной и Гришинъ, игравшій и направо и налѣво, давно уже переигралъ, что и привело къ его удаленію.

Такая же глухая борьба шла и между Сибирскимъ правительствомъ и Областной Сибирской Думой. Думу зачѣмъ то созвали въ Томскѣ 15-го августа съ тѣмъ, чтобы распустить ее 20-го.

Затѣмъ постепенно стало распадаться и само Сибирское правительство и на смѣну его съ 24-го августа выдвинулся дѣловой кабинетъ подъ названіемъ „Административнаго Совѣта", которому съ 7-го сентября „на время отсутствія боль-

*) На время отсутствія Вологодскаго его замѣщалъ въ Директоріи профессоръ ботаники нѣкій Сапожниковъ.

**) Гинсъ, 200.

шинства членовъ совѣта министровъ“ передавалась вся полнота власти, что въ виду отсутствія изъ Омска большинства членовъ Сибирскаго Совѣта министровъ, фактически передавало власть въ руки Административнаго Совѣта.

Насколько неблагополучно складывались всѣ эти сложныя взаимоотношенія показываютъ тѣ инциденты, которые разыгрывались въ Омскѣ во время Государственнаго Совѣщанія въ Уфѣ и поѣздки Вологодскаго на Дальній Востокъ.

За два дня до избранія Директоріи начальникъ гарнизона полк. Волковъ арестовалъ, прибывшихъ въ Омскъ, двухъ членовъ Сибирскаго правительства и одного члена Сибирской областной Думы, котораго сибирскіе министры хотѣли кооптировать въ составъ правительства. Министровъ подъ арестомъ заставили подписать прошеніе объ отставкѣ, а арестованный членъ Сибирской Думы Новоселовъ „былъ убитъ при попыткѣ бѣжать“. Это былъ такъ сказать переворотъ справа, такъ какъ арестъ двухъ сибирскихъ министровъ обезпечивалъ суверенитетъ, переданный ему на время отсутствія кворума Совѣта министровъ, Административнаго Совѣта. Послѣдній дѣйствовалъ во всемъ этомъ нѣсколько странно. Полк. Волкова онъ постановилъ устранить отъ должности, отставку арестованныхъ министровъ принялъ, а ихъ самихъ освободилъ. Послѣ этого, однако, сейчасъ же произошелъ переворотъ слѣва — чехи въ свою очередь арестовали товарища министра внутреннихъ дѣлъ (члена „Административнаго Совѣта“) Граціанова и полк. Волкова*). Но къ этому времени уже была избрана Директорія и она постановила вернуть отставку арестованныхъ сибирскихъ министровъ, а для разслѣдованія всего дѣла послать въ Омскъ эсера Аргунова.

Вся эта неразбериха еще осложнялась треніями въ переговорахъ Вологодскаго съ дальневосточными правительствами.

На фонѣ всѣхъ этихъ политическихъ ссоръ, фронтъ продолжалъ разваливаться и вопросъ объ объединеніи командованія конечно далеко превосходилъ по своему значенію и Уфимское совѣщаніе и Омскіе „инциденты“.

На слѣдующій же день послѣ избранія Директоріи, на ген. Болдырева было возложено „Верховное Главнокомандованіе всѣми Россійскими вооруженными силами“ **), а его замѣстителемъ былъ избранъ ген. Алексѣевъ. Хотя это и можно пожалуй объяснить отсутствіемъ ген. Алексѣева въ

*) Гинсъ пишетъ, что Волковъ былъ арестованъ по предложенію предсѣдателя Административнаго Совѣта И. А. Михайлова (I, 236). Болдыревъ же опредѣленно пишетъ, что „чехи по иниціативѣ нѣкоторыхъ демократическихъ группъ, арестовали начальника Омскаго гарнизона полк. Волкова“ (51). Послѣдняя версія, какъ будто, болѣе вѣроятна, такъ какъ и Гинсъ не отрицаетъ, что чехи хотѣли арестовать и самаго Михайлова, но тотъ успѣлъ скрыться.

**) Приказъ Временнаго Всероссійскаго Правительства № 2, 24-го сентября 1918 года въ Уфѣ.

Уфѣ, но все же сравнивая фигуры ген. Алексѣева и Болдырева такая редакція невольно вызываетъ улыбку. Не проще ли было сдѣлать Болдырева замѣстителемъ? Во всякомъ случаѣ подобная постановка вопроса конечно была непріемлемой для южныхъ армій.

Кто же былъ этотъ новый Россійскій Верховный Главнокомандующій?

Генералу Болдыреву въ день его избранія было лишь 43 года. Передъ войной онъ былъ полковникомъ генеральнаго штаба, въ маѣ мѣсяцѣ 1914 года защитившимъ профессорскую диссертацію въ Военной Академіи. На войнѣ онъ былъ начальникомъ штаба дивизіи, командиромъ полка и съ осени 1916 года — генералъ-квартирмейстеромъ штаба Сѣвернаго фронта. Послѣ революціи, за шесть мѣсяцевъ, онъ перескочивъ нѣсколько ступеней, сталъ командующимъ 5-й арміей. Въ общемъ ген. Болдыревъ былъ типичнымъ рядовымъ офицеромъ генеральнаго штаба, какихъ въ арміи были десятки. Правда, что у него были „революціонныя“ заслуги въ видѣ его крестьянскаго происхожденія и рѣзко выявленнаго имъ за 1917 годъ „демократизма“ *).

Впечатлѣнія новаго Верховнаго Главнокомандующаго были очень пессимистическими. Народная Армія, по его словамъ **), обратилась „въ тонкую паутину, которая начала легко рваться подъ напоромъ красныхъ. Надо было быстро привести въ готовность только что мобилизованныя силы Сибири и бросить ихъ за Уралъ... Въ этотъ начальный организаціонный періодъ, конечно, нечего было и думать о широкихъ стратегическихъ заданіяхъ. Важно было только намѣтить предѣльный рубежъ, на которомъ можно было бы задержать красныхъ и выиграть столь необходимое время для переформированія, перегруппировки и,— что самое важное — для подхода резервовъ изъ Сибири. Не исключалась возможность отхода до переваловъ черезъ Уральскій хребетъ***). Это, конечно, ставило въ очень тяжелое положеніе Уральское казачье войско и значительно затруднило бы связь съ южной Добровольческой Арміей“.

Переносъ центра тяжести на Пермское направленіе былъ, однако, уже предрѣшенъ. Помимо причинъ чисто политическихъ (см. главу 6-ю) сѣверное направленіе становилось направленіемъ „сибирскимъ“ въ отличіе отъ Самарскаго направленія „комуча“. Потеря Казани и Симбирска увеличивала удѣльный вѣсъ Сибири и Сибирь не хотѣла давать своихъ пополненій на Самарскій фронтъ Народной Арміи.

*) Какъ извѣстно свою карьеру ген. Болдыревъ закончилъ у большевиковъ, къ которымъ перешелъ въ 1923 году.

**) Болдыревъ, 60.

***) Отъ Волги до Уральскаго хребта въ среднемъ 700 клм...

Избраніе Всероссійской власти еще болѣе уменьшало значеніе „Самарской“ арміи. Наконецъ изъ Восточной Сибири стали подходить и эшелоны чеховъ Гайды, послѣ захвата Новониколаевска и Омска (въ концѣ мая—началѣ іюня) двинувшагося на востокъ и очистившаго отъ большевиковъ Иркутскъ (13 іюля). Теперь эшелоны Гайды были вновь повернуты союзниками на Уралъ и они направлялись на Екатеринбургъ. При этомъ, какъ это не кажется страннымъ, чешскій фельдшеръ — авантюристъ Гайда *) выдвигался Сибирскимъ правительствомъ въ командующіе Сибирской арміей **).

Что Екатеринбургское направленіе Сибирь считала „своимъ“, подчеркиваетъ и Болдыревъ, когда защищая сѣверное направленіе, онъ говоритъ: „Эти обстоятельства (правительство Чайковскаго и англійское снабженіе изъ Архангельска) въ связи съ большими возможностями усиленія Екатеринбургской группы сибиряками и подходящими съ ген. Гайдой чехами —все это указывало на цѣлесообразность пожертвовать большими выгодамиюжнаго направленія въ пользу сѣвернаго“ ***).

Итакъ на восточномъ фронтѣ политика тянула ген. Болдырева на сѣверъ. Все возроставшее значеніе Сибири еще больше его толкало на Пермь. Такимъ образомъ *стратегія была принесена въ жертву политическимъ симпатіямъ Болдырева и желанію Сибири имѣть свое собственное операціонное направленіе, независимое отъ Самары и Народной Арміи.* При этомъ объединивъ командованіе на всемъ Урало-Волжскомъ фронтѣ въ рукахъ также ставшаго генераломъ чеха Сыровоrо, а на Урало-Оренбургскомъ каз. фронтѣ въ рукахъ атамана Дутова, самъ ген. Болдыревъ „не имѣлъ возможности лично осмотрѣть войска и детально ознакомиться съ положеніемъ на фронтѣ“ ****).

---

*) Гайда въ началѣ міровой войны былъ санитарнымъ унтеръ-офицеромъ австрійской арміи. 30-го октября 1914 года онъ попалъ въ плѣнъ (перешелъ) къ черногорцамъ, къ которымъ поступилъ на службу уже въ качествѣ врача (хотя до войны былъ всего только фармацевтомъ). Въ 1916 году онъ съ русскимъ санитарнымъ отрядомъ выѣхалъ изъ Албаніи въ Россію, гдѣ и вступилъ въ чешскія войска. Въ 1917 году онъ уже капитанъ, а за свои дѣйствія въ Сибири (въ 1918 году) произведенъ въ полковники и генералы и сталъ начальникомъ чешской дивизіи.

**) „21 сентября вечеромъ, то есть на другой день по пріѣздѣ во Владивостокъ, я“, пишетъ Гинсъ, „по порученію Вологодскаго говорилъ по прямому проводу съ Омскомъ. Рѣчь шла о предоставленіи ген. Гайдѣ командованія сибирской арміей. Предложеніе это было выдвинуто нами изъ Владивостока. Мы мотивировали его тѣмъ, что Гайда являлся все время энергичнымъ и активнымъ сторонникомъ Омскаго правительства... Мы расчитывали, что назначеніе Гайды ускоритъ полученіе помощи отъ союзниковъ. Наконецъ среди русскихъ генераловъ не было никого, кто пользовался бы общимъ признаніемъ у офицеровъ“... (Гинсъ, I, 231).

***) Болдыревъ, 61.

****) Тамъ же, 61.

Ясно, что при такихъ условіяхъ ждать улучшенія положенія бѣлаго восточнаго фронта не приходилось.

Подъ Царицынымъ, Ворошиловъ, развивая свое наступленіе, продолжалъ выдвиженіе по лѣвому берегу Дона къ линіи р. Салъ съ цѣлью освобожденія, обложенныхъ казаками, мѣстныхъ большевиковъ въ слободахъ Орловкѣ и Мартыновкѣ (по р. Салу). Къ 20-му сентября красный Царицынскій фронтъ тянулся по Дону отъ Устья р. Иловля до ст. Нагавской, протяженіемъ примѣрно въ 200 клм.

Однако въ 20-хъ числахъ сентября донцы вновь перешли во второе наступленіе противъ Царицына. При поддержкѣ частей вновь сформированной постоянной арміи, ген. Мамантову удалось оттѣснить красныхъ съ линіи Дона и къ серединѣ октября вновь окружить Царицынъ, подойдя у Пичуги, Воропанова и Сарепты на 15 клм. къ городу и разъединивъ Камышинскую и Царицынскую группы красныхъ (у Пичуги). Положеніе Царицына въ серединѣ октября, также какъ и въ августѣ, было почти критическимъ. Однако и второе (октябрьское) окруженіе не дало донцамъ Царицына. Спасла Ворошилова на этотъ разъ дивизія Жлобы, пробившаяся съ сѣверо-кавказскаго фронта и ударившая во флангъ Мамантову. Ударъ Жлобы заставилъ донцовъ вновь отойти отъ Царицына и остановиться на линіи Дона и у ст. Жутово на желѣзной дорогѣ Царицынъ—Тихорѣцкая. Въ общемъ донской фронтъ и послѣ второй попытки захвата Царицына опять откатился на 50—80 клм. отъ города.

Исторія маневра Жлобы очень интересна, такъ какъ она показываетъ на взаимоотношенія Царицынской и Сѣверо-Кавказской операцій.

Еще въ первыхъ числахъ іюля, послѣ поворота Добровольческой Арміи на Тихорѣцкую, Жлоба, командовавшій 1-й дивизіей въ Арміи Сорокина, былъ командированъ въ Царицынъ. Пробравшись черезъ Добровольческій фронтъ у Ставрополя, Жлоба въ шесть дней, на трехъ автомобиляхъ съ пулеметами, черезъ Астрахань, пробрался въ Царицынъ, гдѣ отъ Ворошилова получилъ 13 грузовиковъ и 200 тысячъ патроновъ, которые онъ опять тѣмъ же путемъ, въ шесть сутокъ, привезъ изъ Царицына въ Армавиръ *). Получивъ приказъ отъ „Царицынской тройки“ привести дивизію въ Царицынъ, Жлоба, несмотря на упорное противодѣйствіе Сорокина, все таки приказъ исполнилъ и кружнымъ путемъ, черезъ Св. Крестъ и калмыцкія степи вышелъ къ Царицыну, чѣмъ и выручилъ Царицынскую группу красныхъ.

И снабженіе сѣвернаго Кавказа изъ Царицына, и ударъ въ правый флангъ Мамантова красныхъ сѣверо-кавказской группы, еще разъ подчеркиваютъ ту тѣсную связь, которая

---

*) „Гражданская война 1918—1921 г.г.“, I, статья Жлобы: „Отъ Невинномысской до Царицына осенью 1918 года“, стр. 29—30.

существовала между Царицыномъ и сѣверо-кавказскимъ фронтомъ.

Конечно, „Царицынская тройка“ лучше отдавала себѣ отчетъ въ общемъ положенiи, чѣмъ Сорокинъ. Уходъ Жлобы съ сѣвернаго Кавказа, можетъ быть, и стоилъ краснымъ потери, имѣвшихъ чисто мѣстное значенiе пунктовъ вродѣ Армавира или Невинномысской, но зато спасъ Царицынъ. Клинъ, забитый красными по нижней Волгѣ, уцѣлѣлъ и это по прежнему разъединяло южный и восточный фронты и угрожая донцамъ обезпечивало тылъ сѣверо-кавказскаго фронта красныхъ.

Въ то время, какъ донцы вторично пытались овладѣть Царицынымъ, Добровольческая Армiя, въ 500 клм. къ югу, приступала ко второй операцiи на Кубани, имѣвшей задачей освобожденiе восточныхъ отдѣловъ Кубанской области. Операцiя эта по прежнему развивалась въ двухъ направленiяхъ: попытка окруженiя Сорокина между р.р. Кубанью и Лабой и противодѣйствiе движенiю таманцевъ отъ Туапсе на Армавиръ. Узломъ обѣихъ операцiй являлся, расположенный на берегу Кубани на пересѣченiи Владикавказской и Туапсинской желѣзныхъ дорогъ, Армавиръ.

На фронтѣ противъ Сорокина ген. Деникинъ велъ наступленiе по двумъ направленiямъ: отъ Кавказской на Армавиръ и отъ Ставрополя и съ востока (партизаны Шкуро) на Невинномысскую (пересѣченiе Владикавказской желѣзнодорожной магистрали съ р. Кубанью).

Ударъ дивизiи ген. Боровскаго отъ Ставрополя и партизанъ Шкуро на Бѣломечетинскую привелъ къ захвату Невинномысской (15 сентября) *). Этотъ же ударъ по сообщенiямъ Сорокина позволилъ и дивизiи полк. Дроздовскаго овладѣть Армавиромъ (19 сентября). Такимъ образомъ къ 20-му сентября Сорокинъ былъ отброшенъ на западный берегъ Кубани и отрѣзанъ отъ своихъ тыловъ.

Менѣе удачно сложилась обстановка на фронтѣ противъ таманцевъ.

На перерѣзъ таманцамъ, изъ Екатеринодара, ген. Деникинымъ была брошена къ Бѣлорѣченской (на Туапсе—Армавирскомъ шоссе) кубанская дивизiя ген. Покровскаго, вскорѣ вошедшаго въ связь съ возставшими кубанцами ген. Геймана въ Майкопѣ. Однако Ковтюхъ, пробиваясь къ Армавиру, 16-го сентября сбилъ заслонъ Покровскаго и 18-го сентября въ ст. Курганной соединился съ Сорокинымъ. Преслѣдовавшiе таманцевъ отъ Новороссiйска добровольцы заняли 8-го сентября Туапсе, но встрѣтились въ Сочинскомъ округѣ съ грузинами, что привело къ созданiю новаго грузинскаго фронта (хотя обѣ стороны были врагами большевиковъ).

---

*) Невинномысская была правда очищена два дня спустя (17-го сентября), но вновь занята ген. Боровскимъ 21-го сентября.

Въ результатѣ сентябрьскихъ операцiй Добровольческой Армiи, сѣверо-кавказская группа большевиковъ оказалась зажатой между р. Кубанью и Лабой въ положенiи, какъ его характеризуетъ ген. Деникинъ *), „почти стратегическаго окруженiя“. Теоретически, это несомнѣнно было стратегическимъ окруженiемъ. Дѣйствительно, съ запада и на Лабинскомъ фронтѣ у Петропавловской и Дондуковской стояла конная дивизiя ген. Врангеля **) и по р. Фарсу — ген. Покровскiй, а отъ Армавира вверхъ по Кубани до Баталпашинской дивизiи полк. Дроздовскаго, ген. Боровскаго и полк. Шкуро. Наконецъ съ юга тянулся главный Кавказскiй хребетъ. Въ этомъ мѣшкѣ, мѣстами шириной лишь въ 50 клм., столпились армiя Сорокина и таманцы. Однако практически это означало окруженiе по обводу въ 250 клм. 150-ти тысячъ при 200 орудiяхъ красныхъ ***), 35—40 тысячами при 100 орудiяхъ добровольцевъ. Четверное превосходство въ численности и

---

*) Деникинъ, III, 221.

**) Съ 13-го сентября во главѣ 1-ой конной дивизiи, вмѣсто ген. Эрдели сталъ ген.-маiоръ бар. Петръ Николаевичъ Врангель.

Ген. бар. Врангель по окончанiи Горнаго Института поступилъ вольноопредѣляющимся л.-гв. въ Конный полкъ. Произведенный въ корнеты, онъ былъ зачисленъ въ запасъ гвардейской кавалерiи съ 1902 года. Черезъ два года, съ началомъ Японской войны, онъ поступилъ на дѣйствительную службу въ 2-й Верхнеудинскiй, а затѣмъ во 2-й Аргунскiй полкъ Забайкальскаго казачьяго войска, съ которымъ и продѣлалъ всю кампанiю. По окончанiи войны, въ 1907 году, онъ былъ переведенъ л.-гв. въ Конный полкъ поручикомъ. Окончивъ Академiю генеральнаго Штаба и курсъ Офицерской кавалерiйской школы, онъ вернулся л.-гв. въ Конный полкъ, съ которымъ и выступилъ на войну командиромъ эскадрона Его Величества. Одинъ изъ первыхъ георгiевскихъ кавалеровъ послѣдней войны за бой у Каушена въ Восточной Пруссiи, онъ былъ въ декабрѣ 1914 года пожалованъ флигель-адьютантомъ и произведенъ въ полковники. Съ осени 1915 г. принялъ 1-й Нерчинскiй полкъ Забайкальскаго войска и съ декабря 1916 — становится командиромъ бригады Уссурiйской конной дивизiи съ производствомъ въ генералъ-маiоры, въ январѣ 1917 года. Послѣ революцiи, съ iюля 1917 года, онъ вступилъ въ командованiе 7-й кавалерiйской дивизiей и своднымъ коннымъ корпусомъ, а съ сентября 3-мъ коннымъ корпусомъ. Прибывъ въ Добровольческую Армiю 10-го сентября 1918 года, онъ принялъ сперва 1-ую конную дивизiю, а съ 28-го ноября становится командиромъ 1-го коннаго корпуса. Произведенный 5-го декабря 1918 въ генералъ-лейтенанты, онъ съ 9-го января 1919 года становится командующимъ Добровольческой Армiи, а съ 23-го января командующимъ Кавказской Добровольческой Армiей. Съ 9 декабря 1919 года онъ вновь вступаетъ въ Командованiе Добровольческой Армiей и командуетъ ею въ теченiи мѣсяца. Уволенный въ отставку 21-го февраля 1920 года, онъ, послѣ ухода ген. Деникина, 4-го апрѣля 1920 года становится главнокомандующимъ вооруженными силами на Югѣ Россiи, съ которыми, послѣ семимѣсячной обороны Крыма, эвакуируется въ Константинополь, гдѣ становится во главѣ русскаго зарубежнаго воинства. Скончался 22 апрѣля 1928 года въ Брюсселѣ отъ туберкулеза. Ко времени прибытiя ген. Врангеля въ Добровольческую Армiю ему было ровно 40 лѣтъ.

***) Эту цифру даютъ и командующiй Таманской армiей Ковтюхъ („Отъ Кубани до Волги и обратно“ стр. 58) и вскорѣ назначенный командующимъ Каспiйско-Кавказскимъ фронтомъ Свѣчниковъ („Борьба Красной Армiи на северном Кавказе“, ГИЗ. 1926 годъ, стр. 26).

двойное въ артиллеріи при подобной растяжкѣ фронта конечно дѣлало это окруженіе совершенно иллюзорнымъ. Угроза окруженія, созданная маневромъ, не могла быть приведена въ исполненіе и изъ за недостатка силъ и главное изъ за чрезмѣрнаго растяженія фронта.

Между тѣмъ красные, хотя и окруженные Добровольческой Арміей, не потеряли еще активности, а подходъ Таманской группы сильно поднялъ духъ и частей Сорокина. Къ тому же ватаги таманцевъ и Сорокина были (къ концу сентября) переформированы въ Таманскую армію (2 пѣхотныхъ и 1 кавалерійская дивизіи) подъ командованіемъ Матвѣева и 5 колоннъ и отдѣльный кавалерійскій корпусъ. Во главѣ же всего сѣверо-кавказскаго фронта былъ поставленъ Революціонный Военный Совѣтъ во главѣ съ нѣкимъ Полуяномъ, въ составъ котораго вошелъ и Сорокинъ.

Вскорѣ красные и сами перешли въ наступленіе. Таманцы двинулись къ Армавиру и захвативъ его (26-го сентября) установили этимъ связь съ Сорокинымъ по Владикавказской желѣзной дорогѣ. Одновременно съ этимъ и Сорокинъ выбилъ ген. Боровскаго изъ Невинномысской (28-го сентября) и такимъ образомъ связь по Владикавказской желѣзнодорожной магистрали была возстановлена.

Къ тому же „въ эти дни“, пишетъ ген. Деникинъ *), „когда Сорокинъ атаковалъ Невинномысскую, Шкуро, тяготѣвшій по мотивамъ не стратегическимъ къ Кисловодску, повернулъ на югъ и 25-го сентября съ боя взялъ этотъ городъ“ **).

Таманская армія заняла сѣверо-западный фасъ краснаго фронта, а одна изъ колоннъ Сорокина была выслана на Владикавказъ для борьбы съ возставшими терцами. Стратегическое окруженіе конца сентября оказалось иллюзіей. Иниціатива дѣйствій начала опредѣленно переходить къ краснымъ. Къ тому же отдѣльные красные отряды или, такъ называемая Ставропольская группа, дѣйствовавшіе въ калмыцкихъ степяхъ между Великокняжеской и Ставрополемъ, также перешли въ наступленіе на линію р. Егорлыка (2-го октября у Преграднаго), угрожая ст. Торговой (отъ Преграднаго до Торговой лишь 70 клм.) и связи Добровольческой Арміи съ Дономъ.

Расхожденіе донцовъ на Царицынъ и Добровольческой Арміи къ Ставрополю неизбѣжно ставило подъ угрозу сообщенія Добровольческой Арміи съ ея базой — Дономъ и не могло не отвлекать на это направленіе значительныхъ силъ Добровольческой Арміи. Царицынъ все время давилъ на тылы Добровольческой Арміи.

*) Деникинъ, III, 225.
**) Отъ Невинномысской до Кисловодска 100 клм!

Съ востока и сѣвера Ставрополь прикрывался (у с. Петровскаго) сформированной осенью 2-й кубанской дивизіей полк. Улагая. Однако ея уже было недостаточно и ген. Деникину пришлось выслать противъ наступавшихъ на линію р. Егорлыка красныхъ импровизированный отрядъ ген. Станкевича.

Несмотря на удачныя дѣйствія ген. Станкевича (на р. Егорлыкѣ) и полк. Улагая (восточнѣе Петровскаго), угроза съ сѣвера не была окончательно устранена и ген. Деникину пришлось для ея ликвидаціи выслать еще и дивизію ген. Боровскаго изъ Ставрополя, переведя на ея мѣсто дивизію полк. Дроздовскаго, а выдвинувъ противъ Армавира 1-ю дивизію ген. Казановича. Перегруппировка была закончена къ 15-му октября и лишь 19-го октября степныя группы большевиковъ были разбиты у Терновки (въ 50 клм. сѣвернѣе Ставрополя).

Всѣ попытки Добровольческой Арміи сжать кольцо, въ которое были зажаты большевики, однако привели лишь къ выдвиженію крайняго праваго фланга (Покровскій) съ линіи р. Фарса на р. Лабу (1-го октября).

Между тѣмъ красные, овладѣвъ Армавиромъ и Невинномысской, то есть обезпечивъ за собою владѣніе Владикавказской желѣзной дорогой, рѣшили окончательно захватить въ свои руки иниціативу. На этой почвѣ, однако, разгорѣлся споръ между Матвѣевымъ и Сорокинымъ. Первый настаивалъ на движеніи черезъ Кавказскую на Царицынъ, второй предлагалъ наступать на Ставрополь для обезпеченія базированія на Астрахань черезъ Петровское и Святой Крестъ *). Сейчасъ очень трудно установить оперативные планы этихъ двухъ совершенно, конечно, безграмотныхъ въ военномъ отношеніи красныхъ „вождей“. Несомнѣнно, однако, что оба они все таки какъ то выражали, хотя бы примитивно, идею тяготѣнія сѣверо-Кавказскаго фронта на Астрахань и Царицынъ.

Возстаніе на Терекѣ и событія въ Закавказьѣ, гдѣ 15-го сентября турки заняли Баку (что вызвало эвакуацію англичанъ обратно въ Энзели и отходъ отряда Бичерахова въ Дагестанъ), настойчиво требовали базированія сѣвернаго Кавказа не по Владикавказской желѣзно-дорожной магистрали, а на сѣверо-востокъ. Отъ Ставрополя до Астрахани свыше 400 клм. по грунтовому пути черезъ пустынныя степи. Поэтому примитивное мышленіе Матвѣева вѣроятно отражало желаніе красныхъ во чтобы то ни стало пробиться къ желѣзной дорогѣ, связывавшей ихъ съ Царицынымъ, куда ихъ несомнѣнно тянуло и Царицынское командованіе красныхъ.

*) Ковтюхъ, (Походъ Красной Таманской Арміи, „Гражданская Война“, 1923 г., т. II, стр. 493), и „Гражданская Война 1918—1921 г.г.“, III, 102.

Конечно планъ Сорокина грамотнѣе, а идеи Матвѣева отражали лишь тѣ сумбурныя представленія объ обстановкѣ, которыя раздѣлялись рядовой массой красныхъ — „пробиться къ своимъ", то есть къ Царицыну. Какъ пробиться — объ этомъ конечно Матвѣевъ могъ судить лишь на основаніи своего партизанскаго опыта. Однако обстановка на Сѣверномъ Кавказѣ въ октябрѣ 1918 года была уже не та, къ которой привыкъ Матвѣевъ при дѣйствіяхъ его ватагъ въ Таманскомъ отдѣлѣ, лѣтомъ. Революціонный Военный Совѣтъ опредѣленно проводилъ переформированіе полчищъ Сорокина въ армію, не остановившись при этомъ и передъ разстрѣломъ Матвѣева, тянувшаго въ сторону партизанщины.

Принявъ планъ Сорокина, Революціонный Военный Совѣтъ, однако, не принялъ во вниманіе, что Сорокину, совершенно такъ же какъ и Матвѣеву, было органически непріемлимо „регулярство", и что ему совсѣмъ не улыбался переходъ съ положенія „самостоятельнаго главковерха" на Сѣверномъ Кавказѣ на роль командующаго арміей, подчиненнаго директивамъ центра.

Нехитрый планъ Сорокина вылился въ директиву, 7-го октября, по которой наиболѣе боеспособныя части (Таманская армія Ковтюха) перебрасывались по желѣзной дорогѣ съ фронта между Армавиромъ и Лабой въ Невинномысскую, откуда, усиленныя частями Сорокина, переходили въ наступленіе на сѣверъ для захвата Ставрополя. Ударъ же по Ставрополю прикрывался заслономъ по линіи Армавиръ — Упорная, то есть расположеніе красныхъ пріобрѣтало начертанія остраго исходящаго угла, обращеннаго своей вершиной — Армавиръ — на сѣверо-западъ.

Отходъ красныхъ съ линіи Лабы на фронтъ Армавиръ — Упорная былъ обнаруженъ (взрывъ красными моста черезъ Лабу у Коше-Хабля) въ ночь на 14-ое октября. Всѣ три дивизіи Добровольческой Арміи на южномъ берегу Кубани сейчасъ же перешли въ наступленіе. Атака ген. Казановичемъ Армавира была однако 14-го октября отбита красными съ большими потерями, главная тяжесть которыхъ легла на только что сформированный сводно-гвардейскій пѣхотный полкъ. Наступленіе конницы ген. Врангеля и Покровскаго было болѣе успѣшнымъ и, хотя и съ очень упорными боями, имъ все же удалось къ 20-му октября выйти съ линіи р. Лабы на линію р. Урупа, продвинувшись въ среднемъ за недѣлю на 50 клм.

На линіи Урупа, однако, красные удержались. Изъ воспоминаній ген. Деникина видно, что наступленіе съ линіи Лабы было вызвано неправильнымъ представленіемъ командованія Добровольческой Арміи о планѣ большевиковъ.

„Къ концу сентября (то есть къ серединѣ октября по новому стилю)", пишетъ ген. Деникинъ, „относится также перемѣна стратегическаго плана большевицкаго командованія: было рѣшено *оставить Кубань и, прикрываясь сильнымъ арьергардомъ на Лабѣ и у Армавира, отступить на юго-востокъ въ общемъ направленіи на Невинномысскую* (курсивъ ген. Деникина)" *).

Какъ мы сейчасъ знаемъ, такого плана не было, а отходъ съ Лабы находился въ связи съ захватомъ Ставрополя (планъ Сорокина).

Ген. Врангель не скрываетъ **), что, отходя, большевики продолжали драться. Особеннымъ упорствомъ отличались бои 15-го октября у Синюхскихъ хуторовъ (на полпути между Урупомъ и Лабой) и выходъ на линію Урупа потребовалъ отъ дивизій ген. Врангеля и Покровскаго не малыхъ усилій. Сопоставляя это съ тѣмъ, что линіей фронта заслона красными намѣчался рубежъ Армавиръ — Урупская — Упорная ***), видно, что ген. Врангель и Покровскій не только преслѣдовали красныхъ, но и сбивали ихъ съ рубежа, избраннаго ими для прикрытія Ставропольскаго наступленія.

Отходъ до Урупа заслона красныхъ, ставилъ подъ вопросъ возможность обезпеченія Ставропольскаго наступленія съ запада. Къ тому же и съ юга партизаны Шкуро очистили 7-го октября Кисловодскъ и были привлечены въ раіонъ арміи, чѣмъ вновь стали угрожать тыламъ красныхъ на восточномъ берегу р. Кубани.

Итакъ къ 20-му октября красный клинъ по Кубани и Лабѣ сузился до клина по Кубани и Урупѣ съ острой вершиной у Армавира.

Наступленіе главныхъ силъ красныхъ на Ставрополь началось 23-го октября.

Одновременно съ этимъ, однако, Сорокинъ рѣшилъ расправиться и съ сѣверо-Кавказскимъ ЦИК'омъ, стремившимся ограничить его единоличную власть, и разстрѣлялъ предсѣдателя ЦИК'а и члена Революціоннаго Военнаго Совѣта. Сорокинъ, однако, переоцѣнилъ свои силы и долженъ былъ, послѣ этого, бѣжать, такъ какъ фронтовый совѣтъ въ Невинномысской объявилъ его внѣ закона. Къ началу рѣшительнаго сраженія Сѣверо-Кавказскія арміи остались поэтому безъ главнокомандующаго.

Исходное положеніе красныхъ, передъ началомъ наступленія на Ставрополь, сводило эту операцію къ двумъ еди-

*) Деникинъ, III, 226.

**) Записки ген. П. Н. Врангеля, ч. I, стр. 82—83 („Бѣлое Дѣло", томъ V, Берлинъ, 1928 годъ).

***) „Гражданская Война 1918—1921 г.г.", III, 102.

наково важнымъ для ея успѣха дѣйствіямъ: прорыву Добровольческаго фронта сѣвернѣе Невинномысской и оборонѣ линіи Урупа съ Армавиромъ, являвшимся какъ бы шарниромъ, вокругъ котораго отворачивался сѣверный фасъ краснаго фронта, наступавшій на Ставрополь.

Первая задача была рѣшена красными легко, такъ какъ противъ всей Таманской арміи, усиленной еще двумя колоннами изъ прежней арміи Сорокина, стояла лишь одна дивизія Дроздовскаго (и 2-я пѣхотная и 2-я Кубанская дивизіи въ это время были отвлечены ликвидаціей наступленія красныхъ въ калмыцкой степи, сѣвернѣе Ставрополя). Таманцы, переправившись черезъ Кубань 24-го октября, двумя группами повели наступленіе на Ставрополь черезъ Темнолѣсскую и Татарку. Ночной атакой Таманцевъ 29-го октября, дивизія полк. Дроздовскаго была сбита съ занятой ею въ 10 клм. южнѣе Ставрополя позиціи. 30-го октября Ставрополь былъ занятъ красными.

Для штурма таманцами былъ избранъ оригинальный пріемъ.

„Начальнику артиллеріи было приказано: *безъ пристрѣлки* точно опредѣлить разстояніе до оборонительныхъ позицій противника и до наступленія темноты произвести наводку всѣхъ орудій и ждать условнаго сигнала... Для атаки были выдвинуты двѣ штурмовыхъ колонны и туда же были направлены два оркестра музыки для поднятія духа бойцовъ... Въ 24 часа, по данному сигналу, открыла огонь артиллерія, которая въ теченіи получаса обстрѣливала позиціи противника изъ 18 орудій... Въ половинѣ перваго часа 29-го октября показалась луна. Соотвѣтственными сигналами артиллерійскій огонь былъ прекращенъ, а пѣхотѣ удалось подойти вплотную къ расположенію противника и съ криками „ура" ворваться въ его окопы..." *)

Любопытно, что тотъ же пріемъ ночной атаки былъ примѣненъ таманцами и при разгромѣ ими грузинской дивизіи у Туапсѣ и при прорывѣ заслона Покровскаго у Бѣлорѣченской. Этотъ пріемъ вѣрно использовалъ сильныя стороны таманцевъ — ихъ численное превосходство и несомнѣнный порывъ, парализуя въ то же время ихъ слабыя стороны — дезорганизацію и техническую слабость.

Захватъ Ставрополя ставилъ передъ красными вопросъ о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій. Никакого плана, однако, не было. Главнокомандующій Сорокинъ былъ объявленъ внѣ закона, командующій таманской арміей Ковтюхъ заболѣлъ тифомъ и скопившимися въ Ставрополѣ красными командовало одновременно нѣсколько случайныхъ начальниковъ.

*) М. Свечниковъ: „Борьба Красной Арміи на Северномъ Кавказе", ГИЗ. Москва, 1926 годъ, стр. 50.

Какъ это не можетъ показатсья страннымъ, но 1-го ноября Сорокинъ прибылъ въ Ставрополь, гдѣ былъ сейчасъ же арестованъ и застрѣленъ при допросѣ однимъ изъ таманскихъ командировъ, „въ отместку за разстрѣлъ имъ таманца Матвѣева" *).

Въ Ставрополѣ началась анархія. „Этотъ періодъ безвластія", пишетъ Ковтюхъ **), „тяжело отразился на всей участи Сѣвернаго Кавказа. Таманская армія, занявъ Ставрополь, около 20 сутокъ стояла на мѣстѣ, отражая попытки возвратить Ставрополь и ждала дальнѣйшихъ распоряженій". Никакихъ „распоряженій", однако, ни откуда не послѣдовало.

Между тѣмъ дивизія Дроздовскаго была усилена спѣшно притянутыми ген. Деникинымъ изъ калмыцкой степи дивизіями Боровскаго и Улагая, которыя къ 31-му октября развернулись въ 15 клм. сѣвернѣе Ставрополя.

Одновременно съ этимъ, ген. Деникинъ началъ и свой контръ-маневръ, атакуя красный заслонъ по Урупу. Уже 26-го ген. Казановичъ (въ *третій* разъ за осень 1918 года) и теперь уже окончательно, захватилъ Армавиръ, а ген. Покровскій 31-го, переправившись черезъ Урупъ, захватилъ ст. Невинномысскую. Красный заслонъ по Урупу этимъ былъ отрѣзанъ отъ своихъ сообщеній и толпами бросился пробиваться черезъ Новинномысскую. Ударъ пробивавшихся красныхъ, правда, выбилъ ген. Покровскаго изъ Невинномысской, но зато далъ возможность ген. Врангелю нанести рѣшающій ударъ черезъ станицу Безскорбную на ст. Овечку (4-го ноября). Ударъ же ген. Врангеля въ свою очередь помогъ ген. Покровскому съ партизанами Шкуро вновь, и уже окончательно, (въ *четвертый* разъ за осень 1918 года) овладѣть 5-го ноября Невинномысской.

Занятіе всей Владикавказской магистрали южнѣе Ставрополя, отбрасывая красныхъ отъ Терека, одновременно съ этимъ зажимало ихъ въ клещи.

Концентрическимъ наступленіемъ всѣхъ своихъ дивизій ген. Деникинъ съ 5-го ноября началъ окруженіе Ставрополя. Однако, несмотря на царившую въ Ставрополѣ анархію, таманцы все таки отбивались, стремясь сохранить путь отхода на Петровское и Святой Крестъ. 13-го ноября они сами перешли въ контръ-атаку, чтобы отогнать охватывавшихъ ихъ

*) Нѣкоторые совѣтскіе источники глухо указываютъ на то, что Сорокинъ ѣхалъ въ Ставрополь не къ краснымъ, а къ бѣлымъ, которымъ будто бы рѣшилъ передаться. Версія эта, однако, маловѣроятна, такъ какъ въ это время Сорокинъ уже не былъ главнокомандующимъ и долженъ былъ понимать, что его переходъ къ бѣлымъ, не имѣя уже никакого значенія, грозилъ ему вѣроятнымъ разстрѣломъ.

**) Ковтюхъ, стр. 64.

съ сѣвера добровольцевъ и этимъ открыть себѣ путь отхода. Контръ-атака удалась и части 2-й и 3-й дивизій были отброшены на Дубовку и Пелагіаду, причемъ былъ тяжело раненъ полк. Дроздовскій*). Ген. Врангель, однако, ударилъ въ лѣвый флангъ наступавшихъ на сѣверъ большевиковъ и 14-го ноября захватилъ Ставрополь. Красные, „потерявъ почти половину своего состава“ **), отошли къ Благодарному и заняли фронтъ въ 70 клм. восточнѣе Ставрополя за р. Калаусъ по линіи Петровское — Минеральныя Воды (имѣя на правомъ флангѣ таманцевъ). Отъ Таманской арміи, пишетъ Ковтюхъ ***), „остались жалкіе остатки, разутые, раздѣтые и безъ патроновъ“. Остальные войска Сѣвернаго Кавказа „съ отходомъ таманцевъ изъ Ставрополя, также были сбиты противникомъ съ занимаемыхъ позицій и постепенно превращались въ деморализованную толпу“ ****), остановившуюся на фронтѣ южнѣе таманцевъ, но удержавшую всетаки за собой ст. Минеральныя Воды.

Тяжело однако обошелся Ставрополь и Добровольческой Арміи.

„Основныя части Добровольческой Арміи во второй разъ (первый — въ Первый Кубанскій походъ) казалось гибли“, пишетъ ген. Деникинъ *****), „2-ю, 3-ю дивизію, нѣсколько пластунскихъ батальоновъ пришлось вывести на длительный отдыхъ для формированія и пополненія... Въ добровольческихъ полкахъ, проведшихъ черезъ свои ряды по многу тысячъ людей, оставалось налицо 100—150 штыковъ“.

Армавиръ и Ставрополь обошлись русской контръ-революціи дороже Казани, Самары и Симбирска и все таки за р. Калаусомъ создался новый красный фронтъ, тянувшій Добровольческую Армію все дальше и дальше на востокъ, къ Каспійскому морю.

Дни Ставропольскихъ побѣдъ Добровольческой Арміи были, однако, и днями разгрома возставшаго Терскаго казачества. Дезорганизованное съ самаго его начала, разбившееся на рядъ очаговъ и оріентацій, терское возстаніе къ тому же осложнялось и давнишними спорами казаковъ съ кореннымъ туземнымъ населеніемъ терскаго края. Несмотря на захватъ Моздока и Прохладной еще въ іюлѣ и даже на временный

*) Отъ послѣдствій этого раненія полк. Дроздовскій скончался 14-го января 1919 года.

**) Ковтюхъ, стр. 64.

***) Тамъ же, стр. 65.

****) Свечниковъ, стр. 33.

*****) Деникинъ, III, 237.

захватъ возставшими въ августѣ терской столицы — Владикавказа и осады ими Кизляра и Грознаго, терскаго фронта, какъ единаго цѣлаго, никогда не существовало. Симпатіи его политическихъ руководителей тянули къ Петровску, куда перешелъ, послѣ занятія въ серединѣ сентября Баку турками, отрядъ Бичерахова, брата главы терскаго повстанческаго правительства. Симпатіи военныхъ руководителей возстанія опредѣленно тянули къ Добровольческой Арміи, съ которой къ тому же терцы связались, съ 22-го сентября. Однако, ни Добровольческая Армія, ни Бичераховъ реально помочь были не въ состояніи и въ теченіи ноября мѣсяца всѣ очаги терскаго возстанія были подавлены красными.

Первымъ былъ сломленъ ближайшій къ Добровольческой Арміи очагъ раіона Прохладной—Моздока, а вскорѣ затѣмъ красные освободили и Грозный и Кизляръ. Терцы разсыпались. Часть ушла черезъ Кабарду въ Баталпашинскъ на соединеніе съ Добровольческой Арміей, часть, съ правительствомъ, къ Бичерахову въ Петровскъ, остальные разбѣжались по станицамъ или ушли въ горы.

Подавленіе терскаго возстанія при отходѣ красныхъ отъ Ставрополя на линію Калауса конечно было для красныхъ вопросомъ первостепеннаго значенія, давая имъ обезпеченный тылъ въ лицѣ Терскаго края. Не меньшее значеніе имѣло это и для бѣлыхъ, такъ какъ новый фронтъ на Калаусѣ этимъ сразу пріобрѣталъ устойчивость и давалъ возможность краснымъ оправиться отъ Ставропольскаго разгрома.

Терское возстаніе лѣтомъ и осенью 1918 года было слишкомъ удалено отъ раіона дѣйствій Добровольческой Арміи. Къ ноябрю, когда оно могло оказать рѣшающее вліяніе на Кавказскій фронтъ красныхъ, оно кончилось и кончилось какъ разъ въ ту минуту, когда оно получило смыслъ въ общемъ ходѣ вооруженной борьбы.

Итакъ пятимѣсячная борьба Добровольческой Арміи на сѣверномъ Кавказѣ закончилась освобожденіемъ Кубанской области, но не разгромомъ красныхъ на сѣверномъ Кавказѣ.

Переносъ штаба Добровольческой Арміи въ Екатеринодаръ далъ ему, наконецъ, ту „осѣдлость“, которая позволила при командованіи создать и политическій органъ въ видѣ „Особаго Совѣщанія“. Несомнѣнно, что органъ этотъ мыслился командованіемъ Добровольческой Арміи именно, какъ органъ политическій. Административное управленіе нѣсколькими уѣздами Черноморской и Ставропольской губерній не требовало сложнаго аппарата и осуществлялось военными губернаторами въ Новороссійскѣ и Ставрополѣ (пол. Кутеповъ и Глазенапъ). Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи, не при командующемъ арміей, а при Верховномъ ея Руководителѣ, то есть ген. Алексѣевѣ, было утверждено 31-го августа. Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія являлся самъ ген. Алексѣевъ.

Однако смерть ген. Алексѣева 8-го октября, объединила командованіе и управленіе въ лицѣ главнокомандующаго ген. Деникина. „Особое Совѣщаніе", поэтому стало нѣкоторымъ административно-законодательнымъ органомъ при главнокомандующемъ, но окончательно кругъ вѣдѣнія Особаго Совѣщанія былъ сформулированъ лишь „Положеніемъ" 15 февраля 1919 г.

Параллельно съ борьбой за Царицынъ и за Кубань фронтомъ на востокъ, южный контръ-революціонный фронтъ продолжалъ борьбу и на Московскомъ направленіи, на сѣверо-западныхъ границахъ Донской Области. Центръ тяжести усилій здѣсь былъ направленъ на Воронежъ, вдоль основной магистрали Москва—Ростовъ.

Первой цѣлью донцовъ была рокадная линія Балашовъ—Лиски, для захвата которой главныя ихъ усилія были направлены вверхъ по лѣвому берегу Дона.

8-го сентября донцы заняли Калачъ, 5-го октября Павловскъ и ст. Бутурлиновку. Всѣ попытки образовавшейся на Воронежскомъ направленіи 8-й арміи красныхъ, пріостановить продвиженіе донцовъ, однако, отражались дѣйствовавшимъ здѣсь ген. Гусельщиковымъ (съ Гундуровскимъ полкомъ). Въ серединѣ ноября гундуровцы Гусельщикова вновь на голову разбили красныхъ у Васильевки (въ 30 клм. сѣверо-восточнѣе Бутурлиновки) и овладѣли Бобровымъ, а 23-го ноября и Лискинскимъ узломъ на рокадной желѣзной дорогѣ Балашовъ—Лиски. Одновременно съ этимъ донцамъ приходилось бороться съ красными и на Балашовскомъ направленіи, но и тамъ къ 23-му ноября имъ удалось отбить, одно время подходившія было уже къ Дону, части 9-й красной арміи и выйти на сѣверо-восточную границу Донскихъ земель.

Вооруженная борьба на сѣверномъ Донскомъ фронтѣ, однако, сразу ставила вопросъ о дальнѣйшихъ ея этапахъ. Освобожденіе Дона, казалось казакамъ, было уже закончено. Дальнѣйшее уже выходило за предѣлы чисто-донскихъ задачъ. Еще въ августѣ ген. Красновъ, учитывая эти настроенія, стремился къ созданію „русской" арміи на сѣверной границѣ Донскихъ земель (см. главу 6-ю). Попытка эта, однако, оказалась неудачной.

Приказомъ Донского Атамана отъ 13-го октября было объявлено о формированіи „Особой Южной Арміи" въ составѣ трехъ корпусовъ „Воронежскаго" (бывшая Южная Армія). Астраханскаго (бывшая Астраханская Армія) и Саратовскаго (бывшая Русская Народная Армія). Всѣ эти три „корпуса" дѣйствовали на трехъ различныхъ направленіяхъ, внѣ всякой связи другъ съ другомъ, и формированіе „Особой Южной Арміи" конечно приходится разсматривать не какъ созданіе новаго фронта, а лишь какъ стремленіе ген. Краснова

постепенно замѣнить казачьи ополченія на трехъ основныхъ направленіяхъ Донского фронта (Царицынскомъ, Балашовскомъ и Воронежскомъ) „русской" арміей для наступленія вглубь Россіи.

Во главѣ этихъ армій съ начала ноября сталъ, по приглашенію ген. Краснова, престарѣлый ген. Н. І. Ивановъ (бывшій главнокомандующій Юго-Западнымъ фронтомъ въ началѣ Міровой войны).

Поставленная на Воронежской магистрали „Южная Армія" (или точнѣе „Воронежскій корпусъ"), прочно обосновалась въ Кантемировкѣ (въ Богучарскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи въ 30 клм. отъ донской границы), но наступать до окончательнаго своего формированія она не хотѣла и не могла.

Въ „корпусѣ" южной арміи, пишетъ ген. Красновъ *), „едва насчитывалось 2000 человѣкъ. Изъ нихъ не болѣе половины были боеспособны, остальные были священники, сестры милосердія, просто дамы и дѣвицы, офицеры контръ-развѣдки, полиція (исправники и становые), старые полковники, расписанные по должностямъ командировъ не существующихъ полковъ, артиллерійскихъ дивизіоновъ и эскадроновъ и, наконецъ, личности, жаждущія должностей губернаторовъ, вице-губернаторовъ и градоначальниковъ съ болѣе или менѣе яркимъ прошлымъ".

„Вся эта публика наполнила Кантемировку шумомъ и скандалами. Семеновъ (к-щій этой группой А. З.) началъ водворять по уѣздамъ Воронежской губерніи, только что очищеннымъ казаками, земскую полицію стараго режима со всѣми ея недостатками — взятками и лихоимствомъ".

„Это такъ не согласовалось съ обѣщаніями Атамана и его программой, такъ не соотвѣтствовало вожделѣніямъ населенія, что возбудило общее неудовольствіе, вылившееся мѣстами въ бунты, усмирять которые пришлось казакамъ".

„Въ боевомъ отношеніи армія эта не многаго стоила".

Еще болѣе рѣзкій о ней отзывъ даетъ исполнявшій должность начальника штаба ген. Н. І. Иванова, ген. Залѣсскій **).

„Формированія", писалъ онъ, „шли медленнымъ темпомъ и, къ концу октября 1918 года, Южная Армія едва насчитывала 9000 штыковъ. Это за четыре мѣсяца формированій... Къ концу октября 1918 года Донскіе казаки уже принесли колоссальныя жертвы въ борьбѣ съ большевиками, они не

---

*) Красновъ, стр. 244—245.

**) Донская Лѣтопись № 3; статья ген. П. Залѣсскаго: „Южная Армія", стр. 239 и 241.

только очистили свою Область отъ большевиковъ, но заняли значительную часть Воронежской губерніи. Южная Армія въ борьбѣ этой еще *не* участвовала".

Во главѣ этой южной арміи стоялъ ген. Семеновъ. „Казаки несли большія потери, истощая послѣднія силы, фронтъ ихъ растягивался, нужна была поддержка. Ген. Гусельщиковъ неоднократно обращался къ ген. Семенову, прося его начать наступленіе вдоль желѣзной дороги Кантемировка—Лиски. Но ген. Семеновъ отказывалъ, ссылаясь на недостатокъ оружія и одежды". Въ концѣ концовъ Южная Армія была передана въ подчиненіе командующаго сѣверо-западнымъ фронтомъ Донскихъ армій — ген. Иванова (лишь однофамилецъ командующаго Особой Южной Арміей ген. Н. І. Иванова) и только 7-го ноября ген. Семеновъ со своей дивизіей выступилъ на фронтъ. Объѣзжавшій фронтъ южной арміи ген. Залѣсскій въ ноябрѣ даетъ еще болѣе безотрадную картину *):

„Все, что онъ видѣлъ производило отрицательное впечатлѣніе — безтолковщины, вялости, кустарности и отсутствія твердой направляющей руки. Къ тому же вся организація шла неправильнымъ путемъ: вмѣсто того, чтобы создать полкъ, потомъ бригаду, дивизію и т. д. идя отъ мелкой единицы къ крупной — сразу создали много штабовъ и много кадровъ".

„Въ результатѣ всюду штабы, всюду учрежденія, кадры новыхъ формированій, а бойцовъ на фронтѣ нѣтъ. На 3.000 штыковъ находящихся на фронтѣ имѣются въ тылу болѣе 40 штабовъ, управленій и учрежденій"...

... „Неудивительно, что при этихъ условіяхъ оказалось, что въ Южной Арміи числится около 20.000 ртовъ, а на фронтѣ она имѣетъ только 3.000 штыковъ".

Немногимъ лучше обстояло дѣло и въ Саратовскомъ и въ Астраханскомъ корпусахъ. Вотъ какъ ихъ описываетъ ген. Красновъ **):

„Самозванный Астраханскій Атаманъ, князь Тундутовъ, гордо именовавшій себя другомъ Императора Вильгельма, оказался пустымъ и недалекимъ человѣкомъ, готовымъ на всяческую интригу и очень плохимъ организаторомъ. Онъ игралъ роль не то царя, не то полубога у калмыковъ, то предлагалъ себя и всѣхъ калмыковъ въ полное распоряженіе Атамана, носился съ фантастическимъ проектомъ созданія особаго юговосточнаго союза, возглавляемаго „великимъ Атаманомъ", то,

*) Донская Лѣтопись № 3; статья ген. П. Залѣсскаго: „Южная Армія", стр. 2 4—245.

**) Красновъ, стр. 245.

напротивъ, грозилъ итти со своими калмыками противъ донского войска. Его калмыки были босы и оборваны, сидѣли на двухлѣткахъ и трехлѣткахъ, большинство не имѣло сѣделъ и оружія. Онъ былъ не страшенъ и не опасенъ, но безпокойства и тревоги доставилъ много. Астраханскій „корпусъ" численностью около трехъ тысячъ пѣхоты и тысячи конныхъ, несмотря на всю безалаберность управленія, все таки хорошо дрался и довольно крѣпко оборонялъ восточныя степи за Манычемъ отъ бродячихъ шаекъ красной гвардіи"...

... „Саратовскій корпусъ никакъ не могъ вырасти больше бригады. Бригада эта, составленная преимущественно изъ крестьянъ, ушедшихъ отъ большевиковъ изъ Саратовской губерніи и крѣпко ихъ ненавидѣвшихъ, отлично дралась вмѣстѣ съ казаками на Царицынскомъ, Камышинскомъ и Балашовскомъ направленіяхъ".

Для наступленія вглубь Россіи эта „русская" армія не годилась, не могла она дать и „смѣну" донцамъ. Вся эта затѣя распалась.

Однако, основная идея ген. Краснова была вѣрной. Донъ былъ базой, на которой должна была формироваться общерусская армія, способная къ рѣшенію общерусскихъ задачъ. Задача Дона была прикрыть эти формированія. И Донъ ихъ прикрылъ.

Причины неудачи лежали не въ основномъ замыслѣ, а въ исполненіи. Несочувствіе Добровольческой Арміи этимъ формированіямъ *) сразу поставило подъ вопросъ возможность ихъ осуществленія. Въ обще-русскомъ масштабѣ, авторитетъ Добровольческой Арміи стоялъ выше авторитета Донского Атамана и ген. Красновъ не былъ въ состояніи, наперекоръ командованію Добровольческой Арміи, создать русскую армію. Для рѣшенія общероссійскихъ задачъ осенью 1918 года нужно было согласіе носительницы общерусской идеи — Добровольческой Арміи. Безъ соглашенія съ ген. Деникинымъ и даже вопреки ему, формированіе обще-русской арміи было не подъ силу ген. Краснову и было заранѣе обречено на неуспѣхъ. И это тѣмъ болѣе, что въ связи съ начавшимся съ осени 1918 года пораженіемъ Германіи, авторитетъ Добровольческой Арміи, вѣрной союзникамъ, непрерывно росъ, а авторитетъ Донского Атамана, „связаннаго" съ нѣмцами непрерывно падалъ.

Военное положеніе центральныхъ державъ, послѣ іюльскихъ и августовскихъ неудачъ на французскомъ фронтѣ, еще болѣе ухудшилось къ сентябрю, и 15-го прорывъ союзниками между р. Вардаромъ и Черной на Салоникскомъ фронтѣ поставилъ ихъ передъ лицомъ неизбѣжной и близкой катастро-

*) Деникинъ, III, стр. 124.

фы. Салоникскій прорывъ предрѣшалъ отпаденіе Болгаріи отъ коалиціи и ставилъ на очередь угрозу Константинополю. Нѣмцы вынуждены были прекратить посадку частей, предназначенныхъ для оккупаціи Баку и *вновь* стали снимать дивизіи съ русскаго фронта для созданія новаго Балканскаго. Въ германской ставкѣ, уже 13-го августа на совѣщаніи въ Спа, впервые зародилась мысль о мирѣ, а 28-го ген. Людендорфъ опредѣленно потребовалъ отъ правительства предложенія державамъ Согласія условій перемирія.

И вотъ въ этихъ условіяхъ, засѣдавшій съ 28-го августа, Донской Кругъ долженъ былъ избрать Атамана. Кругъ всячески оттягивалъ выборы и на немъ стала намѣчаться оппозиція ген. Краснову. Чѣмъ хуже становилось положеніе нѣмцевъ на фронтѣ, тѣмъ болѣе, однако, они дорожили сохраненіемъ въ раіонѣ оккупаціи расположенной къ нимъ власти. Несомнѣнно, только этимъ можно объяснить поразительное по политической близорукости письмо офицера для связи отъ Германскаго Главнаго Командованія на Дону маіора фонъ Кохенгаузена ген. Краснову съ цѣлью понудить Кругъ переизбрать его атаманомъ *).

Удивительнѣе всего, однако, то, что это письмо въ минуту начала развала германскаго фронта во Франціи и *послѣ* Салоникскаго прорыва, все же не помѣшало переизбранію ген. Краснова. 26-го сентября ген. Красновъ былъ вновь избранъ Донскимъ Атаманомъ 234 голосами изъ 338. Престижъ нѣмцевъ все еще стоялъ очень высоко, а авторитетъ ген. Краснова среди казаковъ былъ незыблемъ.

*) 17-го сентября Кохенгаузенъ писалъ ген. Краснову изъ Ростова: „...Имѣю честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что за послѣднее время высшему командованію въ Кіевѣ сталъ извѣстенъ цѣлый рядъ событій на Дону, произведшихъ тамъ очень нехорошее впечатлѣніе."

„Прежде всего удивляются, что выборы Атамана, назначенные на 5-ое сентября, не состоялись и отложены на неопредѣленный срокъ. Въ то время, какъ на фронтѣ въ тяжелой борьбѣ съ большевиками дерутся доблестныя и храбрыя войска Вашего Высокопревосходительства, вы и ваши министры отвлекаются отъ работы скучными и длинными засѣданіями на Кругу. Высшее командованіе боится, что ваше твердое и самостоятельное управленіе страной тормозится Кругомъ, его продолжительными спорами изъ-за внутреннихъ конституціонныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что враждебно настроенная Вашему Высокопревосходительству партія стремится урѣзать полноту власти, вамъ данной."

„Нѣмецкое высшее командованіе не хочетъ вмѣшиваться во внутреннюю политику Дона, но не можетъ умалчивать, что ослабленіе власти Атамана вызоветъ менѣе дружеское отношеніе къ Дону германцевъ."

„Высшее германское командованіе проситъ васъ потребовать немедленнаго выбора Атамана, которымъ несомнѣнно будете избраны вы, Ваше Высокопревосходительство (судя по всему тому, что намъ извѣстно), чтобы скорѣе приняться за работу и твердо вести Всевеликое войско Донское къ устроенію его."

„Далѣе получено извѣстіе, что генералъ-лейтенантъ Богаевскій въ одномъ изъ засѣданій Круга, на которомъ Ваше Высокопревосходительство

3-го октября германскимъ канцлеромъ сталъ принцъ Максъ Баденскій („министерство общественнаго довѣрія"), а 5-го Германіей была послана первая нота президенту Вильсону съ предложеніемъ вступить въ мирные переговоры. Весь октябрь прошелъ въ обмѣнѣ нотами съ президентомъ САСШ, а союзныя арміи на Балканахъ вышли на линію Дуная и Марицы. 24-го октября Италія прорвала австрійскій фронтъ, 26-го ушелъ Людендорфъ (замѣненный ген. Гренеромъ) и 27-го Германія капитулировала въ своей нотѣ, согласившись на всѣ условія Вильсона.

При этихъ условіяхъ австро-германской оккупаціи запада и юга Россіи наступалъ конецъ и 2-го ноября на ст. Скороходово (около Полтавы) состоялось свиданіе Донского Атамана и Гетмана Украины *), который почувствовавъ, „что опираться вѣчно на германскія войска невозможно, что Украина одна не можетъ существовать... рѣшилъ создать тѣсный оборонительный союзъ, слившись съ Дономъ, Кубанью, Крымомъ и народами Кавказа, а также самостоятельной Грузіей**).

Вѣрная по существу идея объединенія всѣхъ противобольшевицкихъ силъ, однако, въ обстановкѣ разгрома цен-

не присутствовали, осуждалъ Вашу дѣятельность и все большое строительство на Дону въ этотъ короткій срокъ приписывалъ исключительно себѣ. Въ другомъ засѣданіи онъ пытался ослабить рѣчь ген. Черячукина, который безпристрастно описалъ положеніе дѣлъ на западномъ фронтѣ. Генералъ Богаевскій выражалъ сомнѣніе въ окончательной побѣдѣ германцевъ и указывалъ на близкое осуществленіе союзническаго восточнаго фронта. На выводъ нашихъ войскъ изъ Таганрога онъ указалъ, какъ на послѣдствіе нашихъ неудачъ на западномъ фронтѣ, между тѣмъ, какъ съ нашей стороны это было только доказательствомъ нашихъ дружескихъ и добрососѣдскихъ отношеній."

„Откровенно говоря, мнѣ очень непріятно обращать вниманіе Вашего Высокопревосходительства на отзывы Вашего предсѣдателя министровъ, тѣмъ болѣе, что генералъ-лейтенантъ Богаевскій не разъ увѣрялъ меня въ своемъ дружескомъ расположеніи къ нѣмцамъ."

„Я считаю себя все таки обязаннымъ поставить Васъ въ извѣстность и предупредить, что если мнѣніе г. предсѣдателя министровъ дѣйствительно таково, то высшее командованіе германцевъ приметъ согласно съ этимъ свои мѣры. Я еще пока не доносилъ объ этомъ высшему командованію въ Кіевѣ, но буду принужденъ сдѣлать это, если въ будущемъ дойдутъ до меня слухи о враждебномъ отношеніи къ нѣмцамъ г. предсѣдателя..."

„...Я не могу скрыть отъ Васъ, что всѣ эти извѣстія не могутъ произвести хорошаго впечатлѣнія въ Кіевѣ, тѣмъ болѣе, что высшее командованіе, очистивъ Таганрогъ, допустивъ туда донскую стражу, снабжая Донъ оружіемъ и политически воздѣйствуя на совѣтскую власть на сѣверномъ фронтѣ, явно выказало высшую предупредительность".

„Отсрочка выборовъ Атамана даетъ возможность агитировать враждебнымъ нѣмцамъ элементамъ и я боюсь, что высшее командованіе сдѣлаетъ свои выводы и прекратитъ снабженіе оружіемъ. Примите увѣренія въ моемъ совершенномъ уваженіи. Вашего Высокопревосходительства покорный слуга фонъ Кохенгаузенъ, маіоръ генеральнаго штаба." (Красновъ, 216—217).

*) Красновъ, стр. 237.

**) Между прочимъ на этомъ свиданіи Гетманомъ было обѣщано ген. Краснову 76 милліоновъ рублей на „Южную" армію.

тральныхъ державъ была запоздалой. Украина безъ нѣмцевъ сама требовала защиты и помогать кому-нибудь въ борьбѣ съ большевиками была не въ состояніи. Въ такомъ же положеніи была и Грузія.

Договариваться, какъ полноправныя стороны, обладавшія реалной силой, могли лишь Добровольческая Армія и Донъ. Изъ этой попытки, конечно, ничего не вышло, но она характерна тѣмъ, что была предпринята не тогда, когда договоръ могъ имѣть значеніе, а тогда, когда онъ его потерялъ. Объединеніи, увы, русская контръ-революція обычно думала лишь тогда, когда всѣ старанія обойтись безъ него приводили къ катастрофѣ.

Засѣдавшій въ сентябрѣ Донской Войсковой Кругъ не могъ не заняться и вопросомъ объ иногороднихъ. Пресловутый „паритетъ" въ процессѣ вооруженной борьбы доказалъ свою непригодность. Однако, что то иногороднимъ дать было нужно. Какъ не обставлять этотъ запутанный и больной вопросъ, суть его сводилась къ тому, что „паритетъ" ничего не давалъ въ смыслѣ прироста силъ для борьбы, но для обезпеченія „нейтралитета" иногороднихъ что то для нихъ должно было быть сдѣлано.

Иногородніе зарились на „землю" и казачьи привиллегіи, но не хотѣли нести тяготъ казачьей службы. Казаки *своей* земли давать не хотѣли, но требовали отъ иногороднихъ „службы". Рѣшеніе Круга было компромиссньимъ. Онъ уравнялъ казаковъ и гражданъ въ правахъ, отмѣнилъ всѣ сословія и привиллегіи и поручилъ правительству выработать законъ „о гражданствѣ" съ подробнымъ указаніемъ, какія группы населенія относятся къ „гражданамъ" войска Донского и какъ это гражданство пріобрѣтается. Съ другой стороны оно должно было выработать „Положеніе о выборахъ депутатовъ въ Войсковой Кругъ отъ гражданъ" *). Редакція эта настолько туманна, что по существу дѣла, практически, впредь „до выработки Положенія" все оставалось по прежнему.

Земельный вопросъ былъ рѣшенъ болѣе радикально. „По земельному вопросу Кругъ поручилъ комиссіи выработать законопроектъ, въ основу котораго положено образованіе земельнаго фонда изъ отчужденныхъ частновладѣльческихъ земель, изъ каковаго фонда надѣлять землею малоземельныхъ крестьянъ и казаковъ" **). Другими словами, иногороднимъ была обѣщана земля, но земля — чужая — не казачья...

Наконецъ было рѣшено предоставить широкую возможность перехода иногороднихъ въ казачество. „Оказачиваніе

---

*) Донская лѣтопись № 3, К. Каклюгинъ, „Донской Атаманъ П. Н. Красновъ и его Время", стр. 115.

**) Тамъ же, стр. 115.

иногороднихъ", однако, никакого успѣха не имѣло. Нѣсколько поселеній, правда, перешло въ казачество, но въ общемъ это желательнаго эффекта, несмотря на наивныя мечты соціалиста-казака Агѣева „о сплошномъ казачьемъ морѣ на Юго-Востокѣ Россіи", не вызвало.

Союзниковъ въ иногороднихъ Донъ этимъ проектомъ не пріобрѣлъ, а хотя и замаскированная, но все же идея „паритета" несомнѣнно ослабляла тотъ казачій строй, на которомъ держалась борьба донцовъ съ большевиками. Взамѣнъ этихъ обѣщаній, иногородніе ждали прирѣзки земли и не только частной, но и изъ казачьяго фонда. Лишь этой цѣной можно было купить ихъ союзъ и помощь въ борьбѣ. Все остальное было палліативами и „иногородній" вопросъ этимъ постановленіемъ Круга, такъ же, впрочемъ, какъ и раньше, рѣшенъ все таки не былъ...

На Волгѣ, потеря въ сентябрѣ казаками Симбирска предрѣшила отходъ и отъ Сызрани и Самары. Чехи стали проявлять явные признаки „усталости", Народная Армія замѣнить ихъ не могла. Все же вниманіе новаго командованія было удѣлено направленію на Пермь. При этихъ условіяхъ полное очищеніе линіи Волги было лишь вопросомъ времени.

Въ первыхъ числахъ октября были оставлены Ставрополь и Сызрань и отдана, такимъ образомъ, краснымъ Самарская лука. 7-го октября была очищена и Самара.

Отходъ съ линіи Волги имѣлъ два важныхъ, съ военной точки зрѣнія, послѣдствія. Во первыхъ Поволжскій фронтъ терялъ единственную рокадную линію въ видѣ Волги. Во вторыхъ потеря Самары (точнѣе узловой станціи Кинель въ 25 клм. восточнѣе Самары) разъединяла Поволжскій фронтъ отъ Оренбурго-Уральскаго казачьяго фронта. Взамѣнъ связаннаго Волгой и Самарско-Оренбургской желѣзной дорогой единаго Поволжскаго фронта въ сентябрѣ, въ октябрѣ этотъ фронтъ распался на три отдѣльныхъ, несвязанныхъ другъ съ другомъ направленія: первымъ становилось направленіе вдоль Бугульминской желѣзной дороги на Уфу, на которомъ дѣйствовалъ полк. Каппель. Вторымъ было направленіе по желѣзной дорогѣ отъ Самары на Уфу, на которомъ дѣйствовали чехи, и третьимъ становился Оренбургскій казачій фронтъ.

Если связь между первыми двумя направленіями все таки до извѣстной степени обезпечивалась пересѣченіемъ обѣихъ желѣзныхъ дорогъ въ Уфѣ (собственно на станціи Чишмѣ въ 25 клм. западнѣе Уфы), то казачій фронтъ совершенно терялъ всякую желѣзно-дорожную связь съ фронтомъ Поволжскимъ. Командующимъ Поволжскимъ, переименованнымъ въ „Самарскій", фронтомъ въ октябрѣ былъ назначенъ ген. Войцѣховскій.

За октябрь, Самарскій фронтъ откатился приблизительно къ линіи лѣваго притока Камы р. Икъ—Бузулукъ (Мензе-

линскъ—Бугульма—ст. Абдулино—Бузулукъ). Далѣе къ югу, прикрывая Бузулукское направленіе, фронтомъ на сѣверо-западъ и Оренбургъ фронтомъ на югъ, къ нему примыкалъ Оренбургскій казачій фронтъ. Осада Оренбургскими казаками Орска закончилась тѣмъ, что красные 28-го сентября прорвали блокаду и ускользнули на Актюбинскъ*). Главное вниманіе Оренбургскаго фронта было поглощено наступленіемъ Туркестанской арміи большевиковъ. Наконецъ, прикрывая Уральскъ, южнѣе Бузулука, фронтомъ на западъ, дѣйствовали уральскіе казаки.

Задачей всего Поволжскаго фронта было возможно дольше удержать Уфу и Оренбургъ, чтобы выиграть время для подхода новыхъ формированій изъ Сибири, которыя должны были смѣнить, не желавшихъ больше воевать чеховъ.

Красные, послѣ захвата ими линіи Волги, считали, что Самарскій фронтъ уже окончательно надломленъ и рѣшили ограничиться на немъ лишь преслѣдованіемъ 5-й и 1-й арміями, начавъ переброску войскъ съ этого фронта на югъ, противъ Дона. Эта оцѣнка, однако, не вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности.

Сильно надломленный, Самарскій фронтъ бѣлыхъ все таки задержался на рубежѣ р. Икъ—Бузулукъ, въ 200-хъ приблизительно клм. восточнѣе Волги, а 10—13 ноября Войцѣховскій даже нанесъ частичное пораженіе краснымъ, разгромивъ ихъ подъ Белебеемъ (на Самарско-Уфимской желѣзной дорогѣ).

На Камѣ, то есть на сѣверо-западномъ фасѣ восточнаго фронта, одновременно развивались: наступленіе бѣлыхъ отъ Екатеринбурга по желѣзнымъ дорогамъ на Пермь (на Кушву, Лысьву и Кунгуръ) и наступленіе красныхъ вдоль Камы на Сарапуль и Ижевско-Воткинскій раіонъ.

Наступленіе чеховъ Гайды и сибиряковъ на Пермскомъ направленіи медленно, но неуклонно отжимало 3-ю красную армію Берзина къ Перми. Однако, объединявшій командованіе на этомъ направленіи чехъ Гайда былъ къ своей роли, конечно, совершенно не подготовленъ. Путь изъ фельдшеровъ въ командующіе арміей былъ имъ пройденъ всего лишь въ три года и это не могло не отзываться на его оперативной дѣятельности. Французскій военный представитель подполковникъ Пишонъ характеризуетъ дѣйствія Гайды въ этотъ періодъ такъ: „Мечется во всѣ стороны и дерется растопыренным пальцами, вмѣсто кулака — хорошій батальонный командиръ“ **).

---

*) И. Подшиваловъ, 146.

**) Болдыревъ, 106.

Стратегически, эти успѣхи были близки къ нулю, лишь отвлекая восточный фронтъ на мертвое Архангельское направленіе и выкачивая послѣдніе сибирскіе резервы на это второстепенное направленіе.

Иначе приходится расцѣнивать наступленіе 2-й арміи красныхъ (Шорина) вдоль Камы.

Вернувъ въ сентябрѣ Мамадышъ и Елабугу (на сѣверномъ берегу Камы въ пяти переходахъ восточнѣе Казани), красные этимъ автоматически выходили во флангъ дѣйствовавшей по желѣзной дорогѣ Уфа—Симбирскъ группѣ Каппеля. Дальнѣйшее же продвиженіе 2-й красной арміи имѣло главной цѣлью ликвидацію Ижевско-Воткинскаго возстанія, вклинившагося въ красный фронтъ на западномъ берегу Камы. 17-го октября красные овладѣли по пути къ Ижевску Сарапулемъ на Камѣ и такимъ образомъ, владѣя устьемъ р. Бѣлой (притока Камы), разъединили Ижевско-Воткинскій раіонъ съ Самарскимъ фронтомъ. Послѣ этого Ижевскъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ и 7-го ноября былъ захваченъ красными. Черезъ нѣсколько дней палъ и Воткинскъ, и такимъ образомъ было ликвидировано это, продержавшееся два съ половиной мѣсяца, единственное за все время нашей гражданской войны рабочее возстаніе на сторонѣ бѣлыхъ. И политически и съ чисто военной точки зрѣнія Ижевское возстаніе имѣло конечно первостепенное значеніе. Связанные съ землей, рабочіе-хлѣбопашцы Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ были органически враждебны совѣтской, хотя и рабочей по преимуществу, власти. Въ лицѣ ижевцевъ и воткинцевъ восточный фронтъ бѣлыхъ, наконецъ, обрѣлъ тѣ подлинно народные элементы, которые могли замѣнить „уставшихъ“ отъ борьбы чеховъ и дать пополненіе Народной Арміи. Примѣръ этого возстанія ярко показалъ, что заводской Уралъ въ лицѣ его землепашцевъ-рабочихъ могъ и долженъ былъ быть использованъ бѣлой стороной. Въ лицѣ уральскихъ рабочихъ бѣлая сторона получала ту опору въ населеніи, которой ей такъ не хватало. Однако, Ижевско-Воткинское возстаніе осталось лишь эпизодомъ въ борьбѣ. Не поддержанные бѣлыми, Ижевцы и Воткинцы, предоставленные самимъ себѣ, были раздавлены красными. Значеніе, которое придавалось красными ликвидаціи этого *рабочаго* возстанія видно изъ того, что передъ штурмомъ Ижевска*) „было приказано держать прямой проводъ съ Московскимъ Кремлемъ для немедленной передачи сообщенія о паденіи Ижевска въ день, когда праздновалась годовщина Октябрьской революціи“.

Какъ только Ижевскъ былъ взятъ, Революціонный Военный Совѣтъ 2-й красной арміи объ этомъ рапортовалъ Ле-

---

*) „Гражданская война 1918—1921г.г.“, т. I, статья Шорина „Борьба за Уралъ“, стр. 149.

нину *): „Доблестныя войска 2-й арміи шлютъ горячее поздравленіе съ великимъ праздникомъ и подносятъ городъ Ижевскъ".

Наконецъ, захватъ Ижевска давалъ въ руки красныхъ и послѣдній, третій по счету, русскій оружейный заводъ.

На ряду съ этими основными фронтами борьбы, въ сторонѣ отъ общаго хода событій, держался еще и имѣвшій чисто мѣстное значеніе Семирѣченскій фронтъ на путяхъ отъ Верхняго Иртыша къ городу Вѣрному. Прикрывая южныя станицы Сибирскаго казачьяго войска и ведя борьбу за поселенія семирѣченскихъ казаковъ, фронтъ этотъ былъ чисто казачьимъ и чисто мѣстнымъ. Никакого вліянія на развитіе хода событій на Волгѣ и Уральскомъ направленіи, поэтому, онъ оказать не могъ.

Паденіе Волжскаго фронта въ сентябрѣ и октябрѣ поставило на очередь вопросъ о перенесеніи центра „Всероссійской Власти" куда нибудь подальше на востокъ. Ни на кого не опиравшаяся „Всероссійская Директорія", послѣ нѣсколькихъ попытокъ перенести свою резиденцію въ Екатеринбургъ, рѣшила поэтому перебраться за 1000 клм. отъ Уфы въ Омскъ, что и было выполнено 9-го октября, то есть черезъ день послѣ паденія Самары. Переѣздъ Директоріи въ столицу Сибирскаго правительства конечно сразу поставилъ на очередь вопросъ объ ея взаимоотношеніяхъ съ сибиряками. Возвращеніе 18-го октября съ Дальняго Востока Вологодскаго, являвшагося и предсѣдателемъ Сибирскаго Правительства и членомъ Директоріи, не могло не повліять на постепенное поглощеніе Сибирскимъ Правительствомъ „Всероссійской Власти". Внѣшне, формально, Сибирское Правительство, какъ будто, упразднялось, замѣняясь Совѣтомъ Министровъ Всероссійскаго Правительства. По существу дѣла, однако, предсѣдателемъ этого правительства назначался предсѣдатель Сибирскаго совѣта министровъ — все тотъ же Вологодскій, а составъ новаго совѣта министровъ, „какъ преемственно связанный съ правительствомъ Сибирскимъ, образовывался Временнымъ Всероссійскимъ Правительствомъ по соглашенію съ Сибирскимъ правительствомъ **).

Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ споровъ о портфеляхъ, 5-го ноября Сибирское правительство ***) „въ сознаніи священнаго для всѣхъ народовъ и частей Россіи патріотическаго долга, получивъ гарантіи, что начала автономіи Сибири будутъ возстановлены и укрѣплены, какъ только минуютъ

*) „Гражданская война 1918—1921 г. г.", т. I, статья Шорина „Борьба за Уралъ", стр. 149.

**) Гинсъ, I, 270.

***) Тамъ же, 282.

трудности политическаго положенія Россіи, нынѣ, во имя интересовъ общегосударственныхъ, постановило: въ отмѣну декларации 4-го іюля 1918 года „о государственной самостоятельности Сибири" сложить съ себя верховное управленіе и, всю полноту власти на территоріи Сибири передать Временному Правительству Всероссійскому".

Въ составъ новаго „Всероссійскаго Совѣта Министровъ" вошли: предсѣдателемъ — Вологодскій, а военно-морскимъ министромъ вице-адмиралъ Колчакъ *). Бывшій военный министръ Сибирскаго правительства Ивановъ получилъ въ командованіе Семирѣченскій фронтъ, но остался на Дальнемъ Востокѣ, куда былъ командированъ для переговоровъ еще осенью. Къ этому же времени Всероссійское Правительство договорилось и съ ген. Хорватомъ, получившимъ права генеральнаго комиссара на Дальнемъ Востокѣ. Наконецъ совершенно безболѣзненно была окончательно распущена и Сибирская Областная Дума (социалистическая).

Такимъ образомъ, внѣшне, Всероссійская Власть утвердилась на всей территоріи Сибири, Урала и Поволжья. Это внѣшнее благополучіе, однако, далеко не отвѣчало истинному положенію дѣлъ.

Перебравшись въ Омскъ, Директорія постепенно поглощалась сибиряками и все болѣе и болѣе становилась лишь декоративной надстройкой надъ фактически правившимъ Сибирью Омскомъ въ лицѣ „Всероссійскаго" Совѣта Министровъ. Съ другой стороны отъ временъ Самары и Уфы въ Поволжьѣ остался и другой слѣдъ въ видѣ Уфимскаго Совѣта управляющихъ вѣдомствами (оставшійся въ наслѣдство отъ Самарскаго Комуча) и перебравшійся въ Екатеринбургъ Съѣздъ членовъ Учредительнаго Собранія во главѣ съ небезызвѣстнымъ крайнимъ эсеромъ Черновымъ. Это наслѣдство Комуча продолжало давить на Директорію и особенно на ея членовъ — партійныхъ эсеровъ. Борьба этихъ двухъ теченій предрѣшала дальнѣйшую участь Директоріи, которая, попавъ между двухъ стульевъ, продолжала разыгрывать роль Верховной Всероссійской Власти.

*) Вице-адмиралъ Александръ Васильевичъ Колчакъ по окончаніи въ 1894 году Морского корпуса, принялъ видное участіе въ двухъ научныхъ полярныхъ экспедиціяхъ (1900—1904 и 1908 и 1910 г. г.). Въ Русско-Японской войнѣ онъ командовалъ эскадреннымъ миноносцемъ „Сердитый" и затѣмъ сухопутной крѣпостной батареей въ Портъ-Артурѣ. Одинъ изъ создателей нашего Морского Генеральнаго штаба, онъ передъ войной былъ флагъ-капитаномъ к-щаго Балтійскимъ флотомъ адм. ф. Эссена.

Во время Міровой войны онъ былъ душой обороны Балтійскаго моря и въ 1915 г. принялъ командованіе минной дивизіей. Произведенъ весною 1916 года въ контръ-адмиралы, въ іюнѣ 1916 года онъ смѣнилъ адмирала Эбергардта на посту командующаго Черноморскимъ флотомъ съ производствомъ въ вице-адмиралы. Обладая громаднымъ вліяніемъ на матросовъ, адмиралъ Колчакъ долго сдерживалъ послѣ революціи броженіе въ Черно-

22-го октября въ Уфѣ ЦК эсеровъ издалъ декларацію, въ которой заявлялъ, что *) „разрѣшеніе задачи организаціи власти на Государственномъ Совѣщаніи въ Уфѣ достигнуто не было „изъ за гнета“ тяжелаго международнаго положенія, упорнаго сопротивленія реакціонно-имперіалистической группы, свившей себѣ гнѣздо среди Сибирскаго Правительства, при соучастіи съ ней нѣкоторыхъ высшихъ круговъ казачества“... Директоріи ставилось въ вину избраніе Омска своей резиденціей и **) „территоріальное разлученіе съ Съѣздомъ Членовъ Учредительнаго Собранія, передача важнѣйшихъ общегосударственныхъ функцій соотвѣтствующимъ министерствамъ Сибирскаго правительства, подтвержденіе Временнаго роспуска Сибирской Областной Думы“ и такъ далѣе, то есть эсеры опредѣленно напоминали Директоріи, что идея „контроля“ надъ Всероссійской Властью со стороны партіи эсеровъ, о которомъ было столько болтовни во время Совѣщанія въ Уфѣ въ сентябрѣ, далеко не изжита.

Наконецъ прокламація опредѣленно грозила и вооруженнымъ вмѣшательствомъ эсеровъ.

„Въ предвидѣніи“, гласила она ***), „возможности политическихъ кризисовъ, которые могутъ быть вызваны замыслами контръ-революціи, *всѣ силы партіи въ настоящее время должны быть мобилизованы, обучены военному дѣлу и вооружены* съ тѣмъ, чтобы въ любой моментъ быть готовыми выдержать ударъ контръ-революціонныхъ организаторовъ гражданской войны въ тылу противобольшевицкаго фронта“. Эта прямая угроза Омску конечно не могла ему внушить особаго довѣрія къ той Директоріи, два члена которой принадлежали къ партіи, ЦК коей призывалъ къ вооруженной борьбѣ съ нимъ.

морскомъ флотѣ, но въ концѣ концовъ былъ вынужденъ сдать командованіе и уѣхать въ Петербургъ, откуда былъ командированъ въ С.А.С.Ш., а затѣмъ получилъ согласіе англійскаго правительства на переходъ на англійскую службу. По пути изъ Японіи въ Индію въ Сингапурѣ онъ былъ вызванъ въ Пекинъ, гдѣ черезъ русскаго посланника кн. Кудашева ему было передано предложеніе стать во главѣ формированій въ раіонѣ полосы отчужденія Китайской Восточной ж. д. Поддержка Японіей атамановъ (особенно Семенова), однако, не позволила адм. Колчаку провести въ жизнь эти формированія. Послѣ неудачной попытки непосредственно договориться съ японцами въ Японіи, онъ выѣхалъ въ Сибирь. За русско-японскую войну адм. Колчакъ былъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ, а за міровую войну получилъ орденъ Св. Георгія 4-й ст.

Ко времени вступленія его въ должность военно-морского министра въ Омскѣ адмиралу Колчаку было 45 лѣтъ.

*) Болдыревъ, 93.

**) Тамъ же, 93—94.

***) Тамъ же, 94.

Съ другой стороны Директоріи грозилъ изъ Екатеринбурга и Гайда. Требуя ускоренія высылки на Пермскій фронтъ формировавшагося въ Томскѣ средне-сибирскаго корпуса, онъ предъявилъ 10-го ноября ультиматумъ о выступленіи требуемыхъ частей и увольненіи начальника штаба Сибирской арміи ген. Бѣлова (настоящая фамилія Виттекопфъ) въ 48-часовой срокъ и грозилъ, въ случаѣ неисполненія двинуть войска на Омскъ и „сдѣлать такой порядокъ, что долго будутъ помнить“ *). Свои угрозы онъ къ тому же поддержалъ началомъ сосредоточенія 8-го чешскаго полка къ Омску.

Ни Гайда, ни сибиряки, ни застрявшіе въ Поволжьѣ и на Уралѣ эсеры авторитета Директоріи не признавали. При подобныхъ условіяхъ, конечно, ея дни были сочтены и такъ какъ единственными реальными силами въ это время были Сибирь и Гайда **), опредѣленно склонявшіеся къ замѣнѣ Директоріи единоличной властью, вопросъ объ установленіи диктатуры становился лишь вопросомъ нѣсколькихъ недѣль или дней.

Переѣздъ Директоріи въ Омскъ совпалъ съ долгожданнымъ появленіемъ полномочныхъ представителей союзниковъ. Первымъ прибылъ англійскій Верховный Комиссаръ сэръ Чарльзъ Эллiотъ (5-го октября), а вскорѣ вслѣдъ за нимъ и англійскій генералъ Ноксъ (21-го октября) и, въ началѣ октября, батальонъ англичанъ. Французы прибыли позже (лишь въ ноябрѣ и декабрѣ).

Хотя во главѣ союзной интервенціи долженъ былъ стоять французскій генералъ Жанэнъ, а на генерала Нокса возлагалась лишь организація снабженія, онъ, однако, 24-го октября подписалъ съ ген. Болдыревымъ военную „конвенцію“. Содержаніе этой конвенціи чрезвычайно характерно. Вотъ ея подлинный текстъ ***):

ЗАЯВЛЕНІЕ.

„Я сдѣлаю все, что въ моей власти, чтобы оказать помощь Русскому Правительству въ дѣлѣ формированія Русской Арміи на слѣдующихъ ясныхъ и понятныхъ условіяхъ:

---

*) Болдыревъ, 101.

**) Несомнѣнно, что Гайдой руководили мотивы чисто личные. Нежеланіе чеховъ воевать въ связи съ честолюбіемъ и карьеризмомъ Гайды, требовали срочнаго усиленія Пермскаго направленія сибирскими частями. Захватъ Перми давалъ бы Гайдѣ ореолъ побѣдоноснаго вождя и онъ уже готовился къ переходу на русскую службу, получивъ отъ чешской все, что она могла ему дать. При этомъ Гайда опредѣленно ставилъ на Сибирское Правительство и адмирала Колчака.

***) Болдыревъ, 524—525. Редакціонное совѣтское примѣчаніе В. Д. Вегмана.

„1. Новая Русская Армія должна быть настоящей Арміей подъ полнымъ офицерскимъ контролемъ. Она должна быть безъ Комитетовъ и Комиссаровъ. Ни офицеры, ни солдаты не должны вмѣшиваться въ политику.

„2. Должна быть одна Русская Армія. Русское Правительство должно требовать отъ союзныхъ представителей соглашенія, что вся военная мощь будетъ дана только Русскому Правительству, но не разнымъ русскимъ военнымъ начальникамъ, какъ, напримѣръ Семенову и Калмыкову. Войска генерала Хорвата должны быть расформированы.

„3. Всѣ назначенія и производства офицеровъ должны производиться Верховнымъ Главнокомандующимъ.

„4. Германскимъ и австрійскимъ военноплѣннымъ сейчасъ разрѣшается дѣлать все, что они захотятъ. Каждый маленькій офицерскій „батальонъ" имѣетъ 100 нѣмцевъ въ качествѣ поваровъ, прислуги и конюховъ, каждая рота новобранцевъ имѣетъ три нѣмецкихъ повара для приготовленія русскихъ щей для русскихъ. Настоящее положеніе, если оно было бы извѣстно въ Англіи, вызвало бы бурю возмущенія. Всѣ военноплѣнные не славянскаго происхожденія должны быть заключены и охраняться въ лагеряхъ для военно-плѣнныхъ. Было бы гораздо лучше, если эти лагери были бы расположены въ Забайкальи или на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ американскія или японскія войска могли бы ихъ охранять.

„5. Отдѣльное заявленіе подается относительно положенія на Томской и Омской желѣзной дорогѣ. Положеніе на Забайкальской желѣзной дорогѣ какъ будто еще хуже. Если мѣры не будутъ приняты немедленно, чтобы заставить рабочихъ въ мастерскихъ работать самымъ энергичнымъ и добросовѣстнымъ образомъ, число товарныхъ поѣздовъ уменьшится весной до 4-хъ паръ въ сутки, помощь союзниковъ и военныя дѣйствія будутъ невозможны. Мастерскія должны быть заставлены работать.

„Большое количество вагоновъ занято офицерами и ихъ семьями, бѣженцами и войсками въ глубокомъ тылу. Напримѣръ, войска ген. Хорвата занимаютъ нѣсколько сотъ вагоновъ, которые они отказываютъ освободить. Полковникъ Семеновъ живетъ въ поѣздѣ въ Читѣ, несмотря на то, что въ городѣ избытокъ помѣщеній. Атаманъ Калмыковъ живетъ въ поѣздѣ въ Хабаровскѣ. Чешская рота въ Красноярскѣ живетъ въ вагонахъ. Всѣ эти вагоны должны быть немедленно освобождены и если для бѣженцевъ нѣтъ достаточно помѣщеній, то должны быть построены бараки.

6. „Большое разочарованіе для союзниковъ, которые стараются помочь Россіи возстановить ея силу, что русскіе вожди такъ долго не могутъ сговориться относительно состава Временнаго Правительства.

„Мы имѣемъ право требовать, чтобы всѣ личные и партійные интересы были бы устранены и сильное правительство сформировано, которое бы не препятствовало въ созданіи арміи для спасенія Россіи.

Верховный Главнокомандующій
Русскими вооруженными силами
ген.-лейтенантъ
Болдыревъ.

А. В. Ноксъ
ген.-маіоръ.

24-го октября 1919 года.

Стиль этого документа не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что единоличнымъ авторомъ его являлся Ноксъ.

Подходъ къ рѣшенію вопроса о вооруженной борьбѣ въ Сибири въ ней конечно очень незамысловатъ, но по существу дѣла ген. Ноксъ въ этой „конвенціи" высказывалъ тѣ соображенія, продиктованныя здравымъ смысломъ, которыя казалось бы не могли встрѣтить возраженія ни съ чьей стороны. Однако, неразбериха въ Сибири дошла до такой степени, что потребовалось вмѣшательство иностраннаго генерала для того, чтобы напомнить эти основныя истины.

Немощи Всероссійской власти соотвѣтствовала немощь и восточнаго бѣлаго фронта. „У чеховъ неладно", записываетъ ген. Болдыревъ въ своемъ дневникѣ отъ 2-го ноября*). „Со всего фронта они отведены въ тылъ для приведенія въ порядокъ. Фронтъ держится исключительно русскими войсками". „Наиболѣе угрожающимъ при этомъ было положеніе вдоль Самаро-Златоустовской желѣзной дороги; стоявшая здѣсь одна чешская дивизія (1-ая) покинула фронтъ" **).

„Чешскій арьергардъ у Бугуруслана", пишетъ ген. Петровъ ***), „чуть ли не впервые, получилъ ударъ отъ большевиковъ, которые устроили неожиданное нападеніе на нихъ въ вагонахъ, очевидно плохо охранявшихся. Арьергардъ бросилъ вагоны и съ потерями, спѣшно, частью по желѣзной дорогѣ, а частью кружнымъ путемъ отошелъ почти къ Белебею; стоило многихъ трудовъ заставить остановиться ихъ у ст. Абдулино и не обнажать совершенно направленія.

---

*) Болдыревъ, стр. 90. Редакціонное совѣтское примѣчаніе В. Д. Вегмана.

**) Тамъ же, стр. 103.

***) Петровъ, 54—55.

Чехи къ этому времени (начало ноября. — А. З.) *почти требовали* немедленнаго отступленія и когда имъ приказали сосредоточиться у Белебея, то не желали свертывать съ главной магистрали къ г. Белебею. Даже такой отличный полкъ, какъ 1-й — и тотъ былъ въ броженіи".

7-го ноября ген. Болдыревъ записываетъ въ своемъ дневникѣ*): „Вчера говорилъ съ Сыровымъ. Онъ безпокоится за фронтъ. Чехи видимо серьезно рѣшили не воевать. Особенно разложилась ихъ 1-я дивизія на Уфимскомъ фронтѣ. Сыровой не отрицаетъ возможности катастрофы. Надо поспѣшно смѣнить чеховъ, но пока еще нечѣмъ."

Рядъ этихъ отзывовъ опредѣленно указываетъ на то, что выступленію чеховъ пришелъ конецъ. Смѣны имъ, между тѣмъ, все еще не было. Народная Армія разваливалась, сибирскія формированія только еще начинали выходить на фронтъ.

Въ общемъ, къ серединѣ ноября, то есть ко дню окончанія міровой войны, на восточномъ фронтѣ подъ общей командой Сырового по линіи Верхотурье—Кунгуръ—Бугульма—ст. Абдулино (на р. Икъ)—ст. Сорочинская стояло 43 тысячи штыковъ и 4,6 тыс. сабель, а всего около 48 тысячъ бойцовъ бѣлыхъ**) противъ 58 тыс. штыковъ и 6 тыс. сабель, а всего 64 тыс. бойцовъ красныхъ***). Превосходство въ силахъ на сторонѣ красныхъ, такимъ образомъ, было въ общемъ сравнительно незначительнымъ.

Бѣлый фронтъ проходилъ въ 150—180 клм. отъ Уфы и Оренбурга и подходилъ на 80 клм. къ Перми. Затѣмъ, объединенные подъ командой атамана Дутова, фронтомъ на югъ (оренбуржцы) и на западъ (уральцы) дрались казаки (всего до 15 тысячъ) съ 4-й и Туркестанской арміями красныхъ (около 30 тысячъ).

Особенно тяжелымъ, слѣдовательно, было по прежнему положеніе казачьихъ фронтовъ. Нажимъ красныхъ на Уфимскомъ направленіи опредѣленно, вслѣдствіи начавшейся переброски силъ, ослабѣлъ. У Перми иниціатива перешла опредѣленно на сторону бѣлыхъ. Все же общее положеніе бѣлаго восточнаго фронта нельзя признать благополучнымъ.

Предоставивъ казачій фронтъ собственнымъ силамъ и, перенеся центръ тяжести на второстепенное Пермское направленіе, бѣлое командованіе восточнаго фронта постепенно теряло одну за другой тѣ позиціи, которыя были захвачены лѣтомъ 1918 года. Войска важнѣйшаго, Самарскаго направленія опредѣленно теряли боеспособность и захватъ красными

*) Болдыревъ, 93.

**) Тамъ же, 104.

***) „Гражданская война 1918—1921 г.г.", III, 167.

Уфы становился лишь вопросомъ времени. За три осеннихъ мѣсяца бѣлый Восточный фронтъ, потерявъ Волгу, откатывался къ Уралу. Отъ угрозы Москвѣ, онъ переходилъ къ оборонѣ Урала. Весь успѣхъ весенняго выступленія чеховъ и лѣтнихъ побѣдъ на Волгѣ былъ сведенъ на нѣтъ. Приписывать это только красному командованію, однако, не приходится. Истинной причиной этого было полное неумѣніе бѣлаго восточнаго фронта использовать тѣ возможности, которыя ему дало выступленіе чеховъ въ минуту полной дезорганизаціи и растерянности красныхъ. „Отъ болтовни погибла Россія", сказалъ въ февралѣ Донской атаманъ Калединъ. Такъ же, осенью 1918 года, „проговорили" Поволжскій фронтъ и бѣлое командованіе, и всѣ безчисленныя бѣлыя правительства на Востокѣ Россіи.

На сѣверѣ послѣ высадки англійскаго дессанта въ Архангельскѣ 3-го августа, въ теченіи мѣсяца продержалось соціалистическое „Верховное Управленіе Сѣверной Областью". Просуществовало оно, однако, лишь мѣсяцъ. 6-го сентября командующій русскими вооруженным силами на побережьѣ Бѣлаго моря — кап. 2-го ранга Чаплинъ, это правительство арестовалъ и отправилъ на Соловецкіе острова. Хотя и освобожденное черезъ три дня, оно было, однако, съ начала октября замѣнено несоціалистическимъ „Временнымъ Правительствомъ Сѣверной Области", но во главѣ его по прежнему остался тотъ же народный соціалистъ Чайковскій. Командованіе же русскими вооруженными силами отъ кап. 2-го ранга Чаплина перешло къ ген. шт. полковнику Дурову (съ 14-го сентября).

Всѣ эти событія, оказывали, однако, лишь очень ограниченное вліяніе на общій ходъ событій на сѣверномъ фронтѣ.

Уже съ конца іюля въ Архангельскъ переѣхали послы державъ Согласія, а со времени дессанта фактическая власть цѣликомъ сосредоточилась въ рукахъ англійскаго военнаго командованія, обладавшаго вооруженной силой. Съ осени ген. Пуля въ Архангельскѣ смѣнилъ ген. Айронсайдъ, который и сталъ фактическимъ распорядителемъ судебъ нашего сѣвера.

Смѣнившій въ серединѣ ноября во главѣ русскихъ вооруженныхъ силъ полк. Дурова ген. Марушевскій такъ описываетъ ген. Айронсайда*): „Полнымъ хозяиномъ всѣхъ этихъ силъ (то есть вооруженныхъ силъ) былъ ген. Айронсайдъ и его штабъ, который представлялъ собою довольно интересное зрѣлище. Начальникомъ штаба былъ неопытный лейтенантъ, изъ солдатъ, извѣстный своей блестящей храбростью. Этотъ человѣкъ даже плохо разбиралъ карту.

*) „Бѣлое Дѣло", I, статья ген. Марушевскаго: „Годъ на Сѣверѣ", стр. 44 и 36.

... Айронсайду въ это время не было еще и сорока лѣтъ ... Онъ началъ свою военную карьеру мальчикомъ 14 лѣтъ, сбѣжавъ если не ошибаюсь, изъ какого то пансіона и вступивъ волонтеромъ въ одинъ изъ полковъ, стоявшій въ Африкѣ... Еще совсѣмъ недавно на Западномъ фронтѣ Айронсайдъ командовалъ просто батареей. Его, говорятъ, исключительная солдатская храбрость сдѣлала изъ него быстро начальника пѣхотной дивизіи, въ чинѣ полковника, а затѣмъ онъ былъ временно сдѣланъ, по обычаямъ англійской арміи, генераломъ и назначенъ на сѣверъ".

Силы интервентовъ составляли къ концу 1918 года 23 тысячи, изъ коихъ 10 тысячъ прикрывали Мурманскъ, а 13 тысячъ — Архангельскъ*). Изъ этого числа 13 тысячъ, то есть нѣсколько болѣе половины, составляли англичане.

Русскія силы же были еще въ совершенно зачаточномъ состояніи и не превышали 7 тысячъ (изъ коихъ 4 тысячи на Мурманѣ и 3 тысячи въ Архангельскѣ). Въ частности, въ Архангельскѣ эти русскія формированія къ тому же были еще и совершенно небоеспособны. Ген. Марушевскій, при вступленіи своемъ въ командованіе (19-го ноября 1918 г.), засталъ въ Архангельскѣ лишь слѣдующія русскія формированія**):

„а) Закончившій мобилизацію батальонъ четырехъ ротнаго состава. При немъ кадры для развертыванія второго батальона. Батальонъ этотъ находился въ состояніи явнаго разложенія и въ полной связи съ большевиствующими командами матросовъ въ сосѣднихъ флотскихъ казармахъ въ Соломбалѣ".

„б) Только что прибывшая изъ Англіи рота (100 человѣкъ), набранная изъ военно-плѣнныхъ, интернированныхъ въ Голландіи. Рота представляла собою отличную съ виду часть, щегольски одѣтую и вооруженную".

„в) 2 взвода саперной роты, формируемой въ предмѣстьѣ Маймакса".

„г) 1/2 эскадрона конницы, еще не обученнаго".

„д) Автомобильная рота, вѣрнѣе, небольшая команда для обслуживанія нѣсколькихъ набранныхъ машинъ".

„е) Артиллерійскій дивизіонъ (не вооруженный), въ составѣ пѣшихъ командъ, для сформированія 2-хъ легкихъ и 4-хъ орудійныхъ батарей и тяжелаго взвода изъ 2-хъ гаубицъ. Матеріальная часть находилась на Двинскомъ фронтѣ и лишь тамъ должна была быть передана дивизіону".

*) Въ Мурманскѣ 6,8 т. англичанъ, 1,2 т. итальянцевъ, 1,2 т. сербовъ и 700 французовъ. Въ Архангельскѣ 6,2 т. англичанъ, 5,2 т. американцевъ и 1,6 т. французовъ. („Гражданская война 1918—1921", I, статья Н. Кузьмина „Борьба за Сѣверъ", стр. 208—209, гдѣ приведена выдержка изъ доклада Британскому Парламенту — § 7-й).

**) Марушевскій, 43.

Къ тому же чрезвычайно затрудненная безлюдьемъ и разстояніями нашего крайняго сѣвера, мобилизація русскихъ силъ затруднялась и предпринятыми союзниками формированіями русско-союзныхъ смѣшанныхъ частей въ видѣ славяно-британскаго и французскаго легіоновъ. Нельзя при этомъ не сказать, чтобы эти формированія не отвѣчали настроеніямъ нашихъ офицеровъ. Въ нихъ офицерство шло охотно. Это совершенно опредѣленно отмѣчаетъ и ген. Марушевскій, дающій любопытную картину этихъ своеобразныхъ, не нашедшихъ подражанія на другихъ фронтахъ нашей гражданской войны, формированій*).

„Масса строевого и нестроевого офицерства, захваченная переворотомъ въ Архангельскѣ, распадалась на двѣ слѣдующія группы:

„1. Въ распоряженіи русскаго командованія".

„2. Въ распоряженіи англійскаго командованія".

„Въ первой группѣ состояло то, что вошло въ мобилизованный въ Архангельскѣ полкъ, въ военное управленіе и въ тѣ добровольческіе доблестные отряды, которые работали подъ Шенкурскомъ и на рѣкѣ Двинѣ. Кромѣ того, по городу бродило много людей въ защитныхъ костюмахъ, а иногда и въ лохмотьяхъ, и среди нихъ можно было угадывать чутьемъ такъ же бывшихъ представителей великой арміи".

„Во второй группѣ состояло то, что отчаявшись въ возможности служить въ русскихъ національныхъ войскахъ бросилось на призывъ и англичанъ, и французовъ и широко заполнило ряды славяно-британскаго и французскаго легіоновъ, а такъ же и персонала обучаемыхъ въ англійскихъ военныхъ школахъ — пѣхотной, артиллерійской, пулеметной, бомбометной и телеграфной"...

... „Первая группа была въ условіяхъ несравненно худшихъ, нежели вторая. Вопросы продовольствія и обмундированія, съ такимъ трудомъ разрѣшаемые для офицеровъ формируемыхъ русскихъ войскъ, были обставлены несравненно шире и лучше для тѣхъ, кто состоялъ въ непосредственномъ распоряженіи союзниковъ".

„Школы, поставленныя и организованныя англичанами, были сдѣланы, собственно говоря, по образцу нашихъ учебныхъ командъ въ частяхъ войскъ. У англійскаго командованія не было даже и признака довѣрія, что мы можемъ сдѣ-

*) Марушевскій, 38—39.

лать что нибудь сами, а потому вся матеріальная и учебная часть находилась въ рукахъ у англійскихъ инструкторовъ и подъ англійскимъ командованіемъ".

„Настойчивая моя работа по введенію въ школѣ спеціальнаго русскаго контроля и русскаго командного персонала, пошла чрезвычайно неуспѣшно. Быстро напеченные англійскіе лейтенанты не усваивали себѣ ни тона, ни возможностей совмѣстной работы съ русскими штабъ-офицерами. Взаимнымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ не было конца".

„Славяно-британскій легіонъ не представлялъ собою строевой части въ строгомъ смыслѣ этого слова. Къ легіону относились всѣ тѣ офицеры, которые поступили на англійскую службу съ фиктивными англійскими чинами. Всѣ они носили англійскую форму, за исключеніемъ лишь герба на фуражкѣ, и имѣли отличительные знаки англійскихъ офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не имѣли никакихъ правъ на продолженіе службы въ англійской арміи и связаны были особыми контрактами. Къ этому же легіону относились и нѣкоторыя части, какъ, напримѣръ прекрасный артиллерійскій дивизіонъ, сформированный капитаномъ Рождественскимъ, и отрядъ Берса, который потомъ былъ расформированъ".

„Кромѣ этихъ организацій, англичане создали еще и дисциплинарныя части, куда зачислялись наиболѣе надежные элементы изъ взятыхъ въ плѣнъ чиновъ красной арміи. Изъ такихъ частей особенно удачной была рота капитана Дайера, умершаго еще до моего пріѣзда въ Архангельскъ".

„Эта рота дала идею генералу Айронсайду сформировать цѣлый полкъ, названный именемъ Дайера, что увеличило, какъ увидимъ, исторію области еще однимъ грустнымъ эпизодомъ".

„Французскій иностранный легіонъ представлялъ собою лишь одну роту, отлично подобранную, прекрасно обученную и обмундированную".

„Рота эта наполовину состояла изъ русскихъ офицеровъ, добровольно зачислившихся въ ряды легіона простыми солдатами".

„Вторая рота къ моему пріѣзду еще только едва начала формироваться".

„Немного спустя было приступлено къ созданію еще и третьей — пулеметной роты".

„Легіонъ формировался по совершенно опредѣленнымъ законамъ, установленнымъ для иностраннаго легіона во Франціи. Дисциплина въ немъ поддерживалась желѣзная и часть эта представляла собою примѣръ образцовой, я бы сказалъ, даже щегольской организаціи французскаго командованія".

„Прекрасное размѣщеніе людей и отлично поставленная кухня — много содѣйствовали успѣху дѣла, но я полагаю, что своимъ блестящимъ видомъ часть эта была обязана нашему офицерскому составу, давшему основной кадръ солдатъ, капраловъ и унтеръ-офицеровъ".

Мобилизація русскихъ силъ шла чрезвычайно медленно, базируясь при этомъ лишь на новобранцахъ, то есть на неслужившихъ ранѣе въ войскахъ.

Лучшій элементъ представляли собою, хотя и немногочисленные, но крѣпкіе крестьянскіе партизанскіе отряды по р. Онѣгѣ и Пинегѣ и между р. Вагой и желѣзной дорогой Архангельскъ—Москва. Партизанское движеніе это однако, естественно носило чисто-мѣстный характеръ защиты родныхъ селъ; въ войска партизаны шли крайне неохотно.

Собственно русскія вооруженныя силы были въ общемъ крайне ненадежны. Армія эта была арміей безпогонной, весьма условно признававшей основныя начала воинской дисциплины и распорядка. Ясно, что при подобныхъ условіяхъ — фактическаго отсутствія надежныхъ русскихъ формированій, вся власть была въ рукахъ англійскаго командованія, единственно обладавшаго вооруженной силой. Поэтому „къ правительству области", какъ отмѣчаетъ ген. Марушевскій*), „Айронсайдъ относился весьма снисходительно, полагая всю сущность русской работы въ области — въ созданіи арміи". Однако созданіе арміи въ условіяхъ конца 1918 года на нашемъ сѣверѣ подвигалось очень туго. Фактически, на фронтѣ дрались только иностранцы.

Къ ноябрю 1918 года окончательно оформившійся этотъ фронтъ состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ отрядовъ, широкой лентой опоясывавшихъ южное побережье Бѣлаго моря, въ удаленіи отъ него въ среднемъ на 200 клм. Всѣ эти мелкіе отряды составляли восемь основныхъ группъ: Мурманскую (по желѣзной дорогѣ у сѣвернаго побережья Онѣжскаго озера), по р. Онѣгѣ, на Архангельскъ—Московской желѣзной дорогѣ, по р.р. Емцѣ, Мехреньгѣ (притоки Сѣверной Двины), у Шенкурска (на р. Вагѣ), на Сѣверной Двинѣ (Котласское направленіе) и по р. Пинегѣ. Кромѣ того сѣверо-восточнѣе Архангельска, соотвѣтственно въ 250 и 500 клм. отъ него, внѣ всякой связи съ остальнымъ фронтомъ, дѣйствовали отдѣльные мелкіе отряды по р. Мезени и Печорѣ. Черезъ послѣдній, сѣверный фронтъ поддерживалъ нѣкоторую связь и съ Сибирью. Въ этихъ раіонахъ, впрочемъ, военныя дѣйствія были возможны лишь зимой и лѣтомъ, потому что „весной и осенью вся мѣстность между Вычегдой и истоками рѣкъ Пинеги, Мезени и Печоры обращалась въ сплошное непроходимое болото. Борьба велась отрядами, которые направлялись туда въ началѣ лѣта и зимы, а въ концѣ этихъ

*) Марушевскій, стр. 36.

періодовъ отводились обратно къ рѣкѣ Сѣверной Двинѣ и въ раіонъ Усть Сысольска" *).

Центръ тяжести борьбы сосредоточивался цѣликомъ на узкомъ 100-километровомъ фронтѣ между Архангельской желѣзной дорогой и Сѣверной Двиной, гдѣ были сосредоточены пять (желѣзная дорога и по р. Емцѣ, Мехреньгѣ, Вагѣ и Сѣверной Двинѣ) изъ общаго числа восьми группъ. Общее протяженіе сѣвернаго фронта составляло по воздушной линіи около 800 клм., а считая и Мезенское и Печорское направленія — до 1300 клм. На всемъ же этомъ грандіозномъ фронтѣ стояло, какъ было уже приведено выше, лишь 20 съ небольшимъ тысячъ союзниковъ, что давало примѣрно по баталіону на 40 клм. фронта (а считая и сѣверо-восточный раіонъ — до 65 клм.). Къ тому же чрезвычайно рѣдкое населеніе и исключительно скудная сѣть путей, приводили къ тому, что каждая изъ восьми основныхъ группъ дѣйствовала почти внѣ всякой связи съ сосѣдями. Такое занятіе сѣвернаго фронта, въ связи съ мѣстными условіями (бездорожье, сплошныя лѣсныя площади и тундра), конечно предопредѣляли его полную пассивность.

„Къ поздней осени", пишетъ оффиціальный совѣтскій источникъ **), „выяснилось второстепенное значеніе сѣвернаго фронта въ общей обстановкѣ гражданской войны и операціи здѣсь въ дальнѣйшемъ приняли исключительно мѣстный характеръ".

Таковы же были примѣрно и силы красныхъ. Такъ, на Архангельскомъ направленіи противъ 13 тысячъ союзниковъ дѣйствовало 11 тысячъ бойцовъ при 116 пулеметахъ и 66 орудіяхъ ***) 6-й арміи красныхъ.

Значеніе сѣвернаго фронта для русской контръ-революціи было, однако, инымъ. Удаленіе его, по воздушной линіи, въ среднемъ на 500 клм. отъ обѣихъ столицъ — Москвы и Петербурга, и наличіе на немъ, единственномъ изъ всѣхъ фронтовъ нашей гражданской войны, вооруженной силы державъ Согласія, дѣлали изъ него отличную базу для развитія операціи и на Москву и на Петербургъ. Весь вопросъ при этомъ, конечно, сводился къ двумъ предпосылкамъ: до какихъ поръ побережье Бѣлаго моря будетъ прикрыто союзнымъ дессантомъ и удастся ли подъ его прикрытіемъ создать русскую вооруженную силу? Отвѣтъ на первый вопросъ въ ноябрѣ 1918 года какъ будто былъ благопріятнымъ. Ген. Айронсайдъ, на вопросъ ген. Марушевскаго въ концѣ ноября,

*) „Гражданская Война 1918—1921 г.г.", I, 212.

**) Тамъ же, III, 89.

***) Тамъ же, III, 88—89.

ему отвѣтилъ *): „Мы останемся здѣсь ровно столько, сколько это Вамъ будетъ нужно и необходимо для организаціи и созданія арміи". „Я нарочно", пишетъ ген. Марушевскій, „ставлю эту фразу въ ковычки. Я ручаюсь за ея точность и вмѣстѣ съ тѣмъ не сомнѣваюсь, что въ то время Айронсайдъ говорилъ совершенно искренне, глубоко вѣря въ незыблемую истину своихъ словъ".

Отвѣтъ на второй вопросъ былъ болѣе сложнымъ. Общая мобилизаціонная способность Сѣверной области расцѣнивалась, напримѣръ, ген. Марушевскимъ въ 25 тысячъ бойцовъ **), то есть, иначе говоря, своими собственными силами она не могла создать арміи достаточной для похода на Москву или Петербургъ. Не могла сѣверная область дать и достаточныхъ кадровъ. Наконецъ, состояніе русской вооруженной силы на сѣверѣ къ концу 1918 года не позволяло считать ее и достаточно для этого боеспособной. Нужна была, во первыхъ, коренная ея реорганизація, а во вторыхъ, пополненіе ея откуда то извнѣ. Оба эти вопроса, однако, требовали и времени и помощи со стороны.

Вступивъ въ командованіе, ген. Марушевскій (послѣдній начальникъ Генеральнаго Штаба въ Петербургѣ при Временномъ Правительствѣ) потребовалъ отъ правительства возстановленія военной дисциплины, погонъ, формы одежды и воинскихъ отличій. Несмотря на тренія, въ началѣ декабря, ему все же этого удалось добиться. Первый шагъ на пути реорганизаціи былъ сдѣланъ. Дальнѣйшее возлагалось на, ожидавшагося къ серединѣ января, ген. Миллера ***), который долженъ былъ стать во главѣ арміи и администраціи, какъ военный генералъ-губернаторъ и командующій войсками.

11-го ноября 1918 года въ с. Ретондъ, на французскомъ фронтѣ, Верховнымъ союзнымъ главнокомандующимъ маршаломъ Фошемъ было заключено перемиріе съ Германіей. Великая война кончилась. Это міровое событіе, конечно, не могло сразу же не отразиться и на ходѣ нашей гражданской войны. Перемиріе 11-го ноября открывало новый періодъ

*) Марушевскій, I, 36.

**) Марушевскій („Бѣлое Дѣло", томъ II, 54).

***) Ген.-лейт. Евгеній Карловичъ Миллеръ по окончаніи Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, былъ произведенъ въ 1886 г. въ корнеты л. гв. въ Гусарскій Е. В. полкъ. По окончаніи Академіи Генеральнаго Штаба, онъ въ теченіи 9 лѣтъ былъ нашимъ военнымъ агентомъ сперва въ Брюсселѣ

русской контръ-революціи. Эта дата и принята поэтому въ нашемъ трудѣ за конецъ перваго ея періода. Подведемъ же итоги перваго года нашей гражданской войны.

Совѣтская власть къ первой годовщинѣ своего существованія оказалась въ кольцѣ, окружившихъ ее со всѣхъ сторонъ, группировокъ, частью находившихся съ ней въ состояніи вооруженной борьбы, частью — вооруженнаго нейтралитета.

На западѣ, отъ Финляндіи и до западной границы земли Войска Донского, захватывая Прибалтику, Бѣлоруссію, Украину и Крымъ, тянулся барьеръ австро-германской оккупаціи. Хотя этотъ барьеръ и находился, формально, въ состояніи мира съ Совѣтскимъ правительствомъ, наличіе вооруженнаго кордона вдоль границъ оккупированныхъ центральными державами областей Россіи, заставляло большевиковъ растянуть вдоль него рядъ „завѣсъ" изъ отдѣльныхъ отрядовъ и, фактически, по всей этой линіи, протяженіемъ до 1600 клм., (а считая и Финляндію до 2500 клм.) создавался красный западный фронтъ.

Съ юга, Донъ, очистивъ всю свою территорію отъ красныхъ, велъ борьбу уже за предѣлами области на Воронежскомъ, Саратовскомъ и Царицынскомъ направленіяхъ, гдѣ большевики къ этому времени создали южный фронтъ.

Далѣе къ югу, по восточной границѣ Кубани, стояла Добровольческая Армія съ упорными боями окружавшая Ставрополь и вышедшая къ Черному морю у Новороссійска.

Закавказье было цѣликомъ оккупировано турками, а въ Дагестанѣ дѣйствовалъ противъ большевиковъ отрядъ Бичерахова. На юго-востокѣ Россіи, въ рукахъ большевиковъ, оставалась лишь Терская область, гдѣ ими только что было подавлено, и даже еще частично подавлялось, возстаніе терскихъ казаковъ, и Астраханскій раіонъ, связывавшійся Волгой и Царицынымъ съ центромъ страны.

и Гаагѣ, а потомъ въ Римѣ. Откомандовавъ 7 гус. Бѣлорусскимъ полкомъ, онъ получилъ Николаевское Кавалерійское Училище, а за два года до Великой войны былъ назначенъ начальникомъ штаба Московскаго воен. округа. Выступивъ на войну начальникомъ штаба 5-й арміи ген. Плеве, онъ принялъ участіе во всѣхъ блестящихъ операціяхъ этой арміи подъ Томашовымъ и Лодзью и оставался на этомъ посту до революціи, когда получилъ въ командованіе армейскій корпусъ. Командированный осенью 1917 года за границу, ген. Миллеръ былъ вызванъ въ Архангельскъ и, прибывъ въ январѣ 1919 г., вступилъ въ командованіе нашимъ сѣвернымъ фронтомъ, а весной сталъ и во главѣ его правительства. По эвакуаціи Архангельска и Мурманска союзниками въ концѣ сентября 1919 года, онъ продолжалъ борьбу на сѣверѣ до эвакуаціи въ концѣ февраля 1920 г. Военный представитель ген. Врангеля въ Парижѣ, а затѣмъ и его начальникъ штаба въ эмиграціи, онъ, послѣ похищенія ген. Кутепова, сталъ съ 27 января 1930 года во главѣ Р. О. В. Союза, объединяющаго русское зарубежное воинство. Ко времени прибытія на сѣверъ ген. Миллеру было 51 годъ.

Въ Закаспіи высадились англичане.

На востокѣ, краснымъ удалось отбросить бѣлыхъ отъ Волги на 200 клм. къ востоку, одновременно съ этимъ ведя борьбу съ Оренбургскими и Уральскими казаками, со стороны Саратова съ запада и изъ Туркестана съ юго-востока. Успѣхи красныхъ на Приволжскомъ фронтѣ, однако, постепенно смѣнялись неудачами у Перми.

На сѣверѣ, союзный дессантъ прочно прикрылъ Мурманскъ и Архангельскъ, выдвинувшись въ среднемъ на 200 клм. отъ побережья Бѣлаго Моря къ югу. Разрывъ между Сибирью и Сѣвернымъ фронтомъ между Пермью и Сѣверной Двиной (Котласское направленіе), благодаря своей необитаемости, не разрывалъ сжимавшаго совѣтскую власть кольца.

Большевики были отрѣзаны отъ всѣхъ четырехъ русскихъ морей, (сохранивъ выходъ лишь въ закрытое нѣмцами Балтійское море у Петрограда). Контръ-революціонные и австро-германскій фронты лишили большевиковъ Уральской и Криворожской (на правобережной Украинѣ) руды, Донецкаго угля и Бакинской нефти. Кромѣ юга Россіи, Совѣтская власть потеряла и Сибирь. Отрѣзанные отъ всѣхъ источниковъ сырья, совѣтская промышленность и желѣзнодорожный транспортъ постепенно совершенно замирали. Отрѣзанная отъ хлѣбныхъ юга и Сибири, Россійская Совѣтская Федерація, практически ограниченная предѣлами лишь Великороссіи, голодала и вела жестокую борьбу съ русскимъ крестьянствомъ за хлѣбъ.

Москва была въ 450 клм. отъ фронта австро-германской оккупаціи, въ 500 клм. отъ союзнаго дессанта на сѣверѣ и отъ фронта Донскихъ казаковъ и въ 900 клм. отъ восточнаго фронта на Уралѣ и въ Заволжьи. Этими цифрами и ограничивалось протяженіе территоріи, подвластной Совѣтамъ.

Разрушивъ до конца русскую армію и заключивъ миръ съ центральными державами въ Брестѣ, большевики вынуждены были сформировать новую, названную ими „Рабоче-Крестьянской", Красную Армію, численность которой къ окончанію Міровой войны достигла до 800 тысячъ. Армія эта, впрочемъ, далеко еще не закончила своего формированія. Все же на фронтахъ гражданской войны у красныхъ было не менѣе 300 тыс., постепенно переходившихъ къ нормальной воинской организаціи и переформировывавшихся въ дивизіи, арміи и фронты.

Полная блокада Совѣтской Россіи заставляла ее вести войну только за счетъ остатковъ великой войны и почти парализованной совѣтской военной промышленности, по условіямъ ея размѣщенія все же почти цѣликомъ оставшейся въ рукахъ большевиковъ.

Терроръ на совѣтской территорiи загналъ въ подполье внутреннiя контръ-революцiонныя силы и вооруженные отряды большевиковъ сводили на нѣтъ пассивное сопротивленiе русскаго крестьянства его ограбленiю совѣтской властью.

Общая картина положенiя совѣтской власти къ концу Мiровой войны, казалось, предсказывала неизбѣжный и близкiй ея конецъ.

Однако, на этомъ общемъ фонѣ зажатой въ клещи и отрѣзанной отъ морей, источниковъ сырья и топлива, и южнаго и сибирскаго хлѣба, совѣтской Россiи, не все было благополучно и въ станѣ русской контръ-революцiи.

Силы, окружавшiя большевиковъ, были далеко не едины. Южный фронтъ русской контръ-революцiи тянулся къ Воронежу и Царицыну (донцы) и на сѣверный Кавказъ, къ Каспiйскому морю (Добровольческая Армiя). Восточный фронтъ тяготѣлъ къ Перми и Котласу, а сѣверный фронтъ замеръ и не продвигался. Усилiя отдѣльныхъ фронтовъ расходились по взаимно удаляющимся другъ отъ друга направленiямъ.

Все же, наряду съ этимъ, конецъ Мiровой войны открывалъ западный барьеръ и вся территорiя западной и южной Россiи, искусственно забаррикадированная отъ большевиковъ и отъ силъ русской контръ-революцiи, снова становилась ареной борьбы. Въ Черное море вошелъ союзный флотъ и черезъ Константинополь связывалъ южный фронтъ русской контръ-революцiи съ союзниками.

Казалось, наступала новая эра русской контръ-революцiи. Надежда на помощь союзниковъ окрыляла борцовъ съ большевиками. Казалось, что исходъ борьбы этимъ былъ уже предрѣшенъ. Вмѣшательство союзниковъ въ нашу гражданскую войну сулило ей быстрый побѣдный конецъ и сверженiе совѣтской власти.

Такъ думали и большевики...

Такъ ли, однако, думали, побѣдившiе союзъ Центральныхъ державъ, наши союзники?

Увы, для нихъ русскiй вопросъ былъ все таки лишь однимъ изъ элементовъ мiровой вооруженной борьбы. Окончанiе этой борьбы и то перенапряженiе, цѣной котораго была куплена побѣда, ставили подъ большой вопросъ ихъ возможности, если не намѣренiя, въ смыслѣ ихъ вмѣшательства въ нашу гражданскую войну. Окончанiе Мiровой войны лишало въ ихъ глазахъ русскiй вопросъ того значенiя, которое ему придавалось въ послѣднiй, рѣшающiй годъ великой вооруженной борьбы въ Европѣ. День 11-го ноября 1918 года сводилъ, по ихъ представленiю, нашу гражданскую войну на роль чисто русскаго внутренняго дѣла. Въ этомъ и лежалъ весь трагизмъ нашей гражданской войны. День перемирiя, открывавшiй неограниченныя возможности борьбы побѣди-

телямъ Мiровой войны съ коммунизмомъ, не сталъ началомъ мiровой вооруженной борьбы съ большевизмомъ. Конецъ Мiровой войны не сталъ началомъ войны съ коммунизмомъ, а это въ значительной степени предрѣшало и ея исходъ. 11-го ноября 1918 года оказалось траурнымъ днемъ русской контръ-революцiи...

1919 годъ развѣялъ надежды 18-го года. Винить въ этомъ союзниковъ мы не можемъ. Конецъ Мiровой войны былъ новымъ этапомъ всемiрной исторiи и, на этомъ новомъ этапѣ, наша гражданская война, неразрывно связанная съ Великой войной, отдѣлялась отъ общаго хода событiй въ Европѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

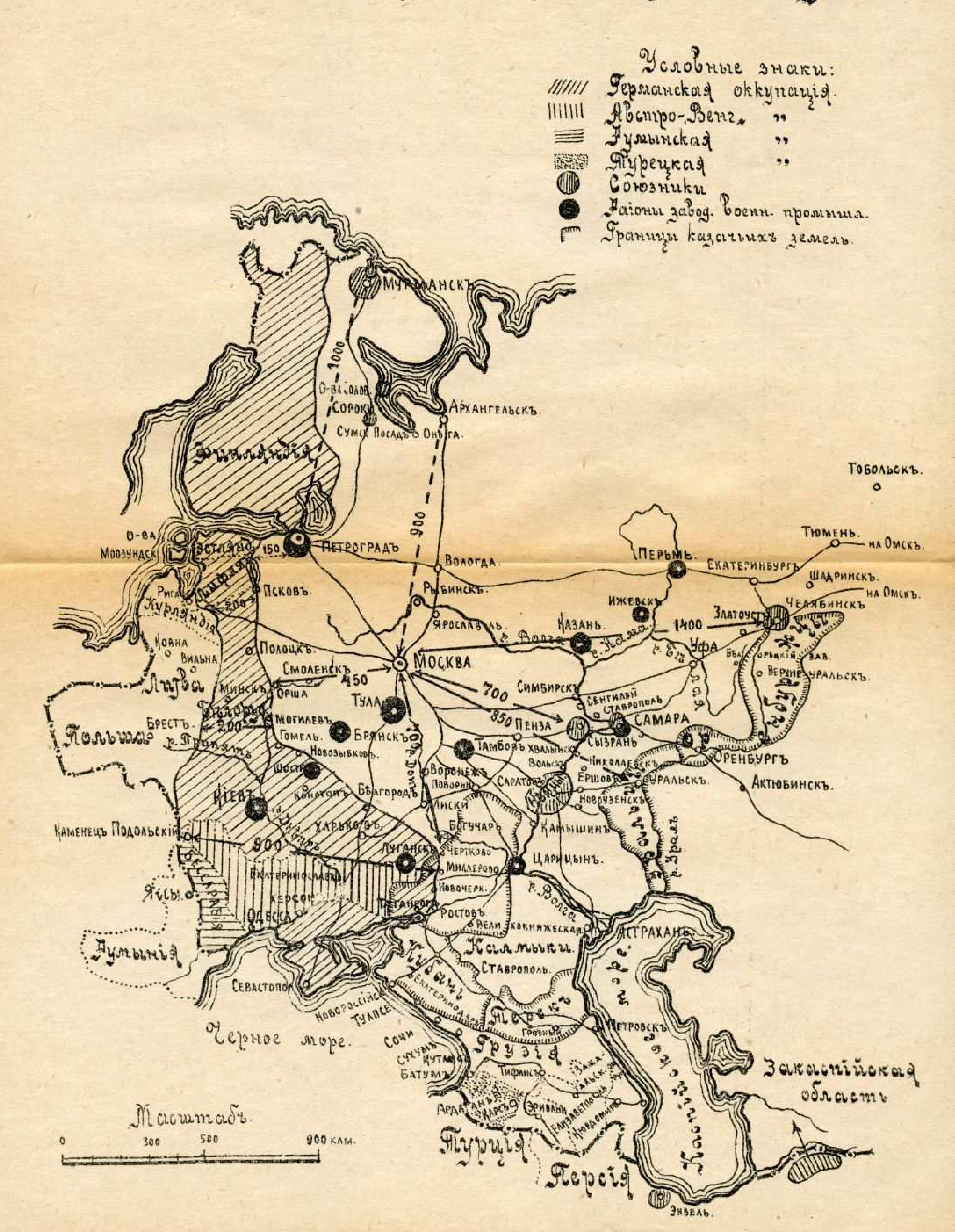
КАРТЫ ВЪ ОТДѢЛЬНОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

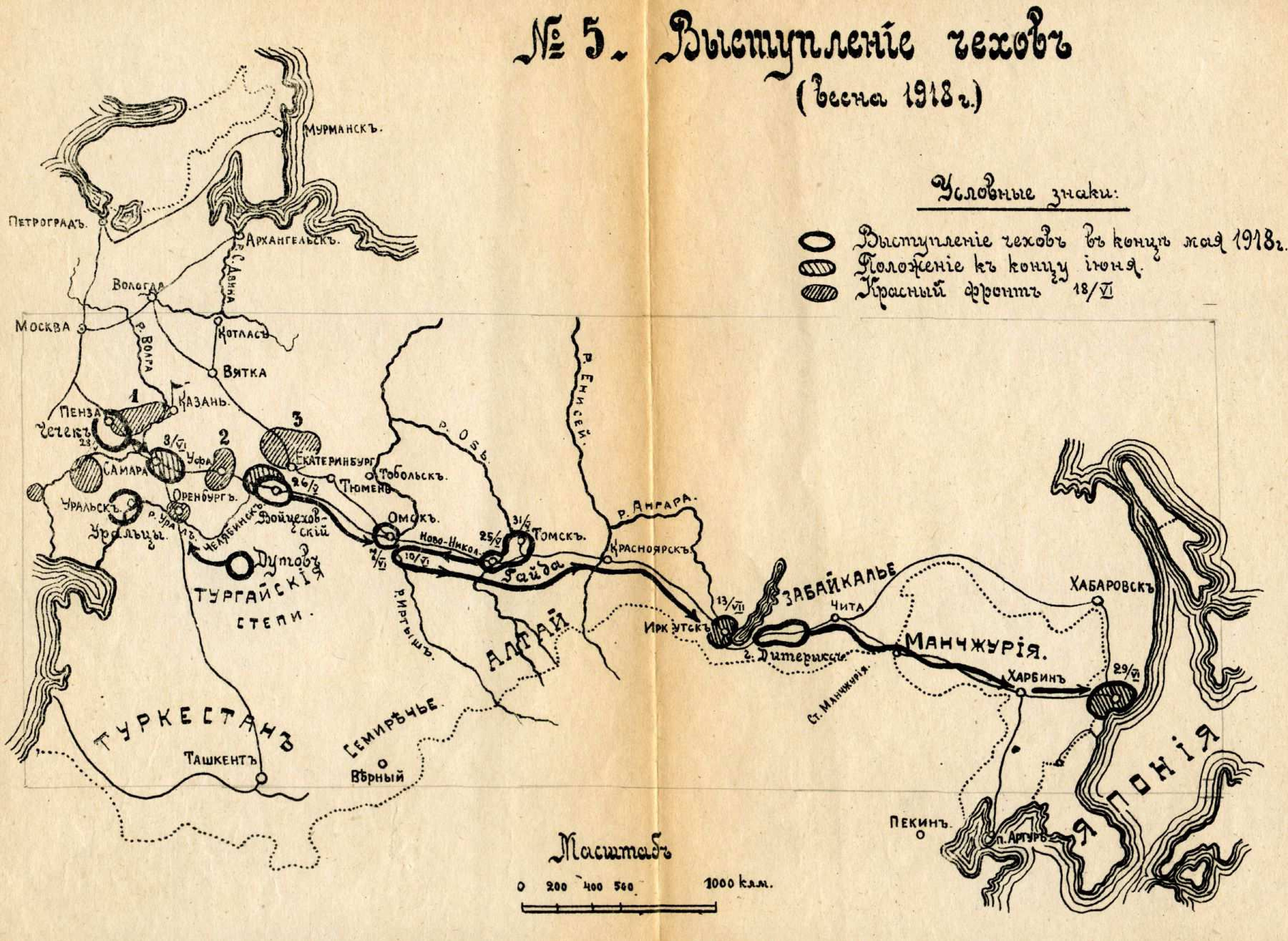

№ 2. Австро-Германская оккупація (18/II – 8/V 1918 г.)
Условные знаки:
путь отряда г. Дроздовскаго.
Тавастеусъ
Лахти
Гангё
Котка
Выборгъ
Гельсингфорсъ
Кроншт.
На Мурманскъ
О-ва Моонзунд.
Эстляндія
Нарва
Петроградъ
оз. Чудское
Псковъ
Лифляндія
Рига
Курляндія
Режица
Двинскъ
Полоцкъ
Литва
Вильна
Минскъ
Орша
Могилевъ
Москва
Линія фронта Міровой Войны 7/XI 1917
р. Зап. Бугъ
Брестъ
р. Припять
Гомель
Новозыбковъ
Новгородъ Сѣвер.
хут. Михайловскій
Курскъ
Воронежъ
Бахмачъ
Конотопъ
Кіевъ
Бѣлгородъ
Валуйки
Харьковъ
Полтава
Змiевъ
Изюмъ
Черкасы
р. Днѣпръ
р. Днѣстръ
Каменецъ Под.
Жмеринка
Могилевъ Подольскій
р. Ю. Бугъ
Екатеринославъ
Бессарабія
Рыбница
Слободка Бирзула
Дубоссары
Тирасполь
Яссы
Бендеры
Одесса
Аккерманъ
Херсонъ
Мелитополь
Бахмутъ
Ростовъ
Новочеркасскъ
Аксай
Ольгинская
Батайскъ
Чертково
Миллерово
Царицынъ
р. Донъ
Екатеринодаръ
Новороссійскъ
Севастополь
Масштабъ
100 200 300

№ 3. 1й Кубанскій походъ Добровольческой Арміи (мартъ – апрѣль 1918 года)

№ 4. Оформленіе русской революціи къ лѣту 1918 г.

№ 5. Выступленіе чеховъ
(весна 1918 г.)
Условные знаки:
Выступленіе чеховъ въ концѣ мая 1918 г.
Положеніе къ концу іюня.
Красный фронтъ 18/VI
Мурманскъ.
Петроградъ.
Архангельскъ.
р. С. Двина
Вологда
Москва
Котласъ
р. Волга
Вятка
Казань.
Пенза
Чечекъ
Самара
Уфа
Екатеринбургъ
Тобольскъ.
Тюмень
Уральскъ
Оренбургъ.
р. Урал
Уральцы.
Челябинскъ
Войцеховскій
Омскъ.
Дутовъ
Тургайскія степи.
р. Обь
р. Енисей.
р. Ангара.
Ново-Никол.
Томскъ.
Гайда
Красноярскъ.
р. Иртышъ
Алтай
Иркутскъ
Забайкалье
Чита
Дитериксъ
Манчжурія.
Хабаровскъ
Харбинъ
Ст. Манчжурія
Туркестанъ
Ташкентъ
Семирѣчье
Вѣрный
Пекинъ
п. Артуръ
Японія
Масштабъ
0 200 400 500 1000 клм.

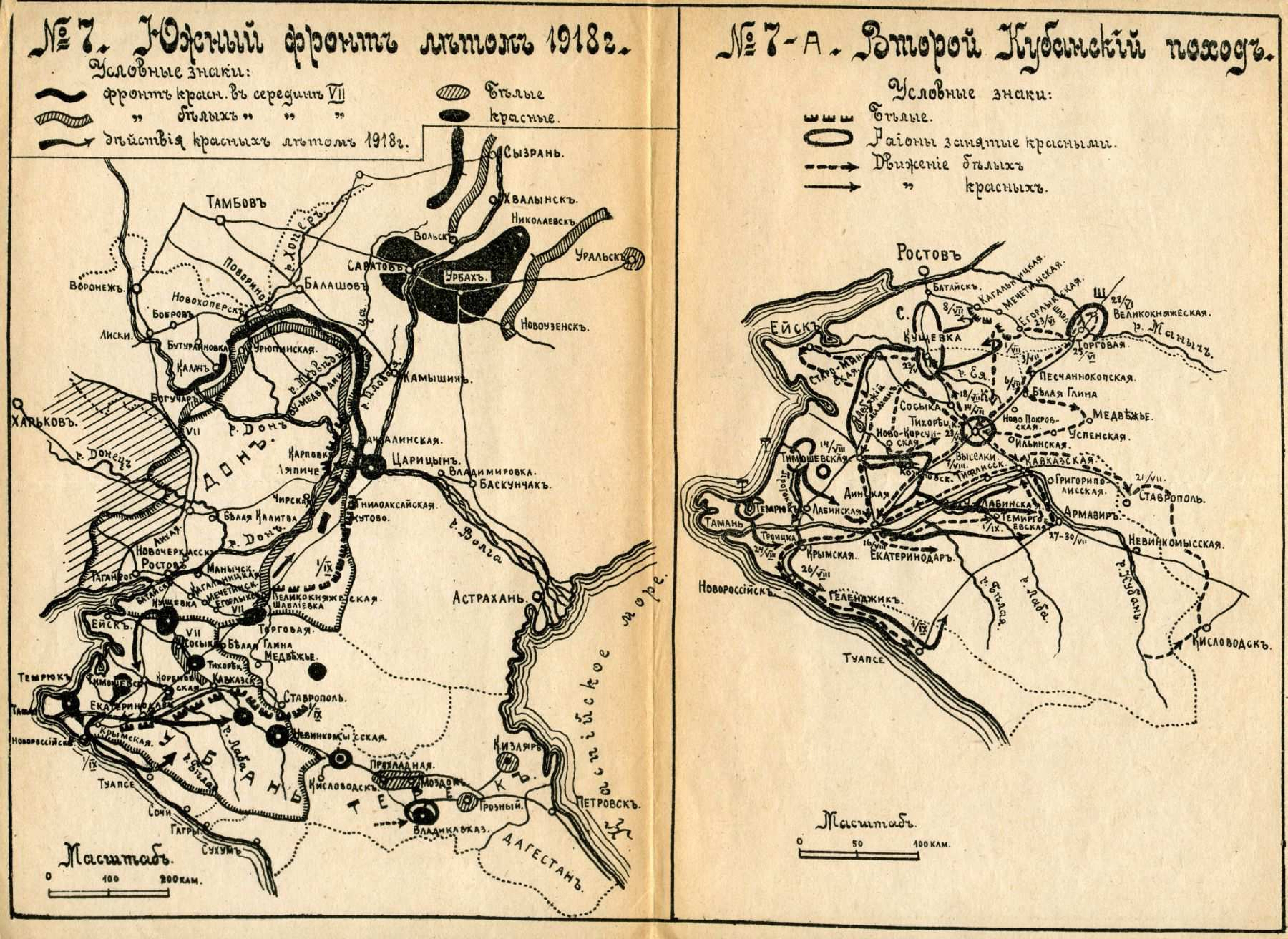
№ 6. Разселеніе казачьихъ войскъ.

Мурманскъ.
Архангельскъ.
Петроградъ.
Москва
Казань.
Кіевъ
Донское
Новочеркасскъ
Царицынъ
Кубанск.
Астрах.
Терск.
Астраханск.
Самара
Уральск.
Уральское
р. Уралъ
Оренб.
Оренбургское К.В.
Екатеринбургъ
Омскъ.
Сибирское каз. войско
Бійскъ
Красноярскъ.
Енисейскъ.
Копалъ
Семирѣченское каз. войско.
р. Или
Вѣрный
Иркутскъ
р. Селенга
Забайкальское К.В.
р. Шилка
Благовѣщенскъ.
Амурское К.В.
Хабаровскъ.
Уссурійское К.В.
Владивостокъ.

Масштабъ.

0 500 1000 1500 2000 клм.

№ 7. Южный фронтъ лѣтомъ 1918 г.
Условные знаки:
фронтъ красн. въ серединѣ VII
" бѣлыхъ " " "
дѣйствія красныхъ лѣтомъ 1918 г.
бѣлые
красные
Сызрань
Хвалынскъ
Тамбовъ
Николаевскъ
Вольскъ
р. Хоперъ
Уральскъ
Саратовъ
Поворино
Балашовъ
Урбахъ
Воронежъ
Новохоперскъ
Бобровъ
Новоузенскъ
Лиски
Бутурлиновка
Урюпинская
Калачъ
Камышинъ
р. Медвѣдица
Богучаръ
Харьковъ
VII
р. Донъ
р. Донецъ
Донъ
Карповка
Чапалинская
Царицынъ
Владимировка
Баскунчакъ
Чирская
Тихолоксайская
Котово
Бѣлая Калитва
р. Донъ
Новочеркасскъ
р. Волга
Ростовъ
Таганрогъ
Маныч
Батайскъ
Кагальницкая
Мечетинская
Кущевка
Егорлыкская
Великокняжеская
Шаблѣевка
Астрахань
Ейскъ
VII
Торговая
Сосыка
Бѣлая Глина
Медвѣжье
Тихорѣцк.
Темрюкъ
Тимошевск.
Кореновская
Кавказск.
Ставрополь
Екатеринодаръ
Новороссійскъ
Крымская
р. Лаба
Невинномысская
Кубань
Кизляръ
Прохладная
Кисловодскъ
Моздокъ
Терекъ
Туапсе
Грозный
Петровскъ
Сочи
Владикавказ.
Гагры
Сухумъ
Дагестанъ
Каспійское море
Масштабъ
0 100 200 клм.
№ 7-а. Второй Кубанскій походъ.
Условные знаки:
Бѣлые.
Районы занятые красными.
Движеніе бѣлыхъ
" красныхъ.
Ростовъ
Батайскъ
Кагальницкая
Мечетинская
Егорлыкская
Великокняжеская
р. Манычъ
Ейскъ
Кущевка
Торговая
Старо-Минская
р. Ея
Песчаннокопская
Бѣлая Глина
Сосыка
Медвѣжье
Тихорѣцк.
Ново Покровская
Успенская
Ново-Корсунская
Ильинская
Тимошевская
Выселки
Кавказская
Кореновск.
Тифлисск.
Григориполисская
Ставрополь
Темрюкъ
Динская
Лабинская
Ладинская
Темиргоевская
Армавиръ
Тамань
Троицкая
Крымская
Екатеринодаръ
Невинномысская
Новороссійскъ
Геленджикъ
р. Бѣлая
р. Лаба
р. Кубань
Туапсе
Кисловодскъ
Масштабъ
0 50 100 клм.

№ 7-А. Второй Кубанскій походъ.

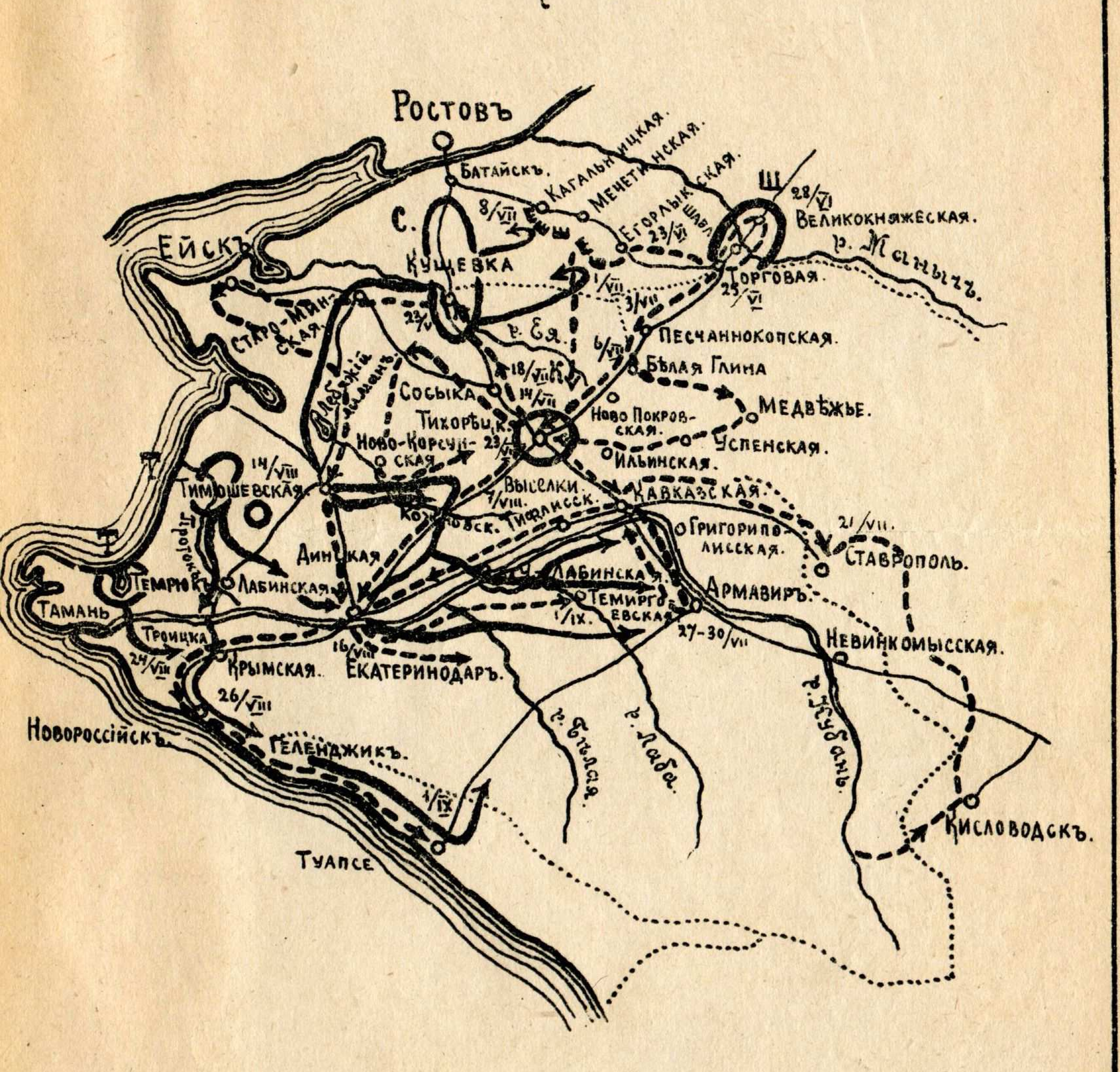
Условные знаки:

Бѣлые.

Районы занятые красными.

Движеніе бѣлыхъ

" красныхъ.

Масштабъ.

0 50 100 клм.

№8. Положеніе 1 сентября 1918г.

№ 9.
Южный фронтъ осенью 1918 г.
Условные знаки:
20/IX
20-ыя числа X.
начало XI.
Масштабъ
0 100 200 КАМ.
Воронежъ.
Саратовъ
Вольскъ
Урбахъ.
Балашовъ.
Поворино
Бобровъ
Лиски
Бутурлиновка
Калачъ.
Богучаръ.
Кантемировка
Камышинъ.
р. Донъ
ДОНЪ
Пичуга.
Царицынъ.
Сарепта.
Владимировка.
Баскунчакъ.
Нагавская
Гниловаксайская.
Кутово
Новочеркасскъ
Ростовъ
Мартыновъ
р. Салъ
р. Волга
р. Манычъ
Великокняжеская.
Астрахань.
Торговая
Преградное
Тихорѣцкая
Кавказская
Петровское
Ставрополь
Св. Крестъ.
Благодарное
Екатеринодаръ.
Армавиръ
р. Кубань
Курганная
Невинномысская.
Мин. Воды
Кизляръ.
Новороссійскъ
Бѣлорѣченская
Майкопъ
Баталпашинскъ
Прохладная.
Кисловодскъ
Моздокъ
Туапсе
Сочи
Гагры
ТЕРЕКЪ
Владикавказъ
Петровскъ
Медвѣжье
Преградное
4/X
Безопасная
Егорлыкъ
Терновка
19/X
Кавказская.
Петровское.
Пелагіада
Дубовка
11/X
Благодарное
Темиргоевская.
Петропавловская
Прочноокопская
Армавиръ
15/XI
Ставрополь.
Каше-Тукъ
Михайловск.
Курганская
Донduковская
Татарка
Темнолѣсская.
1/X - 23/X
Урупская
Чамлыкская
20/X
Майкопъ
Безскорбная.
31/X
3/XI - 5/XI
Невинкомысская.
5/XI
Попасная
Барсуки
Курсарка.
Бѣломечетская
20/X
Отрадная
23/X
Мин. Воды.
1/X
КУБАНЬ
Баталпашинскъ
Кисловодскъ
№ 9-А.
Масштабъ
0 20 50 100 КАМ.

№10. Положеніе 11 ноября 1918 г.

